Герберт Уэллс

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТНАДЦАТИ
ТОМАХ

том 2

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА • 1964

Собрание сочинений выходит
под общей редакцией
Ю. Кагарлицкого.

Моему брату Фрэнку Уэллсу, который подал мне мысль об этой книге.

Война миров

Но кто живет в этих мирах, если они обитаемы?.. Мы или они Владыки Мира? Разве все предназначено для человека?

Кеплер
(Приведено у Бёртона
в «Анатомии меланхолии».)

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРИБЫТИЕ МАРСИАН

ГЛАВА I

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Никто не поверил бы в последние годы девятнадцатого столетия, что за всем происходящим на Земле зорко и внимательно следят существа более развитые, чем человек, хотя такие же смертные, как и он; что в то время, как люди занимались своими делами, их исследовали и изучали, может быть, так же тщательно, как человек в микроскоп изучает эфемерных тварей, кишащих и размножающихся в капле воды. С бесконечным самодовольством сновали люди по всему земному шару, занятые своими делишками, уверенные в своей власти над материей. Возможно, что инфузория под микроскопом ведет себя так же. Никому не приходило в голову, что более старые миры вселенной — источник опасности для человеческого рода; самая мысль о какой-либо жизни на них казалась недопустимой и невероятной. Забавно вспомнить некоторые общепринятые в те дни взгляды. Самое большее допускалось, что на Марсе живут другие люди, вероятно, менее развитые, чем мы, но, во всяком

случае, готовые дружески встретить нас как гостей, несущих им просвещение. А между тем через бездну пространства на Землю смотрели глазами, полными зависти, существа с высокоразвитым, холодным, бесчувственным интеллектом, превосходящие нас настолько, насколько мы превосходим вымерших животных, и медленно, но верно осуществляли свои враждебные нам планы. На заре двадцатого века наши иллюзии были разрушены.

Планета Марс — едва ли нужно напоминать об этом читателю — вращается вокруг Солнца в среднем на расстоянии 140 миллионов миль и получает от него вдвое меньше тепла и света, чем наш мир. Если верна гипотеза о туманностях, то Марс старше Земли; жизнь на его поверхности должна была начаться задолго до того, как Земля перестала быть расплавленной. Масса его в семь раз меньше земной, поэтому он должен был значительно скорее охладиться до температуры, при которой могла начаться жизнь. На Марсе есть воздух, вода и все необходимое для поддержания жизни.

Но человек так тщеславен и так ослеплен своим тщеславием, что никто из писателей до самого конца девятнадцатого века не высказывал мысли о том, что на этой планете могут обитать разумные существа, вероятно, даже опередившие в своем развитии людей. Также никто не подумал о том, что так как Марс старше Земли, обладает поверхностью, равной четвертой части земной, и дальше отстоит от Солнца, то, следовательно, и жизнь на нем не только началась гораздо раньше, но уже близится к концу.

Неизбежное охлаждение, которому когда-нибудь подвергнется и наша планета, у нашего соседа, без сомнения, стало значительно сильней. Хотя мы почти ничего не знаем об условиях жизни на Марсе, нам все же известно, что даже в его экваториальном поясе средняя дневная температура не выше, чем у нас в самую холодную зиму. Его атмосфера гораздо более разрежена, чем земная, а океаны уменьшились и покрывают только треть его поверхности; вследствие медленного круговорота времен года около его полюсов скопляются огромные массы льда и затем, оттаивая, периодически затопляют его умеренные пояса. Последняя стадия истощения планеты, для

нас еще бесконечно далекая, стала злободневной проблемой для обитателей Марса. Под давлением неотложной необходимости их ум работал более усиленно, их техника росла, сердца ожесточались. И, глядя в мировое пространство, вооруженные такими инструментами и знаниями, о которых мы только можем мечтать, они видели невдалеке от себя, на расстоянии каких-нибудь 35 миллионов миль по направлению к Солнцу, утреннюю звезду надежды — нашу теплую планету, зеленую от растительности и серую от воды, с туманной атмосферой, красноречиво свидетельствующей о плодородии, с мерцающими сквозь облачную завесу широкими просторами населенных материков и узких морей с флотилиями судов.

Мы, люди, существа, населяющие Землю, должны были казаться им такими же чуждыми и примитивными, как нам — обезьяны и лемуры. Разумом человек признает, что жизнь — это непрерывная борьба за существование, и на Марсе, очевидно, думают так же. Их мир начал уже охлаждаться, а на Земле все еще кипит жизнь, но это жизнь каких-то низших тварей. Завоевать новый мир, ближе к Солнцу,— вот их единственное спасение от неуклонно надвигающейся гибели.

Прежде чем судить их слишком строго, мы должны припомнить, как беспощадно уничтожали сами люди не только животных, таких, как вымершие бизон и птица додо, но и себе подобных представителей низших рас. Жители Тасмании, например, были уничтожены до последнего за пятьдесят лет истребительной войны, затеянной иммигрантами из Европы. Разве мы сами уж такие поборники милосердия, что можем возмущаться марсианами, действовавшими в том же духе?

Марсиане, очевидно, рассчитали свой спуск с удивительной точностью — их математические познания, судя по всему, значительно превосходят наши — и выполнили свои приготовления изумительно согласованно. Если бы наши приборы были более совершенны, то мы могли бы заметить надвигающуюся грозу еще задолго до конца девятнадцатого столетия. Такие ученые, как Скиапарелли, наблюдали красную планету — любопытно, между прочим, что в течение долгих веков Марс считался звездой войны,— но им не удавалось выяснить причину периоди-

ческого появления на ней пятен, которые они умели так хорошо заносить на карты. А все эти годы марсиане, очевидно, вели свои приготовления.

Во время противостояния, в 1894 году, на освещенной части планеты был виден сильный свет, замеченный сначала обсерваторией в Ликке, затем Перротеном в Ницце и другими наблюдателями. Английские читатели впервые узнали об этом из журнала «Нэйчюр» от 2 августа. Я склонен думать, что это явление означало отливку в глубокой шахте гигантской пушки, из которой марсиане потом обстреливали Землю. Странные явления, до сих пор, впрочем, не объясненные, наблюдались вблизи места вспышки во время двух последующих противостояний.

Гроза разразилась над нами шесть лет назад. Когда Марс приблизился к противостоянию, Лавелль с Явы сообщил астрономам по телеграфу о колоссальном взрыве раскаленного газа на планете. Это случилось двенадцатого августа около полуночи; спектроскоп, к помощи которого он тут же прибег, обнаружил массу горящих газов, главным образом водорода, двигавшуюся к Земле с ужасающей быстротой. Этот поток огня перестал быть видимым около четверти первого. Лавелль сравнил его с колоссальной вспышкой пламени, внезапно вырвавшегося из планеты, «как снаряд из орудия».

Сравнение оказалось очень точным. Однако в газетах на следующий день не появилось никакого сообщения об этом, если не считать небольшой заметки в «Дэйли телеграф», и мир пребывал в неведении самой серьезной из всех опасностей, когда-либо угрожавших человечеству. Вероятно, и я ничего бы не узнал об извержении, если бы не встретился в Оттершоу с известным астрономом Оджилви. Он был до крайности взволнован сообщением и пригласил меня принять участие этой ночью в наблюдениях за красной планетой.

Несмотря на все последовавшие бурные события, я очень ясно помню наше ночное бдение: черная, безмолвная обсерватория, завешенный фонарь в углу, бросающий слабый свет на пол, мерное тиканье часового механизма в телескопе, небольшое продольное отверстие в потолке, откуда зияла бездна, усеянная звездной пылью. Почти невидимый Оджилви бесшумно двигался около

прибора. В телескоп виден был темно-синий круг и плававшая в нем маленькая круглая планета. Она казалась такой крохотной, блестящей, с едва заметными поперечными полосами, со слегка неправильной окружностью. Она была так мала, с булавочную головку, и лучилась теплым серебристым светом. Она словно дрожала, но на самом деле это вибрировал телескоп под действием часового механизма, державшего планету в поле зрения.

Во время наблюдения звездочка то уменьшалась, то увеличивалась, то приближалась, то удалялась, но так казалось просто от усталости глаза. Нас отделяли от нее 40 миллионов миль — больше 40 миллионов миль пустоты. Немногие могут представить себе всю необъятность той бездны, в которой плавают пылинки материальной вселенной.

Вблизи планеты, я помню, виднелись три маленькие светящиеся точки, три телескопические звезды, бесконечно удаленные, а вокруг — неизмеримый мрак пустого пространства. Вы знаете, как выглядит эта бездна в морозную звездную ночь. В телескоп она кажется еще глубже. И невидимо для меня, вследствие удаленности и малой величины, неуклонно и быстро стремясь ко мне через все это невероятное пространство, с каждой минутой приближаясь на многие тысячи миль, неслось то, что марсиане послали к нам, то, что должно было принести борьбу, бедствия и гибель на Землю. Я и не подозревал об этом, наблюдая планету; никто на Земле не подозревал об этом метко пущенном метательном снаряде.

В эту ночь снова наблюдался взрыв на Марсе. Я сам видел его. Появился красноватый блеск и чуть заметный выступ на краю планеты в то самое мгновение, когда хронометр показывал полночь. Я сообщил об этом Оджилви, и он сменил меня. Ночь была жаркая, и мне захотелось пить; ощупью, неловко ступая в темноте, я двинулся к столику, где стоял сифон, как вдруг Оджилви вскрикнул, увидев несшийся к нам огненный поток газа.

В эту ночь новый невидимый снаряд был выпущен с Марса на Землю — ровно через сутки после первого, с точностью до одной секунды. Помню, как я сидел на столе в темноте; красные и зеленые пятна плыли у меня перед глазами. Я искал огня, чтобы закурить. Я совсем

не придавал значения этой мгновенной вспышке и не задумывался над тем, что она должна повлечь за собой. Оджилви делал наблюдения до часу ночи; в час он окончил работу; мы зажгли фонарь и отправились к нему. Погруженные во мрак, лежали Оттершоу и Чертси, где мирно спали сотни жителей.

Оджилви в эту ночь высказывал разные предположения относительно условий жизни на Марсе и высмеивал вульгарную гипотезу о том, что его обитатели подают нам сигналы. Он полагал, что на планету посыпался целый град метеоритов или что там происходит громадное вулканическое извержение. Он доказывал мне, как маловероятно, чтобы эволюция организмов проходила одинаково на двух, пусть даже и близких, планетах.

— Один шанс против миллиона за то, что Марс обитаем,— сказал он.

Сотни наблюдателей видели пламя в каждую полночь, в эту и в последующие десять ночей—по одной вспышке. Почему взрывы прекратились после десятой ночи, этого никто не пытался объяснить. Может быть, газ от выстрелов причинял какие-нибудь неудобства марсианам. Густые клубы дыма или пыли, замеченные в самый сильный земной телескоп, в виде маленьких серых, волнообразных пятен мелькали в чистой атмосфере планеты и затемняли ее знакомые очертания.

Наконец даже газеты заговорили об этих пертурбациях, там и сям стали появляться популярные заметки относительно вулканов на Марсе. Помнится, юмористический журнал «Панч» очень остроумно воспользовался этим для политической карикатуры. А между тем незримые марсианские снаряды летели к Земле через бездну пустого пространства со скоростью нескольких миль в секунду, приближаясь с каждым часом, с каждым днем. Мне кажется теперь диким, как это люди могли заниматься своими мелкими делишками, когда над ними уже нависла гибель. Я помню, как радовался Маркхем, получив новый фотографический снимок планеты для иллюстрированного журнала, который он тогда редактировал. Люди нынешнего, более позднего времени с трудом представляют себе изобилие и предприимчивость журналов девятнадцатого века. Я же в то время с большим рве-

нием учился ездить на велосипеде и читал груду журналов, обсуждавших дальнейшее развитие нравственности в связи с прогрессом цивилизации.

Однажды вечером (первый снаряд находился тогда за 10 миллионов миль от нас) я вышел прогуляться вместе с женой. Небо было звездное, и я объяснял ей знаки Зодиака и указал на Марс, на яркую точку света около зенита, куда было направлено столько телескопов. Вечер был теплый. Толпа гуляющих из Чертси и Айлворта, возвращаясь домой, прошла мимо нас с пением и музыкой. В верхних окнах домов светились огни, люди ложились спать. Издалека, с железнодорожной станции, доносился грохот маневрировавших поездов, смягченный расстоянием и звучавший почти мелодично. Жена обратила мое внимание на красные, зеленые и желтые сигнальные огни, горевшие на фоне ночного неба. Все казалось таким спокойным и безмятежным.

ГЛАВА II

ПАДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

Затем наступила ночь первой падающей звезды. Ее заметили на рассвете; она неслась над Винчестером, к востоку, очень высоко, чертя огненную линию. Сотни людей видели ее и приняли за обыкновенную падающую звезду. По описанию Элбина, она оставляла за собой зеленоватую полосу, которая блестела несколько секунд. Деннинг, наш величайший авторитет по метеоритам, утверждал, что она стала заметна уже на расстоянии девяноста или ста миль. Ему показалось, что она упала на Землю приблизительно за сто миль к востоку от того места, где он находился.

В этот час я был дома и писал в своем кабинете; но хотя мое окно выходило на Оттершоу и штора была поднята (я любил смотреть в ночное небо), я ничего не заметил. Однако этот метеорит, самый необычайный из всех когда-либо падавших на Землю из мирового пространства, должен был упасть, когда я сидел за столом, и я мог бы увидеть его, если бы взглянул на небо. Некоторые, видевшие его полет, говорят, что он летел со

свистом, но сам я этого не слышал. Многие жители Беркшира, Сэррея и Миддлсэкса видели его падение, и почти все подумали, что упал новый метеорит. В эту ночь, кажется, никто не поинтересовался взглянуть на упавшую массу.

Бедняга Оджилви, наблюдавший метеорит и убежденный, что он упал где-нибудь на пустоши между Хорселлом, Оттершоу и Уокингом, поднялся рано утром и отправился его разыскивать. Уже рассвело, когда он нашел метеорит неподалеку от песчаного карьера. Он увидел гигантскую воронку, вырытую упавшим телом, и кучи песка и гравия, громоздившиеся среди вереска и заметные за полторы мили. Вереск загорелся и тлел, прозрачный голубой дымок клубился на фоне утреннего неба.

Упавшее тело зарылось в песок, среди разметанных щепок разбитой им при падении сосны. Выступавшая наружу часть имела вид громадного обгоревшего цилиндра; его очертания были скрыты толстым чешуйчатым слоем темного нагара. Цилиндр был около тридцати ярдов в диаметре. Оджилви приблизился к этой массе, пораженный ее объемом и особенно формой, так как обычно метеориты бывают более или менее шарообразны. Однако цилиндр был так сильно раскален от полета сквозь атмосферу, что к нему еще нельзя было близко подойти. Легкий шум, слышавшийся изнутри цилиндра, Оджилви приписал неравномерному охлаждению его поверхности. В это время ему не приходило в голову, что цилиндр может быть полым.

Оджилви стоял на краю образовавшейся ямы, пораженный необычайной формой и цветом цилиндра, и начинал смутно догадываться о его назначении. Утро было необычайно тихое; солнце, только что осветившее сосновый лес около Уэйбриджа, уже пригревало. Оджилви говорил, что он не слышал пения птиц в это утро, не было ни малейшего ветерка и только из покрытого нагаром цилиндра раздавались какие-то звуки. На пустоши никого не было.

Вдруг он с удивлением заметил, что слой нагара, покрывавший метеорит, с верхнего края цилиндра стал отваливаться. Кусочки шлака падали на песок, точно хлопья снега или капли дождя. Внезапно отвалил-

ся и с шумом упал большой кусок; Оджилви не на шутку испугался.

Еще ничего не подозревая, он спустился в яму и, несмотря на сильный жар, подошел вплотную к цилиндру, чтобы получше его разглядеть. Астроном все еще думал, что странное явление вызвано охлаждением тела, но этому противоречил тот факт, что нагар спадал только с края цилиндра.

И вдруг Оджилви заметил, что круглая вершина цилиндра медленно вращается. Он обнаружил это едва заметное вращение только потому, что черное пятно, бывшее против него пять минут назад, находилось теперь в другой точке окружности. Все же он не вполне понимал, что это значит, пока не услышал глухой скребущий звук и не увидел, что черное пятно продвинулось вперед почти на дюйм. Тогда он наконец догадался, в чем дело. Цилиндр был искусственный, полый, с отвинчивающейся крышкой! Кто-то внутри цилиндра отвинчивал крышку!

— Боже мой! — воскликнул Оджилви.— Там внутри человек! Эти люди чуть не изжарились! Они пытаются выбраться!

Он мгновенно сопоставил появление цилиндра со взрывом на Марсе.

Мысль о заключенном в цилиндре существе так ужасала Оджилви, что он позабыл про жар и подошел к цилиндру еще ближе, чтобы помочь отвернуть крышку. Но, к счастью, пышущий жар удержал его вовремя, и он не обжегся о раскаленный металл. Он постоял с минуту в нерешительности, потом вылез из ямы и со всех ног побежал к Уокингу. Было около шести часов. Ученый встретил возчика и попытался объяснить ему, что случилось, но говорил так бессвязно и у него был такой дикий вид — шляпу он потерял в яме,— что тот просто проехал мимо. Так же неудачливо обратился он к трактирщику, который только что отворил дверь трактира у Хорселлского моста. Тот подумал, что это сбежавший сумасшедший, и попытался было затащить его в распивочную. Это немного отрезвило Оджилви, и, увидев Гендерсона, лондонского журналиста, копавшегося у себя в садике, он окликнул его через забор и постарался говорить как можно толковей.

— Гендерсон,— начал Оджилви,— прошлую ночь вы видели падающую звезду?

— Ну?

— Она на Хорселлской пустоши.

— Боже мой! — воскликнул Гендерсон.— Упавший метеорит! Это интересно.

— Но это не простой метеорит. Это цилиндр, искусственный цилиндр. И в нем что-то есть.

Гендерсон выпрямился с лопатой в руке.

— Что такое? — переспросил он. Он был туговат на одно ухо.

Оджилви рассказал все, что видел. Гендерсон с минуту соображал. Потом бросил лопату, схватил пиджак и вышел на дорогу. Оба поспешно направились к метеориту. Цилиндр лежал все в том же положении. Звуков изнутри не было слышно, а между крышкой и корпусом цилиндра блестела тонкая металлическая нарезка. Воздух или вырывался наружу, или входил внутрь с резким свистом.

Они стали прислушиваться, постучали палкой по слою нагара и, не получив ответа, решили, что человек или люди, заключенные внутри, либо потеряли сознание, либо умерли.

Конечно, вдвоем они ничего не могли сделать. Они прокричали несколько ободряющих слов, пообещав вернуться, и поспешили в город за помощью. Возбужденные и растрепанные, запачканные песком, они бежали в ярком солнечном свете по узкой улице в тот утренний час, когда лавочники снимают ставни витрин, а обыватели раскрывают окна своих спален. Гендерсон прежде всего отправился на железнодорожную станцию, чтобы сообщить новость по телеграфу в Лондон. Газеты уже подготовили читателей к тому, чтобы услышать эту сенсационную новость.

К восьми часам толпа мальчишек и зевак направлялась к пустоши, чтобы посмотреть на «мертвецов с Марса». Такова была первая версия о происшедшем. Я впервые услыхал об этом от своего газетчика в четверть девятого, когда вышел купить номер «Дэйли кроникл». Разумеется, я был крайне поражен и немедленно пошел через Оттершоу-бридж к песчаной яме.

ГЛАВА III

НА ХОРСЕЛЛСКОЙ ПУСТОШИ

Около огромной воронки, где лежал цилиндр, я застал человек двадцать. Я уже говорил, как выглядел этот колоссальный снаряд, зарывшийся в землю. Дерн и гравий вокруг него обуглились, точно от внезапного взрыва. Очевидно, при ударе цилиндра вспыхнуло пламя. Гендерсона и Оджилви там не было. Вероятно, они решили, что пока ничего сделать нельзя, и ушли завтракать к Гендерсону.

На краю ямы, болтая ногами, сидело четверо или пятеро мальчишек; они забавлялись (пока я не остановил их), бросая камешки в чудовищную махину. Потом, выслушав меня, они начали играть в пятнашки, бегая вокруг взрослых.

Среди собравшихся были два велосипедиста, садовник-поденщик, которого я иногда нанимал, девушка с ребенком на руках, мясник Грегг со своим сынишкой, несколько гуляк и мальчиков, прислуживающих при игре в гольф и обычно снующих возле станции. Говорили мало. В то время в Англии немногие из простонародья имели представление об астрономии. Большинство зрителей спокойно смотрело на плоскую крышку цилиндра, которая находилась в том же положении, в каком ее оставили Оджилви и Гендерсон. Я думаю, все были разочарованы, найдя вместо обуглившихся тел неподвижную громаду цилиндра, некоторые уходили домой, вместо них подходили другие. Я спустился в яму, и мне показалось, что я ощущаю слабое колебание под ногами. Крышка была неподвижна.

Только подойдя совсем близко к цилиндру, я обратил внимание на его необычайный вид. На первый взгляд он казался не более странным, чем опрокинувшийся экипаж или дерево, упавшее на дорогу. Пожалуй, даже меньше. Больше всего он был похож на ржавый газовый резервуар, погруженный в землю. Только человек, обладающий научными познаниями, мог заметить, что серый нагар на цилиндре был не простой окисью, что желтовато-белый металл, поблескивавший под крышкой, был необычного оттенка. Слово «внеземной» большинству зрителей было непонятно.

Я уже не сомневался, что цилиндр упал с Марса, но считал невероятным, чтобы в нем находилось какое-нибудь живое существо. Я предполагал, что развинчивание происходит автоматически. Несмотря на слова Оджилви, я был уверен, что на Марсе живут люди. Моя фантазия разыгралась: возможно, что внутри запрятан какой-нибудь манускрипт; сумеем ли мы его перевести, найдем ли там монеты, разные вещи? Впрочем, цилиндр был, пожалуй, слишком велик для этого. Меня разбирало нетерпение посмотреть, что там внутри. Около одиннадцати, видя, что ничего особенного не происходит, я вернулся домой в Мэйбэри. Но я уже не мог приняться за свои отвлеченные исследования.

После полудня пустырь стал неузнаваем. Ранний выпуск вечерних газет поразил весь Лондон:

ПОСЛАНИЕ С МАРСА

НЕБЫВАЛОЕ СОБЫТИЕ В УОКИНГЕ,—

гласили заголовки, набранные крупным шрифтом. Кроме того, телеграмма Оджилви Астрономическому обществу всполошила все британские обсерватории.

На дороге у песчаной ямы стояли полдюжины пролеток со станции, фаэтон из Чобхема, чья-то карета, уйма велосипедов. Много народу, несмотря на жаркий день, пришло пешком из Уокинга и Чертси, так что собралась порядочная толпа, было даже несколько разряженных дам.

Стояла удушливая жара; на небе ни облачка, ни малейшего ветра, и тень можно было найти только под редкими соснами. Вереск уже не горел, но равнина чуть не до самого Оттершоу почернела и дымилась. Предприимчивый хозяин бакалейной лавочки на Чобхем-роуд прислал своего сына с ручной тележкой, нагруженной зелеными яблоками и бутылками с имбирным лимонадом.

Подойдя к краю воронки, я увидел в ней группу людей: Гендерсона, Оджилви и высокого белокурого джентльмена (как я узнал после, это был Стэнт, королевский астроном); несколько рабочих, вооруженных лопатами и кирками, стояло тут же. Стэнт отчетливо и громко давал указания. Он взобрался на крышку цилиндра, которая, очевидно, успела остыть. Лицо у него раскрасне-

лось, пот катился градом по лбу и щекам, и он явно был чем-то раздражен.

Большая часть цилиндра была откопана, хотя нижний конец все еще находился в земле. Оджилви увидел меня в толпе, обступившей яму, подозвал и попросил сходить к лорду Хилтону, владельцу этого участка.

Все увеличивающаяся толпа, говорил он, особенно мальчишки, мешают работам. Нужно отгородиться от публики и отдалить ее. Он сообщил мне, что из цилиндра доносится слабый шум и что рабочим не удалось отвинтить крышку, так как не за что ухватиться. Стенки цилиндра, по-видимому, очень толсты и, вероятно, приглушали доносившийся оттуда шум.

Я был очень рад исполнить его просьбу, надеясь таким образом попасть в число привилегированных зрителей при предстоящем вскрытии цилиндра. Лорда Хилтона я не застал дома, но узнал, что его ожидают из Лондона с шестичасовым поездом; так как было только четверть шестого, то я зашел домой выпить стакан чаю, а потом отправился на станцию, чтобы перехватить Хилтона на дороге.

ГЛАВА IV

ЦИЛИНДР ОТКРЫВАЕТСЯ

Когда я вернулся на пустошь, солнце уже садилось. Публика из Уокинга все прибывала, домой возвращалось только двое-трое. Толпа вокруг воронки все росла, чернея на лимонно-желтом фоне неба; собралось более ста человек. Что-то кричали; около ямы происходила какая-то толкотня. Меня охватило тревожное предчувствие. Приблизившись, я услышал голос Стэнта:

— Отойдите! Отойдите!

Пробежал какой-то мальчуган.

— Оно движется,— сообщил он мне,— все вертится да вертится. Мне это не нравится. Я лучше пойду домой.

Я подошел ближе. Толпа была густая — человек двести — триста; все толкались, наступали друг другу на ноги. Нарядные дамы проявляли особенную предприимчивость.

— Он упал в яму! — крикнул кто-то.

— Назад, назад! — раздавались голоса.

Толпа немного отхлынула, и я протолкался вперед. Все были сильно взволнованы. Я услышал какой-то странный, глухой шум, доносившийся из ямы.

— Да осадите же наконец этих идиотов! — крикнул Оджилви.— Ведь мы не знаем, что в этой проклятой штуке!

Я увидел молодого человека, кажется, приказчика из Уокинга, который влез на цилиндр, пытаясь выбраться из ямы, куда его столкнула толпа.

Верхняя часть цилиндра отвинчивалась изнутри. Было видно около двух футов блестящей винтовой нарезки. Кто-то, оступившись, толкнул меня, я пошатнулся, и меня чуть было не скинули на вращающуюся крышку. Я обернулся, и, пока смотрел в другую сторону, винт, должно быть, вывинтился весь, и крышка цилиндра со звоном упала на гравий. Я толкнул локтем кого-то позади себя и снова повернулся к цилиндру. Круглое пустое отверстие казалось совершенно черным. Заходящее солнце било мне прямо в глаза.

Все, вероятно, ожидали, что из отверстия покажется человек; может быть, не совсем похожий на нас, земных людей, но все же подобный нам. По крайней мере я ждал этого. Но, взглянув, я увидел что-то копошащееся в темноте — сероватое, волнообразное, движущееся; блеснули два диска, похожие на глаза. Потом что-то вроде серой змеи, толщиной в трость, стало выползать кольцами из отверстия и двигаться, извиваясь, в мою сторону — одно, потом другое.

Меня охватила дрожь. Позади закричала какая-то женщина. Я немного повернулся, не спуская глаз с цилиндра, из которого высовывались новые щупальца, и начал проталкиваться подальше от края ямы. На лицах окружавших меня людей удивление сменилось ужасом. Со всех сторон послышались крики. Толпа попятилась. Приказчик все еще не мог выбраться из ямы. Скоро я остался один и видел, как убегали люди, находившиеся по другую сторону ямы, в числе их был и Стэнт. Я снова взглянул на цилиндр и оцепенел от ужаса. Я стоял, точно в столбняке, и смотрел.

Большая сероватая круглая туша, величиной, пожалуй, с медведя, медленно, с трудом вылезала из цилиндра. Высунувшись на свет, она залоснилась, точно мокрый ремень. Два больших темных глаза пристально смотрели на меня. У чудовища была круглая голова и, если можно так выразиться, лицо. Под глазами находился рот, безгубые края которого двигались и дрожали, выпуская слюну. Чудовище тяжело дышало, и все его тело судорожно пульсировало. Одно его тонкое щупальце упиралось в край цилиндра, другим оно размахивало в воздухе.

Тот, кто не видел живого марсианина, вряд ли может представить себе его страшную, отвратительную внешность. Треугольный рот, с выступающей верхней губой, полнейшее отсутствие лба, никаких признаков подбородка под клинообразной нижней губой, непрерывное подергивание рта, щупальца, как у Горгоны, шумное дыхание в непривычной атмосфере, неповоротливость и затрудненность в движениях — результат большей силы притяжения Земли,— в особенности же огромные пристальные глаза — все это было омерзительно до тошноты. Маслянистая темная кожа напоминала скользкую поверхность гриба, неуклюжие, медленные движения внушали невыразимый ужас. Даже при первом впечатлении, при беглом взгляде я почувствовал смертельный страх и отвращение.

Вдруг чудовище исчезло. Оно перевалилось через край цилиндра и упало в яму, шлепнувшись, точно большой тюк кожи. Я услыхал своеобразный глухой крик, и вслед за первым чудовищем в темном отверстии показалось второе.

Мое оцепенение внезапно прошло, я повернулся и со всех ног побежал к деревьям, находившимся в каких-нибудь ста ярдах от цилиндра; но бежал я боком и то и дело спотыкался, потому что не мог отвести глаз от этих чудовищ.

Там, среди молодых сосен и кустов дрока, я остановился, задыхаясь, и стал ждать, что будет дальше. Простиравшаяся вокруг песчаной ямы пустошь была усеяна людьми, подобно мне, с любопытством и страхом наблюдавшими за чудовищами, вернее, за кучей гравия на краю ямы, в которой они лежали. И вдруг я

заметил с ужасом что-то круглое, темное, высовывающееся из ямы. Это была голова свалившегося туда продавца, казавшаяся черной на фоне заката. Вот показались его плечи и колено, но он снова соскользнул вниз, виднелась одна голова. Потом он скрылся, и мне послышался его слабый крик. Первым моим движением было вернуться, помочь ему, но я не мог преодолеть страха.

Больше я ничего не увидел, все скрылось в глубокой яме и за грудами песка, взрытого упавшим цилиндром. Всякий, кто шел бы по дороге из Чобхема или Уокинга, был бы удивлен таким необычайным зрелищем: около сотни людей рассыпались в канавах, за кустами, за воротами и изгородями и молча, изредка обмениваясь отрывистыми восклицаниями, во все глаза смотрели на кучи песка. Брошенный бочонок с имбирным лимонадом чернел на фоне пламенеющего неба, а у песчаного карьера стояли пустые экипажи; лошади ели овес из своих торб и рыли копытами землю.

ГЛАВА V

ТЕПЛОВОЙ ЛУЧ

Вид марсиан, выползавших из цилиндра, в котором они явились на Землю со своей планеты, казалось, зачаровал и парализовал меня. Я долго стоял среди кустов вереска, доходивших мне до колена, и смотрел на груды песка. Во мне боролись страх и любопытство.

Я не решался снова приблизиться к яме, но мне очень хотелось заглянуть туда. Поэтому я начал кружить, отыскивая более удобный наблюдательный пункт и не спуская глаз с груды песка, за которой скрывались пришельцы с Марса. Один раз в сиянии заката показались три каких-то черных конечности, вроде щупалец осьминога, но тотчас же скрылись; потом поднялась тонкая коленчатая мачта с каким-то круглым, медленно вращающимся и слегка колеблющимся диском наверху. Что они там делают?

Зрители разбились на две группы: одна, побольше,— ближе к Уокингу, другая, поменьше,— к Чобхему. Оче-

видно, они колебались, так же как и я. Невдалеке от меня стояло несколько человек. Я подошел к одному — это был мой сосед, я не знал, как его зовут, но попытался с ним заговорить. Однако момент для разговора был неподходящий.

— Что за чудовища! — сказал он.— Боже, какие они страшные! — Он повторил это несколько раз.

— Видели вы человека в яме? — спросил я, но он ничего не ответил.

Мы молча стояли рядом и пристально смотрели, чувствуя себя вдвоем более уверенно. Потом я встал на бугор высотой около ярда, чтобы удобнее было наблюдать. Оглянувшись, я увидел, что мой сосед пошел по направлению к Уокингу.

Солнце село, сумерки сгустились, а ничего нового не произошло. Толпа налево, ближе к Уокингу, казалось, увеличилась, и я слышал ее неясный гул. Группа людей по дороге к Чобхему рассеялась. В яме как будто все замерло.

Зрители мало-помалу осмелели. Должно быть, новоприбывшие из Уокинга приободрили толпу. В полумраке на песчаных буграх началось медленное прерывистое движение,— казалось, царившая кругом тишина успокаивающе подействовала на людей. Черные фигуры, по двое и по трое, двигались, останавливались и снова двигались, растягиваясь тонким неправильным полумесяцем, рога которого постепенно охватывали яму. Я тоже стал подвигаться к яме.

Потом я увидел, как кучера покинутых экипажей и другие смельчаки подошли к яме, и услышал стук копыт и скрип колес. Мальчик из лавки покатил тележку с яблоками. Затем в тридцати ярдах от ямы я заметил черную кучку людей, идущих от Хорселла; впереди кто-то нес развевающийся белый флаг.

Это была делегация. В городе, наскоро посовещавшись, решили, что марсиане, несмотря на свою безобразную внешность, очевидно, разумные существа, и надо сигнализировать им, что и мы тоже существа разумные.

Флаг, развеваясь по ветру, приближался — сначала справа от меня, потом слева. Я стоял слишком далеко, чтоб разглядеть кого-нибудь, но позже узнал, что Од-

жилви, Стэнт и Гендерсон вместе с другими принимали участие в этой попытке завязать сношения с марсианами. Делегация, казалось, притягивала к себе почти сомкнувшееся кольцо публики, и много неясных, темных фигур следовало за ней на почтительном расстоянии.

Вдруг сверкнул луч света, и светящийся зеленоватый дым взлетел над ямой тремя клубами, поднявшимися один за другим в неподвижном воздухе.

Этот дым (слово «пламя», пожалуй, здесь более уместно) был так ярок, что темно-синее небо наверху и бурая, простиравшаяся до Чертси, подернутая туманом пустошь с торчащими кое-где соснами вдруг стали казаться совсем черными. В этот же миг послышался какой-то слабый шипящий звук.

На краю воронки стояла кучка людей с белым флагом, оцепеневших от изумления, маленькие черные силуэты вырисовывались на фоне неба над черной землей. Вспышка зеленого дыма осветила на миг их бледно-зеленоватые лица.

Шипение перешло сперва в глухое жужжание, потом в громкое непрерывное гудение; из ямы вытянулась горбатая тень, и сверкнул луч какого-то искусственного света.

Языки пламени, ослепительный огонь перекинулся на кучку людей. Казалось, невидимая струя ударила в них и вспыхнула белым сиянием. Мгновенно каждый из них превратился как бы в горящий факел.

При свете пожиравшего их пламени я видел, как они шатались и падали, находившиеся позади разбегались в разные стороны.

Я стоял и смотрел, еще не вполне сознавая, что это смерть перебегает по толпе от одного к другому. Я понял только, что произошло нечто странное. Почти бесшумная ослепительная вспышка света — и человек падает ничком и лежит неподвижно. От невидимого пламени загорались сосны, потрескивая, вспыхивал сухой дрок. Даже вдалеке, у Нэп-хилла, занялись деревья, заборы, деревянные постройки.

Эта огненная смерть, этот невидимый неотвратимый пылающий меч наносил мгновенные, меткие удары. По вспыхнувшему кустарнику я понял, что он при-

ближается ко мне, но я был слишком поражен и ошеломлен, чтобы спасаться бегством. Я слышал гудение огня в песчаном карьере и внезапно оборвавшееся ржание лошади. Как будто чей-то невидимый раскаленный палец двигался по пустоши между мной и марсианами, вычерчивая огненную кривую, и повсюду кругом темная земля дымилась и шипела. Что-то с грохотом упало вдалеке, где-то слева, там, где выходит на пустошь дорога к уокингской станции. Шипение и гул прекратились, и черный куполообразный предмет медленно опустился в яму и скрылся.

Это произошло так быстро, что я все еще стоял неподвижно, пораженный и ослепленный блеском огня. Если бы эта смерть описала полный круг, она неизбежно испепелила бы и меня. Но она скользнула мимо и пощадила меня.

Окружающая темнота стала еще более жуткой и мрачной. Холмистая пустошь казалась черной, только полоска шоссе серела под темно-синим небом. Люди исчезли. Вверху мерцали звезды, а на западе светилась бледная зеленоватая полоса. Вершины сосен и крыши Хорселла четко выступали на вечернем небе. Марсиане и их орудия были невидимы, только на тонкой мачте беспрерывно вращалось зеркало. Тлели деревья; кое-где дымился кустарник, а в неподвижном вечернем воздухе над домами близ станции Уокинг поднимались столбы пламени.

Все осталось таким же, как было, словно и не пролетал этот смерч огня. Кучка черных фигурок с белым флагом была уничтожена, но мне казалось, что за весь этот вечер никто и не пытался нарушить тишину.

Вдруг я понял, что стою здесь, на темной пустоши, один, беспомощный, беззащитный. Точно что-то обрушилось на меня... Страх!

С усилием я повернулся и побежал, спотыкаясь, по вереску.

Страх, охвативший меня, был не просто страхом. Это был безотчетный ужас и перед марсианами и перед царившими вокруг мраком и тишиной. Мужество покинуло меня, и я бежал, всхлипывая, как ребенок. Оглянуться назад я не решался.

Помню, у меня было такое чувство, что мной кто-то играет, что вот теперь, когда я уже почти в безопасности, таинственная смерть, мгновенная, как вспышка огня, вдруг выпрыгнет из темной ямы, где лежит цилиндр, и уничтожит меня на месте.

ГЛАВА VI

ТЕПЛОВОЙ ЛУЧ НА ЧОБХЕМСКОЙ ДОРОГЕ

До сих пор еще не объяснено, каким образом марсиане могут умерщвлять людей так быстро и так бесшумно. Многие предполагают, что они как-то концентрируют интенсивную теплоту в абсолютно не проводящей тепло камере. Эту конденсированную теплоту они бросают параллельными лучами на тот предмет, который они избрали целью, при посредстве полированного параболического зеркала из неизвестного вещества, подобно тому как параболическое зеркало маяка отбрасывает снопы света. Но никто не сумел убедительно это доказать. Несомненно одно: здесь действуют тепловые лучи. Тепловые невидимые лучи вместо видимого света. Все, что только может гореть, превращается в языки пламени при их прикосновении; свинец растекается, как жидкость; железо размягчается; стекло трескается и плавится, а когда они падают на воду, она мгновенно превращается в пар.

В эту ночь около сорока человек лежали под звездами близ ямы, обугленные и обезображенные до неузнаваемости, и всю ночь пустошь между Хорселлом и Мэйбэри была безлюдна и над ней пылало зарево.

В Чобхеме, Уокинге и Оттершоу, вероятно, в одно и то же время узнали о катастрофе. В Уокинге лавки уже были закрыты, когда это произошло, и группы людей, заинтересованных слышанными рассказами, шли по Хорселлскому мосту и по дороге, окаймленной изгородями, направляясь к пустоши. Молодежь, окончив дневную работу, воспользовалась этой новостью, конечно, как предлогом пойти погулять и пофлиртовать. Вы можете представить себе, какой гул голосов раздавался на темной дороге...

В Уокинге лишь немногие знали, что цилиндр открылся, хотя бедняга Гендерсон отправил посыльного на велосипеде в почтовую контору со специальной телеграммой для вечерней газеты.

Когда гуляющие по двое и по трое выходили на открытое место, то видели кучки людей, которые возбужденно говорили, посматривая на вращающееся зеркало над песчаным карьером; волнение их, без сомнения, передалось и вновь пришедшим.

Около половины девятого, незадолго до гибели делегации, близ ямы собралась толпа человек в триста, если не больше, не считая тех, которые свернули с дороги, чтобы подойти поближе к марсианам. Среди них находились три полисмена, причем один конный; они старались, согласно инструкциям Стэнта, осадить толпу и не подпускать ее к цилиндру. Не обошлось, конечно, без протеста со стороны горячих голов, для которых всякое сборище является поводом пошуметь и побалагурить.

Как только марсиане показались из своего цилиндра, Стэнт и Оджилви, предупреждая возможность столкновения, телеграфировали из Хорселла в казармы с просьбой прислать роту солдат для того, чтобы оградить эти странные существа от насилия. После этого они вернулись во главе злополучной делегации. Находившиеся в толпе люди впоследствии описывали их смерть — они видели то же, что и я: три клуба зеленого дыма, глухое гудение и вспышки пламени.

Однако толпе зрителей грозила бóльшая опасность, чем мне. Их спас только песчаный, поросший вереском холм, задержавший часть тепловых лучей. Если бы параболическое зеркало было поднято на несколько ярдов выше, не осталось бы ни одного живого свидетеля. Они видели, как вспыхивал огонь, как падали люди, как невидимая рука, зажигавшая кустарники, быстро приближалась к ним в сумерках. Потом со свистом, заглушившим гул из ямы, луч сверкнул над их головами; вспыхнули вершины буков, окаймлявших дорогу; в доме, ближайшем к пустоши, треснули кирпичи, разлетелись стекла, занялись оконные рамы и обрушилась часть крыши.

Когда затрещали и загудели пылающие деревья, охваченная паникой толпа несколько секунд нерешитель-

но топталась на месте. Искры и горящие сучья падали на дорогу, кружились огненные листья. Загорались шляпы и платья. С пустоши послышался пронзительный крик.

Крики и вопли сливались в оглушительный гул. Конный полисмен, схватившись руками за голову, проскакал среди взбудораженной толпы, громко крича.

— Они идут! — крикнул женский голос, и, нажимая на стоявших позади, люди стали прокладывать себе дорогу к Уокингу. Толпа разбегалась вслепую, как стадо баранов. Там, где дорога становилась у́же и темнее, между высокими насыпями, произошла отчаянная давка. Не обошлось без жертв: трое — две женщины и один мальчик — были раздавлены и затоптаны; их оставили умирать среди ужаса и мрака.

ГЛАВА VII

КАК Я ДОБРАЛСЯ ДО ДОМУ

Что касается меня, то я помню только, что натыкался на деревья и то и дело падал, пробираясь сквозь кустарник. Надо мною навис невидимый ужас; безжалостный тепловой меч марсиан, казалось, замахивался, сверкая над моей головой, и вот-вот должен был обрушиться и поразить меня. Я выбрался на дорогу между перекрестком и Хорселлом и побежал к перекрестку.

В конце концов я изнемог от волнения и быстрого бега, пошатнулся и упал у дороги, невдалеке от моста через канал у газового завода. Я лежал неподвижно.

Пролежал я так, должно быть, довольно долго.

Я приподнялся и сел в полном недоумении. С минуту я не мог понять, как я туда попал. Я стряхнул с себя недавний ужас, точно одежду. Шляпа моя исчезла, и воротничок соскочил с запонки. Несколько минут назад передо мной были только необъятная ночь, пространство и природа, моя беспомощность, страх и близость смерти. И теперь все сразу переменилось, и мое настроение было совсем другим. Переход от одного

душевного состояния к другому совершился незаметно. Я стал снова самим собой, таким, каким я бывал каждый день,— обыкновенным скромным горожанином. Безмолвная пустошь, мое бегство, летучее пламя — все казалось мне сном. Я спрашивал себя: было ли это на самом деле? Мне просто не верилось, что это произошло наяву.

Я встал и пошел по крутому подъему моста. Голова плохо работала. Мускулы и нервы расслабли... Я пошатывался, как пьяный. С другой стороны изогнутого аркой моста показалась чья-то голова, и появился рабочий с корзиной. Рядом с ним шагал маленький мальчик. Рабочий прошел мимо, пожелав мне доброй ночи. Я хотел заговорить с ним и не мог. Я только ответил на его приветствие каким-то бессвязным бормотанием и пошел дальше по мосту.

На повороте к Мэйбэри поезд — волнистая лента белого искрящегося дыма и длинная вереница светлых окон — пронесся к югу: тук-тук... тук-тук... и исчез. Еле различимая в темноте группа людей разговаривала у ворот одного из домов, составлявших так называемую «Восточную террасу». Все это было так реально, так знакомо! А то — там, в поле?.. Невероятно, фантастично! «Нет,— подумал я,— этого не могло быть».

Может быть, я человек особого склада и мои ощущения не совсем обычны. Иногда я страдаю от странного чувства отчужденности от самого себя и от окружающего мира. Я как бы извне наблюдаю за всем, откуда-то издалека, вне времени, вне пространства, вне житейской борьбы с ее трагедиями. Такое ощущение было очень сильно у меня в ту ночь. Все это, быть может, мне просто почудилось.

Здесь такая безмятежность, а там, за каких-нибудь две мили, стремительная, летучая смерть. Газовый завод шумно работал, и электрические фонари ярко горели. Я остановился подле разговаривающих.

— Какие новости с пустоши? — спросил я.

У ворот стояли двое мужчин и женщина.

— Что? — переспросил один из мужчин, оборачиваясь.

— Какие новости с пустоши? — повторил я.

— Разве вы сами там не были? — спросили они.

— Люди, кажется, прямо помешались на этой пустоши,— сказала женщина из-за ворот.— Что они там нашли?

— Разве вы не слышали о людях с Марса? — сказал я.— О живых существах с Марса?

— Сыты по горло,—ответила женщина из-за ворот.— Спасибо.— И все трое засмеялись.

Я оказался в глупом положении. Раздосадованный, я попытался рассказать им о том, что видел, но у меня ничего не вышло. Они только смеялись над моими сбивчивыми фразами.

— Вы еще услышите об этом! — крикнул я и пошел домой.

Я испугал жену своим измученным видом. Прошел в столовую, сел, выпил немного вина и, собравшись с мыслями, рассказал ей обо всем, что произошло. Подали обед — уже остывший,— но нам было не до еды.

— Только одно хорошо,— заметил я, чтобы успокоить встревоженную жену.— Это самые неповоротливые существа из всех, какие мне приходилось видеть. Они могут ползать в яме и убивать людей, которые подойдут к ним близко, но они не сумеют оттуда вылезть... Как они ужасны!..

— Не говори об этом, дорогой! — воскликнула жена, хмуря брови и кладя свою руку на мою.

— Бедный Оджилви! — сказал я.— Подумать только, что он лежит там мертвый!

По крайней мере жена мне поверила. Я заметил, что лицо у нее стало смертельно бледным, и перестал говорить об этом.

— Они могут прийти сюда,— повторяла она.

Я настоял, чтобы она выпила вина, и постарался разубедить ее.

— Они еле-еле могут двигаться,— сказал я.

Я стал успокаивать и ее и себя, повторяя все то, что говорил мне Оджилви о невозможности для марсиан приспособиться к земным условиям. Особенно я напирал на затруднения, вызываемые силой тяготения. На поверхности Земли сила тяготения втрое больше, чем на поверхности Марса. Всякий марсианин поэтому будет весить на Земле в три раза больше, чем на Марсе, между тем как его мускульная сила не увеличится. Его тело

точно нальется свинцом. Таково было общее мнение. И «Таймс» и «Дэйли телеграф» писали об этом на следующее утро, и обе газеты, как и я, упустили из виду два существенных обстоятельства.

Атмосфера Земли, как известно, содержит гораздо больше кислорода или гораздо меньше аргона, чем атмосфера Марса. Живительное действие этого избытка кислорода на марсиан явилось, бесспорно, сильным противовесом увеличившейся тяжести их тела. Однако мы упустили из виду, что при своей высокоразвитой технике марсиане смогут в крайнем случае обойтись и без физических усилий.

Но в тот вечер я об этом не подумал, и потому мои доводы против мощи пришельцев оказались неоспоримыми. Под влиянием вина и еды, чувствуя себя в безопасности за своим столом и стараясь успокоить жену, я и сам понемногу осмелел.

— Они сделали большую глупость,— сказал я, прихлебывая вино.— Они опасны, потому что, наверное, обезумели от страха. Может быть, они совсем не ожидали встретить живых существ, особенно разумных живых существ. В крайнем случае один хороший снаряд по яме, и все будет кончено,— прибавил я.

Сильное возбуждение — результат пережитых волнений — очевидно, обострило мои чувства. Я и теперь необыкновенно ясно помню этот обед. Милое, встревоженное лицо жены, смотрящей на меня из-под розового абажура, белая скатерть, серебро и хрусталь (в те дни даже писатели-философы могли позволить себе небольшую роскошь), темно-красное вино в стакане — все это запечатлелось у меня в памяти. Я сидел за столом, покуривая папиросу для успокоения нервов, сожалел о необдуманном поступке Оджилви и доказывал, что марсиан нечего бояться.

Точно так же какой-нибудь солидный дронт на острове св. Маврикия, чувствуя себя полным хозяином своего гнезда, мог бы обсуждать прибытие безжалостных изголодавшихся моряков.

— Завтра мы с ними разделаемся, дорогая!

Я не знал тогда, что за этим последним моим обедом в культурной обстановке произойдут ужасные, необычайные события.

ГЛАВА VIII

В ПЯТНИЦУ ВЕЧЕРОМ

Самым необычайным из всего того странного и поразительного, что произошло в ту пятницу, кажется мне полное несоответствие между неизменностью нашего общественного уклада и началом той цепи событий, которая должна была в корне перевернуть его. Если бы в пятницу вечером взять циркуль и очертить круг радиусом в пять миль вокруг песчаного карьера возле Уокинга, то, я сомневаюсь, оказался ли бы хоть один человек за его пределами (кроме разве родственников Стэнта и родственников велосипедистов и лондонцев, лежавших мертвыми на пустоши), чье настроение и привычки были бы нарушены пришельцами. Разумеется, многие слышали о цилиндре и рассуждали о нем на досуге, но он далеко не произвел такой сенсации, какую произвел бы, например, ультиматум, предъявленный Германии.

Полученная в Лондоне телеграмма бедняги Гендерсона о развинчивании цилиндра была принята за утку; вечерняя газета послала ему телеграмму с просьбой прислать подтверждение и, не получив ответа — Гендерсона уже не было в живых,— решила не печатать экстренного выпуска.

Внутри круга радиусом в пять миль большинство населения ровно ничего не предпринимало. Я уже описывал, как вели себя мужчины и женщины, с которыми мне пришлось говорить. По всему округу мирно обедали и ужинали, рабочие после трудового дня возились в своих садиках, укладывали детей спать, молодежь парочками гуляла в укромных аллеях, учащиеся сидели за своими книгами.

Может быть, о случившемся поговаривали на улицах и судачили в пивных; какой-нибудь вестник или очевидец только что происшедших событий вызывал кое-где волнение, беготню и крик, но у большинства людей жизнь шла по заведенному с незапамятных лет порядку: работа, еда, питье, сон — все, как обычно, точно в небе и не было никакого Марса. Даже на станции Уокинг, в Хорселе, в Чобхеме ничто не изменилось.

На узловой станции в Уокинге до поздней ночи поезда останавливались и отправлялись или переводились на запасные пути; пассажиры выходили из вагонов или ожидали поезда — все шло своим чередом. Мальчишка из города, нарушая монополию местного газетчика Смита, продавал вечернюю газету. Громыхание товарных составов, резкие свистки паровозов заглушали его выкрики о «людях с Марса». Около девяти часов на станцию стали прибывать взволнованные очевидцы с сенсационными известиями, но они произвели не больше впечатления, чем пьяные, болтающие всякий вздор. Пассажиры, мчавшиеся к Лондону, смотрели в темноту из окон вагонов, видели редкие взлетающие искры около Хорселла, красный отблеск и тонкую пелену дыма, застилавшую звезды, и думали, что ничего особенного не случилось, что это горит вереск. Только на краю пустоши заметно было некоторое смятение. На окраине Уокинга горело несколько домов. В окнах трех прилегающих к пустоши селений светились огни, и жители не ложились до рассвета.

На Чобхемском и Хорселлском мостах все еще толпились любопытные. Один или двое смельчаков, как потом выяснилось, отважились в темноте подползти совсем близко к марсианам. Назад они не вернулись, ибо световой луч, вроде прожектора военного корабля, время от времени скользил по пустоши, а за ним следовал тепловой луч. Обширная пустошь была тиха и пустынна, и обугленные тела лежали неубранными всю ночь под звездным небом и весь следующий день. Из ямы слышался металлический стук.

Таково было положение в пятницу вечером. В кожный покров нашей старой планеты Земли отравленной стрелой вонзился цилиндр. Но яд только еще начинал оказывать свое действие. Кругом расстилалась пустошь с разбросанными по ней черными, скорченными, едва заметными трупами; кое-где тлел вереск и кустарник. Дальше простиралась узкая зона, где царило смятение, и за эту черту пожар еще не распространился. В остальном мире поток жизни катился так же, как он катился с незапамятных времен. Лихорадка войны, которая должна была закупорить его вены и артерии, умертвить нервы и разрушить мозг, только начиналась.

Всю ночь марсиане неутомимо работали, стучали какими-то инструментами, приводя в готовность свои машины; иногда вспышки зеленовато-белого дыма, извиваясь, поднимались к звездному небу.

К одиннадцати часам через Хорселл прошла рота солдат и оцепила пустошь. Позднее через Чобхем прошла вторая рота и оцепила пустошь с северной стороны. Несколько офицеров из Инкерманских казарм уже раньше побывали на пустоши, и один из них, майор Иден, пропал без вести. В полночь командир полка появился у Чобхемского моста и стал расспрашивать толпу. Военные власти, очевидно, поняли серьезность положения. К одиннадцати утра, как на следующий день сообщили газеты, эскадрон гусар и около четырехсот солдат Кардиганского полка с двумя пулеметами «Максим» выступили из Олдершота.

Через несколько секунд после полуночи толпа на дороге в Чертси близ Уокинга увидела метеорит, упавший в сосновый лес на северо-западе. Он падал, сверкая зеленоватым светом, подобно летней молнии. Это был второй цилиндр.

ГЛАВА IX

СРАЖЕНИЕ НАЧИНАЕТСЯ

Суббота, насколько мне помнится, прошла тревожно. Это был томительный день, жаркий и душный; барометр, как мне сказали, то быстро падал, то поднимался. Я почти не спал — жене удалось заснуть — и встал рано. Перед завтраком я вышел в сад и постоял там, прислушиваясь: со стороны пустоши слышалась только трель жаворонков.

Молочник явился как обыкновенно. Я услыхал скрип его тележки и подошел к калитке узнать последние новости. Он рассказал мне, что ночью марсиан окружили войска и что ожидают артиллерию. Вслед за этим послышался знакомый успокоительный грохот поезда, несущегося в Уокинг.

— Убивать их не станут,— сказал молочник,— если только можно будет обойтись без этого.

Я увидел своего соседа за работой в саду, поболтал с ним немного и отправился завтракать. Утро было самое обычное. Мой сосед был уверен, что войска захватят в плен или уничтожат марсиан в тот же день.

— Жаль, что они так неприступны,— заметил он.— Было бы интересно узнать, как они живут на своей планете. Мы могли бы кое-чему научиться.

Он подошел к забору и протянул мне горсть клубники — он был ревностным и щедрым садоводом. При этом он сообщил мне о лесном пожаре около Байфлитского поля для гольфа.

— Говорят, там упала другая такая же штука, номер второй. Право, с нас довольно и первой, страховым обществам это обойдется недешево,— сказал он и добродушно засмеялся.— Леса все еще горят.— И он указал на пелену дыма.— Торф и хвоя будут тлеть несколько дней,—добавил он и, вздохнув, заговорил о «бедняге Оджилви».

После завтрака, вместо того чтобы сесть за работу, я решил пойти к пустоши. У железнодорожного моста я увидел группу солдат — это были, кажется, саперы — в маленьких круглых шапочках, грязных красных расстегнутых мундирах, из-под которых виднелись голубые рубашки, в черных штанах и в сапогах до колен. Они сообщили мне, что за канал никого не пропускают. Взглянув на дорогу к мосту, я увидел часового, солдата Кардиганского полка. Я заговорил с солдатами, рассказал им о виденных мной вчера марсианах. Солдаты еще не видели их, очень смутно их себе представляли и закидали меня вопросами. Сказали, что не знают, кто распорядился двинуть войска; они думали, что произошли какие-то волнения в Конной гвардии. Саперы, более образованные, чем простые солдаты, со знанием дела обсуждали необычные условия возможного боя. Я рассказал им о тепловом луче, и они начали спорить между собой.

— Подползти к ним под прикрытием и броситься в атаку,— сказал один.

— Ну да! — ответил другой. — Чем же можно прикрыться от такого жара? Хворостом, что ли, чтобы получше зажариться? Надо подойти к ним как можно ближе и вырыть траншеи.

— К черту траншеи! Ты только и знаешь, что траншеи. Тебе бы родиться кроликом, Сниппи!

— Так у них совсем, значит, нет шеи? — спросил вдруг третий — маленький, задумчивый, смуглый солдат с трубкой в зубах.

Я еще раз описал им марсиан.

— Вроде осьминогов,— сказал он.— Значит, с рыбами воевать будем.

— Убить таких чудовищ — это даже не грех,— сказал первый солдат.

— Пустить в них снаряд да и прикончить разом,— предложил маленький смуглый солдат.— А то они еще что-нибудь натворят.

— Где же твои снаряды? — возразил первый.— Ждать нельзя. По-моему, их надо атаковать, да поскорей.

Так разговаривали солдаты. Вскоре я оставил их и пошел на станцию за утренними газетами.

Но я боюсь наскучить читателю описанием этого томительного утра и еще более томительного дня. Мне не удалось взглянуть на пустошь, потому что даже колокольни в Хорселле и Чобхеме находились в руках военных властей. Солдаты, к которым я обращался, сами ничего толком не знали. Офицеры были очень заняты и таинственно молчаливы. Жители чувствовали себя в полной безопасности под охраной войск. Маршалл, табачный торговец, сообщил мне, что его сын погиб около ямы. На окраинах Хорселла военное начальство велело жителям запереть и покинуть свои дома.

Я вернулся к обеду, около двух часов, крайне усталый, ибо день, как я уже сказал, был жаркий и душный; чтобы освежиться, я принял холодный душ. В половине пятого я отправился на железнодорожную станцию за вечерней газетой, потому что в утренних газетах было только очень неточное описание гибели Стэнта, Гендерсона, Оджилви и других. Однако и вечерние газеты не сообщали ничего нового. Марсиане не показывались. Они, видимо, чем-то были заняты в своей яме, и оттуда по-прежнему слышался металлический стук и все время вырывались клубы дыма. Очевидно, они тоже готовились к бою. «Новые попытки установить контакт при помощи сигналов оказались безуспешными»,— сте-

реотипно сообщали газеты. Один из саперов сказал мне, что кто-то, стоя в канаве, поднял флаг на длинной жерди. Но марсиане обратили на это не больше внимания, чем мы уделили бы мычанию коровы.

Должен сознаться, все эти военные приготовления сильно взволновали меня. Мое воображение разыгралось, и я придумывал всевозможные способы уничтожения непрошеных гостей; я, как школьник, мечтал о сражениях и воинских подвигах. Тогда мне казалось, что борьба с марсианами неравная. Они так беспомощно барахтались в своей яме!

Около трех часов со стороны Чертси или Аддлстона послышался гул — начался обстрел соснового леса, куда упал второй цилиндр, с целью разрушить его прежде, чем он раскроется. Но полевое орудие для обстрела первого цилиндра марсиан прибыло в Чобхем только к пяти часам.

В шестом часу, когда мы с женой сидели за чаем, оживленно беседуя о завязавшемся сражении, послышался глухой взрыв со стороны пустоши, и вслед за тем блеснул огонь. Через несколько секунд раздался грохот так близко от нас, что даже земля задрожала. Я выбежал в сад и увидел, что вершины деревьев вокруг Восточного колледжа охвачены дымным красным пламенем, а колокольня стоявшей рядом небольшой церковки обваливается. Башенка в стиле минарета исчезла, и крыша колледжа выглядела так, словно ее обстреляли из стотонного орудия. Труба на нашем доме треснула, как будто в нее попал снаряд, рассыпалась, обломки ее прокатились по черепице, и мгновенно появилась груда красных черепков на клумбе, под окном моего кабинета.

Мы с женой стояли ошеломленные и перепуганные. Потом я сообразил, что поскольку колледж разрушен, то вершина Мэйбэри-хилла оказалась в радиусе действия теплового луча марсиан.

Схватив жену за руку, я потащил ее на дорогу. Потом я вызвал из дому служанку; мне пришлось пообещать ей, что я сам схожу наверх за ее сундуком, который она ни за что не хотела бросить.

— Здесь оставаться нельзя,— сказал я.

И тотчас же с пустоши снова послышался гул,

— Но куда же мы пойдем?— спросила жена с отчаянием.

С минуту я ничего не мог придумать. Потом вспомнил о ее родных в Лезерхэде.

— Лезерхэд! — крикнул я сквозь гул.

Она посмотрела на склон холма. Испуганные люди выбегали из домов.

— Как же нам добраться до Лезерхэда? — спросила она.

У подножия холма я увидел отряд гусар, проезжавший под железнодорожным мостом. Трое из них въехали в открытые ворота Восточного колледжа; двое спешились и начали ходить из дома в дом. Солнце, проглядывавшее сквозь дым от горящих деревьев, казалось кроваво-красным и отбрасывало зловещий свет на все кругом.

— Стойте здесь,— сказал я.— Вы тут в безопасности.

Я побежал в трактир «Пятнистая собака», так как знал, что у хозяина есть лошадь и двухколесная пролетка. Я торопился, предвидя, что скоро начнется повальное бегство жителей с нашей стороны холма. Хозяин трактира стоял у кассы; он и не подозревал, что творится вокруг. Какой-то человек, стоя ко мне спиной, разговаривал с ним.

— Меньше фунта не возьму,—заявил трактирщик.— Да и везти некому.

— Я даю два,— сказал я через плечо незнакомца.

— За что?

— И доставлю обратно к полуночи,— добавил я.

— Боже! — воскликнул трактирщик.— Какая спешка! Два фунта, и сами доставите обратно? Что такое происходит?

Я торопливо объяснил, что вынужден уехать из дому, и нанял таким образом двуколку. В то время мне не приходило в голову, что трактирщику самому надо бы покинуть свое жилье. Я сел в двуколку, подъехал к своему саду и, оставив ее под присмотром жены и служанки, вбежал в дом и уложил самые ценные вещи, столовое серебро и тому подобное. Буковые деревья перед домом разгорелись ярким пламенем, а решетка ограды нака-

лилась докрасна. Один из спешившихся гусар подбежал к нам. Он заходил в каждый дом и предупреждал жителей, чтобы они уходили. Он уже побежал дальше, когда я вышел на крыльцо со своим скарбом, завязанным в скатерть.

— Что нового? — крикнул я ему вдогонку.

Он повернулся, поглядел на меня и крикнул, как мне послышалось: «Вылезают из ямы в каких-то штуках, вроде суповой миски»,— и побежал к дому на вершине холма. Внезапно туча черного дыма заволокла дорогу и на минуту скрыла его. Я подбежал к дверям соседа и постучался, чтобы удостовериться, уехал ли он с женой в Лондон, как мне сказали, и запер ли квартиру. Потом снова вошел в дом, вспомнив о сундуке служанки, вытащил его, привязал к задку двуколки и, схватив вожжи, вскочил на козлы. Через минуту мы выехали из дыма, грохот был уже где-то позади нас; мы быстро спускались по противоположному склону Мэйбэри-хилла к Старому Уокингу.

Перед нами расстилался мирный пейзаж — освещенные солнцем поля пшеницы по обе стороны дороги и гостиница Мэйбэри с покачивающейся вывеской. Впереди нас ехал доктор в своем экипаже. У подножия холма я оглянулся, чтобы посмотреть на холм, который я покидал. Густые столбы черного дыма, прорезанные красными языками пламени, поднимались в неподвижном воздухе, отбрасывая черные тени на зеленые вершины деревьев. Дым расстилался далеко на восток и на запад, до сосновых лесов Байфлита на востоке и до Уокинга на западе. Дорога позади нас была усеяна беглецами. Глухо, но отчетливо в знойном недвижном воздухе раздавался треск пулемета, потом он внезапно прекратился, и послышалась ружейная стрельба. Очевидно, марсиане поджигали все, что находилось в сфере действия их теплового луча.

Я плохой кучер и потому все свое внимание сосредоточил на лошади. Когда я снова обернулся, второй холм был также затянут черным дымом. Я пустил лошадь рысью и нахлестывал ее, пока Уокинг и Сэнд не отделили нас от этого смятения и ужаса. Я обогнал доктора между Уокингом и Сэндом.

ГЛАВА X

ГРОЗА

От Мэйбэри-хилла до Лезерхэда почти двенадцать миль. На пышных лугах за Пирфордом пахло сеном, по сторонам дороги тянулась чудесная живая изгородь из цветущего шиповника. Грохот орудий, который мы слышали, пока ехали по Мэйбэри-хиллу, прекратился так же внезапно, как и начался, и вечер стал тих и спокоен. К девяти часам мы благополучно добрались до Лезерхэда. Я дал лошади передохнуть с часок, поужинал у родных и передал жену на их попечение.

Жена почти всю дорогу как-то странно молчала и казалась подавленной, точно предчувствовала дурное. Я старался подбодрить ее, уверяя, что марсиане прикованы к яме собственной тяжестью и что вряд ли они смогут отползти далеко. Она отвечала односложно. Если бы не мое обещание трактирщику, она, наверно, уговорила бы меня остаться на ночь в Лезерхэде. Ах, если бы я остался! Она была очень бледна, когда мы прощались.

Я же весь день был лихорадочно возбужден. Что-то вроде той военной лихорадки, которая овладевает порой цивилизованным обществом, бродило в моей крови, и я был даже доволен, что мне нужно вернуться в Мэйбэри. Больше того — боялся, что прекращение стрельбы означает, что с захватчиками-марсианами покончено. Откровенно говоря, мне очень хотелось присутствовать при этом.

Выехал я часов в одиннадцать. Ночь была очень темная. Когда я вышел из освещенной передней, тьма показалась мне непроглядной; было жарко и душно, как днем. По небу быстро проносились облака, хотя на кустах не шелохнулся ни один листок. Слуга зажег оба фонаря. К счастью, я хорошо знал дорогу. Моя жена стояла в освещенной двери и смотрела, как я садился в двуколку. Потом вдруг повернулась и ушла в дом; оставшиеся на крыльце родные пожелали мне счастливого пути.

Испуг жены передался мне, но вскоре я снова стал думать о марсианах. Тогда я еще не знал никаких подробностей вечернего сражения. Мне даже не было из-

вестно, что вызвало столкновение. Проезжая через Окхем (я поехал по этому пути, а не через Сэнд и Старый Уокинг), я увидел на западе кроваво-красное зарево, которое по мере моего приближения медленно ползло вверх по небу. Надвигавшиеся грозовые тучи смешивались с клубами черного и багрового дыма.

В Рипли-стрит не было ни души; селение словно вымерло, только в двух-трех окнах виднелся свет. У поворота дороги к Пирфорду я чуть не наехал на людей, стоявших ко мне спиной. Они ничего не сказали, когда я проезжал мимо. Не знаю, было ли им известно, что происходит за холмом. Не знаю также, царил ли мирный сон в тех безмолвных домах, мимо которых я проезжал, стояли ли они пустые и заброшенные или их обитатели с ужасом наблюдали за событиями этой ночи.

От Рипли до Пирфорда я ехал долиной Уэй, где не было видно красного зарева. Но когда я поднялся на небольшой холм за пирфордской церковью, зарево снова появилось, и деревья зашумели под первым порывом надвигавшейся бури. На пирфордской церкви пробило полночь, и впереди на багровом небе уже чернели крыши и деревья Мэйбэри-хилла.

Вдруг зловещий зеленый свет озарил дорогу впереди и сосновый лес у Аддлстона. Я почувствовал, что вожжи натянулись. Узкая полоска зеленого огня прорезала свинцовую тучу и упала налево, в поле. Третья падающая звезда!

Вслед за ней сверкнула ослепительно-фиолетовая молния начинающейся грозы, и, словно разорвавшаяся ракета, грянул гром. Лошадь закусила удила и понесла.

Я мчался вниз по отлогому склону к подножию Мэйбэри-хилла. Вспышки молнии следовали одна за другой почти непрерывно. Частые раскаты грома сопровождались каким-то странным потрескиванием, словно где-то работала гигантская электрическая машина. Вспышки света ослепляли меня, и мелкий град больно бил прямо в лицо.

Сначала я смотрел только на дорогу, потом мое внимание привлекло что-то двигавшееся очень быстро вниз по обращенному ко мне склону Мэйбэри-хилла. Сперва я принял это за мокрую крышу дома, но при блеске молний, сверкнувших одна за другой, разглядел что-то

быстро двигавшееся по противоположному склону холма. Затем минутная непроглядная тьма — и внезапный нестерпимый блеск, превративший ночь в день; красное здание приюта на холме, зеленые вершины сосен и загадочный предмет показались отчетливо и ярко.

Но что я увидел! Как мне это описать? Громадный, выше домов, треножник, шагавший по молодой сосновой поросли и ломавший на своем пути сосны; машину из блестящего металла, топтавшую вереск; стальные, спускавшиеся с нее тросы; производимый ею грохот, сливавшийся с раскатами грома. Блеснула молния, и треножник четко выступил из мрака; он стоял на одной ноге, две другие повисли в воздухе. Он исчезал и опять появлялся при новой вспышке молнии уже на сотню ярдов ближе. Можете вы себе представить складной стул, который, покачиваясь, переступает по земле? Таково было это видение при мимолетных вспышках молнии. Но вместо стула представьте себе громадную машину, установленную на треножнике.

Внезапно сосны впереди расступились, как расступается хрупкий тростник, когда через него прокладывает путь человек. Они ломались и падали, и через секунду показался другой громадный треножник, шагавший, казалось, прямо на меня. А я мчался галопом навстречу ему! При виде второго чудовища мои нервы не выдержали. Не решаясь взглянуть на него еще раз, я изо всей силы дернул правую вожжу. В ту же минуту двуколка опрокинулась, придавив лошадь, оглобли с треском переломились, я отлетел в сторону и тяжело шлепнулся в лужу.

Я отполз и спрятался, скорчившись, за кустиками дрока. Лошадь лежала без движения (бедное животное сломало шею). При блеске молнии я увидел черный кузов опрокинутой двуколки и силуэт продолжавшего медленно вращаться колеса. Еще секунда — и колоссальный механизм прошел мимо меня и стал подниматься к Пирфорду.

Вблизи треножник показался мне еще более странным; очевидно, это была управляемая машина. Машина с металлическим звонким ходом, с длинными гибкими блестящими щупальцами (одно из них ухватилось

за молодую сосну), которые свешивались вниз и гремели, ударяясь о корпус. Треножник, видимо, выбирал дорогу, и медная крышка вверху поворачивалась в разные стороны, напоминая голову. К остову машины сзади было прикреплено гигантское плетение из какого-то белого металла, похожее на огромную рыбачью корзину; из суставов чудовища вырывались клубы зеленого дыма. Через несколько мгновений оно уже скрылось.

Вот что увидел я очень смутно при свете молнии, среди ослепительных вспышек и черного мрака.

Проходя мимо, треножник издал торжествующий рев, заглушивший раскаты грома: «Элу... элу...» — и через минуту присоединился к другому треножнику за полмили дальше, наклонившемуся над чем-то в поле. Я не сомневаюсь, что там лежал третий из десяти цилиндров, которые были пущены к нам с Марса.

Несколько минут я лежал под дождем, в темноте, наблюдая при вспышках света, как эти чудовищные существа из металла двигались вдали. Пошел мелкий град, и очертания их то расплывались в тумане, то выступали при вспышках. В промежутках между молниями их поглощала ночь.

Я промок до нитки, сверху — град, снизу — лужа. Прошло некоторое время, пока я пришел в себя, выбрался из лужи на сухое место и стал соображать, куда мне спрятаться.

Невдалеке, на картофельном поле, стояла деревянная сторожка. Я поднялся и, пригнувшись, пользуясь всяким прикрытием, побежал к сторожке. Тщетно я стучался в дверь, ответа не последовало (может, там никого и не было). Тогда, прячась в канаве, я добрался ползком, не замеченный чудовищными машинами, до соснового леса возле Мэйбэри.

Здесь, под прикрытием деревьев, мокрый и продрогший, я стал пробираться к своему дому. Тщетно старался я отыскать знакомую тропинку. В лесу было очень темно, потому что теперь молния сверкала реже, а град падал с потоком ливня сквозь просветы в густой хвое.

Если бы я понял, что происходит, то немедленно повернул бы назад и возвратился через Байфлит и Стрит-Кобхем к жене в Лезерхэд. Но загадочность всего происходившего, ночной мрак, физическая усталость ли-

шили меня способности рассуждать; я устал, промок до костей, был ослеплен и оглушен грозой.

Я думал только об одном: как бы добраться домой; других побуждений у меня не было. Я плутал между деревьями, упал в яму, зашиб колено и наконец вынырнул на дорогу, которая вела к военному колледжу. Я говорю «вынырнул», потому что по песчаному холму несся бурный мутный поток. Тут в темноте на меня налетел какой-то человек и чуть не сбил с ног.

Он вскрикнул, в ужасе отскочил в сторону и скрылся, прежде чем я успел прийти в себя и заговорить с ним. Порывы бури были так сильны, что я с большим трудом взобрался на холм. Я шел по левой стороне, держась поближе к забору.

Невдалеке от вершины я наткнулся на что-то мягкое и при свете молнии увидел под ногами кучу темной одежды и пару сапог. Я не успел рассмотреть лежащего: свет погас. Я нагнулся над ним, ожидая следующей вспышки. Это был коренастый человек в дешевом, но еще крепком костюме; он лежал ничком, прижавшись к забору, как будто с разбегу налетел на него.

Преодолевая отвращение, вполне естественное, так как мне никогда не приходилось дотрагиваться до мертвого тела, я наклонился и перевернул лежащего, чтобы узнать, бьется ли еще сердце. Человек был мертв. Очевидно, он сломал себе шею. Молния блеснула в третий раз, и я увидел лицо мертвеца. Я отшатнулся. Это был трактирщик, хозяин «Пятнистой собаки», у которого я нанял лошадь.

Я осторожно перешагнул через труп и стал пробираться дальше. Я миновал полицейское управление и военный колледж. Пожар на склоне холма прекратился, хотя со стороны пустоши все еще виднелось красное зарево и клубы красноватого дыма прорезали завесу града. Большинство домов, насколько я мог разглядеть при вспышке молнии, уцелело. Возле военного колледжа на дороге лежала какая-то темная груда.

Впереди, на дороге, в стороне моста, слышались чьи-то голоса и шаги, но у меня не хватило сил крикнуть или подойти к людям. Я вошел в свой дом, затворил дверь, запер ее на ключ, наложил засов и в изне-

можении опустился на пол возле лестницы. Перед глазами у меня мелькали шагающие металлические чудовища и мертвец около забора.

Я прислонился спиной к стене и, весь дрожа, так и остался сидеть возле лестницы.

ГЛАВА XI

У ОКНА

Я уже говорил о том, что подвержен быстрой смене настроений. Очень скоро я почувствовал, что промок и что мне холодно. На ковре у моих ног набралась целая лужа. Я почти машинально встал, прошел в столовую и выпил немного виски, потом решил переодеться.

Переменив платье, я поднялся в свой кабинет, почему именно туда, я и сам не знаю. Из окна были видны деревья и железнодорожная станция около Хорселлской пустоши. В суматохе отъезда мы забыли закрыть это окно. В коридоре было темно, и комната тоже казалась темной по контрасту с пейзажем в рамке окна. Я остановился в дверях как вкопанный.

Гроза прошла. Башни Восточного колледжа и сосны вокруг него исчезли; далеко вдали в красном свете виднелась пустошь и песчаный карьер. На фоне зарева метались гигантские причудливые черные тени.

Казалось, вся окрестность была охвачена огнем: по широкому склону холма пробегали языки пламени, колеблясь и извиваясь в порывах затихающей бури, и отбрасывали красный отсвет на стремительные облака. Иногда дым близкого пожарища заволакивал окно и скрывал тени марсиан. Я не мог рассмотреть, что они делали; их очертания вырисовывались неясно, они возились над темной грудой, которую я не мог разглядеть. Я не видел и ближайшего пожара, хотя отблеск его играл на стенах и на потолке кабинета. Чувствовался сильный запах горящей смолы.

Я тихо притворил дверь и подкрался к окну. Передо мной открылся более широкий вид — от домов вокруг станции Уокинг до обугленных, почерневших сосновых лесов Байфлита. Вблизи арки на линии железной дороги,

у подножия холма, что-то ярко горело; многие дома вдоль дороги к Мэйбэри и на улицах вблизи станции тлели в грудах развалин. Сперва я не мог разобрать, что горело на линии железной дороги; огонь перебегал по какой-то черной груде, направо виднелись желтые продолговатые предметы. Потом я разглядел, что это был потерпевший крушение поезд; передние вагоны были разбиты и горели, а задние еще стояли на рельсах.

Между этими тремя очагами света — домами, поездом и охваченными пламенем окрестностями Чобхема — тянулись черные полосы земли, кое-где пересеченные полосками тлеющей и дымящейся почвы. Это странное зрелище — черное пространство, усеянное огнями,— напомнило мне гончарные заводы ночью. Сначала я не заметил людей, хотя и смотрел очень внимательно. Потом я увидел у станции Уокинг, на линии железной дороги, несколько мечущихся темных фигурок.

И этот огненный хаос был тем маленьким мирком, где я безмятежно жил столько лет! Я не знал, что произошло в течение последних семи часов; я только начинал смутно догадываться, что есть какая-то связь между этими механическими колоссами и теми неповоротливыми чудовищами, которые на моих глазах выползли из цилиндра. С каким-то странным любопытством стороннего зрителя я придвинул свое рабочее кресло к окну, уселся и начал наблюдать; особенно заинтересовали меня три черных гиганта, расхаживавшие в свете пожарища около песчаного карьера.

Они, видимо, были очень заняты. Я старался догадаться, что они там делают. Неужели это одухотворенные механизмы? Но ведь это невозможно. Может быть, в каждом из них сидит марсианин и двигает, повелевает, управляет им так же, как человеческий мозг управляет телом. Я стал сравнивать их с нашими машинами и в первый раз в жизни задал себе вопрос: какими должны казаться разумному, но менее развитому, чем мы, существу броненосцы или паровые машины?

Гроза пронеслась, небо очистилось. Над дымом пожарищ блестящий, крохотный, как булавочная головка, Марс склонялся к западу. Какой-то солдат полез в мой сад. Я услыхал легкое царапанье и, стряхнув владевшее мной оцепенение, увидел человека, перелезающе-

го через частокол. Мой столбняк сразу прошел, и я быстро высунулся в окно.

— Тс...— прошептал я.

Он в нерешительности уселся верхом на заборе. Потом спрыгнул в сад и, согнувшись, бесшумно ступая, прокрался через лужайку к углу дома.

— Кто там? — шепотом спросил он, стоя под окном и глядя вверх.

— Куда вы идете? — спросил я.

— Я и сам не знаю.

— Вы ищете, где бы спрятаться?

— Да.

— Войдите в дом,— сказал я.

Я сошел вниз и открыл дверь, потом снова запер ее. Я не мог разглядеть лицо солдата. Он был без фуражки, мундир был расстегнут.

— О господи! — сказал он, когда я впустил его.

— Что случилось? — спросил я.

— И не спрашивайте.— Несмотря на темноту, я увидел, что он безнадежно махнул рукой.— Они смели нас, просто смели,— повторял он.

Почти машинально он вошел за мной в столовую.

— Выпейте виски,— предложил я, наливая ему солидную порцию.

Он выпил. Потом опустился на стул у стола, уронил голову на руки и расплакался, как ребенок. Забыв о своем недавнем приступе отчаяния, я с удивлением смотрел на него.

Прошло довольно много времени, пока он овладел собой и смог отвечать на мои вопросы. Он говорил отрывисто и путано. Он был ездовым в артиллерии и принял участие в бою только около семи часов. В это время стрельба на пустоши была в полном разгаре; говорили, что первая партия марсиан медленно ползет ко второму цилиндру под прикрытием металлической брони.

Потом эта металлическая броня превратилась в треножник, очевидно, в ту первую военную машину, которую я увидел. Орудие, при котором находился мой гость, было установлено близ Хорселла для обстрела песчаного карьера, и это ускорило события. Когда ездовые с лафетом отъезжали в сторону, его лошадь оступилась и упа-

ла, сбросив его в рытвину. В ту же минуту пушка взлетела на воздух вместе со снарядами; все было охвачено огнем, и он очутился погребенным под грудой обгорелых трупов людей и лошадей.

— Я лежал тихо,— рассказывал он,— полумертвый от страха. На меня навалилась передняя часть лошади. Они нас смели. А запах, боже мой! Точно пригорелое жаркое. Я расшиб спину при падении. Так я лежал, пока мне не стало немного лучше. Только минуту назад мы ехали, точно на парад,— и вдруг разбиты, сметены, уничтожены.

— Нас смели! — повторял он.

Он долго прятался под тушей лошади, посматривая украдкой на пустошь. Кардиганский полк пытался броситься в штыки — его мигом уничтожили. Потом чудовище поднялось на ноги и начало расхаживать по пустоши, преследуя немногих спасавшихся бегством. Вращавшийся колпак на нем напоминал голову человека в капюшоне. Какое-то подобие руки держало металлический ящик сложного устройства, из которого вылетали зеленые искры и ударял тепловой луч.

Через несколько минут на пустоши, насколько он мог видеть, не осталось ни одного живого существа; кусты и деревья, еще не обратившиеся в обугленные остовы, горели. Гусары стояли на дороге в ложбинке, и он их не видел. Он слышал, как застрочили пулеметы, потом все смолкло. Гигант долго не трогал станцию Уокинг и окрестные дома. Потом скользнул тепловой луч, и городок превратился в груду пылающих развалин. После этого чудовище выключило тепловой луч и, повернувшись спиной к артиллеристу, зашагало по направлению к дымившемуся сосновому лесу, где упал второй цилиндр. В следующий миг из ямы поднялся другой сверкающий титан.

Второе чудовище последовало за первым. Тут артиллерист осторожно пополз по горячему пеплу сгоревшего вереска к Хорселлу. Ему удалось доползти до канавы, тянувшейся вдоль края дороги, и таким образом он добрался до Уокинга. Дальнейший рассказ артиллериста состоял почти из одних междометий. Через Уокинг нельзя было пройти. Немногие уцелевшие жители, казалось, сошли с ума; другие сгорели заживо или получи-

ли ожоги. Он повернул в сторону от пожара и спрятался в дымящихся развалинах; тут он увидел, что чудовище возвращается. Оно настигло одного из бегущих, схватило его своим стальным щупальцем и размозжило ему голову о сосновый пень. Когда стемнело, артиллерист пополз дальше и добрался до железнодорожной насыпи.

Потом он, крадучись, направился через Мэйбэри в сторону Лондона, думая, что там будет безопасней. Люди прятались в погребах, канавах, и многие из уцелевших бежали к Уокингу и Сэнду. Его мучила жажда. Около железнодорожной арки он увидел разбитый водопровод: вода била ключом из лопнувшей трубы.

Вот все, что я мог у него выпытать. Он несколько успокоился, рассказав мне обо всем, что ему пришлось видеть. С полудня он ничего не ел; он упомянул об этом еще в начале своего рассказа; я нашел в кладовой немного баранины, хлеба и принес ему поесть. Мы не зажигали лампу, боясь привлечь внимание марсиан, и наши руки часто соприкасались, нащупывая еду. Пока он рассказывал, окружающие предметы стали неясно выступать из мрака, за окном уже можно было различить вытоптанную траву и поломанные кусты роз. Казалось, по лужайке промчалась толпа людей или стадо животных. Теперь я мог рассмотреть лицо артиллериста, перепачканное, бледное,— такое же, вероятно, было и у меня.

Насытившись, мы осторожно поднялись в мой кабинет, и я снова выглянул в открытое окно. За одну ночь цветущая долина превратилась в пепелище. Пожар угасал. Там, где раньше бушевало пламя, теперь чернели клубы дыма. Разрушенные и развороченные дома, поваленные, обугленные деревья — вся эта страшная, зловещая картина, скрытая до сих пор ночным мраком, теперь, в предрассветных сумерках, отчетливо предстала перед нами. Кое-что чудом уцелело среди всеобщего разрушения: белый железнодорожный семафор, часть оранжереи, зеленеющей среди развалин. Никогда еще в истории войн не было такого беспощадного всеобщего разрушения. Поблескивая в утреннем свете, три металлических гиганта стояли около ямы, и их колпаки

поворачивались, как будто они любовались произведенным ими опустошением.

Мне показалось, что яма стала шире. Спирали зеленого дыма беспрерывно взлетали навстречу разгоравшейся заре — поднимались, клубились, падали и исчезали.

Около Чобхема вздымались столбы пламени. Они превратились в столбы кровавого дыма при первых лучах солнца.

ГЛАВА XII

РАЗРУШЕНИЕ УЭЙБРИДЖА И ШЕППЕРТОНА

Когда совсем рассвело, мы отошли от окна, откуда наблюдали за марсианами, и тихо спустились вниз.

Артиллерист согласился со мной, что в доме оставаться опасно. Он решил идти в сторону Лондона; там он присоединится к своей батарее — № 12 конной артиллерии. Я же хотел вернуться в Лезерхэд. Потрясенный могуществом марсиан, я решил немедля увезти жену в Ньюхэвен, чтобы оттуда выехать за границу. Мне было ясно, что окрестности Лондона неизбежно станут ареной разрушительной борьбы, прежде чем удастся уничтожить чудовища.

Но на пути к Лезерхэду находился третий цилиндр, охраняемый гигантами. Будь я один, я, вероятно, положился бы на свою судьбу и пустился бы напрямик. Но артиллерист отговорил меня.

— Вряд ли вы поможете своей жене, если сделаете ее вдовой,— сказал он.

В конце концов я согласился идти вместе с ним, под прикрытием леса, к северу до Стрит-Кобхема. Оттуда я должен был сделать большой крюк через Эпсом, чтобы попасть в Лезерхэд.

Я хотел отправиться сейчас же, но мой спутник, солдат, был опытнее меня. Он заставил меня перерыть весь дом и отыскать флягу, в которую налил виски. Мы набили все свои карманы сухарями и ломтями мяса. Потом вышли из дому и пустились бегом вниз по размытой дороге, по которой я шел прошлой ночью. Дома казались вымершими. На дороге лежали рядом три обуглившихся

тела, пораженных тепловым лучом. Кое-где валялись брошенные или потерянные вещи: часы, туфли, серебряная ложка и другие мелкие предметы. На повороте к почтовой конторе лёжала на боку со сломанным колесом распряженная тележка, нагруженная ящиками и мебелью. Несгораемая касса была, видимо, наспех открыта и брошена среди рухляди.

Дома в этой части не очень пострадали, горела только сторожка приюта. Тепловой луч сбрил печные трубы и прошел дальше. Кроме нас, на Мэйбэри-хилле, повидимому, не было ни души. Бо̀льшая часть жителей бежала, вероятно, к Старому Уокингу по той дороге, по которой я ехал в Лезерхэд, или пряталась где-нибудь.

Мы спустились вниз по дороге, прошли мимо все еще лежавшего там намокшего от дождя трупа человека в черном костюме. Вошли в лес у подножия холма и добрались до полотна железной дороги, никого не встретив. Лес по ту сторону железной дороги казался сплошным буреломом, так как большая часть деревьев была повалена, и только кое-где зловеще торчали обугленные стволы с темно-бурой листвой.

На нашей стороне огонь только опалил ближайшие деревья и не произвел больших опустошений. В одном месте лесорубы, очевидно, еще работали в субботу. Деревья, срубленные и свежеочищенные, лежали на просеке среди кучи опилок около паровой лесопилки. Рядом стояла пустая лачуга. Все было тихо; воздух казался неподвижным. Даже птицы куда-то исчезли. Мы с артиллеристом переговаривались шепотом и часто оглядывались по сторонам. Иногда мы останавливались и прислушивались.

Немного погодя мы подошли к дороге и услышали стук копыт: в сторону Уокинга медленно ехали три кавалериста. Мы окликнули их, они остановились, и мы поспешили к ним. Это были лейтенант и двое рядовых 8-го гусарского полка с каким-то прибором вроде теодолита; артиллерист объяснил мне, что это гелиограф.

— Вы первые, кого я встретил на этой дороге за все утро,— сказал лейтенант.— Что тут творится?

И в его голосе и в лице чувствовалась отвага. Солдаты смотрели на нас с любопытством. Артиллерист спустился с насыпи на дорогу и отдал честь.

— Пушку нашу взорвало прошлой ночью, сэр. Я спрятался. Догоняю батарею, сэр. Вы, наверное, увидите марсиан, если проедете еще с полмили по этой дороге.

— Какие они из себя, черт возьми? — спросил лейтенант.

— Великаны в броне, сэр. Сто футов высоты. Три ноги; тело вроде как алюминиевое, с огромной головой в колпаке, сэр.

— Рассказывай! — воскликнул лейтенант.— Что за чепуху ты мелешь?

— Сами увидите, сэр. У них в руках какой-то ящик, сэр; из него выпыхивает огонь и убивает на месте.

— Вроде пушки?

— Нет, сэр.— И артиллерист стал описывать действие теплового луча. Лейтенант прервал его и обернулся ко мне. Я стоял на насыпи у края дороги.

— Вы тоже видели это? — спросил он.

— Все чистейшая правда,— ответил я.

— Ну,— сказал лейтенант,— я думаю, и мне не мешает взглянуть на них. Слушай,— обратился он к артиллеристу,—нас отрядили сюда, чтобы выселить жителей из домов. Ты явись к бригадному генералу Марвину и доложи ему обо всем, что знаешь. Он стоит в Уэйбридже. Дорогу знаешь?

— Я знаю,— сказал я.

Лейтенант повернул лошадь.

— Вы говорите, полмили? — спросил он.

— Не больше,— ответил я и указал на вершины деревьев к югу. Он поблагодарил меня и уехал. Больше мы его не видели на дороге.

Потом мы увидали трех женщин и двух детей на дороге у рабочего домика, нагружавших ручную тележку узлами и домашним скарбом. Они были так заняты, что не стали разговаривать с нами.

У станции Байфлит мы вышли из соснового леса. В лучах утреннего солнца местность казалась такой мирной! Здесь мы были уже за пределами действия теплового луча; если бы не опустевшие дома, не суетня и сборы жителей, не солдаты на железнодорожном мосту, смотревшие вдоль линии на Уокинг, день походил бы на обычное воскресенье.

Несколько подвод и фургонов со скрипом двигалось по дороге к Аддлстону. Через ворота в изгороди мы увидели на лугу шесть пушек двенадцатифунтовок, аккуратно расставленных на равном расстоянии друг от друга и направленных в сторону Уокинга. Прислуга стояла подле в ожидании, зарядные ящики находились на положенном расстоянии. Солдаты стояли точно на смотру.

— Вот это здорово!— сказал я.— Во всяком случае, они дадут хороший залп.

Артиллерист в нерешительности остановился у ворот.

— Я пойду дальше,— сказал он.

Ближе к Уэйбриджу, сейчас же за мостом, солдаты в белых рабочих куртках насыпали длинный вал, за которым торчали пушки.

— Это все равно, что лук и стрелы против молнии,— сказал артиллерист.— Они еще не видали огненного луча.

Офицеры, не принимавшие непосредственного участия в работе, смотрели поверх деревьев на юго-запад; солдаты часто отрывались от работы и тоже поглядывали в том же направлении.

Байфлит был в смятении. Жители укладывали пожитки, а двадцать гусар, частью спешившись, частью верхом, торопили их. Три или четыре черных санитарных фургона с крестом на белом круге и какой-то старый омнибус грузились на улице среди прочих повозок. Многие из жителей приоделись по-праздничному. Солдатам стоило большого труда растолковать им всю опасность положения. Какой-то сморщенный старичок сердито спорил с капралом, требуя, чтобы захватили его большой ящик и десятка два цветочных горшков с орхидеями. Я остановился и дернул старичка за рукав.

— Знаете вы, что там делается? — спросил я, показывая на вершины соснового леса, скрывавшего марсиан.

— Что? —обернулся он.— Я говорю им, что этого нельзя бросать.

— Смерть! — крикнул я.— Смерть идет на нас! Смерть!

Не знаю, понял ли он меня,— я поспешил за артиллеристом. На углу я обернулся. Солдат отошел от старичка, а тот все еще стоял возле своего ящика и горшков с орхидеями, растерянно глядя в сторону леса.

Никто в Уэйбридже не мог сказать нам, где помещается штаб. Такого беспорядка мне еще нигде не приходилось наблюдать. Везде повозки, экипажи всех видов и лошади всевозможных мастей. Почтенные жители местечка, спортсмены в костюме для гольфа и гребли, нарядно одетые женщины — все укладывались; праздные зеваки энергично помогали, дети шумели, очень довольные таким необычным воскресным развлечением. Среди всеобщей суматохи достойный священник, не обращая ни на что внимания, под звон колокола служил раннюю обедню.

Мы с артиллеристом присели на ступеньку у колодца и наскоро перекусили. Патрули — уже не гусары, а гренадеры в белых мундирах — предупреждали жителей и предлагали им или уходить, или прятаться по подвалам, как только начнется стрельба. Переходя через железнодорожный мост, мы увидели большую толпу на станции и вокруг нее; платформа кишела людьми и была завалена ящиками и узлами. Обычное расписание было нарушено, вероятно, для того, чтобы подвезти войска и орудия к Чертси; потом я слышал, что произошла страшная давка и драка из-за мест в экстренных поездах, пущенных во вторую половину дня.

Мы оставались в Уэйбридже до полудня. У шеппертонского шлюза, где сливаются Темза и Уэй, мы помогли двум старушкам нагрузить тележку. Устье реки Уэй имеет три рукава, здесь сдаются лодки и ходит паром. На другом берегу виднелась харчевня и перед ней лужайка, а дальше над деревьями поднималась колокольня шеппертонской церкви — теперь она заменена шпилем.

Здесь мы застали шумную, возбужденную толпу беглецов. Хотя паники еще не было, однако желающих пересечь реку оказалось гораздо больше, чем могли вместить лодки. Люди подходили, задыхаясь под тяжелой ношей. Одна супружеская пара тащила даже небольшую входную дверь от своего дома, на которой были сложены их пожитки. Какой-то мужчина сказал нам, что хочет попытаться уехать со станции в Шеппертоне.

Все громко разговаривали; кто-то даже острил. Многие думали, что марсиане — это просто люди-великаны; они могут напасть на город и разорить его, но, разумеет-

ся, в конце концов будут уничтожены. Все тревожно посматривали на противоположный берег, на луга около Чертси; но там было спокойно.

По ту сторону Темзы, кроме того места, где причаливали лодки, тоже все было спокойно — резкий контраст с Сэрреем. Народ, выходивший из лодок, подымался вверх по дороге. Большой паром только что перевалил через реку. Трое или четверо солдат стояли на лужайке возле харчевни и подшучивали над беглецами, не предлагая им помочь. Харчевня была закрыта, как и полагалось в эти часы.

— Что это? — крикнул вдруг один из лодочников.— Тише ты! — цыкнул кто-то возле меня на лаявшую собаку. Звук повторился, на этот раз со стороны Чертси: приглушенный гул — пушечный выстрел.

Бой начался. Скрытые деревьями батареи за рекой направо от нас вступили в общий хор, тяжело ухая одна за другой. Вскрикнула женщина. Все остановились как вкопанные и повернулись в сторону близкого, но невидимого сражения. На широких лугах не было ничего, кроме мирно пасущихся коров и серебристых ив, неподвижных в лучах жаркого солнца.

— Солдаты задержат их,— неуверенным тоном проговорила женщина возле меня.

Над лесом показался дымок.

И вдруг мы увидели — далеко вверх по течению реки —клуб дыма, взлетевшего и повисшего в воздухе, и сейчас же почва под ногами у нас заколебалась, оглушительный взрыв потряс воздух; разлетелись стекла в соседних домах. Все оцепенели от удивления.

— Вон они! — закричал какой-то человек в синей фуфайке.— Вон там! Видите? Вон там!

Быстро, один за другим, появились покрытые броней марсиане — один, два, три, четыре — далеко-далеко над молодым леском за лугами Чертси. Сначала они казались маленькими фигурками в колпаках и двигались как будто на колесах, но с быстротой птиц.

Они поспешно спускались к реке. Слева, наискось, к ним приближался пятый. Их броня блестела на солнце, и при приближении они быстро увеличивались. Самый дальний из них на левом фланге высоко поднял большой ящик, и страшный тепловой луч, который я уже

видел в ночь на субботу, скользнул к Чертси и поразил город.

При виде этих странных быстроходных чудовищ толпа на берегу оцепенела от ужаса. Ни возгласов, ни криков — мертвое молчание. Потом хриплый шепот и движение ног — шлепанье по воде. Какой-то человек, с перепугу не догадавшийся сбросить ношу с плеча, повернулся и углом своего чемодана так сильно ударил меня, что чуть не свалил с ног. Какая-то женщина оттолкнула меня и бросилась бежать. Я тоже побежал с толпой, но все же не потерял способности соображать. Я подумал об ужасном тепловом луче. Нырнуть в воду! Самое лучшее!

— Ныряйте! — кричал я, но никто меня не слушал.

Я повернул и бросился вниз по отлогому берегу прямо навстречу приближавшемуся марсианину и прыгнул в воду. Кто-то последовал моему примеру. Я успел заметить, как только что отчалившая лодка, расталкивая людей, врезалась в берег. Дно под ногами было скользкое от тины, а река так мелка, что я пробежал около двадцати футов, а вода доходила мне едва до пояса. Когда марсианин показался у меня над головой ярдах в двухстах, я лег плашмя под водой. В ушах у меня, как удары грома, отдавался плеск воды — люди прыгали с лодок. Другие торопливо высаживались, взбирались на берег по обеим сторонам реки.

Но марсианин обращал не больше внимания на мечущихся людей, чем человек на муравьев, снующих в муравейнике, на который он наступил ногой. Когда, задыхаясь, я поднял голову над водой, колпак марсианина был обращен к батареям, которые все еще обстреливали реку; приблизившись, он взмахнул чем-то, очевидно, генератором теплового луча.

В следующее мгновение он был уже на берегу и шагнул на середину реки. Колени его передних ног упирались в противоположный берег. Еще мгновение — и он выпрямился во весь рост уже у самого поселка Шеппертон. Вслед за тем шесть орудий — никто не знал о них на правом берегу, так как они были скрыты у околицы,— дали залп. От внезапного сильного сотрясения сердце мое бешено заколотилось. Чудовище уже занесло камеру теплового луча, когда первый снаряд разорвался в шести ярдах над его колпаком.

Я вскрикнул от удивления. Я забыл про остальных четырех марсиан: все мое внимание было поглощено происходившим. Почти одновременно с первым разорвались два других снаряда; колпак дернулся, уклоняясь от них, но четвертый снаряд ударил прямо в лицо марсианину.

Колпак треснул и разлетелся во все стороны клочьями красного мяса и сверкающего металла.

— Сбит! — закричал я не своим голосом.

Мой крик подхватили люди, стоявшие в реке вокруг меня.

От восторга я готов был выскочить из воды.

Обезглавленный колосс пошатнулся, как пьяный, но не упал, сохранив каким-то чудом равновесие. Никем не управляемый, с высоко поднятой камерой, испускавшей тепловой луч, он быстро, но нетвердо зашагал по Шеппертону. Его живой мозг, марсианин под колпаком, был разорван на куски, и чудовище стало теперь слепой машиной разрушения. Оно шагало по прямой линии, натолкнулось на колокольню шеппертонской церкви и, раздробив ее, точно тараном, шарахнулось, споткнулось и с грохотом рухнуло в реку.

Раздался оглушительный взрыв, и смерч воды, пара, грязи и обломков металла взлетел высоко в небо. Как только камера теплового луча погрузилась в воду, вода стала превращаться в пар. В ту же секунду огромная мутная волна, кипящая, обжигающая, покатилась против течения. Я видел, как люди барахтались, стараясь выбраться на берег, и слышал их вопли, заглушаемые шумом бурлящей воды и грохотом бившегося марсианина.

Не обращая внимания на жар, позабыв про опасность, я поплыл по бурной реке, оттолкнув какого-то человека в черном, и добрался до поворота. С полдюжины пустых лодок беспомощно качались на волнах. Дальше, вниз по течению, поперек реки лежал упавший марсианин, почти весь под водой.

Густые облака пара поднимались над местом падения, и сквозь их рваную колеблющуюся пелену по временам я смутно видел гигантские члены чудовища, ворочавшегося в воде и выбрасывавшего в воздух фонтаны грязи и пены. Щупальца размахивали и бились, как

руки, и если бы не бесцельность этих движений, то можно было бы подумать, что какое-то раненое существо борется за жизнь среди волн. Красновато-бурая жидкость с громким шипением струей била вверх из машины.

Мое внимание было отвлечено от этого зрелища яростным ревом, напоминавшим рев паровой сирены. Какой-то человек, стоя по колена в воде недалеко от берега, что-то крикнул мне, указывая пальцем, но я не мог разобрать его слов. Оглянувшись, я увидел других марсиан, направлявшихся огромными шагами от Чертси к берегу реки. Пушки в Шеппертоне открыли огонь, но на этот раз безуспешно.

Я быстро нырнул и с трудом плыл, задерживая дыхание, пока хватило сил. Вода бурлила и быстро нагревалась.

Когда я вынырнул на минуту, чтобы перевести дыхание, и отбросил волосы с глаз, то увидел, что кругом белыми клубами поднимается пар, скрывающий марсиан. Шум был оглушительный. Затем я увидел серых колоссов, казавшихся в тумане еще огромнее. Они прошли мимо, и двое из них нагнулись над пенящимися, содрогающимися останками своего товарища.

Третий и четвертый тоже остановились, один — ярдах в двухстах от меня, другой — ближе к Лэйлхему. Генераторы теплового луча были высоко подняты, и лучи с шипением падали в разные стороны.

Воздух звенел от оглушительного хаоса звуков: металлический рев марсиан, грохот рушащихся домов, треск охваченных пламенем деревьев, заборов, сараев, гул и шипение огня. Густой черный дым поднимался вверх и смешивался с клубами пара над рекой. Прикосновение теплового луча, скользившего по Уэйбриджу, вызывало вспышки ослепительно белого пламени, за которыми следовала дымная пляска языков огня. Ближайшие дома все еще стояли не тронутыми, ожидая своей участи, сумрачные, тусклые, окутанные паром, а позади них метался огонь.

С минуту я стоял по грудь в почти кипящей воде, растерянный, не надеясь спастись. Сквозь пар я видел, как люди вылезают из воды, цепляясь за камыши, точно лягушки, прыгающие по траве; другие в панике метались по берегу.

Вдруг белые вспышки теплового луча стали приближаться ко мне. От его прикосновения рухнули охваченные пламенем дома; деревья с громким треском обратились в огненные столбы. Луч скользил вверх и вниз по береговой тропинке, сметая разбегавшихся людей, и наконец спустился до края воды, ярдах в пятидесяти от того места, где я стоял. Потом перенесся на другой берег, к Шеппертону, и вода под ним закипела и стала обращаться в пар. Я бросился к берегу.

В следующую минуту огромная волна, почти кипящая, обрушилась на меня. Я закричал и, полуслепой, обваренный, не помня себя от боли, стал выбираться на берег. Поскользнись я — и все было бы кончено. Я упал, обессиленный, на глазах у марсиан на широкой песчаной отмели, где под углом сходятся Уэй и Темза. Я не сомневался, что меня ожидает смерть.

Помню, как во сне, что нога марсианина прошла ярдах в двадцати от моей головы, увязая в песке, разворачивая его и снова вылезая наружу, потом, после долгого томительного промежутка, я увидел, как четыре марсианина пронесли останки своего товарища; они шли, то ясно различимые, то скрытые пеленой дыма, расползавшегося по реке и лугам. Потом очень медленно я начал осознавать, что каким-то чудом избежал гибели.

ГЛАВА XIII

ВСТРЕЧА СО СВЯЩЕННИКОМ

Испытав на себе столь неожиданным образом силу земного оружия, марсиане отступили к своим первоначальным позициям на Хорселлской пустоши; они торопились унести останки своего разорванного снарядом товарища и поэтому не обращали внимания на таких жалких беглецов, как я. Если бы они бросили его и двинулись дальше, то не встретили бы на своем пути никакого сопротивления, кроме нескольких батарей пушек двенадцатифунтовок, и, конечно, достигли бы Лондона раньше, чем туда дошла бы весть об их приближении. Их нашествие было бы так же внезапно, губительно и страшно, как землетрясение, разрушившее сто лет назад Лиссабон.

Впрочем, им нечего было спешить. Из межпланетного пространства каждые двадцать четыре часа, доставляя им подкрепление, падало по цилиндру. Между тем военные и морские власти готовились с лихорадочной поспешностью, уразумев наконец ужасную силу противника. Ежеминутно устанавливались новые орудия. Еще сумерки не наступили, а из каждого куста, из каждой пригородной дачи на холмистых склонах близ Кингстона и Ричмонда уже торчало черное пушечное жерло. На всем обугленном и опустошенном пространстве в двадцать квадратных миль вокруг лагеря марсиан на Хорселлской пустоши, среди пепелищ и развалин, под черными, обгорелыми остатками сосновых лесов, ползли самоотверженные разведчики с гелиографами, готовые тотчас же предупредить артиллерию о приближении марсиан. Но марсиане поняли мощь нашей артиллерии и опасность близости людей: всякий, кто дерзнул бы подойти к одному из цилиндров ближе, чем на милю, поплатился бы жизнью.

По-видимому, гиганты потратили дневные часы на переноску груза второго и третьего цилиндров — второй упал у Аддлстона на площадке для игры в гольф, третий у Пирфорда — к своей яме на Хорселлской пустоши. Возвышаясь над почерневшим вереском и разрушенными строениями, стоял на часах один марсианин; остальные же спустились со своих боевых машин в яму. Они усердно работали до поздней ночи, и из ямы вырывались клубы густого зеленого дыма, который был виден с холмов Мерроу и даже, как говорят, из Бенстеда и Эпсома.

Пока позади меня марсиане готовились к новой вылазке, а впереди человечество собиралось дать им отпор, я с великим трудом и мучениями пробирался от дымящихся пожарищ Уэйбриджа к Лондону.

Увидев вдали плывшую вниз по течению пустую лодку, я сбросил большую часть своего промокшего платья, подплыл к ней и таким образом выбрался из района разрушений. Весел не было, но я подгребал, сколько мог, обожженными руками и очень медленно подвигался к Голлифорду и Уолтону, то и дело, по вполне понятным причинам, боязливо оглядываясь назад. Я предпо-

чел водный путь, так как на воде легче было спастись в случае встречи с гигантами.

Горячая вода, вскипевшая при падении марсианина, текла вниз по реке, и поэтому почти на протяжении мили оба берега были скрыты паром. Впрочем, один раз мне удалось разглядеть черные фигурки людей, бежавших через луга прочь от Уэйбриджа. Голлифорд казался вымершим, несколько домов у берега горело. Странно было видеть под знойным голубым небом спокойное и безлюдное селение, над которым взлетали языки пламени и клубился дым. Первый раз видел я пожар без суетящейся кругом толпы. Сухой камыш на отмели дымился и вспыхивал, и огонь медленно подбирался к стогам сена, стоявшим поодаль.

Долго я плыл по течению, усталый и измученный всеми пережитыми передрягами. Даже на воде было очень жарко. Однако страх был сильнее усталости, и я снова стал грести руками. Солнце жгло мою обнаженную спину. Наконец, когда за поворотом показался Уолтонский мост, лихорадка и слабость преодолели страх, и я причалил к отмели Миддлсэкса и в полном изнеможении упал на траву. Судя по солнцу, было около пяти часов. Потом я встал, прошел с полмили, никого не встретив, и снова улегся в тени живой изгороди. Помню, я говорил сам с собой вслух, как в бреду. Меня томила жажда, и я жалел, что не напился на реке. Странное дело, я почему-то злился на свою жену; меня очень раздражало, что я никак не мог добраться до Лезерхэда.

Я не помню, как появился священник,— вероятно, я задремал. Я увидел, что он сидит рядом со мной в выпачканной сажей рубашке; подняв кверху гладко выбритое лицо, он, не отрываясь, смотрел на бледные отблески, пробегавшие по небу. Небо было покрыто барашками — грядами легких, пушистых облачков, чуть окрашенных летним закатом.

Я привстал, и он быстро обернулся ко мне.

— У вас есть вода?— спросил я.

Он отрицательно покачал головой.

— Вы уже целый час просите пить,— сказал он.

С минуту мы молчали, разглядывая друг друга. Вероятно, я показался ему странным: почти голый — на мне было только промокшие насквозь брюки и носки,—

красный от ожогов, с лицом и шеей, черными от дыма. У него было лицо слабовольного человека, срезанный подбородок, волосы спадали льняными завитками на низкий лоб, большие бледно-голубые глаза смотрели пристально и грустно. Он говорил отрывисто, уставясь в пространство.

— Что такое происходит? — спросил он.— Что значит все это?

Я посмотрел на него и ничего не ответил.

Он простер белую тонкую руку и заговорил жалобно:

— Как могло это случиться? Чем мы согрешили? Я кончил утреннюю службу и прогуливался по дороге, чтобы освежить голову и приготовиться к проповеди, и вдруг — огонь, землетрясение, смерть! Содом и Гоморра! Все наши труды пропали, все труды... Кто такие эти марсиане?

— А кто мы сами? — ответил я, откашливаясь.

Он обхватил колени руками и снова повернулся ко мне. С полминуты он молча смотрел на меня.

— Я прогуливался по дороге, чтобы освежить голову,— повторил он.— И вдруг — огонь, землетрясение, смерть!

Он снова замолчал; подбородок его почти касался колен.

Потом опять заговорил, размахивая рукой:

— Все труды... все воскресные школы... Чем мы провинились? Чем провинился Уэйбридж? Все исчезло, все разрушено. Церковь! Мы только три года назад заново ее отстроили. И вот она исчезла, стерта с лица земли! За что?

Новая пауза, и опять он заговорил, как помешанный.

— Дым от ее пожарища будет вечно возноситься к небу! — воскликнул он.

Его глаза блеснули, тонкий палец указывал на Уэйбридж.

Я начал догадываться, что это душевнобольной. Страшная трагедия, свидетелем которой он был — очевидно, он спасся бегством из Уэйбриджа,— довела его до сумасшествия.

— Далеко отсюда до Санбэри? —спросил я деловито.

— Что же нам делать? — сказал он.— Неужели эти исчадия повсюду? Неужели земля отдана им во власть?

— Далеко отсюда до Санбэри?

— Ведь только сегодня утром я служил раннюю обедню...

— Обстоятельства изменились,— сказал я спокойно.— Не отчаивайтесь. Есть еще надежда.

— Надежда!

— Да, надежда, несмотря на весь этот ужас!

Я стал излагать ему свой взгляд на наше положение. Сперва он слушал с интересом, но скоро впал в прежнее безразличие и отвернулся.

— Это — начало конца,— прервал он меня.— Конец. День Страшного суда. Люди будут молить горы и скалы упасть на них и скрыть от лица сидящего на престоле.

Его слова подтвердили мою догадку. Собравшись с мыслями, я встал и положил ему руку на плечо.

— Будьте мужчиной,— сказал я.— Вы просто потеряли голову. Хороша вера, если она не может устоять перед несчастьем. Подумайте, сколько раз в истории человечества бывали землетрясения, потопы, войны и извержения вулканов. Почему бог должен был сделать исключение для Уэйбриджа?.. Ведь бог не страховой агент.

Он молча слушал.

— Но как мы можем спастись? — вдруг спросил он.— Они неуязвимы, они безжалостны...

— Может быть, ни то, ни другое,— ответил я. — И чем могущественнее они, тем разумнее и осторожнее должны быть мы. Один из них убит три часа назад.

— Убит! — воскликнул он, взглянув на меня.— Разве может быть убит вестник божий?

— Я видел это,— продолжал я.— Мы с вами попали как раз в самую свалку, только и всего.

— Что это там мигает в небе? — вдруг спросил он.

Я объяснил ему, что это сигналы гелиографа и что они означают помощь, которую несут нам люди.

— Мы находимся как раз в самой гуще, хотя кругом все спокойно. Мигание в небе возвещает о приближающейся грозе. Вот там, думается мне, марсиане, а в стороне Лондона, там, где холмы возвышаются над Ричмондом и Кингстоном, под прикрытием деревьев роют траншеи и устанавливают орудия. Марсиане, вероятно, пойдут по этой дороге.

Не успел я кончить, как он вскочил и остановил меня жестом.

— Слушайте! — сказал он.

Из-за низких холмов за рекой доносился глухой гул отдаленной орудийной пальбы и какой-то далекий жуткий крик. Потом все стихло. Майский жук перелетел через изгородь мимо нас. На западе, высоко, над дымом, застилавшим Уэйбридж и Шеппертон, под великолепным, торжественным закатом, поблескивал бледный нарождающийся месяц.

— Нам надо идти этой тропинкой к северу,— сказал я.

ГЛАВА XIV

В ЛОНДОНЕ

Мой младший брат находился в Лондоне в то время, когда в Уокинге упал цилиндр. Он был студентом-медиком и готовился к предстоящему экзамену; до субботы он ничего не слышал о прибытии марсиан. Утренние субботние газеты в дополнение к длинным специальным статьям о Марсе, о жизни на нем и так далее напечатали довольно туманное сообщение, которое поражало своей краткостью.

Сообщалось, что марсиане, напуганные приближением толпы, убили несколько человек при помощи какой-то скорострельной пушки. Телеграмма заканчивалась словами: «Марсиане, хотя и кажутся грозными, не вылезли из ямы, в которую упал их снаряд, и, очевидно, не могут этого сделать. Вероятно, это вызвано бо̀льшей силой земного притяжения». В передовицах особенно подчеркивалось это последнее обстоятельство.

Конечно, все студенты, готовившиеся к экзамену по биологии в стенах университета, куда отправился в тот день и мой брат, очень заинтересовались сообщением, но на улицах не замечалось особенного оживления. Вечерние газеты вышли с сенсационными заголовками. Однако они сообщали только о движении войск к пустоши и о горящих сосновых лесах между Уокингом и Уэйбриджем. В восемь часов «Сент-Джеймс газэтт» в экстренном выпуске кратко сообщила о порче телеграфа. Предполагали, что линия повреждена упавшими

вследствие пожара соснами. В эту ночь — в ночь, когда я ездил в Лезерхэд и обратно,— еще ничего не было известно о сражении.

Брат не беспокоился о нас, так как знал из газет, что цилиндр находится по меньшей мере в двух милях от моего дома. Он собирался поехать ко мне в эту же ночь, чтобы, как он потом рассказывал, посмотреть на чудовищ, пока их не уничтожили. Он послал мне телеграмму в четыре часа, а вечером отправился в мюзик-холл; телеграмма до меня так и не дошла.

В Лондоне в ночь под воскресенье тоже разразилась гроза, и брат мой доехал до вокзала Ватерлоо на извозчике. На платформе, откуда обыкновенно отправляется двенадцатичасовой поезд, он узнал, что в эту ночь поезда почему-то не доходят до Уокинга. Почему, он так и не мог добиться: железнодорожная администрация и та толком ничего не знала. На вокзале не заметно было никакого волнения; железнодорожники предполагали, что произошло крушение между Байфлитом и узловой станцией Уокинг. Вечерние поезда, шедшие обычно через Уокинг, направлялись через Вирджиния-Уотер или Гилдфорд. Много хлопот доставила железнодорожникам перемена маршрута экскурсии саутгемптонской и портсмутской Воскресной лиги. Какой-то репортер вечерней газеты, приняв брата по ошибке за начальника движения, на которого брат немного походил, пытался взять у него интервью. Почти никто, не исключая и железнодорожников, не ставил крушение в связь с марсианами.

Я потом читал в какой-то газете, будто бы еще утром в воскресенье «весь Лондон был наэлектризован сообщениями из Уокинга». В действительности ничего подобного не было. Большинство жителей Лондона впервые услышало о марсианах только в понедельник утром, когда разразилась паника. Даже те, кто читал газеты, не сразу поняли наспех составленное сообщение. Большинство же лондонцев воскресных газет не читает.

Кроме того, лондонцы так уверены в своей личной безопасности, а сенсационные утки так обычны в газетах, что никто не был особенно обеспокоен следующим заявлением:

«Вчера, около семи часов пополудни, марсиане вышли из цилиндра и, двигаясь под защитой брони из ме-

таллических щитов, до основания разрушили станцию Уокинг и окрестные дома и уничтожили целый батальон Кардиганского полка. Подробности неизвестны. Пулеметы «максим» оказались бессильными против их брони; полевые орудия были выведены из строя. В Чертси направлены разъезды гусар. Марсиане, по-видимому, медленно продвигаются к Чертси или Виндзору. В Западном Сэррее царит тревога. Возводятся земляные укрепления, чтобы преградить доступ к Лондону».

Это было напечатано в «Сандисан», а в «Рефери» остроумный фельетонист писал, что все это смахивает на панику в деревне, где неожиданно разбежался кочующий зверинец.

Никто в Лондоне толком не знал, что такое эти бронированные марсиане, а почему-то упорно держалось мнение, что чудовища очень неповоротливы; «ползают», «с трудом тащатся» — вот выражения, которые встречались почти во всех первых сообщениях. Ни одна из телеграмм не составлялась очевидцами событий. Воскресные газеты печатали экстренные выпуски по мере получения свежих новостей и даже когда их не было. Только вечером газеты получили правительственное сообщение, что население Уолтона, Уэйбриджа и всего округа эвакуируется в Лондон,— и больше ничего.

Утром брат пошел в церковь при приютской больнице, все еще не зная о том, что случилось прошлой ночью. В проповеди пастора он уловил туманные намеки на какое-то вторжение; кроме того, была прочтена особая молитва о ниспослании мира. Выйдя из церкви, брат купил номер «Рефери». Взволнованный новостями, он отправился на вокзал Ватерлоо узнать, восстановлено ли железнодорожное движение. На улицах было обычное праздничное оживление — омнибусы, экипажи, велосипеды, много разодетой публики; никто не был особенно взволнован неожиданными новостями, которые выкрикивали газетчики. Все были заинтригованы, но если кто и беспокоился, то не за себя, а за своих родных вне города. На вокзале он в первый раз услыхал, что на Виндзор и Чертси поезда не ходят. Носильщики сказали ему, что со станций Байфлит и Чертси было получено утром несколько важных телеграмм, но что теперь телеграф почему-то не работает. Брат не мог добиться от них более точ-

«ВОЙНА МИРОВ»

«ВОЙНА МИРОВ»

ных сведений. «Около Уэйбриджа идет бой»— вот все, что они знали.

Движение поездов было нарушено. На платформе стояла толпа ожидавших приезда родных и знакомых с юго-запада. Какой-то седой джентльмен вслух ругал Юго-Западную компанию.

— Их нужно подтянуть! — ворчал он.

Пришли один-два поезда из Ричмонда, Путни и Кингстона с публикой, выехавшей на праздник покататься на лодках; эти люди рассказывали, что шлюзы заперты и что чувствуется тревога. Мой брат разговорился с молодым человеком в синем спортивном костюме.

— Куча народу едет в Кингстон на повозках, на телегах, на чем попало, с сундуками, со всем скарбом,— рассказывал тот.— Едут из Молси, Уэйбриджа, Уолтона и говорят, что около Чертси слышна канонада и что кавалеристы велели им поскорей выбираться, потому что приближаются марсиане. Мы слышали стрельбу из орудий у станции Хэмптон-Корт, но подумали, что это гром. Что значит вся эта чертовщина? Ведь марсиане не могут вылезти из своей ямы, правда?

Мой брат ничего не мог на это ответить.

Немного спустя он заметил, что какое-то смутное беспокойство передается и пассажирам подземной железной дороги; воскресные экскурсанты начали почему-то раньше времени возвращаться из всех юго-западных окрестностей: из Барнса, Уимблдона, Ричмонд-парка, Кью и других; но никто не мог сообщить ничего, кроме туманных слухов. Все пассажиры, возвращающиеся с конечной станции, казалось, были чем-то обеспокоены.

Около пяти часов собравшаяся на вокзале публика была очень удивлена открытием движения между Юго-Восточной и Юго-Западной линиями, обычно закрытого, а также появлением воинских эшелонов и платформ с тяжелыми орудиями. Это были орудия из Вульвича и Чатама для защиты Кингстона. Публика обменивалась шутками с солдатами: «Они вас съедят», «Идем укрощать зверей» и так далее. Вскоре явился отряд полицейских и стал очищать вокзал от публики. Мой брат снова вышел на улицу.

Колокола звонили к вечерне, и колонна девиц из Армии спасения шла с пением по Ватерлоо-роуд. На мосту

толпа любопытных смотрела на странную бурую пену, клочьями плывшую вниз по течению. Солнце садилось, Башня Биг Бэна и Палаты Парламента четко вырисовывались на ясном, безмятежном небе; оно было золотистое, с красновато-лиловыми полосами. Говорили, что под мостом проплыло мертвое тело. Какой-то человек, сказавший, что он военный из резерва, сообщил моему брату, что заметил на западе сигналы гелиографа.

На Веллингтон-стрит брат увидел бойких газетчиков, которые только что выбежали с Флит-стрит с еще сырыми газетами, испещренными ошеломляющими заголовками.

— Ужасная катастрофа! — выкрикивали они наперебой на Веллингтон-стрит.—Бой под Уэйбриджем! Подробное описание! Марсиане отброшены! Лондон в опасности!

Брату пришлось заплатить три пенса за номер газеты.

Только теперь он понял, как страшны и опасны эти чудовища. Он узнал, что это не просто кучка маленьких, неповоротливых созданий, а разумные существа, управляющие гигантскими механизмами, что они могут быстро передвигаться и уничтожать все на своем пути и что против них бессильны самые дальнобойные пушки.

Их описывали, как «громадные паукообразные машины, почти в сто футов вышиной, способные передвигаться со скоростью экспресса и выбрасывать интенсивный тепловой луч». Замаскированные батареи, главным образом из полевых орудий, были установлены около Хорселлской пустоши и Уокинга по дороге к Лондону. Были замечены пять боевых машин, которые двигались к Темзе; одна из них благодаря счастливой случайности была уничтожена. Обычно снаряды не достигали цели, и батареи мгновенно сметались тепловым лучом. Упоминалось также о тяжелых потерях, понесенных войсками; однако сообщения были составлены в оптимистическом тоне.

Марсиане-де все же отбиты; оказалось, что они уязвимы. Они отступили к треугольнику, образованному тремя упавшими около Уокинга цилиндрами. Разведчики с гелиографами окружили их. Быстро подводятся пушки из Виндзора, Портсмута, Олдершота, Вульвича и даже с севера. Между прочим, из Вульвича доставлены

дальнобойные девяностопятитонные орудия. Установлено около ста шестидесяти пушек, главным образом для защиты Лондона. Никогда еще в Англии с такой быстротой и в таких масштабах не производилась концентрация военных сил. Надо надеяться, что все последующие цилиндры будут впредь уничтожаться особой сверхмощной шрапнелью, которая уже изготовлена и рассылается. Положение, говорилось в сообщении, несомненно, серьезное, но население не должно поддаваться панике. Конечно, марсиане чудовищны и ужасны, но ведь их всего около двадцати против миллионов людей.

Власти имели все основания предполагать, принимая во внимание величину цилиндра, что в каждом из них не более пяти марсиан. Всего, значит, их пятнадцать. По крайней мере один из них уже уничтожен, может быть, даже и больше. Население будет своевременно предупреждено о приближении опасности, и будут приняты специальные меры для охраны жителей угрожаемых юго-западных предместий. Кончалось все это заверениями в безопасности Лондона и выражением твердой надежды, что правительство справится со всеми затруднениями.

Этот текст был напечатан очень крупно на еще не просохшей бумаге, без всяких комментариев. Любопытно было видеть, рассказывал брат, как безжалостно весь остальной материал газеты был скомкан и урезан, чтобы дать место этому сообщению.

На Веллингтон-стрит нарасхват раскупали розовые листки экстренного выпуска, а на Стрэнде уже раздавались выкрики целой армии газетчиков. Публика соскакивала с омнибусов в погоне за газетой. Сообщение взволновало и обеспокоило толпу. Брат рассказывал, что ставни магазина географических карт на Стрэнде раскрылись и какой-то человек в праздничном костюме, в лимонно-желтых перчатках появился на витрине и поспешно прикреплял к стеклу карту Сэррея.

Проходя по Стрэнду к Трафальгар-сквер с газетой в руке, брат встретил беженцев из Западного Сэррея. Какой-то мужчина ехал в повозке, похожей на тележку зеленщика; в ней среди наваленного домашнего скарба сидели его жена и два мальчугана. Он ехал от Вестминстерского моста, а вслед за ним двигалась фура для сена;

на ней сидели пять или шесть человек, прилично одетых, с чемоданами и узлами. Лица у беженцев были испуганные, они резко отличались от одетых по-воскресному пассажиров омнибусов. Элегантная публика, высовываясь из кебов, с удивлением смотрела на них. У Трафальгар-сквер беженцы остановились в нерешительности, потом повернули к востоку по Стрэнду. Затем проехал человек в рабочей одежде на старинном трехколесном велосипеде с маленьким передним колесом. Он был бледен и весь перепачкан.

Мой брат повернул к Виктория-стрит и встретил новую толпу беженцев. У него мелькнула смутная мысль, что он, может быть, увидит меня. Он обратил внимание на необычно большое количество полисменов, регулирующих движение. Некоторые из беженцев разговаривали с пассажирами омнибусов. Один уверял, что видел марсиан. «Паровые котлы на ходулях, говорю вам, и шагают, как люди». Большинство беженцев казались взволнованными и возбужденными.

Рестораны на Виктория-стрит были переполнены беженцами. На всех углах толпились люди, читали газеты, возбужденно разговаривали или молча смотрели на этих необычных воскресных гостей. Беженцы все прибывали, и к вечеру, по словам брата, улицы походили на Хай-стрит в Эпсоме в день скачек. Мой брат расспрашивал многих из беженцев, но они давали очень неопределенные ответы.

Никто не мог сообщить ничего нового относительно Уокинга. Один человек уверял его, что Уокинг совершенно разрушен еще прошлой ночью.

— Я из Байфлита,— сказал он.— Рано утром прикатил велосипедист, забегал в каждый дом и советовал уходить. Потом появились солдаты. Мы вышли посмотреть: на юге дым, сплошной дым, и никто не приходит оттуда. Потом мы услыхали гул орудий у Чертси, и из Уэйбриджа повалил народ. Я запер свой дом и тоже ушел вместе с другими.

В толпе слышался ропот, ругали правительство за то, что оно оказалось неспособным сразу справиться с марсианами.

Около восьми часов в южной части Лондона ясно слышалась канонада. На главных улицах ее заглушал шум

движения, но, спускаясь тихими переулками к реке, брат ясно расслышал гул орудий.

В девятом часу он шел от Вестминстера обратно к своей квартире у Риджент-парка. Он очень беспокоился обо мне, понимая, насколько положение серьезно. Как и я в ночь на субботу, он заразился военной атмосферой. Он думал о безмолвных, выжидающих пушках, о таборах беженцев, старался представить себе «паровые котлы на ходулях» в сто футов вышиною.

На Оксфорд-стрит проехало несколько повозок с беженцами; на Мэрилебон-роуд тоже; но слухи распространялись так медленно, что Риджент-стрит и Портленд-роуд были, как всегда, полны воскресной гуляющей толпой, хотя кое-где обсуждались последние события. В Риджент-парке, как обычно, под редкими газовыми фонарями прогуливались молчаливые парочки. Ночь была темная и тихая, слегка душная; гул орудий доносился с перерывами; после полуночи на юге блеснуло что-то вроде зарницы.

Брат читал и перечитывал газету; тревога обо мне все росла. Он не мог успокоиться и после ужина снова пошел бесцельно бродить по городу. Потом вернулся и тщетно попытался засесть за свои записи лекций. Он лег спать после полуночи, ему снились зловещие сны, но не прошло и двух часов, как его разбудил стук дверных молоточков, топанье ног по мостовой, отдаленный барабанный бой и звон колоколов. На потолке вспыхивали красные отблески. С минуту он лежал и не мог понять, что случилось. Наступил уже день или все сошли с ума? Потом вскочил с постели и подбежал к окну.

Его комната помещалась в мезонине; распахнув окно, он услышал крики с обоих концов улицы. Из окон высовывались и перекликались заспанные, полуодетые люди. «Они идут! — кричал полисмен, стуча в дверь.—Марсиане приближаются!» — И спешил к следующей двери.

Из казармы на Олбэни-стрит слышался барабанный бой и звуки трубы; со всех церквей доносился бурный, нестройный набат. Хлопали двери; темные окна домов на противоположной стороне вспыхивали желтыми огоньками.

По улице во весь опор промчалась закрытая карета: шум колес раздался из-за угла, перешел в оглушитель-

ный грохот под окном и замер где-то вдали. Вслед за каретой пронеслись два кеба — авангард целой вереницы экипажей, мчавшихся к вокзалу Чок-Фарм, где можно было сесть в специальные поезда Северо-Западной дороги, вместо того чтобы спускаться к Юстону.

Мой брат долго смотрел из окна в тупом изумлении; он видел, как полисмены перебегали от двери к двери, стуча молотком и возвещая все ту же непостижимую новость. Вдруг дверь позади него отворилась, и вошел сосед, занимавший комнату напротив, он был в рубашке, брюках и туфлях, подтяжки болтались, волосы были взлохмачены.

— Что за чертовщина? — спросил он.— Пожар? Почему такая суматоха?

Оба высунулись из окна, стараясь разобрать, что кричат полисмены. Из боковых улиц повалил народ, останавливаясь кучками на углах.

— В чем дело, черт возьми? — спросил сосед.

Мой брат что-то ответил ему и стал одеваться, подбегая с каждой принадлежностью туалета к окну, чтобы видеть, что происходит на улице. Из-за угла выскочили газетчики с необычно ранними выпусками газет, крича во все горло:

— Лондону грозит удушение! Укрепления Кингстона и Ричмонда прорваны! Кровопролитное сражение в долине Темзы!

Повсюду вокруг, в квартирах нижнего этажа, во всех соседних домах и дальше, в Парк-террасис и на сотне других улиц этой части Мэрилебона; в районе Вестбурн-парка и Сент-Панкрэса, на западе и на севере—в Килбэрне, Сент-Джонс-Вуде и Хэмпстеде; на востоке — в Шордиче, Хайбэри, Хаггерстоне и Хокстоне; на всем громадном протяжении Лондона, от Илинга до Истхема, люди, протирая глаза, отворяли окна, выглядывали на улицу, задавали бесцельные вопросы и поспешно одевались. Первое дыхание надвигавшейся паники пронеслось по улицам. Страх завладевал городом. Лондон, спокойно и бездумно уснувший в воскресенье вечером, проснулся рано утром в понедельник под угрозой смертельной опасности.

Так как брат из своего окна не смог ничего выяснить, он спустился вниз и вышел на улицу. Над крышами домов розовела заря. Толпа беженцев, шагавших пешком

и ехавших в экипажах, с каждой минутой все увеличивалась.

— Черный дым! — слышал он выкрики. — Черный дым!

Было ясно, что паника неминуемо охватит весь город. Постояв в нерешительности у своего подъезда, брат окликнул газетчика и купил газету. Газетчик побежал дальше, продавая газеты на ходу по шиллингу, — гротескное сочетание корысти и паники.

В газете брат прочел удручающее донесение главнокомандующего:

«Марсиане пускают огромные клубы черного ядовитого пара при помощи ракет. Они подавили огонь нашей артиллерии, разрушили Ричмонд, Кингстон и Уимблдон и медленно приближаются к Лондону, уничтожая все на своем пути. Остановить их невозможно. От черного дыма нет иного спасения, кроме немедленного бегства».

И только. Но и этого было достаточно. Все население огромного, шестимиллионного города всполошилось, заметалось, обратилось в бегство. Все устремились к северу.

— Черный дым! — слышались крики. — Огонь!

Колокола соседних церквей били в набат. Какой-то неумело управляемый экипаж налетел среди криков и ругани на колоду для водопоя. Тусклый желтый свет мелькал в окнах домов; у некоторых кебов еще горели ночные фонари. А вверху разгоралась заря, безоблачная, ясная, спокойная.

Брат слышал топот ног в комнатах и на лестнице. Его хозяйка вышла на улицу, наскоро накинув капот и шаль; за ней шел ее муж, бормоча что-то невнятное.

Когда брат наконец понял, что происходит, он поспешно вернулся в свою комнату, захватил все наличные деньги — около десяти фунтов, — сунул их в карман и вышел на улицу.

ГЛАВА XV

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В СЭРРЕЕ

Как раз в то время, когда священник вел со мною свой безумный разговор под изгородью в поле около Голлифорда, а брат смотрел на поток беженцев, устремившийся по Вестминстерскому мосту, марсиане снова

перешли в наступление. Если верить сбивчивым рассказам, большинство марсиан оставалось до девяти часов вечера в яме на Хорселлской пустоши, занятые какой-то спешной работой, сопровождавшейся вспышками зеленого дыма.

Установлено, что трое марсиан вышли оттуда около восьми часов и, продвигаясь медленно и осторожно через Байфлит и Пирфорд к Рипли и Уэйбриджу, неожиданно появились перед сторожевыми батареями на фоне освещенного закатом неба. Марсиане шли не шеренгой, а цепью, на расстоянии примерно полутора миль друг от друга. Они переговаривались каким-то ревом, похожим на вой сирены, издающей то высокие, то низкие звуки.

Этот вой и пальбу орудий Рипли и Сент-Джордж-хилла мы и слышали около Верхнего Голлифорда. Артиллеристы у Рипли — неопытные волонтеры, которых не следовало ставить на такую позицию,— дали всего один преждевременный безрезультатный залп и, кто верхом, кто пешком, бросились врассыпную по опустевшему местечку. Марсианин, то шагая через орудия, то осторожно ступая среди них и даже не пользуясь тепловым лучом, опередил их и, таким образом, застал врасплох батареи в Пэйнс-хилл-парке, которые он и уничтожил.

Артиллеристы в Сент-Джордж-хилле оказались более опытными и храбрыми. Скрытые соснами от ближайшего к ним марсианина, который не ожидал нападения, они навели свои орудия спокойно, как на параде, и, когда марсианин находился на расстоянии около тысячи ярдов, дали залп.

Снаряды рвались вокруг марсианина. Он сделал несколько шагов, пошатнулся и упал. Все закричали от радости, и орудия снова поспешно зарядили. Рухнувший марсианин издал продолжительный вой, и тотчас второй сверкающий гигант, отвечая ему, показался над деревьями с юга. По-видимому, снаряд разбил одну из ног треножника. Второй залп пропал даром, снаряды перелетели через упавшего марсианина и ударились в землю. И тотчас же два других марсианина подняли камеры теплового луча, направляя их на батарею. Снаряды взорвались, сосны загорелись, из прислуги, обратившейся в бегство, уцелело всего несколько человек.

Марсиане остановились и стали о чем-то совещаться. Разведчики, наблюдавшие за ними, донесли, что они стояли неподвижно около получаса. Опрокинутый марсианин неуклюже выполз из-под своего колпака — небольшая бурая туша, издали похожая на грибной нарост,— и занялся починкой треножника. К девяти он кончил работать, и его колпак снова показался над лесом.

В начале десятого к этим трем часовым присоединились четыре других марсианина, вооруженных большими черными трубами. Такие же трубы были вручены каждому из трех первых. После этого все семеро растянулись цепью на равном расстоянии друг от друга, по кривой между Сент-Джордж-хиллом, Уэйбриджем и селением Сэнда, на юго-западе от Рипли.

Как только они начали двигаться, с холмов взвились сигнальные ракеты, предупреждая батареи у Диттона и Эшера. В то же время четыре боевые машины, также снабженные трубами, переправились через реку, и две из них появились передо мной и священником, четко вырисовываясь на фоне послезакатного неба, когда мы, усталые и измученные, торопливо шли по дороге на север от Голлифорда. Нам казалось, что они двигаются по облакам, потому что молочный туман покрывал поля и подымался до трети их роста.

Священник, увидев их, вскрикнул сдавленным голосом и пустился бежать. Зная, что бегство бесполезно, я свернул в сторону и пополз среди мокрого от росы терновника и крапивы в широкую канаву на краю дороги. Священник оглянулся, увидел, что я делаю, и подбежал ко мне.

Два марсианина остановились; ближайший к нам стоял, обернувшись к Санбэри; другой маячил серой бесформенной массой под вечерней звездой в стороне Стэйнса.

Вой марсиан прекратился, и каждый из них безмолвно занял свое место на огромной подкове, охватывающей ямы с цилиндрами. Расстояние между концами подковы было не менее двенадцати миль. Ни разу еще со времени изобретения пороха сражение не начиналось среди такой тишины. Из Рипли было видно то же, что и нам: марсиане одни возвышались в сгущающемся сумраке, освещенные лишь бледным месяцем, звездами, от-

блеском заката и красноватым заревом над Сент-Джордж-хиллом и лесами Пэйнс-хилла.

Но против наступающих марсиан повсюду — у Стэйнса, Хаунслоу, Диттона, Эшера, Окхема, за холмами и лесами к югу от реки и за ровными сочными лугами к северу от нее, из-за прикрытия деревьев и домов — были выставлены орудия. Сигнальные ракеты взвивались и рассыпались искрами во мраке; батареи лихорадочно готовились к бою. Марсианам стоило только ступить за линию огня, и все эти неподвижные люди, все эти пушки, поблескивавшие в ранних сумерках, разразились бы грозовой яростью боя.

Без сомнения, так же как и я, тысячи бодрствующих людей думали о том, понимают ли нас марсиане. Поняли они, что нас миллионы и что мы организованны, дисциплинированны и действуем согласованно? Или для них наши выстрелы, неожиданные разрывы снарядов, упорная осада их укреплений то же самое, что для нас яростное нападение потревоженного пчелиного улья? Или они воображают, что могут истребить всех нас? (В это время еще никто не знал, чем питаются марсиане.) Сотни таких вопросов приходили мне в голову, пока я наблюдал за стоявшим на страже марсианином. Вместе с тем я думал о том, встретят ли их на пути в Лондон огромные скрытые силы? Вырыты ли ямы-западни? Удастся ли заманить их к пороховым заводам в Хаунслоу? Хватит ли у лондонцев мужества превратить в новую пылающую Москву свой огромный город?

Нам показалось, что мы бесконечно долго ползли по земле, вдоль изгороди, то и дело из-за нее выглядывая; наконец раздался гул отдаленного орудийного выстрела. Затем второй — несколько ближе — и третий. Тогда ближайший к нам марсианин высоко поднял свою трубу и выстрелил из нее, как из пушки, с таким грохотом, что дрогнула земля. Марсианин у Стэйнса последовал его примеру. При этом не было ни вспышки, ни дыма — только гул взрыва.

Я был так поражен этими раскатами, следовавшими один за другим, что забыл об опасности, о своих обожженных руках и полез на изгородь посмотреть, что происходит у Санбэри. Снова раздался выстрел, и огромный снаряд пролетел высоко надо мной по направлению

к Хаунслоу. Я ожидал увидеть или дым, или огонь, или какой-нибудь иной признак его разрушительного действия, но увидел только темно-синее небо с одинокой звездой и белый туман, стлавшийся по земле. И ни единого взрыва с другой стороны, ни одного ответного выстрела. Все стихло. Прошла томительная минута.

— Что случилось? — спросил священник, стоявший рядом со мной.

— Один бог знает! — ответил я.

Пролетела и скрылась летучая мышь. Издали донесся и замер неясный шум голосов. Я взглянул на марсианина; он быстро двигался к востоку вдоль берега реки.

Я ждал, что вот-вот на него направят огонь какой-нибудь скрытой батареи, но тишина ночи ничем не нарушалась. Фигура марсианина уменьшилась, и скоро ее поглотил туман и сгущающаяся темнота. Охваченные любопытством, мы взобрались повыше. У Санбэри, заслоняя горизонт, виднелось какое-то темное пятно, точно свеженасыпанный конический холм. Мы заметили второе такое же возвышение над Уолтоном, за рекой. Эти похожие на холмы пятна на наших глазах понижались и расползались.

Повинуясь безотчетному импульсу, я взглянул на север и увидел там третий черный, дымчатый холм.

Было необычайно тихо. Только далеко на юго-востоке среди тишины перекликались марсиане. Потом воздух снова дрогнул от отдаленного грохота их орудий. Но земная артиллерия молчала.

В то время мы не могли понять, что происходит, позже я узнал, что значили эти зловещие, расползавшиеся в темноте черные кучи. Каждый марсианин со своей позиции на упомянутой мною громадной подкове по какому-то неведомому сигналу стрелял из своей пушки-трубы по каждому холму, лесочку, группе домов, по всему, что могло служить прикрытием для наших орудий. Одни марсиане выпустили по снаряду, другие по два, как, например, тот, которого мы видели. Марсианин у Рипли, говорят, выпустил не меньше пяти. Ударившись о землю, снаряды раскалывались — они не рвались,— и тотчас же над ними вставало облако плотного темного пара, потом облако оседало, образуя огромный черный газовый холм, который медленно расползался по земле. И прикос-

новение этого газа, вдыхание его едких хлопьев убивало все живое.

Этот газ был тяжел, тяжелее самого густого дыма; после первого стремительного взлета он оседал на землю и заливал ее, точно жидкость, стекая с холмов и устремляясь в ложбины, в овраги, в русла рек, подобно тому, как стекает углекислота при выходе из трещин вулкана. При соприкосновении газа с водой происходила какая-то химическая реакция, и поверхность воды тотчас же покрывалась пылевидной накипью, которая очень медленно осаждалась. Эта накипь не растворялась, поэтому, несмотря на ядовитость газа, воду по удалении из нее осадка можно было пить без вреда для здоровья. Этот газ не диффундировал, как всякий другой газ. Он висел пластами, медленно стекал по склонам, не рассеивался на ветру, мало-помалу смешивался с туманом и атмосферной влагой и оседал на землю в виде пыли. Мы до сих пор ничего не знаем о составе этого газа; известно только, что в него входил какой-то новый элемент, дававший четыре линии в голубой части спектра.

Этот черный газ так плотно прилегал к земле, раньше даже, чем начиналось оседание, что на высоте пятидесяти футов, на крышах, в верхних этажах высоких домов и на высоких деревьях можно было спастись от него; это подтвердилось в ту же ночь в Стрит-Кобхеме и Диттоне.

Человек, спасшийся в Стрит-Кобхеме, передавал странные подробности о кольцевом потоке этого газа; он смотрел вниз с церковной колокольни и видел, как дома селения выступали из чернильной темноты, точно призраки. Он просидел там полтора дня, полумертвый от усталости, голода и зноя. Земля под голубым небом, обрамленная холмами, казалась покрытой черным бархатом с выступавшими кое-где в лучах солнца красными крышами и зелеными вершинами деревьев; кусты, ворота, сараи, пристройки и стены домов казались подернутыми черным флером.

Так было в Стрит-Кобхеме, где черный газ сам по себе осел на землю. Вообще же марсиане, после того как газ выполнял свое назначение, очищали воздух, направляя на газ струю пара.

То же сделали они и с облаком газа неподалеку от

нас; мы наблюдали это при свете звезд из окна брошенного дома в Верхнем Голлифорде, куда мы вернулись. Мы видели, как скользили прожекторы по Ричмонд-хиллу и Кингстон-хиллу. Около одиннадцати часов стекла в окнах задрожали, и мы услыхали раскаты установленных там тяжелых осадных орудий. С четверть часа с перерывами продолжалась стрельба наудачу по невидимым позициям марсиан у Хэмптона и Диттона; потом бледные лучи прожекторов погасли и сменились багровым заревом.

Затем упал четвертый цилиндр — яркий зеленый метеор — в Буши-парке, как я потом узнал. Еще раньше, чем заговорили орудия на холмах у Ричмонда и Кингстона, откуда-то с юго-запада слышалась беспорядочная канонада; вероятно, орудия стреляли наугад, пока черный газ не умертвил артиллеристов.

Марсиане, действуя методически, подобно людям, выкуривающим осиное гнездо, разливали этот удушающий газ по окрестностям Лондона. Концы подковы медленно расходились, пока наконец цепь марсиан не двинулась по прямой от Гонвелла до Кумба и Молдена. Всю ночь продвигались вперед смертоносные трубы. Ни разу после того как марсианин был сбит с треножника у Сент-Джордж-хилла, не удалось нашей артиллерии поразить хотя бы одного из них. Они пускали черный газ повсюду, где могли быть замаскированы наши орудия, а там, где пушки стояли без прикрытия, они пользовались тепловым лучом.

В полночь горевшие по склонам Ричмонд-парка деревья и зарево над Кингстон-хиллом осветили облака черного газа, клубившегося по всей долине Темзы и простиравшегося до самого горизонта. Два марсианина медленно расхаживали по этой местности, направляя на землю свистящие струи пара.

Марсиане в эту ночь почему-то берегли тепловой луч, может быть, потому, что у них был ограниченный запас материала для его производства, или потому, что они не хотели обращать страну в пустыню, а только подавить оказываемое им сопротивление. Это им, бесспорно, удалось. Ночь на понедельник была последней ночью организованной борьбы с марсианами. После этого никто уже не осмеливался выступить против них, всякое сопротив-

ление казалось безнадежным. Даже экипажи торпедных катеров и миноносцев, поднявшихся вверх по Темзе со скорострельными пушками, отказались оставаться на реке, взбунтовались и ушли в море. Единственное, на что люди решались после этой ночи,— это закладка мин и устройство ловушек, но даже это делалось недостаточно планомерно.

Можно только вообразить себе судьбу батарей Эшера, которые так напряженно выжидали во мраке. Там никого не осталось в живых. Представьте себе ожидание настороженных офицеров, орудийную прислугу, приготовившуюся к залпу, сложенные у орудий снаряды, обозную прислугу у передков лафетов с лошадьми, штатских зрителей, старающихся подойти возможно ближе, вечернюю тишину, санитарные фургоны и палатки походного лазарета с обожженными и ранеными из Уэйбриджа. Затем глухой раскат выстрелов марсиан и шальной снаряд, пролетевший над деревьями и домами и упавший в соседнем поле.

Можно представить себе изумление и испуг при виде быстро развертывающихся колец и завитков надвигающегося черного облака, которое превращало сумерки в густой осязаемый мрак; непонятный и неуловимый враг настигает свои жертвы; охваченные паникой люди и лошади бегут, падают, вопли ужаса, брошенные орудия, люди, корчащиеся на земле,— и все расширяющийся черный конус газа. Потом ночь и смерть — и безмолвная дымная завеса над мертвецами.

Перед рассветом черный газ разлился по улицам Ричмонда. Правительство теряло нити управления; в последнем усилии оно призвало население Лондона к бегству.

ГЛАВА XVI

УХОД ИЗ ЛОНДОНА

Легко представить себе ту бушующую волну страха, которая прокатилась по величайшему городу мира рано утром в понедельник,— ручей беженцев, быстро выросший в поток, бурно пенившийся вокруг вокзалов, превращающийся в бешеный водоворот у судов на Темзе и устремляющийся всеми возможными путями к северу и к востоку. К десяти часам паника охватила полицию,

к полудню — железнодорожную администрацию: должностные лица теряли связь друг с другом, растворялись в человеческом потоке и уносились на обломках быстро распадавшегося социального организма.

Все железнодорожные линии к северу от Темзы и жители юго-восточной части города были предупреждены еще в полночь в воскресенье, уже в два часа все поезда были переполнены, люди отчаянно дрались из-за мест в вагонах. К трем часам давка и драка происходили уже и на Бишопсгейт-стрит; на расстоянии нескольких сот ярдов от вокзала, на Ливерпуль-стрит, стреляли из револьверов, пускали в ход ножи, а полисмены, посланные регулировать движение, усталые и разъяренные, избивали дубинками людей, которых они должны были охранять.

Скоро машинисты и кочегары стали отказываться возвращаться в Лондон; толпы отхлынули от вокзалов и устремились к шоссейным дорогам, ведущим на север. В полдень у Барнса видели марсианина; облако медленно оседавшего черного газа ползло по Темзе и равнине Ламбет, отрезав дорогу через мосты. Другое облако поползло по Илингу и окружило небольшую кучку уцелевших людей на Касл-хилле; они остались живы, но выбраться не могли.

После безуспешной попытки попасть на северо-западный поезд в Чок-Фарме, когда поезд, переполненный еще на товарной платформе, стал прокладывать себе путь сквозь исступленную толпу и несколько дюжих молодцов едва удерживали публику, собиравшуюся размозжить машинисту голову о топку,— мой брат вышел на Чок-Фарм-роуд, перешел дорогу, лавируя среди роя мчавшихся экипажей, и, по счастью, оказался одним из первых при разгроме велосипедного магазина! Передняя шина велосипеда, который он захватил, лопнула, когда он вытаскивал машину через окно, но тем не менее, только слегка поранив кисть руки в свалке, он сел и поехал. Путь по крутому подъему Хаверсток-хилла был загроможден опрокинутыми экипажами, и брат свернул на Белсайз-роуд.

Таким образом он выбрался из охваченного паникой города и к семи часам достиг Эджуэра, голодный и усталый, но зато значительно опередив поток беженцев.

Вдоль дороги стояли местные жители, любопытные и недоумевающие. Его обогнали несколько велосипедистов, несколько всадников и два автомобиля. За милю от Эджуэра лопнул обод колеса, ехать дальше было невозможно. Он бросил велосипед у дороги и пешком вошел в деревню. На главной улице несколько лавок было открыто; жители толпились на тротуарах, стояли у дверей и окон и с удивлением смотрели на необычайное шествие беженцев, которое только еще начиналось. Брату удалось перекусить в гостинице.

Он бродил по Эджуэру, не зная, что делать дальше. Толпа беженцев все увеличивалась. Многие, подобно брату, не прочь были остаться там. О марсианах ничего нового не сообщалось.

Дорога уже наполнилась беженцами, но была еще проходима. Сначала было больше велосипедистов, потом появились быстро мчавшиеся автомобили, изящные кебы, коляски; пыль столбом стояла на дороге до самого Сент-Олбенса.

Вспомнив, очевидно, про своих друзей в Челмсфорде, брат решил свернуть на тихий проселок, тянувшийся к востоку. Когда перед ним вырос забор, он перелез через него и направился по тропинке к северо-востоку. Он миновал несколько фермерских коттеджей и какие-то деревушки, названий которых не знал. Изредка попадались беженцы. У Хай-Барнета, на заросшем травой проселке, он встретился с двумя дамами, ставшими его спутницами. Он догнал их как раз вовремя, чтобы помочь им.

Услыхав крики, он поспешно завернул за угол и увидел двух мужчин, пытавшихся высадить женщин из коляски; третий держал под уздцы испуганного пони. Одна из дам, небольшого роста, в белом платье, кричала; другая же, стройная брюнетка, била хлыстом по лицу мужчину, схватившего ее за руку.

Брат мгновенно оценил положение и с криком поспешил на помощь женщинам. Один из нападавших оставил даму и повернулся к нему; брат, отличный боксер, видя по лицу противника, что драка неизбежна, напал первым и одним ударом свалил его под колеса.

Тут было не до рыцарской вежливости, и брат, оглушив упавшего пинком, схватил за шиворот второго на-

падавшего, который держал за руку младшую из дам. Он услышал топот копыт, хлыст скользнул по его лицу, и третий противник нанес ему сильный удар в переносицу; тот, которого он держал за шиворот, вырвался и бросился бежать по проселку в ту сторону, откуда подошел брат.

Оглушенный ударом, брат очутился лицом к лицу с субъектом, который только что держал пони; коляска удалялась по проселку, вихляя из стороны в сторону; обе женщины, обернувшись, следили за дракой. Противник, рослый детина, готовился нанести второй удар, но брат опередил его, ударив в челюсть. Потом, видя, что он остался один, брат увернулся от удара и побежал по проселку вслед за коляской, преследуемый по пятам своим противником; другой, удравший было, остановился, повернул обратно и теперь следовал за ним издали.

Вдруг брат оступился и упал; его ближайший преследователь, споткнувшись о него, тоже упал, и брат, вскочив на ноги, снова очутился лицом к лицу с двумя противниками. У него было мало шансов справиться с ними, но в это время стройная брюнетка быстро остановила пони и поспешила к нему на помощь. Оказалось, у нее был револьвер, но он лежал под сиденьем, когда на них напали. Она выстрелила с расстояния в шесть ярдов, чуть не попав в брата. Менее храбрый из грабителей пустился наутек, его товарищ последовал за ним, проклиная его трусость. Оба они остановились поодаль на проселке, около третьего из нападавших, лежавшего на земле без движения.

— Возьмите,— промолвила стройная дама, передавая брату свой револьвер.

— Садитесь в коляску,— сказал брат, вытирая кровь с рассеченной губы.

Она молча повернулась, и оба они, тяжело дыша, подошли к женщине в белом платье, которая еле сдерживала испуганного пони.

Грабители не возобновили нападения. Обернувшись, брат увидел, что они уходят.

— Я сяду здесь, если разрешите,— сказал он, взобравшись на пустое переднее сиденье. Брюнетка оглянулась через плечо.

— Дайте мне вожжи,— сказала она и хлестнула пони. Через минуту грабителей за поворотом дороги не стало видно.

Таким образом, совершенно неожиданно брат, запыхавшийся, с рассеченной губой, с опухшим подбородком и окровавленными пальцами, очутился в коляске вместе с двумя женщинами на незнакомой дороге.

Он узнал, что одна из них жена, а другая, младшая, сестра врача, из Стэнмора, который, возвращаясь ночью из Пиннера от тяжелобольного, услышал на одной из железнодорожных станций о приближении марсиан. Он поспешил домой, разбудил женщин — прислуга ушла от них за два дня перед тем,— уложил кое-какую провизию, сунул, к счастью для моего брата, свой револьвер под сиденье и сказал им, чтобы они ехали в Эджуэр и сели там на поезд. Сам он остался оповестить соседей и обещался нагнать их около половины пятого утра. Теперь уже около девяти, а его все нет. Остановиться в Эджуэре они не могли из-за наплыва беженцев и, таким образом, свернули на глухую дорогу.

Все это они постепенно рассказали моему брату по пути к Нью-Барнету, где они сделали привал. Брат обещал не покидать их по крайней мере до тех пор, пока они не решат, что предпринять, или пока их не догонит врач. Желая успокоить женщин, брат уверял, что он отличный стрелок, хотя в жизни не держал в руках револьвера.

Они расположились у дороги, и пони пристроился возле живой изгороди. Брат рассказал спутницам о своем бегстве из Лондона и сообщил им все, что слышал о марсианах и об их действиях. Солнце поднималось все выше, и скоро оживленный разговор сменился томительным ожиданием. По дороге прошло несколько беженцев; от них брат узнал кое-какие новости, еще более подтвердившие его убежденность в грандиозности бедствия, разразившегося над человечеством, и необходимости дальнейшего бегства. Он сказал об этом своим спутницам.

— У нас есть деньги,— сказала младшая дама и тут же запнулась.

Ее глаза встретились с глазами брата, и она успокоилась.

— У меня тоже есть деньги,— отвечал брат.

Она сообщила, что у них имеется тридцать фунтов золотом и одна пятифунтовая кредитка, и высказала предположение, что они смогут сесть в поезд в Сент-Олбенсе или Нью-Барнете. Брат считал, что попасть на поезд совершенно невозможно: он видел, как яростно поезда осаждались толпами лондонцев, и предложил пробраться через Эссекс к Гарвичу, а там пароходом переправиться на континент.

Миссис Элфинстон — так звали даму в белом — не слушала никаких доводов и хотела ждать своего Джорджа; но ее золовка оказалась на редкость хладнокровной и рассудительной и в конце концов согласилась с моим братом. Они поехали к Барнету, намереваясь пересечь Большую Северную дорогу; брат вел пони под уздцы, чтобы сберечь его силы.

Солнце поднималось, и день становился очень жарким; белесый песок ослепительно сверкал и так накалился под ногами, что они очень медленно продвигались вперед. Живая изгородь посерела от пыли. Недалеко от Барнета они услышали какой-то отдаленный гул.

Стало попадаться больше народу. Беженцы шли изнуренные, угрюмые, грязные, неохотно отвечая на расспросы. Какой-то человек во фраке прошел мимо них, опустив глаза в землю. Они слышали, как он разговаривал сам с собой, и, оглянувшись, увидели, что одной рукой он схватил себя за волосы, а другой наносил удары невидимому врагу. После этого приступа бешенства он, не оглядываясь, пошел дальше.

Когда брат и его спутницы подъезжали к перекрестку дорог южнее Барнета, то увидели в поле, слева от дороги, женщину с ребенком на руках; двое детей плелись за нею, а позади шагал муж в грязной черной блузе, с толстой палкой в одной руке и чемоданом в другой. Потом откуда-то из-за вилл, отделявших проселок от большой дороги, выехала тележка, в которую был впряжен взмыленный черный пони; правил бледный юноша в котелке, сером от пыли. В тележке сидели три девушки, с виду фабричные работницы Ист-Энда, и двое детей.

— Как проехать на Эджуэр? — спросил бледный, растерянный возница.

Брат ответил, что надо свернуть налево, и молодой человек хлестнул пони, даже не поблагодарив.

Брат заметил, что дома перед ним и белый фасад террасы, примыкающей к одной из вилл, стоявших по ту сторону дороги, окутаны голубоватой дымкой, точно мглой. Миссис Элфинстон вдруг вскрикнула, увидав над домами дымные красные языки пламени, взлетавшие в ярко-синее небо. Из хаоса звуков стали выделяться голоса, грохот колес, скрип повозок и дробный стук копыт. Ярдов за пятьдесят от перекрестка узкая дорога круто заворачивала.

— Боже мой! — вскрикнула миссис Элфинстон. — Куда же вы нас везете?

Брат остановился.

Большая дорога представляла собой сплошной клокочущий людской поток, стремившийся к северу. Облако белой пыли, сверкающее в лучах солнца, поднималось над землей футов на двадцать, окутывало все сплошной пеленой и ни на минуту не рассеивалось, так как лошади, пешеходы и колеса всевозможных экипажей вздымали все новые и новые клубы.

— Дорогу! — слышались крики.— Дайте дорогу!

Когда они приближались к перекрестку, им казалось, будто они въезжают в горящий лес; толпа шумела, как пламя, а пыль была жгучей и едкой. Впереди пылала вилла, увеличивая смятение, и клубы черного дыма стлались по дороге.

Мимо прошли двое мужчин. Потом какая-то женщина, перепачканная и заплаканная, с тяжелым узлом. Потерявшаяся охотничья собака, испуганная и жалкая, высунув язык, покружилась вокруг коляски и убежала, когда брат цыкнул на нее.

Впереди, насколько хватал глаз, вся дорога от Лондона казалась сплошным клокочущим потоком грязных и толкающихся людей, катившимся между двумя рядами вилл. Черное месиво тел становилось более отчетливым у поворота, на миг выступали отдельные лица и фигуры, потом они проносились мимо и снова сливались в сплошную массу, полускрытую облаком пыли.

— Пропустите!.. — раздавались крики. — Дорогу, дорогу!

Руки идущих сзади упирались в спины передних. Брат вел под уздцы пони. Подхваченный толпой, он медленно, шаг за шагом продвигался вперед.

В Эджуэре чувствовалось беспокойство, в Чок-Фарме была паника — казалось, происходило переселение народов. Трудно описать эти полчища. Это была безликая масса, появлявшаяся из-за угла и исчезавшая за поворотом. По обочине дороги плелись пешеходы, увертываясь от колес экипажей, сталкиваясь, спотыкаясь, падая в канаву.

Повозки и экипажи тянулись вплотную друг за другом. Более проворные и нетерпеливые иногда вырывались вперед, заставляя пешеходов жаться к окаймлявшим дорогу заборам и воротам вилл.

— Скорей, скорей! — слышались крики.— Дорогу! Они идут!

В одной повозке стоял слепой старик в мундире Армии спасения. Он размахивал руками со скрюченными пальцами и вопил: «Вечность, вечность!» Он охрип, но кричал так пронзительно, что брат еще долго слышал его после того, как тот скрылся в облаке пыли. Многие ехавшие в экипажах без толку нахлестывали лошадей и переругивались; некоторые сидели неподвижно, жалкие, растерянные; другие грызли руки от жажды или лежали, бессильно растянувшись, в повозках. Глаза лошадей налились кровью, удила были покрыты пеной.

Тут были бесчисленные кебы, коляски, фургоны, тележки, почтовая карета, телега мусорщика с надписью: «Приход св. Панкратия»,— большая платформа для досок, переполненная оборванцами. Катилась фура для перевозки пива, колеса ее были забрызганы свежей кровью.

— Дайте дорогу! — раздались крики. — Дорогу!

— Вечность, вечность! — доносилось, как эхо, издалека.

Тут были женщины, бледные и грустные, хорошо одетые, с плачущими и еле передвигавшими ноги детьми; одежда их была вся в пыли, усталые личики заплаканы. Со многими женщинами шли мужья, то заботливые, то озлобленные и мрачные. Тут же прокладывали себе дорогу оборванцы в выцветших темных лохмотьях, с дикими глазами, зычно кричавшие и цинично ругавшие-

ся. Рядом с рослыми рабочими, энергично пробиравшимися вперед, теснились тщедушные растрепанные люди, похожие по одежде на клерков или приказчиков; брат заметил раненого солдата, железнодорожных носильщиков и какую-то жалкую женщину в пальто, наброшенном поверх ночной рубашки.

Но, несмотря на все свое разнообразие, люди в этой толпе имели нечто общее. Лица у всех были испуганные, измученные, чувствовалось, что всех гонит страх. Всякий шум впереди, на дороге, спор из-за места в повозке заставлял всю толпу ускорять шаг; даже люди, до того напуганные и измученные, что у них подгибались колени, вдруг, точно гальванизированные страхом, становились на мгновение более энергичными. Жара и пыль истомили толпу. Кожа пересохла, губы почернели и потрескались. Всех мучила жажда, все устáли, все натрудили ноги. Среди диких криков можно было расслышать споры, упреки, стоны, вызванные изнеможением и усталостью; у большинства голоса были хриплые и слабые. Вся толпа то и дело выкрикивала, точно припев:

— Скорей, скорей! Марсиане идут!

Некоторые останавливались и отходили в сторону от людского потока. Проселок, на котором стояла коляска, выходил на шоссе и казался ответвлением лондонской дороги. Его захлестывал бурный прилив, толпа оттесняла сюда более слабых; постояв здесь и отдохнув, они снова кидались в давку. Посреди дороги лежал человек с обнаженной ногой, перевязанной окровавленной тряпкой, и над ним склонились двое. Счастливец, у него нашлись друзья.

Маленький старичок, с седыми подстриженными по-военному усами, в грязном черном сюртуке, выбрался, прихрамывая, из давки, сел на землю, снял башмак — носок был в крови,— вытряс мелкие камешки и снова надел. Девочка лет восьми-девяти бросилась на землю у забора неподалеку от моего брата и расплакалась:

— Не могу больше идти! Не могу!

Брат, очнувшись от столбняка, стал утешать девочку, поднял ее и отнес к мисс Элфинстон. Девочка испуганно притихла.

— Эллен! — жалобно кричала какая-то женщина в толпе.— Эллен!

Девочка вдруг вырвалась из рук брата с криком: «Мама!»

— Они идут,— сказал человек, ехавший верхом по проселку.

— Прочь с дороги, эй, вы! — кричал, привстав на козлах, какой-то кучер. Брат увидел закрытую карету, сворачивающую на проселок.

Пешеходы расступились, расталкивая друг друга, чтобы не попасть под лошадь. Брат отвел пони ближе к забору, карета проехала мимо и остановилась на повороте. Это была карета с дышлом для пары, но впряжена была только одна лошадь.

Брат смутно различил сквозь облако пыли, что двое мужчин вынесли кого-то из кареты на белых носилках и осторожно положили на траву у живой изгороди.

Один из них подбежал к брату.

— Есть тут где-нибудь вода? — спросил он.— Он умирает, пить просит... Это лорд Гаррик.

— Лорд Гаррик? — воскликнул брат.— Коронный судья?

— Где тут вода?

— Может быть, в одном из этих домов есть водопровод,— сказал брат.— У нас нет воды, и я боюсь оставить своих.

Человек стал проталкиваться сквозь толпу к воротам углового дома.

— Вперед! Вперед! — кричали люди, напирая на него.— Они идут! Не задерживайте!

Брат заметил бородатого мужчину с орлиным профилем, в руке он нес небольшой саквояж; саквояж раскрылся, из него посыпались золотые соверены, со звоном падая на землю и катясь под ноги двигавшихся людей и лошадей. Бородатый мужчина остановился, тупо глядя на рассыпавшееся золото; оглобля кеба ударила его в плечо, он пошатнулся, вскрикнул и отскочил в сторону, чуть не попав под колесо.

— Дорогу! — кричали ему.— Не останавливайтесь!

Как только кеб проехал, бородатый мужчина бросился на землю, протянул руки к куче монет и стал совать их пригоршнями в карманы. Вдруг над ним вздыбилась лошадь; он приподнялся, но тут же упал под копыта.

— Стой! — закричал брат и, оттолкнув какую-то

женщину, бросился вперед, чтобы схватить лошадь под уздцы.

Но, прежде чем брат успел это сделать, послышался крик, и сквозь клубы пыли он увидел, как колесо проехало по спине упавшего. Кучер хлестнул кнутом подбежавшего брата. Рев толпы оглушил его. Несчастный корчился в пыли среди золотых монет и не мог подняться; колесо переехало ему позвоночник, и нижняя часть его тела была парализована. Брат пытался остановить следующий экипаж. Какой-то человек верхом на вороной лошади вызвался помочь ему.

— Стащите его с дороги! — крикнул он.

Брат схватил за шиворот упавшего и стал тащить его в сторону, но тот все силился подобрать монеты и яростно бил брата по руке кулаком, сжимавшим пригоршню золота.

— Не останавливайтесь, проходите! — злобно кричали сзади.— Дорогу, дорогу!

Послышался треск, и дышло кареты ударилось о повозку, которую остановил мужчина на вороной лошади. Брат повернулся, и человек с золотыми монетами изловчился и укусил его за руку. Вороная лошадь шарахнулась, а лошадь с повозкой пронеслась мимо, чуть не задев брата копытом. Он выпустил упавшего и отскочил в сторону. Он видел, как злоба сменилась ужасом на лице корчившегося на земле несчастного; в следующий момент брата оттеснили, он потерял его из виду и с большим трудом вернулся на проселок.

Он увидел, что мисс Элфинстон закрыла глаза рукой, а маленький мальчик с детским любопытством широко раскрытыми глазами смотрит на пыльную черную кучу под колесами катившихся экипажей.

— Поедемте обратно! — крикнул брат и стал поворачивать пони.— Нам не пробраться через этот ад.— Они проехали сто ярдов в обратном направлении, пока обезумевшая толпа не скрылась за поворотом. Проезжая мимо канавы, брат увидел под изгородью мертвенно-бледное, покрытое потом, искаженное лицо умирающего. Обе женщины сидели молча, нервно вздрагивая.

За поворотом брат остановился. Мисс Элфинстон была очень бледна; ее невестка плакала и забыла даже

про своего Джорджа. Брат тоже был потрясен и растерян. Едва отъехав от шоссе, он понял, что другого выхода нет, как снова попытаться его пересечь. Он решительно повернулся к мисс Элфинстон.

— Мы все же должны там проехать,— сказал он и снова повернул пони.

Второй раз за этот день девушка обнаружила недюжинное присутствие духа. Чтобы пробиться сквозь поток, брат бросился вперед и осадил лошадь какого-то кеба, пока мисс Элфинстон проезжала мимо. Кеб зацепился колесом и обломал крыло коляски. В следующую секунду поток подхватил их и понес. Брат, с красными рубцами на лице и руках от бича кучера, правившего кебом, вскочил в коляску и взял вожжи.

— Цельтесь в человека позади,— сказал он, передавая револьвер мисс Элфинстон,— если он будет слишком напирать... Нет, цельтесь лучше в его лошадь.

Он попытался проехать по правому краю и пересечь дорогу. Это оказалось невозможным, пришлось смешаться с этим потоком и двигаться по течению. Вместе с толпой они миновали Чиппинг-Барнет и отъехали почти на милю от центра города, прежде чем им удалось пробиться на другую сторону дороги. Кругом был невообразимый шум и давка, но в городе и за городом дорога несколько раз разветвлялась, и толпа немного разделилась.

Они направились к востоку через Хэдли и здесь по обе стороны дороги увидели множество людей, пивших прямо из реки и дравшихся из-за места у воды. Еще дальше, с холма близ Ист-Барнета, они видели, как вдали медленно, без гудков, друг за другом двигались на север два поезда; не только вагоны, но даже тендеры с углем были облеплены народом. Очевидно, поезда эти заполнялись пассажирами еще до Лондона, потому что из-за паники посадка на центральных вокзалах была совершенно невозможна.

Вскоре они остановились отдохнуть: все трое устали от пережитых волнений. Они чувствовали первые приступы голода, ночь была холодная, никто из них не решался уснуть. В сумерках мимо их стоянки проходили беженцы, спасаясь от неведомой опасности,— они шли в ту сторону, откуда приехал брат.

ГЛАВА XVII

СЫН ГРОМА

Если бы марсиане добивались только разрушения, то они могли бы тогда же, в понедельник, уничтожить все население Лондона, пока оно медленно растекалось по ближайшим графствам. Не только по дороге к Барнету, но и по дорогам к Эджуэру и Уолтхем-Эбби, и на восток к Саусэнду и Шубэринесу, и к югу от Темзы, к Дилю и Бродстэрсу стремилась такая же обезумевшая толпа. Если бы в это июньское утро кто-нибудь, поднявшись на воздушном шаре в ослепительную синеву, взглянул на Лондон сверху, то ему показалось бы, что все северные и восточные дороги, расходящиеся от гигантского клубка улиц, испещрены черными точками, каждая точка — это человек, охваченный смертельным страхом и отчаянием. В конце предыдущей главы я передал рассказ моего брата о дороге через Чиппинг-Барнет, чтобы показать читателям, как воспринимал вблизи этот рой черных точек один из беженцев. Ни разу еще в истории мира не двигалось и не страдало вместе такое множество людей. Легендарные полчища готов и гуннов, огромные орды азиатов показались бы только каплей в этом потоке. Это было стихийное массовое движение, паническое, стадное бегство, всеобщее и ужасающее, без всякого порядка, без определенной цели; шесть миллионов людей, безоружных, без запасов еды, стремились куда-то очертя голову. Это было началом падения цивилизации, гибели человечества.

Прямо под собой воздухоплаватель увидел бы сеть длинных широких улиц, дома, церкви, площади, перекрестки, сады, уже безлюдные, распростертые, точно огромная карта, запачканная в той части, где обозначены южные районы города. Над Илингом, Ричмондом, Уимблдоном словно какое-то чудовищное перо накапало чернильные кляксы. Безостановочно, неудержимо каждое черное пятно ширилось и растекалось, разветвляясь во все стороны и быстро переливаясь через возвышенности в какую-нибудь открывшуюся ложбину,—так расплывается чернильное пятно на промокательной бумаге.

Дальше, за голубыми холмами, поднимавшимися на юг от реки, расхаживали марсиане в своей сверкающей

броне, спокойно и методически выпуская в тот или иной район ядовитые облака газа; затем они рассеивали газ струями пара и не спеша занимали завоеванную территорию. Они, очевидно, не стремились все уничтожить, хотели только вызвать полную деморализацию и таким образом сломить всякое сопротивление. Они взрывали пороховые склады, перерезали телеграфные провода и портили в разных местах железнодорожное полотно. Они как бы подрезали человечеству подколенную жилу. Повидимому, они не торопились расширить зону своих действий и в этот день не пошли дальше центра Лондона. Возможно, что значительное количество лондонских жителей оставалось еще в своих домах в понедельник утром. Достоверно известно, что многие из них были задушены черным газом.

До полудня лондонский Пул [1] представлял удивительное зрелище. Пароходы и другие суда еще стояли там, и за переезд предлагались громадные деньги. Говорят, что многие бросались вплавь к судам, их отталкивали баграми, и они тонули. Около часу дня под арками моста Блэкфрайер показались тонкие струйки черного газа. Тотчас же весь Пул превратился в арену бешеного смятения, борьбы и свалки; множество лодок и катеров стеснилось в северной арке моста Тауэр, и матросы и грузчики отчаянно отбивались от толпы, напирающей с берега. Некоторые даже спускались вниз по устоям моста...

Когда час спустя за Вестминстером появился первый марсианин и направился вниз по реке, за Лаймхаузом плавали лишь одни обломки.

Я уже упоминал о пятом цилиндре. Шестой упал возле Уимблдона. Брат, охраняя своих спутниц, спавших в коляске на лугу, видел зеленую вспышку огня далеко за холмами. Во вторник, все еще не теряя надежды уехать морем, они продолжали пробираться с толпой беженцев к Колчестеру. Слухи о том, что марсиане уже захватили Лондон, подтвердились. Их заметили у Хайгета и даже у Нисдона. Мой брат увидел их только на следующий день.

---

[1] Пул («лужа») — часть Темзы между Лондонским мостом и Блэкуолом.

Вскоре толпы беженцев стали нуждаться в продовольствии. Голодные люди не церемонились с чужой собственностью. Фермеры вынуждены были с оружием в руках защищать свои скотные дворы, амбары и еще не снятый с полей урожай. Некоторые беженцы, подобно моему брату, повернули на восток. Находились такие смельчаки, которые в поисках пищи возвращались обратно в сторону Лондона. Это были главным образом жители северных предместий, которые знали о черном газе лишь понаслышке. Говорили, что около половины членов правительства собралось в Бирмингеме и что большое количество взрывчатых веществ было заготовлено для закладки автоматических мин в графствах Мидлена.

Брат слышал также, что мидленская железнодорожная компания исправила все повреждения, причиненные в первый день паники, восстановила сообщение, и поезда снова идут к северу от Сент-Олбенса, чтобы уменьшить наплыв беженцев в окрестные графства. В Чиппинг-Онгаре висело объявление, сообщавшее, что в северных городах имеются большие запасы муки и что в ближайшие сутки хлеб будет распределен между голодающими. Однако это сообщение не побудило брата изменить свой план; они весь день продвигались к востоку и нигде не видели обещанной раздачи хлеба. Да и действительно никто этого не видел. В эту ночь упал седьмой цилиндр на Примроз-хилле. Он упал во время дежурства мисс Элфинстон. Она дежурила ночью попеременно с братом и видела, как он падал.

В среду, после ночевки в пшеничном поле, трое беженцев достигли Челмсфорда, где несколько жителей, назвавшихся Комитетом общественного питания, отобрали у них пони и не выдали ничего взамен, но пообещали дать долю при разделе пони на другой день. По слухам, марсиане были уже у Эппинга; говорили, что пороховые заводы в Уолтхем-Эбби разрушились при неудачной попытке взорвать одного из марсиан.

На церковных колокольнях были установлены сторожевые посты. Брат,— к счастью, как выяснилось позже,— предпочел идти пешком к морю, не дожидаясь выдачи съестных припасов, хотя все трое были очень голодны. Около полудня они прошли через Тиллингхем, который казался вымершим; только несколько мароде-

ров рыскали по домам в поисках еды. За Тиллингхемом они внезапно увидели море и огромное скопление всевозможных судов на рейде.

Боясь подниматься вверх по Темзе, моряки направились к берегам Эссекса — к Гравичу, Уолтону и Клэктону, а потом к Фаулнессу и Шубэри, где забирали на борт пассажиров. Суда стояли в большом серповидном заливе, берега которого терялись в тумане у Нэйза. У самого берега стояли небольшие рыбачьи шхуны: английские, шотландские, французские, голландские и шведские; паровые катера с Темзы, яхты, моторные лодки; дальше виднелись более крупные суда — угольщики, грузовые пароходы, пассажирские, нефтеналивные, океанские пароходы, старый белый транспорт, красивые, серые с белым, пароходы, курсирующие между Саутгемптоном и Гамбургом. Вдоль всего берега до Блэкуотера толпились лодки — лодочники торговались с пассажирами, стоявшими на взморье; и так почти до самого Молдона.

Мили за две от берега стояло одетое в броню судно, почти совсем погруженное в воду, как показалось брату. Это был миноносец «Сын грома». Других военных судов поблизости не было, но вдалеке, вправо, над спокойной поверхностью моря — в этот день был мертвый штиль—змеился черный дымок; это броненосцы ламаншской эскадры, вытянувшись в длинную линию против устья Темзы, стояли под парами, готовые к бою, и зорко наблюдали за победоносным шествием марсиан, бессильные, однако, ему помешать.

При виде моря миссис Элфинстон перепугалась, хоть золовка и старалась приободрить ее. Она никогда не выезжала из Англии, она скорей согласится умереть, чем уехать на чужбину. Бедняжка, кажется, думала, что французы не лучше марсиан. Во время двухдневного путешествия она часто нервничала и плакала. Она хотела возвратиться в Стэнмор. Наверно, в Стэнморе все спокойно и благополучно. И в Стэнморе их ждет Джордж...

С большим трудом удалось уговорить ее спуститься к берегу, где брату посчастливилось привлечь внимание нескольких матросов на колесном пароходе с Темзы. Они выслали лодку и сторговались на тридцати шести фунтах за троих. Пароход шел, по их словам, в Остенде.

Было уже около двух часов, когда брат и его спутницы, заплатив у сходней за свои места, взошли наконец на пароход. Здесь можно было достать еду, хотя и по баснословно дорогой цене; они решили пообедать и расположились на носу.

На борту уже набралось около сорока человек; многие истратили свои последние деньги, чтобы заручиться местом; но капитан стоял у Блэкуотера до пяти часов, набирая новых пассажиров, пока вся палуба не наполнилась народом. Он, может быть, остался бы и дольше, если бы на юге не началась канонада. Как бы в ответ на нее с миноносца раздался выстрел из небольшой пушки и взвились сигнальные флажки. Клубы дыма вырывались из его труб.

Некоторые из пассажиров уверяли, что пальба доносится из Шубэринеса, пока не стало ясно, что канонада приближается. Далеко на юго-востоке в море показались мачты трех броненосцев, окутанных черным дымом. Но внимание брата отвлекла отдаленная орудийная пальба на юге. Ему показалось, что он увидел в тумане поднимающийся столб дыма.

Пароходик заработал колесами и двинулся к востоку от длинной изогнутой линии судов. Низкий берег Эссекса уже оделся голубоватой дымкой, когда появился марсианин. Маленький, чуть заметный на таком расстоянии, он приближался по илистому берегу со стороны Фаулнесса. Перепуганный капитан стал злобно браниться во весь голос, ругая себя за задержку, и лопасти колес, казалось, заразились его страхом. Все пассажиры стояли у поручней или на скамьях и смотрели на марсианина, который возвышался над деревьями и колокольнями на берегу и двигался так, словно пародировал человеческую походку.

Это был первый марсианин, увиденный братом; брат скорее с удивлением, чем со страхом, смотрел на этого титана, осторожно приближавшегося к линии судов и шагавшего по воде все дальше и дальше от берега. Потом — далеко за Краучем — показался другой марсианин, шагавший по перелеску; за ним — еще дальше — третий, точно идущий вброд через поблескивающую илистую отмель, которая, казалось, висела между небом и морем. Все они шли прямо в море, как будто намерева-

ясь помешать отплытию судов, собравшихся между Фалнессом и Нэйзом. Несмотря на усиленное пыхтение машины и на бугры пены за колесами, пароходик очень медленно уходил от приближавшейся опасности.

Взглянув на северо-запад, брат заметил, что порядок среди судов нарушился и они панически заворачивали, шли наперерез друг другу; пароходы давали свистки и выпускали клубы пара, паруса поспешно распускались, катера сновали туда и сюда. Увлеченный этим зрелищем, брат не смотрел по сторонам. Неожиданный поворот парохода, чтобы избежать столкновения, сбросил брата со скамейки, на которой он стоял. Кругом затопали, закричали «ура», на которое откуда-то слабо ответили. Тут судно накренилось, и брата отбросило в сторону.

Он вскочил и увидал за бортом, всего в каких-нибудь ста ярдах от накренившегося и нырявшего пароходика, мощное стальное тело, точно лемех плуга, разрезавшее воду на две огромные пенистые волны; пароходик беспомощно махал лопастями колес по воздуху и накренялся почти до ватерлинии.

Целый душ пены ослепил на мгновение брата. Протерев глаза, он увидел, что огромное судно пронеслось мимо и идет к берегу. Надводная часть длинного стального корпуса высоко поднималась над водой, а из двух труб вырывались искры и клубы дыма. Это был миноносец «Сын грома», спешивший на выручку находившимся в опасности судам.

Ухватившись за поручни на раскачивавшейся палубе, брат отвел взгляд от промчавшегося левиафана и взглянул на марсиан. Все трое теперь сошлись и стояли так далеко в море, что их треножники были почти скрыты водой. Погруженные в воду, на таком далеком расстоянии, они не казались уже чудовищными по сравнению со стальным гигантом, в кильватере которого беспомощно качался пароходик. Марсиане как будто с удивлением рассматривали нового противника. Быть может, этот гигант показался им похожим на них самих. «Сын грома» шел полным ходом без выстрелов. Вероятно, благодаря этому ему и удалось подойти так близко к врагу. Марсиане не знали, как поступить с ним. Один снаряд, и они тотчас же пустили бы его ко дну тепловым лучом.

«Сын грома» шел таким ходом, что через минуту уже покрыл половину расстояния между пароходиком и марсианами,— черное, быстро уменьшающееся пятно на фоне низкого, убегающего берега Эссекса.

Вдруг передний марсианин опустил свою трубу и метнул в миноносец тучи черного газа. Точно струя чернил залила левый борт миноносца, черное облако дыма заклубилось по морю, но миноносец проскочил. С низко сидящего в воде пароходика, глядя против солнца, казалось, что миноносец находится уже среди марсиан.

Потом гигантские фигуры марсиан разделились и стали отступать к берегу, все выше и выше вырастая над водой. Один из них поднял генератор теплового луча, направляя его под углом вниз; облако пара поднялось с поверхности воды от прикосновения теплового луча. Он прошел сквозь стальную броню миноносца, как добела раскаленный железный прут сквозь лист бумаги.

Вдруг среди облака пара блеснула вспышка, марсианин дрогнул и пошатнулся. Через секунду второй залп сбил его, и смерч из воды и пара взлетел высоко в воздух. Орудия «Сына грома» гремели дружными залпами. Один снаряд, взметнув водяной столб, упал возле пароходика, отлетел рикошетом к другим судам, уходившим к северу, и раздробил в щепы рыбачью шхуну.

Но никто не обратил на это внимания. Увидев, что марсианин упал, капитан на мостике громко крикнул, и столпившиеся на корме пассажиры подхватили его крик. Вдруг все снова закричали: из белого хаоса пара, вздымая волны, неслось что-то длинное, черное, объятое пламенем, с вентиляторами и трубами, извергающими огонь.

Миноносец все еще боролся; руль, по-видимому, был не поврежден, и машины работали. Он шел прямо на второго марсианина и находился в ста ярдах от него, когда тот направил на «Сына грома» тепловой луч. С грохотом среди ослепительного пламени палуба и трубы взлетели вверх. Марсианин пошатнулся от взрыва, и через секунду пылающие обломки судна, все еще несшиеся вперед по инерции, ударили и подмяли его, как

«ВОЙНА МИРОВ»

«ВОЙНА МИРОВ»

картонную куклу. Брат невольно вскрикнул. Снова все скрылось в хаосе кипящей воды и пара.

— Два! — крикнул капитан.

Все кричали, весь пароходик от кормы до носа сотрясался от радостного крика, подхваченного сперва на одном, а потом на всех судах и лодках, шедших в море.

Пар висел над водой несколько минут, скрывая берег и третьего марсианина. Пароходик продолжал работать колесами, уходя с места боя. Когда наконец пар рассеялся, его сменил черный дым, нависший такой тучей, что нельзя было разглядеть ни «Сына грома», ни третьего марсианина. Броненосцы с моря подошли совсем близко и остановились между берегом и пароходиком.

Суденышко уходило в море; броненосцы же стали приближаться к берегу, все еще скрытому причудливо свивавшимися клубами пара и черного газа. Целая флотилия спасавшихся судов уходила к северо-востоку; несколько рыбачьих шхун ныряло между броненосцами и пароходиком. Не дойдя до оседавшего облака пара и газа, эскадра повернула к северу и скрылась в черных сумерках. Берег расплывался, теряясь в облаках, сгущавшихся вокруг заходящего солнца.

Вдруг из золотистой мглы заката донеслись вибрирующие раскаты орудий и показались какие-то темные двигающиеся тени. Все бросились к борту, всматриваясь в ослепительное сияние вечерней зари, но ничего нельзя было разобрать. Туча дыма поднялась и скрыла солнце. Пароходик, пыхтя, отплывал все дальше, и находившиеся на нем люди так и не увидали, чем кончилось морское сражение.

Солнце скрылось среди серых туч; небо побагровело, затем потемнело; вверху блеснула вечерняя звезда. Было уже совсем темно, когда капитан что-то крикнул и показал вдаль. Брат стал напряженно всматриваться. Что-то взлетело к небу из недр туманного мрака и косо поднялось кверху, быстро двигаясь в отблеске зари, над тучами на западном небосклоне; что-то плоское, широкое, огромное, описав большую дугу и снижаясь, пропало в таинственном сумраке ночи. Над землею скользнула зловещая тень.

КНИГА ВТОРАЯ

ЗЕМЛЯ ПОД ВЛАСТЬЮ МАРСИАН

ГЛАВА I

ПОД ПЯТОЙ

В первой книге я сильно отклонился в сторону от своих собственных приключений, рассказывая о похождениях брата. Пока разыгрывались события, описанные в двух последних главах, мы со священником сидели в пустом доме в Голлифорде, где мы спрятались, спасаясь от черного газа. С этого момента я и буду продолжать свой рассказ. Мы оставались там всю ночь с воскресенья на понедельник и весь следующий день, день паники, на маленьком островке дневного света, отрезанные от остального мира черным газом. Эти два дня мы провели в тягостном бездействии.

Я очень тревожился за жену. Я представлял ее себе в Лезерхэде; должно быть, она перепугана, в опасности и уверена, что меня уже нет в живых. Я ходил по комнатам, содрогаясь при мысли о том, что может случиться с ней в мое отсутствие. Я не сомневался в мужестве своего двоюродного брата, но он был не из тех людей, которые быстро замечают опасность и действуют без промедления. Здесь требовалась не храбрость, а осмотрительность. Единственным утешением для меня было то, что марсиане двигались к Лондону, удаляясь

от Лезерхэда. Такая тревога изматывает человека. Я очень устал, и меня раздражали постоянные вопли священника и его эгоистическое отчаяние. После нескольких безрезультатных попыток его образумить я ушел в одну из комнат, очевидно, классную, где находились глобусы, модели и тетради. Когда он пробрался за мной и туда, я полез на чердак и заперся там в каморке; мне хотелось остаться наедине со своим горем.

В течение этого дня и следующего мы были безнадежно отрезаны от мира черным газом. В воскресенье вечером мы заметили признаки людей в соседнем доме: чье-то лицо у окна, свет, хлопанье дверей. Не знаю, что это были за люди и что стало с ними. На другой день мы их больше не видели. Черный газ в понедельник утром медленно сползал к реке, подбираясь все ближе и ближе к нам, и наконец заклубился по дороге перед самым домом, где мы скрывались.

Около полудня в поле показался марсианин, выпускавший из какого-то прибора струю горячего пара, который со свистом ударялся о стены, разбивая оконные стекла, и обжег руку священнику, когда тот выбегал на дорогу из комнаты. Когда много времени спустя мы прокрались в отсыревшие от пара комнаты и снова выглянули на улицу, вся земля к северу была словно запорошена черным снегом. Взглянув на долину реки, мы были очень удивлены, заметив какой-то странный красноватый оттенок на черных сожженных лугах.

Мы не сразу сообразили, насколько это меняло наше положение,— мы видели только, что теперь нечего бояться черного газа. Наконец я понял, что мы свободны и можем уйти, что дорога к спасению открыта. Мной снова овладела жажда деятельности. Но священник попрежнему находился в состоянии крайней апатии.

— Мы здесь в полной безопасности,— повторял он,— в полной безопасности.

Я решил покинуть его (о, если бы я это сделал!) и стал запасаться провиантом и питьем, помня о наставлениях артиллериста. Я нашел масло и тряпку, чтобы перевязать свои ожоги, захватил шляпу и фуфайку, обнаруженные в одной из спален. Когда священник понял, что я решил уйти один, он тоже начал собираться. Нам как будто ничто не угрожало, и мы отправились

по почерневшей дороге на Санбэри. По моим расчетам, было около пяти часов вечера.

В Санбэри и на дороге валялись скорченные трупы людей и лошадей, опрокинутые повозки и разбросанная поклажа; все было покрыто слоем черной пыли. Этот угольно-черный покров напомнил мне все то, что я читал о разрушении Помпеи. Мы дошли благополучно до Хэмптон-Корт, удрученные странным и необычным видом местности; в Хэмптон-Корт мы с радостью увидели клочок зелени, уцелевшей от гибельной лавины. Мы прошли через Баши-парк, где под каштанами бродили лани; вдалеке несколько мужчин и женщин спешили к Хэмптону. Наконец, мы добрались до Туикенхема. Здесь в первый раз мы встретили людей.

Вдали за Хемом и Питерсхемом все еще горели леса. Туикенхем избежал тепловых лучей и черного газа, и там попадались люди, но никто не мог сообщить нам ничего нового. Почти все они так же, как и мы, спешили дальше, пользуясь затишьем. Мне показалось, что кое-где в домах еще оставались жители, вероятно, слишком напуганные, чтобы бежать. И здесь, на дороге, виднелись следы панического бегства. Мне ясно запомнились три изломанных велосипеда, лежавших кучей и вдавленных в грунт проехавшими по ним колесами. Мы перешли Ричмондский мост около половины девятого. Мы спешили, чтобы поскорей миновать открытый мост, но я все же заметил какие-то красные груды в несколько футов шириной, плывшие вниз по течению. Я не знал, что это такое,— мне некогда было разглядывать; я дал им страшное истолкование, хотя для этого не было никаких оснований. Здесь, в сторону Сэррея, тоже лежала черная пыль, бывшая недавно газом, и валялись трупы, особенно много у дороги к станции. Марсиан мы не видели, пока не подошли к Барнсу.

Селение казалось покинутым; мы увидели там трех человек, бежавших по переулку к реке. На вершине холма горел Ричмонд; за Ричмондом следов черного газа не было видно.

Когда мы приближались к Кью, мимо нас пробежало несколько человек и над крышами домов — ярдов за сто от нас — показалась верхняя часть боевой машины марсианина. Стоило марсианину взглянуть вниз — и мы про-

пали бы. Мы оцепенели от ужаса, потом бросились в сторону и спрятались в каком-то сарае. Священник присел на землю, всхлипывая и отказываясь идти дальше.

Но я решил во что бы то ни стало добраться до Лезерхэда и с наступлением темноты двинуться дальше. Я пробрался сквозь кустарник, прошел мимо большого дома с пристройками и вышел на дорогу к Кью. Священника я оставил в сарае, но он вскоре догнал меня.

Трудно себе представить что-либо безрассуднее этой попытки. Было очевидно, что мы окружены марсианами. Едва священник догнал меня, как мы снова увидели вдали, за полями, тянувшимися к Кью-Лоджу, боевой треножник, возможно, тот же самый, а может быть, другой. Четыре или пять маленьких черных фигурок бежали от него по серо-зеленому полю: очевидно, марсианин преследовал их. В три шага он их догнал; они побежали из-под его ног в разные стороны по радиусам. Марсианин не прибег к тепловому лучу и не уничтожил их. Он просто подобрал их всех в большую металлическую корзину, висевшую позади.

В первый раз мне пришло в голову, что марсиане, быть может, вовсе не хотят уничтожить людей, а собираются воспользоваться побежденным человечеством для других целей. С минуту мы стояли, пораженные ужасом; потом повернули назад и через ворота прокрались в обнесенный стеной сад, заползли в какую-то яму, едва осмеливаясь перешептываться друг с другом, и лежали там, пока на небе не блеснули звезды.

Было, должно быть, около одиннадцати часов вечера, когда мы решились повторить нашу попытку и пошли уже не по дороге, а полями, вдоль изгородей, всматриваясь в темноте — я налево, священник направо, — нет ли марсиан, которые, казалось, все собрались вокруг нас. В одном месте мы натолкнулись на почерневшую, опаленную площадку, уже остывшую и покрытую пеплом, с целой грудой трупов, обгорелых и обезображенных, — уцелели только ноги и башмаки. Тут же валялись туши лошадей, на расстоянии, может быть, пятидесяти футов от четырех разорванных пушек с разбитыми лафетами.

Селение Шин, по-видимому, избежало разрушения, но было пусто и безмолвно. Здесь нам больше не попа-

далось трупов; впрочем, ночь была до того темна, что мы не могли разглядеть даже боковых улиц. В Шине мой спутник вдруг стал жаловаться на слабость и жажду, и мы решили зайти в один из домов.

Первый дом, куда мы проникли через окно, оказался небольшой виллой с полусорванной крышей; я не мог найти там ничего съедобного, кроме куска заплесневелого сыра. Зато там была вода, и можно было напиться; я захватил попавшийся мне на глаза топор, который мог пригодиться нам при взломе другого дома.

Мы подошли к тому месту, где дорога поворачивает на Мортлэйк. Здесь стоял белый дом среди обнесенного стеной сада; в кладовой мы нашли запас продовольствия: две ковриги хлеба, кусок сырого мяса и пол-окорока. Я перечисляю все это так подробно потому, что в течение двух следующих недель нам пришлось довольствоваться этим запасом. На полках мы нашли бутылки с пивом, два мешка фасоли и пучок вялого салата. Кладовая выходила в судомойню, где лежали дрова и стоял буфет. В буфете мы нашли почти дюжину бургундского, мясные и рыбные консервы и две жестянки с бисквитами.

Мы сидели в темной кухне, так как боялись зажечь огонь, ели хлеб с ветчиной и пили пиво из одной бутылки. Священник, по-прежнему пугливый и беспокойный, почему-то стоял за то, чтобы скорее идти, и я едва уговорил его подкрепиться. Но тут произошло событие, превратившее нас в пленников.

— Вероятно, до полуночи еще далеко,— сказал я, и тут вдруг блеснул ослепительный зеленый свет. Вся кухня осветилась на мгновение зеленым блеском. Затем последовал такой удар, какого я никогда не слыхал ни раньше, ни после. Послышался звон разбитого стекла, грохот обвалившейся каменной кладки, посыпалась штукатурка, разбиваясь на мелкие куски о наши головы. Я повалился на пол, ударившись о выступ печи, и лежал оглушенный. Священник говорил, что я долго был без сознания. Когда я пришел в себя, кругом снова было темно и священник брызгал на меня водой; его лицо было мокро от крови, которая, как я после разглядел, текла из рассеченного лба.

В течение нескольких минут я не мог сообразить, что случилось. Наконец память мало-помалу вернулась ко мне. Я почувствовал на виске боль от ушиба.

— Вам лучше? — шепотом спросил священник.

Я не сразу ему ответил. Потом приподнялся и сел.

— Не двигайтесь,— сказал он,— пол усеян осколками посуды из буфета. Вы не сможете двигаться бесшумно, а мне кажется, они совсем рядом.

Мы сидели так тихо, что каждый слышал дыхание другого. Могильная тишина; только раз откуда-то сверху упал не то кусок штукатурки, не то кирпич. Снаружи, где-то очень близко, слышалось металлическое побрякивание.

— Слышите? — сказал священник, когда звук повторился.

— Да,— ответил я.— Но что это такое?

— Марсианин! — прошептал священник.

Я снова прислушался.

— Это был не тепловой луч,— сказал я и подумал, что один из боевых треножников наткнулся на дом. На моих глазах один из них налетел на церковь в Шеппертоне.

В таком выжидательном положении мы просидели неподвижно в течение трех или четырех часов, пока не рассвело. Наконец свет проник к нам, но не через окно, которое оставалось темным, а сквозь треугольное отверстие в стене позади нас, между балкой и грудой осыпавшихся кирпичей. В серых, предутренних сумерках мы в первый раз разглядели внутренность кухни.

Окно было завалено рыхлой землей, которая насыпалась на стол, где мы ужинали, и покрывала пол. Снаружи земля была взрыта и, очевидно, засыпала дом. В верхней части оконной рамы виднелась исковерканная дождевая труба. Пол был усеян металлическими обломками. Конец кухни, ближе к жилым комнатам, осел, и когда рассвело, то нам стало ясно, что большая часть дома разрушена. Резким контрастом с этими развалинами был чистенький кухонный шкаф, окрашенный в бледно-зеленый цвет, обои в белых и голубых квадратах и две раскрашенные картинки на стене.

Когда стало совсем светло, мы увидели в щель фигуру марсианина, стоявшего, как я понял потом, на стра-

же над еще не остывшим цилиндром. Мы осторожно поползли из полутемной кухни в темную судомойню.

Вдруг меня осенило: я понял, что случилось.

— Пятый цилиндр,— прошептал я,— пятый выстрел с Марса попал в этот дом и похоронил нас под развалинами!

Священник долго молчал, потом прошептал:

— Господи, помилуй нас!

И стал что-то бормотать про себя.

Все было тихо, мы сидели, притаившись в судомойне.

Я боялся даже дышать и замер на месте, пристально глядя на слабо освещенный четырехугольник кухонной двери. Я едва мог разглядеть лицо священника — неясный овал, его воротничок и манжеты. Снаружи послышался звон металла, потом резкий свист и шипение, точно у паровой машины. Все эти загадочные для нас звуки раздавались непрерывно, все усиливаясь и нарастая. Вдруг послышался какой-то размеренный вибрирующий гул, от которого все кругом задрожало и посуда в буфете зазвенела. Свет померк, и дверь кухни стала совсем темной. Так мы сидели долгие часы, молчаливые, дрожащие, пока наконец не заснули от утомления...

Я очнулся, чувствуя сильный голод. Вероятно, мы проспали большую часть дня. Голод придал мне решимости. Я сказал священнику, что отправлюсь на поиски еды, и пополз по направлению к кладовой. Он ничего не ответил, но как только услыхал, что я начал есть, тоже приполз ко мне.

ГЛАВА II

ЧТО МЫ ВИДЕЛИ ИЗ РАЗВАЛИН ДОМА

Насытившись, мы поползли назад в судомойню, где я, очевидно, опять задремал; очнувшись, обнаружил, что я один. Вибрирующий гул продолжался, не ослабевая, с раздражающим упорством. Я несколько раз шепотом позвал священника, потом пополз к двери кухни. В дневном свете я увидел священника в другом конце комнаты: он лежал у треугольного отверстия, выхо-

дившего наружу, к марсианам. Его плечи были приподняты, и головы не было видно.

Шум был, как в паровозном депо, и все здание содрогалось от него. Сквозь отверстие в стене я видел вершину дерева, освещенную солнцем, и клочок ясного голубого вечернего неба. С минуту я смотрел на священника, потом подкрался поближе, осторожно переступая через осколки стекла и черепки.

Я тронул священника за ногу. Он так вздрогнул, что от наружной штукатурки с треском отвалился большой кусок. Я схватил его за руку, боясь, что он закричит, и мы оба замерли. Потом я повернулся посмотреть, что осталось от нашего убежища. Обвалившаяся штукатурка образовала новое отверстие в стене; осторожно взобравшись на балку, я выглянул — и едва узнал пригородную дорогу: так все кругом изменилось.

Пятый цилиндр попал, очевидно, в тот дом, куда мы заходили сначала Строение совершенно исчезло, превратилось в пыль и разлетелось. Цилиндр лежал глубоко в земле, в воронке, более широкой, чем яма около Уокинга, в которую я в свое время заглядывал. Земля вокруг точно расплескалась от страшного удара («расплескалась» — самое подходящее здесь слово) и засыпала соседние дома; такая же была бы картина, если бы ударили молотком по грязи. Наш дом завалился назад; передняя часть была разрушена до самого основания. Кухня и судомойня уцелели каким-то чудом и были засыпаны тоннами земли и мусора со всех сторон, кроме одной, обращенной к цилиндру. Мы висели на краю огромной воронки, где работали марсиане. Тяжелые удары раздавались, очевидно, позади нас; ярко-зеленый пар то и дело поднимался из ямы и окутывал дымкой нашу щель.

Цилиндр был уже открыт, а в дальнем конце ямы, среди вырванных и засыпанных песком кустов, стоял пустой боевой треножник — огромный металлический остов, резко выступавший на фоне вечернего неба. Я начал свое описание с воронки и цилиндра, хотя в первую минуту мое внимание было отвлечено поразительной сверкающей машиной, копавшей землю, и странными неповоротливыми существами, неуклюже копошившимися возле нее в рыхлой земле

Меня прежде всего заинтересовал этот механизм. Это была одна из тех сложных машин, которые назвали впоследствии многорукими и изучение которых дало такой мощный толчок техническим изобретениям. На первый взгляд она походила на металлического паука с пятью суставчатыми подвижными лапами и со множеством суставчатых рычагов и хватающих передаточных щупалец вокруг корпуса. Большая часть рук этой машины была втянута, но тремя длинными щупальцами она хватала металлические шесты, прутья и листы — очевидно, броневую обшивку цилиндра. Машина вытаскивала, поднимала и складывала все это на ровную площадку позади воронки.

Все движения были так быстры, сложны и совершенны, что сперва я даже не принял ее за машину, несмотря на металлический блеск. Боевые треножники были тоже удивительно совершенны и казались одушевленными, но они были ничто в сравнении с этой. Люди, знающие эти машины только по бледным рисункам или по неполным рассказам очевидцев, вряд ли могут представить себе эти почти одухотворенные механизмы.

Я вспомнил иллюстрацию в брошюре, дававшей подробное описание войны. Художник, очевидно, очень поверхностно ознакомился с одной из боевых машин. Он изобразил их в виде неповоротливых наклонных треножников, лишенных гибкости и легкости и производящих однообразные действия. Брошюра, снабженная этими иллюстрациями, наделала много шуму, но я упоминаю о них только для того, чтобы читатели не получили неверного представления.

Иллюстрации были не более похожи на тех марсиан, которых я видел, чем восковая кукла на человека. Помоему, эти рисунки только испортили брошюру.

Как я уже сказал, многорукая машина сперва показалась мне не машиной, а каким-то существом вроде краба с лоснящейся оболочкой; тело марсианина, тонкие щупальца которого регулировали все движения машины, я принял за нечто вроде мозгового придатка. Затем я заметил тот же серовато-бурый кожистый лоснящийся покров на других копошившихся вокруг телах и разгадал тайну изумительного механизма. После этого я все свое внимание обратил на живых, настоящих мар-

сиан. Я уже мельком видел их, но теперь отвращение не мешало моим наблюдениям, и, кроме того, я наблюдал за ними из-за прикрытия, а не в момент поспешного бегства.

Теперь я разглядел, что в этих существах не было ничего земного. Это были большие круглые тела, скорее головы, около четырех футов в диаметре, с неким подобием лица. На этих лицах не было ноздрей (марсиане, кажется, были лишены чувства обоняния), только два больших темных глаза и что-то вроде мясистого клюва под ними. Сзади на этой голове или теле (я, право, не знаю, как это назвать) находилась тугая перепонка, соответствующая (это выяснили позднее) нашему уху, хотя она, вероятно, оказалась бесполезной в нашей более сгущенной атмосфере. Около рта торчали шестнадцать тонких, похожих на бичи щупалец, разделенных на два пучка — по восьми щупалец в каждом. Эти пучки знаменитый анатом профессор Хоус довольно удачно назвал руками. Когда я впервые увидел марсиан, мне показалось, что они старались опираться на эти руки, но этому, видимо, мешал увеличившийся в земных условиях вес их тел. Можно предположить, что на Марсе они довольно легко передвигаются при помощи этих щупалец.

Внутреннее анатомическое строение марсиан, как показали позднейшие вскрытия, оказалось очень несложным. Большую часть их тела занимал мозг с разветвлениями толстых нервов к глазам, уху и осязающим щупальцам. Кроме того, были найдены довольно сложные органы дыхания — легкие — и сердце с кровеносными сосудами. Усиленная работа легких вследствие более плотной земной атмосферы и увеличения силы тяготения была заметна даже по конвульсивным движениям кожи марсиан.

Таков был организм марсианина. Нам может показаться странным, что у марсиан совершенно не оказалось никаких признаков сложного пищеварительного аппарата, являющегося одной из главных частей нашего организма. Они состояли из одной только головы. У них не было внутренностей. Они не ели, не переваривали пищу. Вместо этого они брали свежую живую кровь других организмов и впрыскивали ее себе в вены. Я сам ви-

дел, как они это делали, и упомяну об этом в свое время. Чувство отвращения мешает мне подробно описать то, на что я не мог даже смотреть. Дело в том, что марсиане, впрыскивая себе небольшой пипеткой кровь, в большинстве случаев человеческую, брали ее непосредственно из жил еще живого существа...

Одна мысль об этом кажется нам чудовищной, но в то же время я невольно думаю, какой отвратительной должна показаться наша привычка питаться мясом, скажем, кролику, вдруг получившему способность мыслить.

Нельзя отрицать физиологических преимуществ способа инъекции. если вспомнить, как много времени и энергии тратит человек на еду и пищеварение. Наше тело наполовину состоит из желез, пищеварительных каналов и органов разного рода, занятых перегонкой пищи в кровь. Влияние пищеварительных процессов на нервную систему подрывает наши силы, отражается на нашей психике. Люди счастливы или несчастны в зависимости от состояния печени или поджелудочной железы. Марсиане свободны от этих влияний организма на настроение и эмоции.

То, что марсиане предпочитали людей как источник питания, отчасти объясняется природой тех жертв, которые они привезли с собой с Марса в качестве провианта. Эти существа, судя по тем высохшим останкам, которые попали в руки людей, тоже были двуногими, с непрочным кремнистым скелетом (вроде наших кремнистых губок) и слаборазвитой мускулатурой; они были около шести футов ростом, с круглой головой и большими глазами в кремнистых впадинах. В каждом цилиндре находилось, кажется, по два или по три таких существа, но все они были убиты еще до прибытия на Землю. Они все равно погибли бы на Земле, так как при первой же попытке встать на ноги сломали бы себе кости.

Раз я уже занялся этим описанием, то добавлю здесь кое-какие подробности, которые в то время не были ясны для нас и которые помогут читателю, не видевшему марсиан, составить себе более ясное представление об этих грозных созданиях.

В трех отношениях их физиология резко отличалась от нашей. Их организм не нуждался в сне и постоян-

но бодрствовал, как у людей сердце. Им не приходилось возмещать сильное мускульное напряжение, и поэтому периодическое прекращение деятельности было им неизвестно. Так же чуждо было им ощущение усталости. На Земле они передвигались с большими усилиями, но даже и здесь находились в непрерывной деятельности. Подобно муравьям, они работали все двадцать четыре часа в сутки.

Во-вторых, марсиане были бесполыми и потому не знали тех бурных эмоций, которые возникают у людей вследствие различия полов. Точно установлено, что на Земле во время войны родился один марсианин; он был найден на теле своего родителя отпочковавшимся, как молодые лилии из луковиц или молодые организмы пресноводного полипа.

У человека и у всех высших видов земных животных подобный способ размножения не существует и считается самым примитивным. У низших животных, кончая оболочниками, стоящими ближе всего к позвоночным, существуют оба способа размножения, но на высших ступенях развития половой способ размножения совершенно вытесняет почкование. На Марсе, по-видимому, развитие шло в обратном направлении.

Любопытно, что один писатель, склонный к лженаучным умозрительным построениям, еще задолго до нашествия марсиан предсказал человеку будущего как раз то строение, какое оказалось у них. Его предсказание, если не ошибаюсь, появилось в 1893 году в ноябрьском или декабрьском номере давно уже прекратившего существование «Пэл-мэл баджит»[1]. Я припоминаю карикатуру на эту тему, помещенную в известном юмористическом журнале домарсианской эпохи «Панч». Автор доказывал, излагая свою мысль в веселом, шутливом тоне, что развитие механических приспособлений должно в конце концов задержать развитие человеческого тела, а химическая пища ликвидирует пищеварение; он утверждал, что волосы, нос, зубы, уши, подбородок постепенно потеряют свое значение для человека и естественный отбор в течение грядущих ве-

---

[1] Речь идет о статье самого Уэллса «Об одной ненаписанной книге» (*Прим ред*).

ков их уничтожит. Будет развиваться один только мозг. Еще одна часть тела переживет остальные — это рука, «учитель и слуга мозга». Все части тела будут атрофироваться, руки же будут все более и более развиваться.

Истина нередко высказывается в форме шутки. У марсиан мы, несомненно, видим полное осуществление подобного подчинения животной стороны организма интеллекту. Мне кажется вполне вероятным, что марсиане, произойдя от существ, в общем похожих на нас, пошли путем постепенного развития мозга и рук (последние в конце концов заменились двумя пучками щупалец) за счет остального организма. Мозг без тела должен был создать, конечно, более эгоистичный интеллект, без всяких человеческих эмоций.

Третье отличие марсиан от нас с первого взгляда может показаться несущественным. Микроорганизмы, возбудители стольких болезней и страданий на Земле, либо никогда не появлялись на Марсе, либо санитария марсиан уничтожила их много столетий тому назад. Сотни заразных болезней, лихорадки и воспаления, поражающие человека, чахотка, рак, опухоли и тому подобные недуги были им совершенно неизвестны.

Говоря о различии между жизнью на Земле и на Марсе, я должен упомянуть о странном появлении красной травы.

Очевидно, растительное царство Марса в отличие от земного, где преобладает зеленый цвет, имеет кроваво-красную окраску. Во всяком случае, те семена, которые марсиане (намеренно или случайно) привезли с собой, давали ростки красного цвета. Впрочем, в борьбе с земными видами растений только одна всем известная красная трава достигла некоторого развития. Красный вьюн скоро засох, и лишь немногие его видели. Что же касается красной травы, то некоторое время она росла удивительно быстро. Она появилась на краях ямы на третий или четвертый день нашего заточения, и ее побеги, походившие на ростки кактуса, образовали карминовую бахрому вокруг нашего треугольного окна. Впоследствии я встречал ее в изобилии по всей стране, особенно поблизости от воды.

Марсиане имели орган слуха — круглую перепонку на задней стороне головы-тела, и их глаза по силе зрения не уступали нашим, только синий и фиолетовый цвет, по мнению Филипса, должен был казаться им черным. Предполагают, что они общались друг с другом при помощи звуков и движений щупалец; так утверждает, например, интересная, но наспех написанная брошюра, автор которой, очевидно, не видел марсиан; на эту брошюру я уже ссылался, она до сих пор служит главным источником сведений о марсианах. Однако ни один из оставшихся в живых людей не наблюдал так близко марсиан, как я. Это произошло, правда, не по моему желанию, но все же это несомненный факт. Я наблюдал за ними внимательно день за днем и утверждаю, что видел собственными глазами, как четверо, пятеро и один раз даже шестеро марсиан, с трудом передвигаясь, выполняли самые тонкие, сложные работы сообща, не обмениваясь ни звуком, ни жестом. Издаваемое ими лишенное всяких модуляций уханье слышалось обычно перед едой; по-моему, оно вовсе не служило сигналом, а происходило просто вследствие выдыхания воздуха перед впрыскиванием крови. Мне известны основы психологии, и я твердо убежден, что марсиане обменивались мыслями без посредства физических органов. Утверждаю это, несмотря на мое предубеждение против телепатии. Перед нашествием марсиан, если только читатель помнит мои статьи, я высказывался довольно резко против телепатических теорий.

Марсиане не носили одежды. Их понятия о нарядах и приличиях, естественно, расходились с нашими; они не только были менее чувствительны к переменам температуры, чем мы, но и перемена давления, по-видимому, не отразилась вредно на их здоровье. Хотя они не носили одежды, но их громадное превосходство над людьми заключалось в других искусственных приспособлениях, которыми они пользовались. Мы с нашими велосипедами и прочими средствами передвижения, с нашими летательными аппаратами Лилиенталя, с нашими пушками, штыками и всем прочим находимся только в начале той эволюции, которую уже проделали марсиане. Они сделались как бы чистым разумом, пользующимся раз-

личными машинами смотря по надобности, точно так же как человек меняет одежду, берет для скорости передвижения велосипед или зонт для защиты от дождя. В машинах марсиан для нас удивительней всего совершенное отсутствие важнейшего элемента почти всех человеческих изобретений в области механики — колеса; ни в одной машине из доставленных ими на Землю нет даже подобия колес. Можно было бы по крайней мере ожидать, что и у них применяются колеса для передвижения. В связи с этим любопытно отметить, что природа даже и на Земле не знает колес и предпочитает другие средства передвижения. Марсиане тоже не знают (что, впрочем, маловероятно) или избегают колес и очень редко пользуются в своих аппаратах неподвижными или относительно неподвижными осями с круговым движением, сосредоточенным в одной плоскости. Почти все соединения в их машинах представляют собой сложную систему скользящих деталей, двигающихся на небольших, искусно изогнутых подшипниках. Затронув эту тему, я должен упомянуть и о том, что длинные рычажные соединения в машинах марсиан приводятся в движение подобием мускулатуры, состоящим из дисков в эластичной оболочке; эти диски поляризуются при прохождении электрического тока и плотно прилегают друг к другу. Благодаря такому устройству получается странное сходство с движениями живого существа, столь поражавшее и даже ошеломлявшее наблюдателя. Такого рода подобия мускулов находились в изобилии и в той напоминавшей краба многорукой машине, которая «распаковывала» цилиндр, когда я первый раз заглянул в щель. Она казалась гораздо более живой, чем марсиане, лежавшие возле нее и освещенные косыми лучами восходящего солнца; они тяжело дышали, шевелили щупальцами и еле передвигались после утомительного перелета в межпланетном пространстве.

Я долго наблюдал за их медлительными движениями при свете солнца и подмечал особенности их строения, пока священник не напомнил о своем присутствии, неожиданно схватив меня за руку. Я обернулся и увидел его нахмуренное лицо и сердито сжатые губы. Он хотел тоже посмотреть в щель: место было только для одного. Таким образом, я должен был на время отка-

заться от наблюдений за марсианами и предоставить эту привилегию ему.

Когда я снова заглянул в щель, многорукая машина уже успела собрать части вынутого из цилиндра аппарата; новая машина имела точно такую же форму, как и первая. Внизу налево работал какой-то небольшой механизм; выпуская клубы зеленого дыма, он рыл землю и продвигался вокруг ямы, углубляя и выравнивая ее. Эта машина и производила тот размеренный гул, от которого сотрясалось наше полуразрушенное убежище. Машина дымила и свистела во время работы. Насколько я мог судить, никто не управлял ею.

ГЛАВА III

ДНИ ЗАТОЧЕНИЯ

Появление второго боевого треножника загнало нас в судомойню, так как мы опасались, что со своей вышки марсианин заметит нас за нашим прикрытием. Позже мы поняли, что наше убежище должно казаться находившимся на ярком свете марсианам темным пятном, и перестали бояться, но сначала при каждом приближении марсиан мы в панике бросались в судомойню. Однако, невзирая на опасность, нас неудержимо тянуло к щели. Теперь я с удивлением вспоминаю, что, несмотря на всю безвыходность нашего положения — ведь нам грозила либо голодная, либо еще более ужасная смерть,— мы даже затевали драку из-за того, кому смотреть первому. Мы бежали на кухню, сгорая от нетерпения и боясь произвести малейший шум, отчаянно толкались и лягались, находясь на волосок от гибели.

Мы были совершенно разными людьми по характеру, по манере мыслить и действовать; опасность и заключение еще резче выявили это различие. Уже в Галлифорде меня возмущали беспомощность, напыщенная декламация и ограниченность священника. Его бесконечные невнятные монологи мешали мне сосредоточиться, обдумать создавшееся положение и доводили меня, и без того крайне возбужденного, чуть не до припадка. У не-

го было не больше выдержки, чем у глупенькой женщины. Он готов был плакать по целым часам, и я уверен, что он, как ребенок, воображал, что слезы помогут ему. Даже в темноте он ежеминутно докучал своей назойливостью. Кроме того, он ел больше меня, и я тщетно напоминал ему, что нам ради нашего спасения необходимо оставаться в доме до тех пор, пока марсиане не кончат работу в яме, и что поэтому надо экономить еду. Он ел и пил сразу помногу после больших перерывов. Спал мало.

Дни шли за днями; его крайняя беспечность и безрассудность ухудшали наше и без того отчаянное положение и увеличивали опасность, так что я волей-неволей должен был прибегнуть к угрозам, даже к побоям. Это образумило его, но ненадолго. Он принадлежал к числу тех слабых, вялых, лишенных самолюбия, трусливых и в то же время хитрых созданий, которые не решаются смотреть прямо в глаза ни богу, ни людям, ни даже самим себе.

Мне неприятно вспоминать и писать об этом, но я обязан рассказывать все. Те, кому удалось избежать темных и страшных сторон жизни, не задумываясь, осудят мою жестокость, мою вспышку ярости в последнем акте нашей драмы; они отлично знают, что́ хорошо и что́ дурно, но, полагаю, не знают, до чего муки могут довести человека. Однако те, которые сами прошли сквозь мрак до самых низин примитивной жизни, поймут меня и будут снисходительны.

И вот, пока мы со священником в тишине и мраке пререкались вполголоса, вырывали друг у друга еду и питье, толкались и дрались, в яме снаружи под беспощадным июньским солнцем марсиане налаживали свою непонятную для нас жизнь. Я вернусь к рассказу о том, что я видел. После долгого перерыва я наконец решился подползти к щели и увидел, что появились еще три боевых треножника, которые притащили какие-то новые приспособления, расставленные теперь в стройном порядке вокруг цилиндра. Вторая многорукая машина, теперь законченная, обслуживала новый механизм, принесенный боевым треножником. Корпус этого нового аппарата по форме походил на молочный бидон с грушевидной вращающейся воронкой наверху, из которой сы-

пался в подставленный снизу круглый котел белый порошок.

Вращение производило одно из щупалец многорукой машины. Две лопатообразные руки копали глину и бросали ее в грушевидный приемник, в то время как третья рука периодически открывала дверцу и удаляла из средней части прибора обгоревший шлак. Четвертое стальное щупальце направляло порошок из котла по коленчатой трубке в какой-то новый приемник, скрытый от меня кучей голубоватой пыли. Из этого невидимого приемника поднималась вверх струйка зеленого дыма. Многорукая машина с негромким музыкальным звоном вдруг вытянула, как подзорную трубу, щупальце, казавшееся минуту назад тупым отростком, и закинула его за кучу глины. Через секунду щупальце подняло вверх полосу белого алюминия, еще не остывшего и ярко блестевшего, и бросило ее на клетку из таких же полос, сложенную возле ямы. От заката солнца до появления звезд эта ловкая машина изготовила не менее сотни таких полос прямо из глины, и куча голубоватой пыли стала подниматься выше края ямы.

Контраст между быстрыми и сложными движениями всех этих машин и медлительными, неуклюжими движениями их хозяев был так разителен, что мне пришлось долго убеждать себя, что марсиане, а не их орудия являются живыми существами.

Когда в яму принесли первых пойманных людей, у щели стоял священник. Я сидел на полу и напряженно прислушивался. Вдруг он отскочил назад, и я в ужасе притаился, думая, что нас заметили. Он тихонько пробрался ко мне по мусору и присел рядом в темноте, невнятно бормоча и показывая что-то жестами; испуг его передался и мне. Знаком он дал понять, что уступает мне щель; любопытство придало мне храбрости; я встал, перешагнул через священника и припал к щели. Сначала я не понял причины его страха. Наступили сумерки, звезды казались крошечными, тусклыми, но яма была освещена зелеными вспышками от машины, изготовлявшей алюминий. Неровные вспышки зеленого огня и двигавшиеся черные смутные тени производили жуткое впечатление. В воздухе кружились летучие мыши, ничуть

не пугавшиеся. Теперь не было видно копошащихся марсиан за выросшей кучей голубовато-зеленого порошка. В одном из углов ямы стоял укороченный боевой треножник со сложенными поджатыми ногами. Вдруг среди гула машин послышались как будто человеческие голоса. Я подумал, что мне померещилось, и сначала не обратил на это внимания.

Я нагнулся, наблюдая за боевым треножником, и тут только окончательно убедился, что в колпаке его находился марсианин. Когда зеленое пламя вспыхнуло ярче, я разглядел его лоснящийся кожный покров и блеск его глаз. Вдруг послышался крик, и я увидел, как длинное щупальце протянулось за плечо машины к металлической клетке, висевшей сзади. Щупальце подняло что-то отчаянно барахтавшееся высоко в воздух — черный, неясный, загадочный предмет на фоне звездного неба; когда этот предмет опустился, я увидел при вспышке зеленого света, что это человек. Я видел его одно мгновение. Это был хорошо одетый, сильный, румяный, средних лет мужчина. Три дня назад это, вероятно, был человек, уверенно шагавший по земле. Я видел его широко раскрытые глаза и отблеск огня на его пуговицах и часовой цепочке. Он исчез по другую сторону кучи, и на мгновение все стихло. Потом послышались отчаянные крики и продолжительное, удовлетворенное уханье марсиан...

Я соскользнул с кучи щебня, встал на ноги и, зажав уши, бросился в судомойню. Священник, который сидел сгорбившись, обхватив голову руками, взглянул на меня, когда я пробегал мимо, довольно громко вскрикнул, очевидно, думая, что я покидаю его, и бросился за мной...

В эту ночь, пока мы сидели в судомойне, разрываясь между смертельным страхом и желанием взглянуть в щель, я тщетно пытался придумать какой-нибудь способ спасения, хотя понимал, что действовать надо безотлагательно. Но на следующий день я заставил себя трезво оценить создавшееся положение. Священник не мог участвовать в обсуждении планов; от страха он лишился способности логически рассуждать и мог действовать лишь импульсивно. В сущности, он стал почти животным. Мне приходилось рассчитывать только на са-

мого себя. Обдумав все хладнокровно, я решил, что, несмотря на весь ужас нашего положения, отчаиваться не следует. Мы могли надеяться, что марсиане расположились в яме только временно. Пусть они даже превратят яму в постоянный лагерь, и тогда нам может представиться случай к бегству, если они не сочтут нужным ее охранять. Я обдумал также очень тщательно план подкопа с противоположной стороны, но здесь нам угрожала опасность быть замеченными с какого-нибудь сторожевого треножника. Кроме того, подкоп пришлось бы делать мне одному. На священника рассчитывать было нечего.

Три дня спустя (если память мне не изменяет) на моих глазах был умерщвлен юноша; это был единственный раз, когда я видел, как питаются марсиане. После этого я почти целый день не подходил к щели. Я отправился в судомойню, отворил дверь и несколько часов рыл топором землю, стараясь производить как можно меньше шума. Но когда я вырыл яму фута в два глубиной, рыхлая земля с шумом осела, и я не решился рыть дальше. Я замер и долго лежал на полу, боясь пошевельнуться. После этого я бросил мысль о подкопе.

Интересно отметить один факт: впечатление, произведенное на меня марсианами, было таково, что я не надеялся на победу людей, благодаря которой я мог бы спастись. Однако на четвертую или пятую ночь послышались выстрелы тяжелых орудий.

Была глубокая ночь, и луна ярко сияла. Марсиане убрали экскаватор и куда-то скрылись; лишь на некотором расстоянии от ямы стоял боевой треножник, да в одном из углов ямы многорукая машина продолжала работать как раз под щелью, в которую я смотрел. В яме было совсем темно, за исключением тех мест, куда падал лунный свет или отблеск многорукой машины, нарушавшей тишину своим лязгом. Ночь была ясная, тихая. Луна почти безраздельно царила в небе, одна только планета нарушала ее одиночество. Вдруг послышался собачий лай, и этот знакомый звук заставил меня насторожиться. Потом очень отчетливо я услышал гул, словно грохот тяжелых орудий. Я насчитал шесть выстрелов и после долгого перерыва — еще шесть. Потом все стихло.

ГЛАВА IV

СМЕРТЬ СВЯЩЕННИКА

Это произошло на шестой день нашего заточения. Я смотрел в щель и вдруг почувствовал, что я один. Только что стоявший рядом со мной и отталкивавший меня от щели священник почему-то ушел в судомойню. Мне показалось это подозрительным. Беззвучно ступая, я быстро двинулся в судомойню. В темноте я услыхал, что священник пьет. Я протянул руку и нащупал бутылку бургундского.

Несколько минут мы боролись. Бутылка упала и разбилась. Я выпустил его и поднялся на ноги. Мы стояли друг против друга, тяжело дыша, сжимая кулаки. Наконец я встал между ним и запасами провизии и сказал, что решил ввести строгую дисциплину. Я разделил весь запас продовольствия на части так, чтобы его хватило на десять дней. Сегодня он больше ничего не получит.

Днем он пытался снова подобраться к припасам. Я задремал было, но сразу встрепенулся. Весь день и всю ночь мы сидели друг против друга; я смертельно устал, но был тверд, он хныкал и жаловался на нестерпимый голод. Я знаю, что так прошли лишь одна ночь и один день, но мне казалось тогда и даже теперь кажется, что это тянулось целую вечность.

Постоянные разногласия между нами привели наконец к открытому столкновению. В течение двух долгих дней мы перебранивались вполголоса, спорили, пререкались. Иногда я терял самообладание и бил его, иногда ласково убеждал, раз я даже попытался соблазнить его последней бутылкой бургундского: в кухне был насос для дождевой воды, откуда я мог напиться. Но ни уговоры, ни побои не действовали, казалось, он сошел с ума. Он по-прежнему пытался захватить провизию и продолжал разговаривать вслух сам с собой. Он вел себя очень неосторожно, и мы каждую минуту могли быть обнаружены. Скоро я понял, что он совсем потерял рассудок,— я оказался в темноте наедине с сумасшедшим.

Мне думается, что и я был в то время не вполне нормален. Меня мучили дикие, ужасные сны. Как это ни странно, но я склонен думать, что сумасшествие священ-

ника послужило мне предостережением: я напряженно следил за собой и поэтому сохранил рассудок.

На восьмой день священник начал разговаривать громким голосом, и я ничем не мог удержать поток его красноречия.

— Это справедливая кара, о боже,— повторял он поминутно,— справедливая! Порази меня и весь род мой. Мы согрешили, мы впали в грех... Повсюду люди страдали, бедных смешивали с прахом, а я молчал. Мои проповеди — сущее безумие, о боже мой, что за безумие! Я должен был восстать и, не щадя жизни своей, призывать к покаянию, к покаянию!.. Угнетатели бедных и страждущих!.. Карающая десница господня!..

Потом он снова вспомнил о провизии, к которой я его не подпускал, умолял меня, плакал, угрожал. Он начал повышать голос; я просил не делать этого; он понял свою власть надо мной и начал грозить, что будет кричать и привлечет внимание марсиан. Сперва это меня испугало, но я понял, что моя уступчивость еще уменьшила бы наши шансы на спасение. Хотя я не очень верил ему, но все же считал возможным, что он на это пойдет. В этот день, во всяком случае, он не привел в исполнение свою угрозу. Он говорил, постепенно повышая голос, весь восьмой и девятый день; это были угрозы, мольбы, порывы полубезумного многоречивого раскаяния в небрежном, недостойном служении богу. Мне даже стало жаль его. Немного поспав, он снова начал говорить, на этот раз так громко, что я вынужден был вмешаться.

— Молчите! — умолял я.

Он опустился на колени в темноте возле котла.

— Я слишком долго молчал,— сказал он так громко, что его должны были услышать в яме,— теперь я должен свидетельствовать. Горе этому беззаконному граду! Горе! Горе! Горе! Горе обитателям земли, ибо уже прозвучала труба.

— Замолчите! — прохрипел я, вскакивая, ужасаясь при мысли, что марсиане услышат нас. — Ради бога, замолчите!..

— Нет! — воскликнул громко священник, поднимаясь и простирая вперед руки.— Изреки! Слово божие в моих устах!

В три прыжка он очутился у двери в кухню.

— Я должен свидетельствовать! Я иду! Я и так уже долго медлил.

Я схватил секач, висевший на стене, и бросился за ним. От страха я пришел в бешенство. Я настиг его посреди кухни. Поддаваясь последнему порыву человеколюбия, я повернул острие ножа к себе и ударил его рукояткой. Он упал ничком на пол. Я, шатаясь, перешагнул через него и остановился, тяжело дыша. Он лежал не двигаясь.

Вдруг я услышал шум снаружи, как будто осыпалась штукатурка, и треугольное отверстие в стене закрылось. Я взглянул вверх и увидел, что многорукая машина двигается мимо щели. Одно из щупалец извивалось среди обломков. Показалось второе щупальце, заскользившее по рухнувшим балкам. Я замер от ужаса. Потом я увидел нечто вроде прозрачной пластинки, прикрывавшей чудовищное лицо и большие темные глаза марсианина. Металлический спрут извивался, щупальце медленно просовывалось в пролом.

Я отскочил, споткнулся о священника и остановился у двери судомойни. Щупальце просунулось ярда на два в кухню, извиваясь и поворачиваясь во все стороны. Несколько секунд я стоял как зачарованный, глядя на его медленное, толчкообразное приближение. Потом, тихо вскрикнув от страха, бросился в судомойню. Я так дрожал, что едва стоял на ногах. Открыв дверь в угольный подвал, я стоял в темноте, глядя через щель в двери и прислушиваясь. Заметил ли меня марсианин? Что он там делает?

В кухне что-то медленно двигалось, задевало за стены с легким металлическим побрякиванием, точно связка ключей на кольце. Затем какое-то тяжелое тело — я хорошо знал, какое — поволоклось по полу кухни к отверстию. Я не удержался, подошел к двери и заглянул в кухню. В треугольном, освещенном солнцем отверстии я увидел марсианина в многорукой машине, напоминавшего Бриарея[1], он внимательно разглядывал голову священника. Я сразу же подумал, что он догадается о моем присутствии по глубокой ране.

Я пополз в угольный погреб, затворил дверь и в тем-

---

[1] Бриарей — сторукий гигант (*древнегреч. миф.*).

ноте, стараясь не шуметь, стал зарываться в уголь и наваливать на себя дрова. Каждую минуту я застывал и прислушивался, не двигается ли наверху щупальце марсианина.

Вдруг легкое металлическое побрякивание возобновилось. Щупальце медленно двигалось по кухне. Все ближе и ближе — оно уже в судомойне. Я надеялся, что оно не достанет до меня. Я начал горячо молиться. Щупальце царапнуло по двери погреба. Наступила целая вечность почти невыносимого ожидания; я услышал, как стукнула щеколда. Он отыскал дверь! Марсиане понимают, что такое двери!

Щупальце провозилось со щеколдой не более одной минуты; потом дверь отворилась.

В темноте я лишь смутно видел этот гибкий отросток, больше всего напоминавший хобот слона; щупальце приближалось ко мне, трогало и ощупывало стену, куски угля, дрова и потолок. Это был словно темный червь, поворачивавший свою слепую голову.

Щупальце коснулось каблука моего ботинка. Я чуть не закричал, но сдержался, вцепившись зубами в руку. С минуту все было тихо. Я уже начал думать, что оно исчезло. Вдруг, неожиданно щелкнув, оно схватило что-то — мне показалось, что меня! — и как будто стало удаляться из погреба. Но я не был в этом уверен. Очевидно, оно захватило кусок угля.

Воспользовавшись случаем, я расправил онемевшие члены и прислушался. Я горячо молился про себя о спасении.

Я не знал, дотянется оно до меня или нет. Вдруг сильным коротким ударом оно захлопнуло дверь погреба. Я слышал, как оно зашуршало по кладовой, слышал, как передвигались жестянки с бисквитами, как разбилась бутылка. Потом новый удар в дверь погреба. Потом тишина и бесконечное томительное ожидание.

Ушло или нет?

Наконец, я решил, что ушло.

Щупальце больше не возвращалось в угольный погреб; но я пролежал весь десятый день в темноте, зарывшись в уголь, не смея выползти даже, чтобы напиться, хотя мне страшно хотелось пить. Только на одиннадцатый день я решился выйти из своего убежища.

ГЛАВА V

ТИШИНА

Прежде чем пойти в кладовую, я запер дверь из кухни в судомойню. Но кладовая была пуста; провизия вся исчезла — до последней крошки. Очевидно, марсианин все унес. Впервые за эти десять дней меня охватило отчаяние. Не только в этот день, но и в последующие два дня я не ел ничего.

Рот и горло у меня пересохли, я сильно ослабел. Я сидел в судомойне в темноте, потеряв всякую надежду. Мне мерещились разные кушанья, и казалось, что я оглох, так как звуки, которые я привык слышать со стороны ямы, совершенно прекратились. У меня даже не хватило сил, чтобы бесшумно подползти к щели в кухне, иначе я бы это сделал.

На двенадцатый день горло у меня так пересохло, что я, рискуя привлечь внимание марсиан, стал качать скрипучий насос возле раковины и добыл стакана два темной, мутной жидкости. Вода освежила меня, и я несколько приободрился, видя, что на шум от насоса не явилось ни одно щупальце.

В течение этих дней я много размышлял о священнике и его гибели, но мысли мои путались и разбегались.

На тринадцатый день я выпил еще немного воды и в полудреме думал о еде и строил фантастические, невыполнимые планы побега. Как только я начинал дремать, меня мучили кошмары: то смерть священника, то роскошные пиры. Но и во сне и наяву я чувствовал какую-то мучительную боль, которая заставляла меня пить без конца. Свет, проникавший в судомойню, был теперь не сероватый, а красноватый. Нервы у меня были так расстроены, что этот свет казался мне кровавым.

На четырнадцатый день я отправился в кухню и очень удивился, увидев, что трещина в стене заросла красной травой и полумрак приобрел красноватый оттенок.

Рано утром на пятнадцатый день я услышал в кухне какие-то странные, очень знакомые звуки. Прислушавшись, я решил, что это, должно быть, повизгивание и царапанье собаки. Войдя в кухню, я увидел собачью морду, просунувшуюся в щель сквозь заросли красной травы. Я

очень удивился. Почуяв меня, собака отрывисто залаяла.

Я подумал, что, если удастся заманить ее в кухню без шума, я смогу убить ее и съесть; во всяком случае, лучше убить ее, так как она может привлечь внимание марсиан.

Я пополз к ней и ласково поманил шепотом:

— Песик! Песик! — Но собака скрылась.

Я прислушался — нет, я не оглох: в яме в самом деле тихо. Я различал только какой-то звук, похожий на хлопанье птичьих крыльев, да еще резкое карканье — и больше ничего.

Долго лежал я у щели, не решаясь раздвинуть красную поросль. Раз или два я слышал легкий шорох — как будто собака бегала где-то внизу по песку. Слышал, как мне казалось, шуршание крыльев, и только. Наконец, осмелев, я выглянул наружу.

В яме никого. Только в одном углу стая ворон дралась над останками мертвецов, высосанных марсианами.

Я смотрел, не веря своим глазам. Ни одной машины. Яма опустела; в одном углу — груда серовато-голубой пыли, в другом — несколько алюминиевых полос да черные птицы над человеческими останками.

Медленно пролез я сквозь красную поросль и встал на кучу щебня. Передо мной было открытое пространство, только сзади, на севере, горизонт был закрыт разрушенным домом — и нигде я не заметил никаких признаков марсиан. Яма начиналась как раз у моих ног, но по щебню можно было взобраться на груду обломков. Значит, я спасен! Я весь затрепетал.

Несколько минут я стоял в нерешительности, потом в порыве отчаянной смелости, с бьющимся сердцем вскарабкался на вершину развалин, под которыми я был так долго заживо погребен.

Я осмотрелся еще раз. И к северу тоже ни одного марсианина.

Когда в последний раз я видел эту часть Шина при дневном свете, здесь тянулась извилистая улица — нарядные белые и красные домики, окруженные тенистыми деревьями. Теперь я стоял на груде мусора, кирпичей, глины и песка, покрытой густой красной порослью, похожей на кактус и заглушившей все земные растения.

Деревья кругом стояли оголенные, черные; по еще живым стволам взбирались красные побеги.

Окрестные дома все были разрушены, но ни один не сгорел; стены уцелели до второго этажа, но все окна были разбиты, двери сорваны. Красная трава буйно росла даже в комнатах. Подо мной в яме вороны дрались из-за падали. Множество птиц порхало по развалинам. По стене одного дома осторожно спускалась тощая кошка; но признаков людей я не видел нигде.

День показался мне после моего заточения ослепительным, небо — ярко-голубым. Легкий ветерок слегка шевелил красную траву, разросшуюся повсюду, как бурьян. О, каким сладостным показался мне воздух!

ГЛАВА VI

ЧТО СДЕЛАЛИ МАРСИАНЕ ЗА ДВЕ НЕДЕЛИ

Несколько минут я стоял, пошатываясь, на груде мусора и обломков, совершенно забыв про опасность. В той зловонной берлоге, откуда я только что вылез, я все время думал лишь об угрожавшей мне опасности. Я не знал, что произошло за эти дни, не ожидал такого поразительного зрелища. Я думал увидеть Шин в развалинах — передо мной простирался странный и зловещий ландшафт, словно на другой планете.

В эту минуту я испытал чувство, чуждое людям, но хорошо знакомое подвластным нам животным. Я испытал то, что чувствует кролик, возвратившийся к своей норке и вдруг обнаруживший, что землекопы срыли до основания его жилище. Тогда я впервые смутно ощутил то, что потом стало мне вполне ясно, что угнетало меня уже много дней,— чувство развенчанности, убеждение, что я уже не царь Земли, а животное среди других тварей под пятой марсиан. С нами будет то же, что и с другими животными,— нас будут выслеживать, травить, а мы будем убегать и прятаться: царство человека кончилось.

Эта мысль промелькнула и исчезла, и мной всецело овладело чувство голода: ведь я уже столько времени не ел! Невдалеке от ямы, за оградой, заросшей красной тра-

вой, я заметил уцелевший клочок сада. Это внушило мне некоторую надежду, и я стал пробираться, увязая по колено, а то и по шею в красной траве и чувствуя себя в безопасности под ее прикрытием. Стена сада была около шести футов высоты, и когда я попробовал вскарабкаться на нее, оказалось, что я не в силах занести ногу. Я прошел дальше вдоль стены до угла, где увидел искусственный холм, взобрался на него и спрыгнул в сад. Тут я нашел несколько луковиц шпажника и много мелкой моркови. Собрав все это, я перелез через разрушенную стену и направился к Кью между деревьями, обвитыми багряной и карминовой порослью; это походило на прогулку среди кровавых сталактитов. Я думал только о еде и о бегстве: уйти как можно скорей из этой проклятой, непохожей на земную местности!

Несколько дальше я нашел в траве кучку грибов и съел их, затем наткнулся на темную полосу проточной воды — там, где раньше были луга. Жалкая пища только обострила мой голод. Сначала я недоумевал, откуда взялась эта влага в разгаре жаркого, сухого лета, но потом догадался, что ее вызвало тропически-буйное произрастание красной травы. Как только это необыкновенное растение встречало воду, оно очень быстро достигало гигантских размеров и необычайно разрасталось. Его семена попали в воду Уэй и Темзы, и бурно растущие побеги скоро покрыли обе реки.

В Путни, как я после увидел, мост был почти скрыт зарослями травы; у Ричмонда воды Темзы разлились широким, но неглубоким потоком по лугам Хэмптона и Туикенхема. Красная трава шла вслед за разливом, и скоро все разрушенные виллы в долине Темзы исчезли в алой трясине, на окраине которой я находился; красная трава скрыла следы опустошения, произведенного марсианами.

Впоследствии эта красная трава исчезла так же быстро, как и выросла. Ее погубила болезнь, вызванная, очевидно, какими-то бактериями. Дело в том, что благодаря естественному отбору все земные растения выработали в себе способность сопротивляться бактериальным заражениям, они никогда не погибают без упорной борьбы; но красная трава засыхала на корню. Листья ее белели, сморщивались и становились хрупкими.

Они отваливались при малейшем прикосновении, и вода, сначала помогавшая росту красной травы, теперь уносила последние ее остатки в море.

Подойдя к воде, я, конечно, первым делом утолил жажду. Я выпил очень много и, побуждаемый голодом, стал жевать листья красной травы, но они оказались водянистыми, и у них был противный металлический привкус. Я обнаружил, что тут неглубоко, и смело пошел вброд, хотя красная трава и оплетала мне ноги. Но по мере приближения к реке становилось все глубже, и я повернул обратно по направлению к Мортлэйку. Я старался держаться дороги, ориентируясь по развалинам придорожных вилл, по заборам и фонарям, и наконец добрался до возвышенности, на которой стоит Рохэмптон,— я находился уже в окрестностях Путни.

Здесь ландшафт изменился и потерял свою необычность: повсюду виднелись следы разрушения. Порою местность была так опустошена, как будто здесь пронесся циклон, а через несколько десятков ярдов попадались совершенно не тронутые участки, дома с аккуратно спущенными жалюзи и запертыми дверями,— казалось, они были покинуты их обитателями на день, на два или там просто мирно спали. Красная трава росла уже не так густо, высокие деревья вдоль дороги были свободны от ползучих красных побегов. Я искал чего-нибудь съедобного под деревьями, но ничего не нашел; я заходил в два безлюдных дома, но в них, очевидно, уже побывали другие, и они были разграблены. Остаток дня я пролежал в кустарнике; я совершенно выбился из сил и не мог идти дальше.

За все это время я не встретил ни одного человека и не заметил нигде марсиан. Мне попались навстречу две отощавшие собаки, но обе убежали от меня, хотя я и подзывал их. Близ Рохэмптона я наткнулся на два человеческих скелета — не трупа, а скелета,— они были начисто обглоданы; в лесу я нашел разбросанные кости кошек и кроликов и череп овцы. Но на костях не осталось ни клочка мяса, напрасно я их глодал.

Солнце зашло, а я все брел по дороге к Путни; здесь марсиане, очевидно, по каким-то соображениям, действовали тепловым лучом. В огороде за Рохэмптоном я нарыл молодого картофеля и утолил голод. Оттуда откры-

вался вид на Путни и реку. Мрачный и пустынный вид: почерневшие деревья, черные безлюдные развалины у подножия холма, заросшие красной травой болота в долине разлившейся реки и гнетущая тишина. Меня охватил ужас при мысли о том, как быстро произошла эта перемена.

Я невольно подумал, что все человечество уничтожено, сметено с лица земли и что я стою здесь один, последний оставшийся в живых человек. У самой вершины Путни-хилла я нашел еще один скелет; руки его были оторваны и лежали в нескольких ярдах от позвоночника. Продвигаясь дальше, я мало-помалу приходил к убеждению, что все люди в этой местности уничтожены, за исключением немногих беглецов вроде меня. Марсиане, очевидно, ушли дальше в поисках пищи, бросив опустошенную страну. Может быть, сейчас они разрушают Берлин или Париж, если только не двинулись на север...

ГЛАВА VII

ЧЕЛОВЕК НА ВЕРШИНЕ ПУТНИ-ХИЛЛА

Я провел эту ночь в гостинице на вершине Путни-хилла и спал в постели первый раз со времени моего бегства в Лезерхэд. Не стоит рассказывать, как я напрасно ломился в дом, а потом обнаружил, что входная дверь закрыта снаружи на щеколду; как я, отчаявшись, обнаружил в какой-то каморке, кажется, комнате прислуги, черствую корку, обгрызенную крысами, и две банки консервированных ананасов. Кто-то уже обыскивал дом и опустошил его. Позднее я нашел в буфете несколько сухарей и сандвичей, очевидно, не замеченных моими предшественниками. Сандвичи были несъедобны, сухарями же я не только утолил голод, но и набил карманы. Я не зажигал лампы, опасаясь, что какой-нибудь марсианин в поисках еды заглянет в эту часть Лондонского графства. Прежде чем улечься, я долго с тревогой переходил от окна к окну и высматривал, нет ли где-нибудь этих чудовищ. Спал я плохо. Лежа в постели, я заметил, что размышляю с логической последовательностью, чего не было со времени моей стычки со священником. Все

последние дни я или был нервно возбужден, или находился в состоянии тупого безразличия. Но в эту ночь мой мозг, очевидно, подкрепленный питанием, прояснился, и я снова стал логически мыслить.

Меня занимали три обстоятельства: убийство священника, местопребывание марсиан и участь моей жены. О первом я вспоминал без всякого чувства ужаса или угрызений совести; я смотрел на это как на совершившийся факт, о котором неприятно вспоминать, но раскаяния не испытывал. Тогда, как и теперь, я считаю, что шаг за шагом я был подведен к этой вспышке, я стал жертвой неотвратимых обстоятельств. Я не чувствовал себя виновным, но воспоминание об этом убийстве преследовало меня. В ночной тишине и во мраке, когда ощущаешь близость божества, я вершил суд над самим собой; впервые мне приходилось быть в роли обвиняемого в поступке, совершенном под влиянием гнева и страха. Я припоминал все наши разговоры с минуты нашей первой встречи, когда он, сидя возле меня и не обращая внимания на мою жажду, указывал на огонь и дым среди развалин Уэйбриджа. Мы были слишком различны, чтобы действовать сообща, но слепой случай свел нас. Если бы я мог предвидеть дальнейшие события, то оставил бы его в Голлифорде. Но я ничего не предвидел, а совершить преступление значит предвидеть и действовать. Я рассказал все, как есть. Свидетелей нет — я мог бы утаить свое преступление. Но я рассказал обо всем, пусть читатель судит меня.

Когда я наконец усилием воли заставил себя не думать о совершенном мною убийстве, я стал размышлять о марсианах и о моей жене. Что касается первых, то у меня не было данных для каких-либо заключений, я мог предполагать что угодно. Со вторым пунктом дело обстояло не лучше. И вдруг ночь превратилась в кошмар. Я сидел на постели, всматриваясь в темноту. Я молил о том, чтобы тепловой луч внезапно и без мучений оборвал ее существование. Я еще ни разу не молился после той ночи, когда возвращался из Лезерхэда. Правда, находясь на волосок от смерти, я бормотал молитвы, но механически, так же, как язычник бормочет свои заклинания. Но теперь я молился по-настоящему, всем своим разумом и волей, перед лицом мрака, скрывавшего бо-

жество. Странная ночь! Она показалась мне еще более странной, когда на рассвете я, недавно беседовавший с богом, крадучись выбирался из дому, точно крыса из своего укрытия,— правда, я был покрупнее, но тем не менее низшее животное, которое могут из чистой прихоти поймать и убить. Быть может, и животные по-своему молятся богу. Эта война по крайней мере научила нас жалости к тем лишенным разума существам, которые находятся в нашей власти.

Утро было ясное и теплое. На востоке небо розовело и клубились золотые облачка. По дороге с вершины Путни-хилла к Уимблдону виднелись следы того панического потока, который устремился отсюда к Лондону в ночь на понедельник, когда началось сражение с марсианами: двухколесная ручная тележка с надписью «Томас Лобб, зеленщик, Нью-Молден», со сломанным колесом и разбитым жестяным ящиком, чья-то соломенная шляпа, втоптанная в затвердевшую теперь грязь, а на вершине Уэст-хилла — осколки разбитого стекла с пятнами крови у опрокинутой колоды для водопоя. Я шел медленно, не зная, что предпринять. Я хотел пробраться в Лезерхэд, хотя и знал, что меньше всего надежды было отыскать жену там. Без сомнения, если только смерть внезапно не настигла ее родных, они бежали оттуда вместе с ней; но мне казалось, что там я мог бы разузнать, куда бежали жители Сэррея. Я хотел найти жену, но не знал, как ее найти, я тосковал по ней, я тосковал по всему человечеству. Я остро чувствовал свое одиночество. Свернув на перекрестке, я направился к обширной Уимблдонской равнине.

На темной почве выделялись желтые пятна дрока и ракитника; красной травы не было видно. Я осторожно пробирался по краю открытого пространства. Между тем взошло солнце, заливая все кругом своим живительным светом. Я увидел в луже под деревьями выводок головастиков и остановился. Я смотрел на них, учась у них упорству жизни. Вдруг я круто повернулся — я почувствовал, что за мной наблюдают, и, вглядевшись, заметил, что кто-то прячется в кустах. Постояв, я сделал шаг к кустам; оттуда высунулся человек, вооруженный тесаком. Я медленно приблизился к нему. Он стоял молча, не шевелясь, и смотрел на меня.

Подойдя еще ближе, я разглядел, что он весь в пыли и в грязи, совсем как я,— можно было подумать, что его протащили по канализационной трубе. Подойдя еще ближе, я увидел, что одежда на нем вся в зеленых пятнах ила, в коричневых лепешках засохшей глины и в саже. Черные волосы падали ему на глаза, лицо было грязное и осунувшееся, так что в первую минуту я не узнал его. На его подбородке алел незаживший рубец.

— Стой! — закричал он, когда я подошел к нему на расстояние десяти ярдов. Я остановился. Голос у него был хриплый.— Откуда вы идете? — спросил он.

Я настороженно наблюдал за ним.

— Я иду из Мортлэйка,— ответил я.— Меня засыпало возле ямы, которую марсиане вырыли около своего цилиндра... Я выбрался оттуда и спасся.

— Тут нет никакой еды,— заявил он.— Это моя земля. Весь этот холм до реки и в ту сторону до Клэпхема и до выгона. Еды тут найдется только на одного. Куда вы идете?

Я ответил не сразу.

— Не знаю,— сказал я.— Я просидел в развалинах тринадцать или четырнадцать дней. Я не знаю, что случилось за это время.

Он посмотрел на меня недоверчиво, потом выражение его лица изменилось.

— Я не собираюсь здесь оставаться,— сказал я,— и думаю пойти в Лезерхэд: там я оставил жену.

Он ткнул в меня пальцем.

— Так это вы,— спросил он,— человек из Уокинга? Так вас не убило под Уэйбриджем?

В ту же минуту и я узнал его.

— Вы тот самый артиллерист, который зашел ко мне в сад?

— Поздравляю! — сказал он.— Нам обоим повезло. Подумать только, что это вы!

Он протянул мне руку, я пожал ее.

— Я прополз по сточной трубе,— продолжал он.— Они не всех перебили. Когда они ушли, я полями пробрался к Уолтону. Но послушайте... Не прошло и шестнадцати дней, а вы совсем седой.— Вдруг он оглянулся через плечо.— Это грач,— сказал он.— Теперь замеча-

ешь даже тень от птичьего крыла. Здесь уж больно открытое место. Заберемтесь-ка в кусты и потолкуем.

— Видели вы марсиан? — спросил я.— С тех пор как я выбрался...

— Они ушли к Лондону,— перебил он.— Мне думается, они там устроили большой лагерь. Ночью в стороне Хэмпстеда все небо светится. Точно над большим городом. И видно, как движутся их тени. А днем их не видать. Ближе не показывались...— Он сосчитал по пальцам.— Вот уже пять дней... Тогда двое из них тащили что-то большое к Хаммерсмиту. А позапрошлую ночь,— он остановился и многозначительно добавил,— появились какие-то огни и в воздухе что-то носилось. Я думаю, они построили летательную машину и пробуют летать.

Я застыл на четвереньках,— мы уже подползали к кустам.

— Летать?!

— Да,— повторил он,— летать.

Я залез поглубже в кусты и уселся на землю.

— Значит, с человечеством будет покончено...— сказал я.— Если это им удастся, они попросту облетят вокруг света...

Он кивнул.

— Они облетят. Но... Тогда здесь станет чуточку легче. Да, впрочем...— Он посмотрел на меня.— Разве вам не ясно, что с человечеством уже покончено? Я в этом убежден. Мы уничтожены... Разбиты...

Я взглянул на него. Как это ни странно, эта мысль, такая очевидная, не приходила мне в голову. Я все еще смутно на что-то надеялся,— должно быть, по привычке. Он решительно повторил:

— Разбиты!

— Все кончено,— сказал он.— Они потеряли одного, только одного. Они здорово укрепились и разбили величайшую державу в мире. Они растоптали нас. Гибель марсианина под Уэйбриджем была случайностью. И эти марсиане только пионеры. Они продолжают прибывать. Эти зеленые звезды, я не видал их уже пять или шесть дней, но уверен, что они каждую ночь где-нибудь да падают. Что делать? Мы покорены. Мы разбиты.

Я ничего не ответил. Я сидел, молча глядя перед собой, тщетно стараясь найти какие-нибудь возражения.

— Это даже не война,— продолжал артиллерист.— Разве может быть война между людьми и муравьями?

Мне вдруг вспомнилась ночь в обсерватории.

— После десятого выстрела они больше не стреляли с Марса, по крайней мере до прибытия первого цилиндра.

— Откуда вы это знаете? — спросил артиллерист.

Я объяснил. Он задумался.

— Что-нибудь случилось у них с пушкой,— сказал он.—Да только что из того? Они снова ее наладят. Пусть даже будет небольшая отсрочка, разве это что-нибудь изменит? Люди — и муравьи. Муравьи строят город, живут своей жизнью, ведут войны, совершают революции, пока они не мешают людям; если же они мешают, то их просто убирают. Мы стали теперь муравьями. Только...

— Что? — спросил я.

— Мы съедобные муравьи.

Мы молча переглянулись.

— А что они с нами сделают? — спросил я.

— Вот об этом-то я и думаю,— ответил он,— все время думаю. Из Уэйбриджа я пошел к югу и всю дорогу думал. Я наблюдал. Люди потеряли голову, они скулили и волновались. Я не люблю скулить. Мне приходилось смотреть в глаза смерти. Я не игрушечный солдатик и знаю, что умирать — плохо ли, хорошо ли — все равно придется. Но если вообще кто-нибудь спасется, так это тот, кто не потеряет голову. Я видел, что все направлялись к югу. Я сказал себе: «Еды там не хватит на всех»,— и повернул в обратную сторону. Я питался около марсиан, как воробей около человека. А они там,— он указал рукой на горизонт,— дохнут от голода, топчут и рвут друг друга...

Он взглянул на меня и как-то замялся.

— Конечно,— сказал он,— многим, у кого были деньги, удалось бежать во Францию.— Он опять посмотрел на меня с несколько виноватым видом и продолжал: — Жратвы тут вдоволь. В лавках есть консервы, вино, спирт, минеральные воды; а колодцы и водопроводные трубы пусты. Так вот, я вам скажу, о чем я иногда думал. Они разумные существа, сказал я себе, и, кажется, хотят упо-

треблять нас в пищу. Сначала они уничтожат наши корабли, машины, пушки, города, весь порядок и организацию. Все это будет разрушено. Если бы мы были такие же маленькие, как муравьи, мы могли бы ускользнуть в какую-нибудь щель. Но мы не муравьи. Мы слишком велики для этого. Вот мой первый вывод. Ну что?

Я согласился.

— Вот о чем я подумал прежде всего. Ладно, теперь дальше: нас можно ловить как угодно. Марсианину стоит только пройти несколько миль, чтобы наткнуться на целую кучу людей. Я видел, как один марсианин в окрестностях Уондсворта разрушал дома и рылся в обломках. Но так поступать они будут недолго. Как только они покончат с нашими пушками и кораблями, разрушат железные дороги и сделают все, что собираются сделать, то начнут ловить нас систематически, отбирать лучших, запирать их в клетки. Вот что они начнут скоро делать. Да, они еще не принялись за нас как следует! Разве вы не видите?

— Не принялись?! — воскликнул я.

— Нет, не принялись. Все, что случилось до сих пор, произошло только по нашей вине: мы не поняли, что нужно сидеть спокойно, докучали им нашими орудиями и разной ерундой. Мы потеряли голову и толпами бросались от них туда, где опасность была ничуть не меньше Им пока что не до нас. Они заняты своим делом, мастерят все то, что не могли захватить с собой, приготовляются к встрече тех, которые еще должны прибыть. Возможно, что и цилиндры на время перестали падать потому, что марсиане боятся попасть в своих же. И вместо того, чтобы, как стадо, кидаться в разные стороны или устраивать динамитные подкопы в надежде взорвать их, нам следовало бы приспособиться к новым условиям. Вот что я думаю. Это не совсем то, к чему до сих пор стремилось человечество, но зато это отвечает требованиям жизни. Согласно с этим принципом я и действовал. Города, государства, цивилизация, прогресс — все это в прошлом. Игра проиграна. Мы разбиты.

— Но если так, то к чему же тогда жить?

Артиллерист с минуту смотрел на меня.

— Да, концертов не будет, пожалуй, в течение ближайшего миллиона лет или вроде того; не будет Коро-

левской академии искусств, не будет ресторанов с закусками. Если вы гонитесь за этими удовольствиями, я думаю, что ваша карта бита. Если вы светский человек, не можете есть груш ножом или сморкаться без платка. то лучше забудьте это. Это уже никому не нужно.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что люди, подобные мне, будут жить ради продолжения человеческого рода. Я лично твердо решил жить. И если я не ошибаюсь, вы тоже в скором времени покажете, на что вы способны. Нас не истребят. Нет. Я не хочу, чтобы меня поймали, приручили, откармливали и растили, как какого-нибудь быка. Брр... Вспомните только этих коричневых спрутов.

— Вы хотите сказать...

— Именно. Я буду жить. Под их пятой. Я все рассчитал, обо всем подумал. Мы, люди, разбиты. Мы слишком мало знаем. Мы еще многому должны научиться, прежде чем надеяться на удачу. И мы должны жить и сохранить свою свободу, пока будем учиться. Понятно? Вот что нам нужно делать.

Я смотрел на него с изумлением, глубоко пораженный решимостью этого человека.

— Боже мой! — воскликнул я.— Да вы настоящий человек.— Я схватил его руку.

— Правда? — сказал он, и его глаза вспыхнули.— Здорово я все обдумал?

— Продолжайте,— сказал я.

— Те, которые хотят избежать плена, должны быть готовы ко всему. Я готов ко всему. Не всякий же человек способен преобразиться в дикого зверя. Потому-то я и присматривался к вам. Я сомневался в вас. Вы худой, щуплый. Я ведь еще не знал, что вы тот человек из Уокинга; не знал, что вы были заживо погребены. Все люди, жившие в этих домах, все эти жалкие канцелярские крысы ни на что не годны. У них нет мужества, нет гордости, они не умеют сильно желать. А без этого человек гроша ломаного не стоит. Они вечно торопятся на работу,— я видел их тысячи, с завтраком в кармане, они бегут как сумасшедшие, думая только о том, как бы попасть на поезд, в страхе, что их уволят, если они опоздают. Работают они, не вникая в дело; потом торопятся домой, боясь опоздать к обеду; вечером сидят дома, опасаясь хо-

дить по глухим улицам; спят с женами, на которых женились не по любви, а потому, что у тех были деньжонки и они надеялись обеспечить свое жалкое существование. Жизнь их застрахована от несчастных случаев. А по воскресеньям они боятся погубить свою душу. Как будто ад создан для кроликов! Для таких людей марсиане будут сущими благодетелями. Чистые, просторные клетки, обильный корм, порядок и уход, никаких забот. Пробегав на пустой желудок с недельку по полям и лугам, они сами придут и не огорчатся, когда их поймают. А немного спустя даже будут рады. Они будут удивляться, как это они раньше жили без марсиан. Представляю себе всех этих праздных гуляк, сутенеров и святош... Могу себе представить,—добавил он с какой-то мрачной усмешкой.— Среди них появятся разные направления, секты. Многое из того, что я видел раньше, я понял ясно только за эти последние дни. Найдется множество откормленных глупцов, которые просто примирятся со всем, другие же будут мучиться тем, что это несправедливо и что они должны что-нибудь предпринять. Когда большинство людей испытывает потребность в каком-то деле, слабые и те, которые сами себя расслабляют бесконечными рассуждениями, выдумывают религию, бездеятельную и проповедующую смирение перед насилием, перед волей божьей. Вам, наверное, приходилось это наблюдать. Это скрытая трусость, бегство от дела. В этих клетках они будут набожно распевать псалмы и молитвы. А другие, не такие простаки, займутся — как это называется? — эротикой.

Он замолчал.

— Быть может, марсиане воспитают из некоторых людей своих любимчиков, обучат их разным фокусам, кто знает! Быть может, им вдруг станет жалко какого-нибудь мальчика, который вырос у них на глазах и которого надо зарезать. Некоторых они, быть может, обучат охотиться за нами...

— Нет! — воскликнул я.— Это невозможно. Ни один человек...

— Зачем обманывать себя? — перебил артиллерист.— Найдутся люди, которые с радостью будут это делать. Глупо думать, что не найдется таких.

Я не мог не согласиться с ним.

— Попробовали бы они за мной поохотиться,— продолжал он.— Боже мой! Попробовали бы только! — повторил он и погрузился в мрачное раздумье.

Я сидел, обдумывая его слова. Я не находил ни одного возражения против доводов этого человека. До вторжения марсиан никто не вздумал бы оспаривать моего интеллектуального превосходства над ним: я известный писатель по философским вопросам, он простой солдат; теперь же он ясно определил положение вещей, которое я еще даже не осознал.

— Что же вы намерены делать? — спросил я наконец.— Какие у вас планы?

Он помолчал.

— Вот что я решил,— сказал он.— Что нам остается делать? Нужно придумать такой образ жизни, чтобы люди могли жить, размножаться и в относительной безопасности растить детей. Сейчас я скажу яснее, что, по-моему, нужно делать. Те, которых приручат, станут похожи на домашних животных; через несколько поколений это будут большие, красивые, откормленные, глупые твари. Что касается нас, решивших остаться вольными, то мы рискуем одичать, превратиться в своего рода больших диких крыс... Вы понимаете, я имею в виду жизнь под землей. Я много думал относительно канализационной сети. Понятно, тем, кто не знаком с ней, она кажется ужасной. Под одним только Лондоном канализационные трубы тянутся на сотни миль; несколько дождливых дней — и в пустом городе трубы станут удобными и чистыми. Главные трубы достаточно просторны, воздуху в них тоже достаточно. Потом есть еще погреба, склады, подвалы, откуда можно провести к трубам потайные ходы. А железнодорожные туннели и метрополитен? А? Вы понимаете? Мы составим целую шайку из крепких, смышленых людей. Мы не будем подбирать всякую дрянь. Слабых будем выбрасывать.

— Как вы меня хотели выбросить?

— Так я же вступил в переговоры...

— Не будем спорить об этом. Продолжайте.

— Те, что останутся, должны подчиниться дисциплине. Нам понадобятся также здоровые, честные женщины — матери и воспитательницы. Только не сентиментальные дамы, не те, что строят глазки. Мы не можем при-

нимать слабых и глупых. Жизнь снова становится первобытной, и те, кто бесполезен, кто является только обузой или приносит вред, должны умереть. Все они должны вымереть. Они должны сами желать смерти. В конце концов это нечестно — жить и позорить свое племя. Все равно они не могут быть счастливы. К тому же смерть не так уж страшна, это трусость делает ее страшной. Мы будем собираться в этих местах. Нашим округом будет Лондон. Мы даже сможем выставлять сторожевые посты и выходить на открытый воздух, когда марсиане будут далеко. Даже поиграть иногда в крикет. Вот как мы сохраним свой род. Ну как? Возможно это или нет? Но спасти свой род — этого еще мало. Для этого достаточно быть крысами. Нет, мы должны спасти накопленные знания и еще приумножить их. Для этого нужны люди вроде вас. Есть книги, есть образцы. Мы должны устроить глубоко под землей безопасные хранилища и собрать туда все книги, какие только достанем. Не какие-нибудь романы, стишки и тому подобную дребедень, а дельные, научные книги. Тут-то вот и понадобятся люди вроде вас. Нам нужно будет пробраться в Британский музей и захватить все такие книги. Мы не должны забывать нашей науки: мы должны учиться как можно больше. Мы должны наблюдать за марсианами. Некоторые из нас должны стать шпионами. Когда все будет налажено, я сам, может быть, пойду в шпионы. То есть дам себя словить. И самое главное — мы должны оставить марсиан в покое. Мы не должны ничего красть у них. Если мы окажемся у них на пути, мы должны уступать. Мы должны показать им, что не замышляем ничего дурного. Да, это так. Они разумные существа и не будут истреблять нас, если у них будет все, что им надо, и если они будут уверены, что мы просто безвредные черви.

Артиллерист замолчал и положил свою загорелую руку мне на плечо.

— В конце концов нам, может быть, и не так уж много придется учиться, прежде чем... Вы только представьте себе: четыре или пять их боевых треножников вдруг приходят в движение... Тепловой луч направо и налево... И на них не марсиане, а люди, люди, научившиеся ими управлять. Может быть, я еще увижу таких людей. Представьте, что в вашей власти одна из этих

замечательных машин да еще тепловой луч, который вы можете бросать куда угодно. Представьте, что вы всем этим управляете! Не беда, если после такого опыта взлетишь на воздух и будешь разорван на клочки. Воображаю, как марсиане выпучат от удивления свои глазищи! Разве вы не можете представить это? Разве не видите, как они бегут, спешат, задыхаясь, пыхтя, ухая, к другим машинам? И вот везде что-нибудь оказывается не в порядке. И вдруг свист, грохот, гром, треск! Только они начнут их налаживать, как мы пустим тепловой луч — и — смотрите! — человек снова овладевает Землей!

Пылкое воображение артиллериста, его уверенный тон и отвага произвели на меня громадное впечатление. Я без оговорок поверил и в его предсказание о судьбе человечества и в осуществимость его смелого плана. Читатель, который сочтет меня слишком доверчивым и наивным, должен сравнить свое положение с моим: он не спеша читает все это и может спокойно рассуждать, а я лежал, скорчившись, в кустах, истерзанный страхом, прислушиваясь к малейшему шороху.

Мы беседовали на эту тему все утро, потом вылезли из кустов и, осмотревшись, нет ли где марсиан, быстро направились к дому на Путни-хилле, где артиллерист устроил свое логово. Это был склад угля при доме, и когда я посмотрел, что ему удалось сделать за целую неделю (это была нора ярдов в десять длиной, которую он намеревался соединить с главной сточной трубой Путни-хилла), я в первый раз подумал, какая пропасть отделяет его мечты от его возможностей. Такую нору я мог бы вырыть в один день. Но я все еще верил в него и возился вместе с ним над этой норой до полудня. У нас была садовая тачка, и мы свозили вырытую землю за кухню. Мы подкрепились банкой консервов — суп из телячьей головы — и вином. Упорная, тяжелая работа приносила мне странное облегчение; она заставляла забывать о чуждом, жутком мире вокруг нас. Пока мы работали, я обдумывал его проект, и у меня начали возникать сомнения; но я усердно копал все утро, радуясь, что могу заняться каким-нибудь делом. Проработав около часу, я стал высчитывать расстояние до центрального стока и соображать, верное ли мы взяли направление. Потом я стал недоумевать: зачем, собственно, нам нужно копать длин-

ный туннель, когда можно проникнуть в сеть сточных труб через одно из выходных отверстий и оттуда рыть проход к дому? Кроме того, мне казалось, что и дом выбран неудачно,— слишком длинный нужен туннель. Как раз в этот момент артиллерист перестал копать и посмотрел на меня.

— Надо малость передохнуть... Я думаю, пора пойти понаблюдать с крыши дома.

Я настаивал на продолжении работы; после некоторого колебания он снова взялся за лопату. Вдруг мне пришла в голову странная мысль. Я остановился; он сразу перестал копать.

— Почему вы разгуливали по выгону, вместо того чтобы копать?— спросил я.

— Просто хотел освежиться,— ответил он.— Я уже шел назад. Ночью безопасней.

— А как же работа?

— Нельзя же все время работать,— сказал он, и внезапно я понял, что это за человек. Он медлил, держа заступ в руках.— Нужно идти на разведку,— сказал он.— Если кто-нибудь подойдет близко, то может услышать, как мы копаем, и мы будем застигнуты врасплох.

Я не стал возражать. Мы полезли на чердак и, стоя на лесенке, смотрели в слуховое окно. Марсиан нигде не было видно; мы вылезли на крышу и скользнули по черепице вниз, под прикрытие парапета.

Большая часть Путни-хилла была скрыта деревьями, но мы увидели внизу реку, заросшую красной травой, и равнину Ламбета, красную, залитую водой. Красные вьюны карабкались по деревьям вокруг старинного дворца; ветви, сухие и мертвые, с блеклыми листьями, торчали среди пучков красной травы. Удивительно, что эта трава могла распространяться только в проточной воде. Около нас ее совсем не было. Здесь среди лавров и древовидных гортензий росли золотой дождь, розовый боярышник, калина и вечнозеленые деревья. Поднимающийся за Кенсингтоном густой дым и голубоватая пелена скрывали холмы на севере.

Артиллерист стал рассказывать мне о людях, оставшихся в Лондоне.

— На прошлой неделе какие-то сумасшедшие зажгли электричество. По ярко освещенной Риджент-стрит и

Сэркес разгуливали толпы размалеванных, беснующихся пьяниц, мужчины и женщины веселились и плясали до рассвета. Мне рассказывал об этом один человек, который там был. А когда рассвело, они заметили, что боевой треножник стоит недалеко от Ленгхема и марсианин наблюдает за ними. Бог знает, сколько времени он там стоял. Потом он двинулся к ним и нахватал больше сотни людей — или пьяных, или растерявшихся от испуга.

Любопытный штрих того времени, о котором вряд ли даст представление история!

После этого рассказа, подстрекаемый моими вопросами, артиллерист снова перешел к своим грандиозным планам. Он страшно увлекался. Он говорил так красноречиво о возможности захватить треножники, что я снова начал ему верить. Но поскольку я теперь понимал, с кем имею дело, я уже не удивлялся тому, что он предостерегает от излишней поспешности. Я заметил также, что он уже не собирается сам захватить треножник и сражаться.

Потом мы вернулись в угольный погреб. Ни один из нас не был расположен снова приняться за работу, и, когда он предложил закусить, я охотно согласился. Он вдруг стал чрезвычайно щедр; после того, как мы поели, он куда-то ушел и вернулся с превосходными сигарами. Мы закурили, и его оптимизм еще увеличился. Он, повидимому, считал, что мое появление следует отпраздновать.

— В погребе есть шампанское,— сказал он.

— Если мы хотим работать, то лучше ограничиться бургундским,— ответил я.

— Нет,— сказал он,— сегодня я угощаю. Шампанское! Боже мой! Мы еще успеем наработаться. Перед нами нелегкая задача. Нужно отдохнуть и набраться сил, пока есть время. Посмотрите, какие у меня мозоли на руках!

После еды, исходя из тех соображений, что сегодня праздник, он предложил сыграть в карты. Он научил меня игре в «юкр», и, поделив между собой Лондон, причем мне досталась северная сторона, а ему южная, мы стали играть на приходские участки. Это покажется нелепым и даже глупым, но я точно описываю то,

что было, и всего удивительней то, что эта игра меня увлекала.

Странно устроен человек! В то время как человечеству грозила гибель или вырождение, мы, лишенные какой-либо надежды, под угрозой ужасной смерти, сидели и следили за случайными комбинациями разрисованного картона и с азартом «ходили с козыря». Потом он выучил меня играть в покер, а я выиграл у него три партии в шахматы. Когда стемнело, мы, чтобы не прерывать игры, рискнули даже зажечь лампу.

После бесконечной серии игр мы поужинали, и артиллерист допил шампанское. Весь вечер мы курили сигары. Это был уже не тот полный энергии восстановитель рода человеческого, которого я встретил утром. Он был попрежнему настроен оптимистически, но его оптимизм носил теперь менее экспансивный характер. Помню, он пил за мое здоровье, произнеся при этом не вполне связную речь, в которой много раз повторял одно и то же. Я закурил сигару и пошел наверх посмотреть на зеленые огни, горевшие вдоль холмов Хайгета, о которых он мне рассказывал.

Я бездумно всматривался в долину Лондона. Северные холмы были погружены во мрак; около Кенсингтона светилось зарево, иногда оранжево-красный язык пламени вырывался кверху и пропадал в темной синеве ночи. Лондон был окутан тьмою. Вскоре я заметил вблизи какой-то странный свет, бледный, фиолетово-красный, фосфоресцирующий отблеск, дрожавший на ночном ветру. Сначала я не мог понять, что это такое, потом догадался, что это, должно быть, фосфоресцирует красная трава. Дремлющее сознание действительности проснулось во мне; я снова стал вникать в соотношение явлений. Я взглянул на Марс, сиявший красным огнем на западе, а потом долго и пристально всматривался в темноту, в сторону Хэмпстеда и Хайгета.

Долго я просидел на крыше, вспоминая перипетии этого длинного дня. Я старался восстановить скачки своего настроения, начиная с молитвы прошлой ночи и кончая этой идиотской игрой в карты. Я почувствовал отвращение к себе. Помню, как я почти символическим жестом отбросил сигару. Внезапно я понял все свое безумие. Мне казалось, что я предал жену, предал человече-

ство. Я глубоко раскаивался. Я решил покинуть этого странного, необузданного мечтателя с его пьянством и обжорством и идти в Лондон. Там, мне казалось, я скорее всего узнаю, что делают марсиане и мои собратья — люди. Когда наконец взошла луна, я все еще стоял на крыше.

ГЛАВА VIII

МЕРТВЫЙ ЛОНДОН

Покинув артиллериста, я спустился с холма и пошел по Хай-стрит через мост к Ламбету. Красная трава в то время еще буйно росла и оплетала побегами весь мост; впрочем, ее стебли уже покрылись беловатым налетом; губительная болезнь быстро распространялась.

На углу улицы, ведущей к вокзалу Путни-бридж, валялся человек, грязный, как трубочист. Он был жив, но мертвецки пьян, так что даже не мог говорить. Я ничего не добился от него, кроме брани и попыток ударить меня. Я отошел, пораженный диким выражением его лица.

За мостом, на дороге, лежал слой черной пыли, становившийся все толще по мере приближения к Фулхему. На улицах мертвая тишина. В булочной я нашел немного хлеба, правда, он был кислый, черствый и позеленел, но остался вполне съедобен. Дальше к Уолхем-Грину на улицах не было черной пыли, и я прошел мимо горевших белых домов. Даже треск пожара показался мне приятным. Еще дальше, около Бромптона, на улицах опять мертвая тишина.

Здесь я снова увидел черную пыль на улицах и мертвые тела. Всего на протяжении Фулхем-роуд я насчитал около двенадцати трупов. Они были полузасыпаны черной пылью, лежали, очевидно, много дней; я торопливо обходил их. Некоторые были обглоданы собаками.

Там, где не было черной пыли, город имел совершенно такой же вид, как в обычное воскресенье: магазины закрыты, дома заперты, шторы спущены, тихо и пустынно. Во многих местах были видны следы грабежа — по большей части в винных и гастрономических магазинах. В витрине ювелирного магазина стекло было разби-

то, но, очевидно, вору помешали: золотые цепочки и часы валялись на мостовой. Я даже не нагнулся поднять их. В одном подъезде на ступеньках лежала женщина в лохмотьях; рука, свесившаяся с колена, была рассечена, и кровь залила дешевое темное платье. В луже шампанского торчала большая разбитая бутылка. Женщина казалась спящей, но она была мертва.

Чем дальше я углублялся в Лондон, тем тягостнее становилась тишина. Но это было не молчание смерти, а скорее тишина напряженности, выжидания. Каждую минуту тепловые лучи, спалившие уже северо-западную часть столицы и уничтожившие Илинг и Килбэрн, могли коснуться и этих домов и превратить их в дымящиеся развалины. Это был покинутый и обреченный город...

В южном Кенсингтоне черной пыли и трупов на улицах не было. Здесь я в первый раз услышал вой. Я не сразу понял, что это такое. Это было непрерывное жалобное чередование двух нот: «Улла... улла... улла... улла...» Когда я шел по улицам, ведущим к северу, вой становился все громче; строения, казалось, то заглушали его, то усиливали. Особенно гулко отдавался он на Эксибишн-роуд. Я остановился и посмотрел на Кенсингтонский парк, прислушиваясь к отдаленному странному вою. Казалось, все эти опустелые строения обрели голос и жаловались на страх и одиночество.

«Улла... улла... улла... улла...» — раздавался этот нечеловеческий плач, и волны звуков расходились по широкой солнечной улице среди высоких зданий. В недоумении я повернул к северу, к железным воротам Гайд-парка. Я думал зайти в Естественноисторический музей, забраться на башню и посмотреть на парк сверху. Потом я решил остаться внизу, где можно было легче спрятаться, и зашагал дальше по Эксибишн-роуд. Обширные здания по обе стороны дороги были пусты, мои шаги отдавались в тишине гулким эхом.

Наверху, недалеко от ворот парка, я увидел странную картину — опрокинутый омнибус и скелет лошади, начисто обглоданный. Постояв немного, я пошел дальше к мосту через Серпентайн. Вой становился все громче и громче, хотя к северу от парка над крышами домов ничего не было видно, только на северо-западе поднималась пелена дыма.

«Улла... улла... улла... улла...» — выл голос, как мне казалось, откуда-то со стороны Риджент-парка. Этот одинокий жалобный крик действовал удручающе. Вся моя смелость пропала. Мной овладела тоска. Я почувствовал, что страшно устал, натер ноги, что меня мучат голод и жажда.

Было уже за полдень. Зачем я брожу по этому городу мертвых, почему я один жив, когда весь Лондон лежит, как труп в черном саване? Я почувствовал себя бесконечно одиноким. Вспомнил о прежних друзьях, давно забытых. Подумал о ядах в аптеках, об алкоголе в погребах виноторговцев; вспомнил о двух несчастных, которые, как я думал, вместе со мною владеют всем Лондоном...

Через Мраморную арку я вышел на Оксфорд-стрит. Здесь опять были черная пыль и трупы, из решетчатых подвальных люков некоторых домов доносился запах тления. От долгого блуждания по жаре меня томила жажда. С великим трудом мне удалось проникнуть в какой-то ресторан и раздобыть еды и питья. Потом, почувствовав сильную усталость, я прошел в гостиную за буфетом, улегся на черный диван, набитый конским волосом, и уснул.

Когда я проснулся, проклятый вой по-прежнему раздавался в ушах: «Улла... улла... улла... улла...» Уже смеркалось. Я разыскал в буфете несколько сухарей и сыру — там был полный обед, но от кушаний остались только клубки червей. Я отправился на Бэйкер-стрит по пустынным скверам,—могу вспомнить название лишь одного из них: Портмен-сквер,— и наконец вышел к Риджент-парку. Когда я спускался с Бэйкер-стрит, я увидел вдали над деревьями, на светлом фоне заката, колпак гиганта-марсианина, который и издавал этот вой. Я ничуть не испугался. Я спокойно шел прямо на него. Несколько минут я наблюдал за ним: он не двигался По-видимому, он просто стоял и выл; я не мог догадаться, что значил этот беспрерывный вой.

Я пытался принять какое-нибудь решение. Но непрерывный вой «Улла... улла... улла... улла...» мешал мне сосредоточиться. Может быть, причиной моего бесстрашия была усталость. Мне захотелось узнать причину этого монотонного воя. Я повернул назад и вышел на Парк-

роуд, намереваясь обогнуть парк; я пробрался под прикрытием террас, чтобы посмотреть на этого неподвижного воющего марсианина со стороны Сент-Джонс-Вуда. Отойдя ярдов на двести от Бэйкер-стрит, я услыхал разноголосый собачий лай и увидел сперва одну собаку с куском гнилого красного мяса в зубах, стремглав летевшую на меня, а потом целую свору гнавшихся за ней голодных бродячих псов. Собака сделала крутой поворот, чтобы обогнуть меня, как будто боялась, что я отобью у нее добычу. Когда лай замер вдали, воздух снова наполнился воем: «Улла... улла... улла... улла...»

На полпути к вокзалу Сент-Джонс-Вуд я наткнулся на сломанную многорукую машину. Сначала я подумал, что поперек улицы лежит обрушившийся дом. Только пробравшись среди обломков, я с изумлением увидел, что механический Самсон с исковерканными, сломанными и скрюченными щупальцами лежит посреди им же самим нагроможденных развалин. Передняя часть машины была разбита вдребезги. Очевидно, машина наскочила на дом и, разрушив его, застряла в развалинах. Это могло произойти, только если машину бросили на произвол судьбы. Я не мог взобраться на обломки и потому не видел в наступающей темноте забрызганное кровью сиденье и обгрызенный собаками хрящ марсианина.

Пораженный всем виденным, я направился к Примроз-хиллу. Вдалеке сквозь деревья я заметил второго марсианина, такого же неподвижного, как и первый; он молча стоял в парке близ Зоологического сада. Дальше за развалинами, окружавшими изломанную многорукую машину, я снова увидел красную траву; весь Риджент-канал зарос губчатой темно-красной растительностью.

Когда я переходил мост, непрекращавшийся вой «Улла... улла...» вдруг оборвался. Казалось, кто-то его остановил. Внезапно наступившая тишина разразилась, как удар грома.

Со всех сторон меня обступали высокие, мрачные, пустые дома; деревья ближе к парку становились все темнее. Среди развалин росла красная трава; ее побеги словно подползали ко мне. Надвигалась ночь, матерь страха и тайны. Пока звучал этот голос, я как-то мог выносить уединение, одиночество было еще терпимо; Лон-

дон казался мне еще живым, и я бодрился. И вдруг эта перемена! Что-то произошло — я не знал, что,— и наступила почти ощутимая тишина. Мертвый покой.

Лондон глядел на меня как привидение. Окна в пустых домах походили на глазные впадины черепа. Мне чудились тысячи бесшумно подкрадывающихся врагов. Меня охватил ужас, я испугался своей дерзости. Улица впереди стала черной, как будто ее вымазали дегтем, и я различил какую-то судорожно искривленную тень поперек дороги. Я не мог заставить себя идти дальше. Свернув на Сент-Джонс-Вуд-роуд, я побежал к Килбэрну, спасаясь от этого невыносимого молчания. Я спрятался от ночи и тишины в извозчичьей будке на Харроу-роуд. Я просидел там почти всю ночь. Перед рассветом я немного приободрился и под мерцающими звездами пошел к Риджент-парку. Я заблудился и вдруг увидел в конце длинной улицы в предрассветных сумерках причудливые очертания Примроз-хилла. На вершине, поднимаясь высоко навстречу бледневшим звездам, стоял третий марсианин, такой же прямой и неподвижный, как и остальные.

Я решился на безумный поступок. Лучше умереть и покончить со всем. Тогда мне не придется убивать самого себя. И я решительно направился к титану. Подойдя ближе, я увидел в предутреннем свете стаи черных птиц, кружившихся вокруг колпака марсианина. Сердце у меня забилось, и я побежал вниз по дороге.

Я попал в заросли красной травы, покрывшей Сент-Эдмунд-террас, по грудь в воде перешел вброд поток, стекавший из водопровода к Альберт-роуд, и выбрался оттуда еще до восхода солнца. Громадные кучи земли были насыпаны на гребне холма словно для огромного редута,— это было последнее и самое большое укрепление, построенное марсианами, и оттуда поднимался к небу легкий дымок. Пробежала собака и скрылась. Я чувствовал, что моя догадка должна подтвердиться. Уже без всякого страха, дрожа от волнения, я взбегал вверх по холму к недвижному чудовищу. Из-под колпака свисали дряблые бурые клочья; их клевали и рвали голодные птицы.

Еще через минуту я взобрался по насыпи и стоял на гребне вала — внутренняя площадка редута была внизу, подо мной. Она была очень обширна, с гигантскими машинами, грудой материалов и странными сооружениями. И среди этого хаоса на опрокинутых треножниках, на недвижных многоруких машинах и прямо на земле лежали марсиане, окоченелые и безмолвные — мертвые! — уничтоженные какой-то пагубной бактерией, к борьбе с которой их организм не был приспособлен, уничтоженные так же, как была потом уничтожена красная трава; после того как все средства обороны человечества были исчерпаны, пришельцы были истреблены ничтожнейшими тварями, которыми премудрый господь населил Землю.

Все произошло так, как и я и многие люди могли бы предвидеть, если бы ужас и паника не помрачили наш разум. Эти зародыши болезней уже взяли свою дань с человечества еще в доисторические времена, взяли дань с наших прародителей-животных еще тогда, когда жизнь на Земле только что начиналась. Благодаря естественному отбору мы развили в себе способность к сопротивлению; мы не уступаем ни одной бактерии без упорной борьбы, а для многих из них, как, например, для бактерий, порождающих гниение в мертвой материи, наш организм совершенно неуязвим. На Марсе, очевидно, не существует бактерий, и как только эти пришельцы явились на Землю, начали питаться, наши микроскопические союзники принялись за работу, готовя им гибель. Когда я впервые увидел марсиан, они уже были осуждены на смерть, они уже медленно умирали и разлагались на ходу. Это было неизбежно. Заплатив биллионами жизней, человек купил право жизни на Земле, и это право принадлежит ему вопреки всем пришельцам. Оно осталось бы за ним, будь марсиане даже в десять раз более могущественны. Ибо человек не живет и не умирает напрасно.

Марсиан было всего около пятидесяти; они валялись в своей огромной яме, пораженные смертью, которая должна была им казаться загадочной. И для меня в то время смерть их была непонятна. Я понял только, что эти чудовища, наводившие ужас на людей, мертвы. На минуту мне показалось, что снова повторилось

поражение Сеннахериба[1], что господь сжалился над нами и ангел смерти поразил их в одну ночь.

Я стоял, глядя в яму, и сердце у меня забилось от радости, когда восходящее солнце осветило окружавший меня мир своими лучами. Яма оставалась в тени; мощные машины, такие громадные, сложные и удивительные, неземные даже по своей форме, поднимались, точно заколдованные, из сумрака навстречу свету. Целая стая собак дралась над трупами, валявшимися в глубине ямы. В дальнем конце ее лежала большая, плоская, причудливых очертаний летательная машина, на которой они, очевидно, совершали пробные полеты в нашей более плотной атмосфере, когда разложение и смерть помешали им. Смерть явилась как раз вовремя. Услыхав карканье птиц, я взглянул наверх; передо мной был огромный боевой треножник, который никогда больше не будет сражаться, красные клочья мяса, с которых капала кровь на опрокинутые скамейки на вершине Примрозхилла.

Я повернулся и взглянул вниз, где у подножия холма, окруженные стаей птиц, стояли застигнутые смертью другие два марсианина, которых я видел вчера вечером. Один из них умер как раз в ту минуту, когда передавал что-то своим товарищам; может быть, он умер последним, и сигналы его раздавались, пока не перестал работать механизм. В лучах восходящего солнца блестели уже безвредные металлические треножники, башни сверкающего металла...

Кругом, словно чудом спасенный от уничтожения, расстилался великий отец городов. Те, кто видел Лондон только под привычным покровом дыма, едва ли могут представить себе обнаженную красоту его пустынных, безмолвных улиц.

К востоку, над почерневшими развалинами Альберттеррас и расщепленным церковным шпилем, среди безоблачного неба сияло солнце. Кое-где какая-нибудь грань белой кровли преломляла луч и сверкала осле-

[1] Сеннахериб — древнеассирийский царь, войско которого, осаждавшее Иерусалим, в одну ночь, по библейской легенде, было истреблено ангелом.

пительным светом. Солнце сообщало таинственную прелесть даже винным складам вокзала Чок-Фарм и обширным железнодорожным путям, где раньше блестели черные рельсы, а теперь краснели полосы двухнедельной ржавчины.

К северу простирались Килбэрн и Хэмпстед — целый массив домов в синеватой дымке; на западе гигантский город был также подернут дымкой; на юге, за марсианами, уменьшенные расстоянием, виднелись зеленые волны Риджент-парка, Лэнгхем-отель, купол Альберт-холла, Королевский институт и огромные здания на Бромптон-роуд, а вдалеке неясно вырисовывались зубчатые развалины Вестминстера. В голубой дали поднимались холмы Сэррея и блестели, как две серебряные колонны, башни Кристал-Паласа. Купол собора св. Павла чернел на фоне восхода,— я заметил, что на западной стороне его зияла большая пробоина.

Я стоял и смотрел на это море домов, фабрик, церквей, тихих и покинутых; я думал о тех надеждах и усилиях, о тех бесчисленных жизнях, которые ушли на постройку этой твердыни человечества, и о постигшем ее мгновенном, неотвратимом разрушении. Когда я понял, что мрак отхлынул прочь, что люди снова могут жить на этих улицах, что этот родной мне громадный мертвый город снова оживет и вернет свою мощь, я чуть не заплакал от волнения.

Муки кончились. С этого же дня начинается исцеление. Оставшиеся в живых люди, рассеянные по стране, без вождей, без законов, без еды, как стадо без пастуха, тысячи тех, которые отплыли за море, снова начнут возвращаться; пульс жизни с каждым мгновением все сильнее и сильнее снова забьется на пустынных улицах и площадях. Как ни страшен был разгром, разящая рука остановлена. Остановлена разящая рука. Эти горестные руины, почерневшие скелеты домов, мрачно торчащие на солнечном холме, скоро огласятся стуком молотков, звоном инструментов. Тут я воздел руки к небу и стал благодарить бога. Через какой-нибудь год, думал я, через год...

Потом, словно меня что-то ударило, я вдруг вспомнил о себе, о жене, о нашей былой счастливой жизни, которая никогда уже не возвратится.

ГЛАВА IX

НА ОБЛОМКАХ ПРОШЛОГО

Теперь я должен сообщить вам один удивительный факт. Впрочем, это, может быть, и не так удивительно. Я помню ясно, живо, отчетливо все, что делал в тот день до того момента, когда я стоял на вершине Примроз-хилла и со слезами на глазах благодарил бога. А потом в памяти моей пробел...

Я не помню, что произошло в течение следующих трех дней. Мне говорили после, что я не первый открыл гибель марсиан, что несколько таких же, как я, скитальцев узнали о ней еще ночью. Первый из обнаруживших это отправился к Сент-Мартинес Ле-Гран и в то время, когда я сидел в извозчичьей будке, умудрился послать телеграмму в Париж. Оттуда радостная весть облетела весь мир; тысячи городов, оцепеневших от ужаса, мгновенно осветились яркими огнями иллюминаций. Когда я стоял на краю ямы, о гибели марсиан было уже известно в Дублине, Эдинбурге, Манчестере, Бирмингеме. Люди плакали и кричали от радости, бросали работу, обнимались и жали друг другу руки; поезда, идущие в Лондон, были переполнены уже у Крю. Церковные колокола, молчавшие целых две недели, трезвонили по всей Англии. Люди на велосипедах, исхудалые, растрепанные, носились по проселочным дорогам, громко крича, сообщая изможденным, отчаявшимся беженцам о нежданном спасении. А продовольствие? Через Ла-Манш, по Ирландскому морю, через Атлантику спешили к нам на помощь корабли, груженные зерном, хлебом и мясом. Казалось, все суда мира стремились к Лондону. Обо всем этом я ничего не помню. Я не выдержал испытания, и мой разум помутился. Очнулся я в доме каких-то добрых людей, которые подобрали меня на третий день; я бродил по улицам Сент-Джонс-Вуда в полном исступлении, крича и плача. Они рассказывали мне, что я нараспев выкрикивал бессмысленные слова: «Последний человек, оставшийся в живых, ура! Последний человек, оставшийся в живых!»

Обремененные своими собственными заботами, эти люди (я не могу назвать их здесь по имени, хотя очень

хотел бы выразить им свою благодарность) все-таки не бросили меня на произвол судьбы, приютили у себя и оказали мне всяческую помощь.

Вероятно, они узнали кое-что о моих приключениях в течение тех дней, когда я лежал без памяти. Когда я пришел в сознание, они осторожно сообщили мне все, что им было известно о судьбе Лезерхэда. Через два дня после того, как я попал в ловушку в развалинах дома, он был уничтожен вместе со всеми жителями одним из марсиан. Марсианин смел город с лица земли без всякого повода — так озорной мальчишка разоряет муравейник.

Я был одинок, и они были очень внимательны ко мне. Я был одинок и убит горем, и они горевали вместе со мной. Я оставался у них еще четыре дня после своего выздоровления. Все это время я испытывал смутное желание — оно все усиливалось — взглянуть еще раз на то, что осталось от былой жизни, которая казалась мне такой счастливой и светлой. Это было просто безотрадное желание справить тризну по своему прошлому. Они отговаривали меня. Они изо всех сил старались заставить меня отказаться от этой болезненной идеи. Но я не мог больше противиться непреодолимому влечению; обещав непременно вернуться к ним, я со слезами на глазах простился с моими новыми друзьями и побрел по улицам, которые еще недавно были такими темными и пустынными.

Теперь улицы стали людными, кое-где даже были открыты магазины; я заметил фонтан, из которого била вода.

Я помню, как насмешливо ярок казался мне день, когда я печальным паломником отправился к маленькому домику в Уокинге; вокруг кипела возрождающаяся жизнь. Повсюду было так много народа, подвижного, деятельного, и не верилось, что погибло столько жителей. Потом я заметил, что лица встречных желты, волосы растрепаны, широко открытые глаза блестят лихорадочно и почти все они одеты в лохмотья. Выражение на всех лицах было одинаковое: либо радостно-оживленное, либо сурово-сосредоточенное. Если бы не это выражение глаз, Лондон можно было бы принять за город бродяг. Во всех приходах даром раздавали хлеб, при-

сланный французским правительством. У немногих уцелевших лошадей из-под кожи проступали ребра. На всех углах стояли изможденные констебли с белыми значками. Следов разрушения, причиненных марсианами, я почти не заметил, пока не дошел до Веллингтон-стрит, где красная трава еще взбиралась по устоям Ватерлооского моста.

У самого моста я заметил лист бумаги, приколотый сучком к густой заросли красной травы,— любопытный гротеск того необычайного времени. Это было объявление первой вновь вышедшей газеты «Дэйли мейл». Я дал за газету почерневший шиллинг, оказавшийся в кармане. Она была почти вся в пробелах. На месте объявлений, на последнем листе, наборщик, выпустивший газету единолично, набрал прочувствованное обращение к читателю. Я не узнал ничего нового, кроме того, что осмотр механизмов марсиан в течение недели уже дал удивительные результаты. Между прочим, сообщалось— в то время я не поверил этому,— что «тайна воздухоплавания» раскрыта. У вокзала Ватерлоо стояли три готовых к отходу поезда. Наплыв публики, впрочем, уже ослабел. Пассажиров в поезде было немного, да и я был не в таком настроении, чтобы заводить случайный разговор. Я занял один целое купе, скрестил руки и мрачно глядел на освещенные солнцем картины ужасного опустошения, мелькавшие за окнами. Сразу после вокзала поезд перешел на временный путь; по обеим сторонам полотна чернели развалины домов. До Клэпхемской узловой станции Лондон был засыпан черной пылью, которая еще не исчезла, несмотря на два бурных дождливых дня. У Клэпхема на поврежденном полотне работали сотни оставшихся без дела клерков и приказчиков бок о бок с землекопами, и поезд перевели на поспешно проложенный временный путь.

Вид окрестностей был мрачный, странный; особенно сильно пострадал Уимблдон. Уолтон благодаря своим уцелевшим сосновым лесам был менее разрушен. Уэндл, Моул, даже мелкие речонки поросли красной травой и казались наполненными не то сырым мясом, не то нашинкованной красной капустой. Сосновые леса Сэррея оказались слишком сухими для красного вьюна. За

Уимблдоном на огородах виднелись кучи земли вокруг шестого цилиндра. В середине что-то рыли саперы, вокруг стояли любопытные. На шесте развевался британский флаг, весело похлопывая под утренним бризом. Огороды были красные от травы. Глазам больно было смотреть на это красное пространство, пересеченное пурпурными тенями. Было приятно перевести взгляд от мертвенно-серого и красного цвета переднего плана пейзажа к голубовато-зеленым тонам восточных холмов.

У станции Уокинг железнодорожное сообщение еще не было восстановлено; поэтому я вышел на станции Байфлит и направился к Мэйбэри мимо того места, где мы с артиллеристом разговаривали с гусарами, и того места, где я во время грозы увидел марсианина. Из любопытства я свернул в сторону и увидел в красных зарослях свою опрокинутую и разбитую тележку рядом с побелевшим, обглоданным лошадиным скелетом. Я остановился и осмотрел эти останки...

Потом я прошел через сосновый лес; заросли красной травы кое-где доходили мне до шеи; труп хозяина «Пятнистой собаки», вероятно, уже похоронили: я нигде не обнаружил его. Миновав военный колледж, я увидел свой дом. Какой-то человек, стоявший на пороге своего коттеджа, окликнул меня по имени, когда я проходил мимо.

Я взглянул на свой дом со смутной надеждой, которая тотчас же угасла. Замок был взломан, и дверь отворялась и захлопывалась на ветру.

То окно моего кабинета, из которого мы с артиллеристом смотрели тогда на рассвете, было распахнуто, занавески в нем развевались. С тех пор никто не закрывал окна. Сломанные кусты остались такими же, как в день моего бегства, почти четыре недели назад. Я вошел в дом; он был пуст. Коврик на лестнице был сбит и потемнел в том месте, где я сидел, промокнув до костей под грозой, в ночь катастрофы. На лестнице остались следы грязных ног.

Я пошел по этим следам в свой кабинет; на письменном столе все еще лежал под соленитовым пресс-папье исписанный лист бумаги, который я оставил в тот день,

когда открылся первый цилиндр. Я постоял, перечитывая свою недоконченную статью о развитии нравственности в связи с общим прогрессом цивилизации. «Возможно, что через двести лет,— писал я,— наступит...» Пророческая фраза осталась недописанной. Я вспомнил, что никак не мог сосредоточиться в то утро (с тех пор прошло около месяца), и, бросив писать, пошел купить номер «Дэйли кроникл» у мальчишки-газетчика. Помню, как я подошел к садовой калитке и с удивлением слушал его странный рассказ о «людях с Марса».

Я сошел вниз в столовую и там увидел баранину и хлеб, уже сгнившие, и опрокинутую пивную бутылку. Все было так, как мы с артиллеристом оставили. Мой дом был пуст. Я понял все безумие тайной надежды, которую лелеял так долго. И вдруг снаружи раздался чей-то голос:

— Это бесполезно. Дом необитаем. Тут по крайней мере десять дней никого не было. Не мучьте себя напрасно. Вы спаслись одни...

Я был поражен. Уж не я ли сам высказал вслух свои мысли? Я обернулся... Балконная дверь была открыта настежь. Я шагнул к ней и выглянул.

В саду, изумленные и испуганные не меньше, чем я, стояли мой двоюродный брат и моя жена, бледная, без слез. Она слабо вскрикнула.

— Я пришла, — пробормотала она, — я знала... знала...

Она поднесла руки к горлу и покачнулась. Я бросился к ней и подхватил ее на руки.

ГЛАВА X

ЭПИЛОГ

Теперь, в конце моего рассказа, мне остается только пожалеть о том, как мало могу я способствовать разрешению многих спорных вопросов. В этом отношении меня, несомненно, будут строго критиковать. Моя специальность — умозрительная философия. Мое знаком-

ство со сравнительной физиологией ограничивается одной или двумя книгами, но мне кажется, что предположение Карвера о причинах быстрой смерти марсиан настолько правдоподобно, что его можно принять как доказанное. Я уже изложил это в своем повествовании.

Во всяком случае, в трупах марсиан, исследованных после войны, найдены были только известные нам бактерии. То обстоятельство, что марсиане не хоронили своих убитых товарищей, а также их безрассудное уничтожение людей доказывают, что они незнакомы с процессом разложения. Однако это лишь предположение, правда, весьма вероятное.

Состав черного газа, которым с такими губительными последствиями пользовались марсиане, до сих пор неизвестен; генератор теплового луча тоже остается пока загадкой. Страшные катастрофы в лабораториях Иллинга и Южного Кенсингтона заставили ученых прекратить свои опыты. Спектральный анализ черной пыли указывает на присутствие неизвестного нам элемента: отмечались четыре яркие линии в зеленой части спектра; возможно, что этот элемент дает соединение с аргоном, которое действует разрушительно на составные части крови. Но эти недоказанные предположения едва ли заинтересуют того широкого читателя, для которого написана моя повесть. Ни одна частица бурой накипи, плывшей вниз по Темзе после разрушения Шеппертона, в то время не была подвергнута исследованию; теперь это уже невозможно.

О результате анатомического исследования трупов марсиан (насколько такое исследование оказалось возможным после вмешательства прожорливых собак) я уже сообщал. Вероятно, все видели великолепный и почти не тронутый экземпляр, заспиртованный в Естественно-историческом музее, и бесчисленные снимки с него. Физиологические и анатомические детали представляют интерес только для специалистов.

Вопрос более важный и более интересный — это возможность нового вторжения марсиан. Мне кажется, что на эту сторону дела едва ли обращено достаточно внимания. В настоящее время планета Марс удалена от нас, но я допускаю, что они могут повторить свою

попытку в период противостояния. Во всяком случае, мы должны быть к этому готовы. Мне кажется, можно было бы определить положение пушки, выбрасывающей цилиндры; надо зорко наблюдать за этой частью планеты и предупредить попытку нового вторжения.

Цилиндр можно уничтожить динамитом или артиллерийским огнем, прежде чем он достаточно охладится и марсиане будут в состоянии вылезти из него; можно также перестрелять их всех, как только отвинтится крышка. Мне кажется, они лишились большого преимущества из-за неудачи первого внезапного нападения. Возможно, что они сами это поняли.

Лессинг привел почти неопровержимые доказательства в пользу того, что марсианам уже удалось произвести высадку на Венеру. Семь месяцев назад Венера и Марс находились на одной прямой с Солнцем; другими словами, Марс был в противостоянии с точки зрения наблюдателя с Венеры. И вот на неосвещенной половине планеты появился странный извилистый светящийся след; почти одновременно фотография Марса обнаружила чуть заметное темное извилистое пятно. Достаточно видеть фотографии обоих этих явлений, чтобы понять их взаимную связь.

Во всяком случае, грозит ли нам вторичное вторжение или нет, наш взгляд на будущность человечества, несомненно, сильно изменился благодаря всем этим событиям. Теперь мы знаем, что нельзя считать нашу планету вполне безопасным убежищем для человека; невозможно предвидеть тех незримых врагов или друзей, которые могут явиться к нам из бездны пространства. Быть может, вторжение марсиан не останется без пользы для людей; оно отняло у нас безмятежную веру в будущее, которая так легко ведет к упадку, оно подарило нашей науке громадные знания, оно способствовало пропаганде идеи о единой организации человечества. Быть может, там, за бездной пространства, марсиане следили за участью своих пионеров, приняли к сведению урок и при переселении на Венеру поступили более осторожно. Как бы то ни было, еще в течение многих лет, наверное, будут продолжаться внимательные наблюдения за Марсом, а огненные небесные

стрелы — падающие метеоры — долго еще будут пугать людей.

Кругозор человечества вследствие вторжения марсиан сильно расширился. До падения цилиндра все были убеждены, что за крошечной поверхностью нашей сферы, в глубине пространства, нет жизни. Теперь мы стали более дальнозорки. Если марсиане смогли переселиться на Венеру, то почему бы не попытаться сделать это и людям? Когда постепенное охлаждение сделает нашу Землю необитаемой — а это в конце концов неизбежно,— может быть, нить жизни, начавшейся здесь, перелетит и охватит своей сетью другую планету. Сумеем ли мы бороться и победить?

Передо мной встает смутное и странное видение: жизнь с этого парника солнечной системы медленно распространяется по всей безжизненной неизмеримости звездного пространства. Но это пока еще только мечта. Может быть, победа над марсианами только временная. Может быть, им, а не нам принадлежит будущее.

Я должен сознаться, что после всех пережитых ужасов у меня осталось чувство сомнения и неуверенности. Иногда я сижу в своем кабинете и пишу при свете лампы, и вдруг мне кажется, что цветущая долина внизу вся в пламени, а дом пуст и покинут. Я иду по Байфлит-роуд, экипажи проносятся мимо, мальчишка-мясник с тележкой, кеб с экскурсантами, рабочий на велосипеде, дети, идущие в школу,— и вдруг все становится смутным, призрачным, и я снова крадусь с артиллеристом в жаркой мертвой тишине. Ночью мне снится черная пыль, покрывающая безмолвные улицы, и исковерканные трупы в черном саване; они поднимаются, страшные, обглоданные собаками. Они что-то бормочут, беснуются, тускнеют, расплываются — искаженные подобия людей, и я просыпаюсь в холодном поту во мраке ночи.

Если я еду в Лондон и вижу оживленную толпу на Флит-стрит и Стрэнде, мне приходит в голову, что это лишь призраки минувшего, двигающиеся по улицам, которые я видел такими безлюдными и тихими; что это лишь тени мертвого города, мнимая жизнь в гальванизированном трупе.

Так странно стоять на Примроз-хилле — я был там за день перед тем, как написал эту последнюю главу,— видеть на горизонте сквозь серо-голубую пелену дыма и тумана смутные очертания огромного города, расплывающиеся во мглистом небе, видеть публику, разгуливающую по склону среди цветочных клумб; толпу зевак вокруг неподвижной машины марсиан, так и оставшейся здесь; слышать возню играющих детей и вспоминать то время, когда я видел все это разрушенным, пустынным в лучах рассвета великого последнего дня...

Но самое странное — это держать снова в своей руке руку жены и вспоминать о том, как мы считали друг друга погибшими.

1898.

Когда спящий проснется

ГЛАВА I

БЕССОННИЦА

Как-то днем во время отлива мистер Избистер, молодой художник, временно остановившийся в Боскасле, отправился к живописной бухте Пентаргена, намереваясь осмотреть тамошние пещеры. Спускаясь по крутой тропинке к Пентаргену, он неожиданно наткнулся на человека, сидевшего на выступе скалы; человек этот был, по-видимому, в большом горе. Руки его бессильно лежали на коленях, воспаленные глаза были устремлены в одну точку, а лицо мокро от слез.

Заслышав шаги Избистера, незнакомец оглянулся. Оба смутились, особенно Избистер; чтобы прервать неловкое молчание, он глубокомысленно заметил, что погода не по сезону жаркая.

— Невероятно,— согласился незнакомец и секунду спустя добавил как бы про себя:— Я никак не могу уснуть.

Мистер Избистер остановился.

— Неужели? — спросил он, всем своим видом выражая сочувствие.

— Вы не поверите, я не сплю уже шесть суток,— заявил незнакомец, устало глядя на Избистера, и вяло взмахнул рукой, как бы подчеркивая сказанное.

— Обращались вы к доктору?

— Конечно. Но все без толку. Лекарства... Моя нервная система... Они хороши для других... Это трудно объяснить. Но я не могу принимать... лекарства в больших дозах.

— Это усложняет дело,— заметил Избистер.

Он нерешительно топтался на узкой тропинке, не зная, что предпринять. Очевидно, незнакомец не прочь был побеседовать. Естественно, что при таких обстоятельствах мистер Избистер решил поддержать разговор.

— Сам я никогда не страдал бессонницей,—сказал он непринужденным тоном,— но думаю, что против нее можно найти какое-нибудь средство.

— Я не могу рисковать,— утомленно сказал незнакомец и отрицательно покачал головой.

Оба замолчали.

— Ну, а физические упражнения? — нерешительно начал Избистер, переводя взгляд с изможденного лица собеседника на его костюм туриста.

— Уже испробовано. Пожалуй, это и неразумно. Из Нью-Куэя я пошел пешком по берегу; прошагал несколько дней. К нервному расстройству присоединилась еще физическая усталость. Причина этой бессонницы — переутомление, неприятности... Видите ли...

Он словно бы изнемог и замолчал. Исхудалой рукой он потер себе лоб. Затем продолжал, будто разговаривая сам с собой:

— Я одинок, скитаюсь по свету и нигде не нахожу себе места. У меня нет ни жены, ни детей. Кто это назвал бездетных мертвым сучком на дереве жизни? У меня нет ни жены, ни детей, никаких обязанностей. Никаких желаний. Наконец я нашел для себя дело. Я сказал себе, что должен это сделать, должен побороть свою вялость. Я начал принимать лекарства. Боже, сколько истребил я этих лекарств! Не знаю, приходилось ли вам чувствовать когда-нибудь тяжесть своего тела, как оно настойчиво требует от нас внимания, сколько берет времени... Время... Жизнь! Ведь мы живем урывками; мы должны есть, и после еды появляется ощущение приятной сытости или же неприятной. Мы должны дышать свежим воздухом, а не то наш разум цепенеет, заходит в тупик и проваливается в бездну. Тысячи разнообразных развлечений, а затем нами овладевают дремота и сон. Человек, кажется, живет только для того, чтобы спать. Какая незначительная часть суток принадлежит в действительности человеку даже в самом лучшем случае! А тут еще эти ложные друзья человечества, эти пособники

смерти, алкалоиды, которые перебарывают естественную усталость и убивают сон: черный кофе, кокаин...

— Понимаю,— заметил Избистер.

— Я делал то, что хотел,— продолжал незнакомец с раздражением в голосе.

— И теперь за это расплачиваетесь?

— Да.

Оба собеседника некоторое время молчали.

— Вы не можете себе представить, до чего мне хочется спать; это похоже на голод, на жажду. Все эти шесть бесконечно длинных суток с тех пор, как я кончил свою работу, у меня в мозгу водоворот, бурный, непрерывный, хаотический поток мыслей, ни к чему и никуда не ведущий, стремительно засасывает меня в бездну. В бездну,— добавил он, помолчав.

— Вам необходимо уснуть,— сказал Избистер решительно и с таким видом, будто он нашел верное средство. — Совершенно необходимо.

— Мой разум необычайно ясен. Так никогда не было. И тем не менее я сознаю, что меня затягивает водоворот. Сейчас...

— Что такое?

— Приходилось вам видеть, как исчезает какой-нибудь предмет в водовороте? Расстаться с солнечным светом, с рассудком...

— Однако...— перебил его Избистер.

Незнакомец протянул руку, глаза его стали безумными, и он крикнул:

— Я должен покончить с собой. Хотя бы у подножия этого мрачного обрыва, где зеленая зыбь клокочет белой пеной, куда стекает этот ручеек. По крайней мере там... сон.

— Это безрассудно,— возразил Избистер, напуганный истерическим взрывом незнакомца.— Уж лучше попробовать лекарства.

— Зато там сон,— твердил незнакомец, не слушая.

Избистер посмотрел на него, и ему пришло в голову: уж не сама ли судьба свела их сегодня друг с другом?

— Совсем не обязательно,— сказал он.—Около Лулвортской бухты есть обрыв такой же высокий, оттуда упала маленькая девочка — и осталась жива. Она и по сей день здорова и невредима.

— Но эти скалы?

— На них можно проваляться со сломанными костями всю ночь напролет, и волны будут обдавать вас холодным душем. Недурно?

Их взгляды встретились.

— К сожалению, ваш способ не выдерживает критики,—продолжал Избистер с сардонической усмешкой.— Для самоубийства ни эта скала, ни другая не годится,— это я говорю, как художник,—он засмеялся,—слишком уж отдает плохим любительством.

— Но что же тогда? — сказал незнакомец в замешательстве.— Что же еще? Разве можно сохранить рассудок, если все ночи...

— Вы шли один по берегу?

— Один.

— Ну и глупо сделали. Надеюсь, вы не обидитесь на мои слова? Один! Вы же сами сказали, что физическое утомление — это не лекарство для уставшего мозга. И кто это вам посоветовал? Что ж тут удивительного! Идти одному, над головой солнце, вас томит жара, усталость, одиночество — и так в продолжение целого дня. А затем вы, наверное, ложились в постель и попытались заснуть. Не так ли?

Избистер замолчал и участливо посмотрел на больного.

— Посмотрите на эти скалы! — вдруг воскликнул незнакомец в порыве отчаяния.— Посмотрите на это море, которое волнуется и сверкает уже много-много веков. Посмотрите на белые брызги пены около этой скалы! На этот голубой свод, откуда льются ослепительные лучи солнца!.. Это ваш мир. Он вам понятен, вы наслаждаетесь им. Он согревает, поддерживает вас, он восхищает вас. Но для меня...— Он поднял голову, лицо его было мертвенно-бледным, глаза мутные и красные, губы бескровные.— Глядя на эту красоту, я еще острее чувствую, как я несчастен. Как ни прекрасен мир, я ни на минуту не забываю о своем несчастье,— прошептал он.

Избистер взглянул на дикую живописную картину залитых солнцем скал, а затем на мрачное лицо незнакомца. Несколько мгновений Избистер стоял молча. Потом встрепенулся и сделал нетерпеливое движение.

— К вам вернется сон,— сказал он,— и вы перестанете так мрачно смотреть на мир, помяните мое слово.

Теперь он уже был уверен, что эта встреча не случайна. Еще полчаса назад он чувствовал скуку и пустоту. Теперь же ему предстояла трудная и благородная задача. Он тотчас же принял решение. Прежде всего этот несчастный нуждается в дружеском участии.

Избистер примостился на краю мшистого утеса рядом с неподвижно сидевшим незнакомцем и изо всех сил начал развлекать его. Но тот словно погрузился в апатию; он угрюмо смотрел на море и лишь коротко отвечал на вопросы Избистера, однако не выказывал неудовольствия по поводу непрошеного сочувствия. Казалось, он даже был рад этому, и когда Избистер, видя, что разговор не клеится, предложил подняться наверх и вернуться в Боскасль, чтобы полюбоваться на Блэкапит, он охотно согласился. На полпути он принялся разговаривать сам с собой, а потом внезапно повернул к Избистеру свое мертвенное лицо.

— Чем же это все кончится? — спросил он, сделав слабый жест рукой.— Чем же это все кончится? Все идет кругом, кругом, кругом. Все непрестанно вертится, вертится, вертится...

Остановившись, он очертил рукой круг в воздухе.

— Отлично, дружище,— сказал Избистер с видом старого приятеля.— Не мучайте себя понапрасну. Положитесь на меня.

Незнакомец отвернулся и опустил руку. Они продолжали подниматься по узкой тропинке, змеившейся на краю обрыва, направляясь к мысу за Пенэлли; страдающий бессонницей человек шел впереди Избистера, он то и дело жестикулировал, роняя бессвязные, отрывочные слова. Дойдя до мыса, они остановились на том месте, откуда открывается вид на мрачный, таинственный Блэкапит, и незнакомец присел отдохнуть. Как только тропинка стала шире, они пошли рядом, Избистер возобновил разговор. Он только что начал распространяться о затруднениях, с которыми сталкивались в непогоду при постройке Боскасльской гавани, как вдруг спутник перебил его.

— Моя голова совсем не та, что раньше,— проговорил он, для бо́льшей выразительности подкрепляя слова жестами.— Совсем не та, что раньше. Я чувствую какое-то давление, тяжесть. Нет, это не сонливость. Это похоже на тень, глубокую тень, внезапно и быстро падающую на что-то живое, деятельное. Все кружится и погружается во мрак, во мрак. Полный сумбур мыслей и водоворот, водоворот. Я не могу этого выразить. Я с трудом могу сосредоточиться и говорить с вами об этом.

Видимо, ослабев, он остановился.

— Не утруждайте себя, дружище,— сказал Избистер.— Мне кажется, я понимаю вас. Во всяком случае, нет никакой надобности рассказывать об этих вещах.

Незнакомец начал протирать себе глаза. Избистер попытался было поддержать разговор, потом у него мелькнула новая мысль.

— Пойдемте ко мне,— предложил он,— посидим и покурим. Я покажу вам мои наброски Блэкапита. Хотите?

Незнакомец покорно встал и пошел за ним вниз по склону.

Движения его были медленны и неуверенны, и Избистер слышал, как он спотыкался, спускаясь с горы.

— Войдемте ко мне,— пригласил Избистер.— Не хотите ли сигарету или чего-нибудь спиртного? Вы употребляете крепкие напитки?

Незнакомец в нерешительности остановился у садовой калитки. По-видимому, он не отдавал себе отчета в своих действиях.

— Я ничего не пью,— медленно произнес он, поднимаясь по садовой дорожке.— Нет,— повторил он спустя минуту,— я ничего не пью. Все кружится, все вертится колесом.

Споткнувшись на пороге, он вошел в комнату, точно слепой.

Затем тяжело опустился, почти упал в кресло. Наклонился вперед, сжал лоб руками и замер. Из груди его вырвался сдавленный вздох.

Избистер суетился с растерянным видом, какой бывает у неопытных хозяев, произнося отрывочные фразы,

которые почти не требовали ответа. Он взял папку, потом переложил ее на стол и посмотрел на часы, стоявшие на камине.

— Надеюсь, вы не откажетесь поужинать со мной,— сказал он, держа в руке незакуренную сигарету и думая, что гость его, вероятно, страдает от злоупотребления наркотиками.— Могу вам предложить только холодную баранину, но она прямо великолепная. По-уэльски. И еще, кажется, сладкий пирог.

Он дважды повторил приглашение.

Незнакомец молчал. Избистер остановился со спичкой в руке и взглянул на своего гостя.

Тот продолжал молчать. Избистер выронил спичку и, так и не закурив, положил на стол сигарету. Казалось, незнакомец задремал. Избистер взял папку, открыл ее, снова закрыл; он колебался, говорить ему или нет.

— Быть может...— начал он шепотом.

Он взглянул на дверь, потом на гостя в кресле. Затем осторожно, на цыпочках, оглядываясь на своего гостя, вышел из комнаты, бесшумно закрыв за собой дверь.

Наружная дверь оставалась открытой; Избистер вышел в сад и остановился возле куста волчьего аконита. Отсюда через открытое окно он мог видеть незнакомца, неподвижно сидящего все в той же позе.

Проходившие по дороге дети остановились и с любопытством глядели на художника. Какой-то моряк обменялся с ним приветствиями. Избистер подумал, что его выжидательная поза привлекает внимание прохожих, и решил закурить: так у него будет более естественный вид. Он вытащил из кармана трубку и кисет и принялся медленно набивать ее табаком.

— Странно,— прошептал он с некоторым неудовольствием.— Во всяком случае, надо дать ему выспаться.

Энергичным движением он зажег спичку и закурил.

В этот миг он услыхал шаги своей квартирной хозяйки, которая выходила с зажженной лампой из кухни. Он обернулся и, помахав ей трубкой, успел остановить ее на пороге в гостиную. Так как она ничего не знала о его госте, то он постарался шепотом объяснить ей, в чем дело. Хозяйка ушла со своей лампой обратно в кухню, по-видимому, не вполне ему поверив.

Он покраснел и, чувствуя какую-то неловкость, притаился за углом веранды.

Избистер выкурил всю трубку. В воздухе начали реять летучие мыши. Наконец любопытство взяло верх, и он осторожно, на цыпочках, вернулся в темную гостиную. Открыв дверь, он на минуту приостановился. Незнакомец по-прежнему неподвижно сидел в кресле, его силуэт вырисовывался на фоне окна. Было тихо, только издалека доносилось пение матросов на судах, перевозящих графит. Стебли аконита и дельфиниума, прямые и неподвижные, смутно вырисовывались на темном фоне холмов. Внезапно Избистер вздрогнул, перегнулся через стол и стал прислушиваться. Неясное подозрение перешло в уверенность. Удивление сменил страх.

Он не слышал дыхания сидящего в кресле человека.

Избистер медленно и бесшумно обошел стол, он дважды останавливался, прислушиваясь. Положил руку на спинку кресла и нагнулся, почти касаясь головы незнакомца.

Желая заглянуть ему в лицо, Избистер нагнулся еще ниже. Потом вздрогнул и вскрикнул. Вместо глаз он увидел только белки.

Взглянув еще раз, он понял, что веки раскрыты, но зрачки закатились вверх. Избистер не на шутку испугался. Уже не считаясь с необычным состоянием незнакомца, он схватил его за плечо и потряс.

— Вы спите? — крикнул он громким голосом.— Вы спите?

Он уже не сомневался, что незнакомец мертв.

Избистер внезапно засуетился. Он стал метаться по комнате, наткнулся на стол и позвонил.

— Принесите, пожалуйста, поскорее лампу! — крикнул он в коридор.— Моему приятелю дурно.

Затем он вернулся к неподвижно сидевшему незнакомцу, потряс его за плечи и окликнул. Скоро комната осветилась желтоватым светом лампы, которую внесла встревоженная и удивленная хозяйка. Лицо Избистера было бледно, когда он повернулся к ней.

— Необходимо позвать доктора,— сказал он.— Это или смерть, или обморок. Есть здесь в деревне доктор? Где я могу найти доктора?

ГЛАВА II

ЛЕТАРГИЯ

Состояние каталептического окоченения, в которое впал незнакомец, длилось довольно долго. Затем тело его стало мягким и приняло положение, как у безмятежно спящего человека. Глаза его удалось закрыть.

Из гостиницы больного доставили в боскасльскую больницу, а оттуда через несколько недель в Лондон. Несмотря на все старания, его не смогли разбудить. Наконец по причинам, о которых будет в свое время сказано, решили оставить его в покое. Долгое время спящий лежал в этом странном состоянии, недвижимый и безучастный, не мертвый и не живой, застыв на границе между жизнью и смертью. Он словно провалился в темную бездну: ни признака мысли, ни тени чувства; это был сон без сновидений, всеобъемлющая тишина. Бурный вихрь его мыслей был поглощен и затоплен приливом молчания. Где находился этот человек? Где вообще находится впавший в бесчувствие?

— Мне кажется, что все это было вчера,— сказал Избистер.— Я помню все так ясно, как будто это случилось только вчера.

Это был тот самый Избистер, о котором шла речь в первой главе нашего рассказа, но уже немолодой. Волосы его, прежде каштановые, подстриженные по моде, коротким ежиком, теперь серебрились, а лицо, раньше свежее и румяное, поблекло и пожелтело. В его остроконечной бородке пробивалась седина. Он беседовал с пожилым человеком в костюме из легкой летней материи (лето в этом году было необычайно жаркое). Собеседника его звали Уорминг, это был лондонский поверенный и ближайший родственник Грэхэма, так звали человека, впавшего в летаргический сон.

Оба собеседника стояли рядом в комнате одного из лондонских зданий и смотрели на человека в длинной рубашке, безжизненно лежащего перед ними на гуттаперчевом надутом матраце. Осунувшееся желтое лицо, небритый подбородок, оцепенелые члены, бескровные ногти. Стеклянный колпак отделял эту странную, неестественную мумию от жизни.

Собеседники сквозь стекло пристально всматривались в лежащего.

— Я был прямо потрясен,— произнес Избистер.— Меня и теперь пробирает дрожь, как только я вспомню о его белых глазах. Зрачки его, понимаете ли, закатились вверх, оставались одни белки. Сейчас я это невольно вспомнил.

— Разве вы не видели его с тех пор? — спросил Уорминг.

— Я не раз хотел посмотреть,— отвечал Избистер,— но я был так занят — ни минуты свободной. Кроме того, я почти все это время провел в Америке.

— Если не ошибаюсь,— заметил Уорминг,— вы были тогда художником?

— Да. Потом я вскоре женился и понял, что искусством сыт не будешь, в особенности если нет большого таланта, и взялся за ум. Рекламы на дуврских скалах — моя работа.

— Хорошие рекламы,— согласился Уорминг,— хотя они меня не слишком порадовали.

— Зато долговечны, как скалы! — самодовольно заявил Избистер.— Мир изменяется. Когда он заснул двадцать лет тому назад, я жил в Боскасле, у меня был только ящик с акварельными красками да благородные несбыточные мечты. Мог ли я думать, что мои краски прославят все английское побережье от Лендсэнда до Лизарда! Часто бывает, что счастье приходит к человеку неожиданно.

Уорминг, казалось, сомневался: уж такое ли это счастье?

— Насколько я помню, мы с вами тогда разъехались?

— Вы вернулись в том самом экипаже, который доставил меня на Камелфордскую железнодорожную станцию. Это было как раз во время юбилея, юбилея Виктории; я отлично помню трибуны и флаги в Вестминстере и множество экипажей в Челси.

— Это был второй юбилей, бриллиантовый,— заметил Уорминг.

— О да! Во время ее первого юбилея, пятидесятилетия, я жил в Вукее и был еще мальчиком. Я пропустил все это... Сколько хлопот нам доставил этот незнакомец! Он был похож на мертвого, моя хозяйка не хотела его

держать. Мы в кресле перенесли его в гостиницу. Доктор из Боскасля — не этот, а другой, который жил там раньше,— провозился с ним чуть ли не до двух часов ночи. Я и хозяин гостиницы помогали.

— Это было, так сказать, каталептическое состояние?

— Он оцепенел. Вы могли бы придать ему любое положение. Поставить его на голову. Никогда мне не приходилось видеть такой окоченелости. Теперь,— движением головы Избистер показал на распростертую за стеклом фигуру,— совсем другое. Тот маленький доктор... как его фамилия?

— Смисерс.

— Да, Смисерс... потерял столько времени, надеясь привести его в чувство. Чего только он не делал! Прямо мороз по коже пробирает: горчичники, искусственное дыхание, уколы. А потом эти дьявольские машинки, не динамо...

— Индуктивные спирали?

— Да. Ужасно было видеть, как дрожали и сокращались его мускулы, как извивалось и билось его тело. Представьте себе: две тусклые свечи, бросающие желтоватый свет, от которого колеблются и разбегаются тени, этот маленький вертлявый доктор — и он, бьющийся и извивающийся самым неестественным образом. Мне и теперь иногда это мерещится.

Оба замолчали.

— Странное состояние,— произнес наконец Уорминг.

— Полное отсутствие сознания,— продолжал Избистер.— Здесь лежит одно тело. Не мертвое и не живое. Это похоже на пустое место с надписью «занято». Ни ощущений, ни пищеварения, ни пульса, ни намека на движение. В этом теле я совсем не ощущаю человеческой личности. Он более мертв, чем действительно умерший: доктора мне говорили, что даже волосы у него не растут, тогда как у покойников они продолжают расти.

— Я знаю,— сказал Уорминг, и лицо его потемнело.

Они вновь посмотрели сквозь стекло. Грэхэм лежал в странном состоянии транса, еще не наблюдавшегося в истории медицины. Правда, иногда транс длится около года, но по прошествии этого времени спящий или просыпается, или умирает; иногда сначала первое, затем второе. Избистер заметил следы от уколов (доктора

впрыскивали ему питательные вещества с целью поддержать жизненные силы); он указал на них Уормингу, который старался их не замечать.

— Пока он лежал здесь,— не без самодовольства сказал Избистер,— я изменил свои взгляды на жизнь, женился, воспитал детей. Мой старший сын — а тогда я еще и не помышлял о сыновьях — гражданин Америки и скоро окончит Гарвардский университет. В волосах у меня уже появилась седина. А вот он все тот же: не постарел, не поумнел, такой же, каким был я в дни своей молодости. Как это странно!

— Я тоже постарел,— заметил Уорминг.— А ведь я играл с ним в крикет, когда он был мальчиком. Он выглядит совсем еще молодым. Только немного пожелтел. Ну совсем молодой человек!

— За это время была война,— сказал Избистер.

— Да, пришлось ее пережить.

— И потом эти марсиане.

— Скажите,—спросил Избистер после некоторой паузы,— ведь у него, кажется, было небольшое состояние?

— Да, было,— ответил Уорминг. Он принужденно кашлянул.— И я его опекун.

— А! — протянул Избистер.

Он задумался, потом нерешительно спросил:

— Без сомнения, расходы по его содержанию не особенно значительны; состояние, должно быть, увеличивается?

— О да! Если только он проснется, он будет гораздо богаче, чем раньше.

— Мне как деловому человеку,— сказал Избистер,— не раз приходила в голову эта мысль. Я иногда даже думал, что с коммерческой точки зрения сон этот довольно выгоден для него. Он точно знал, что делал, когда впадал в летаргию. Если бы он жил...

— Не думаю,— улыбнулся Уорминг,— чтобы это вышло у него умышленно. Он никогда не был особенно дальновидным. В самом деле...

— Вот как!

— Мы всегда расходились с ним в этом отношении. Я постоянно был чем-то вроде опекуна при нем. Вы, конечно, много видели в жизни и понимаете, что бывают такие обстоятельства... Впрочем, вряд ли есть надежда, что

он проснется. Летаргия истощает, медленно, но все-таки истощает. Несомненно, он медленно, очень медленно, но неуклонно близится к смерти, не так ли?

— Что будет, если он проснется? Воображаю, как он удивится! За двадцать лет жизнь так переменилась. Ведь это будет совсем как у Рип ван Винкля [1].

— Скорее как у Беллами [2]. Перемены чересчур велики,— заметил Уорминг.— Да и я тоже изменился: стал совсем старик.

Избистер с притворным удивлением произнес:

— Ну что вы, я никогда не сказал бы этого!

— Мне было сорок три, когда его банкир...— помните, вы еще телеграфировали его банкиру? — обратился ко мне.

— Как же, помню. Адрес был в чековой книжке, которую я нашел в его кармане,— отвечал Избистер.

— Ну так вот, сложение произвести нетрудно,— сказал Уорминг.

Несколько минут они молчали. Затем Избистер с любопытством спросил:

— А что, если он проспит еще много лет? — И, немного помедлив, сказал: — Следует обсудить это. Вы понимаете, его состояние может *перейти в другие руки.*

— Поверьте, мистер Избистер, этот вопрос тревожит и меня самого. У меня, видите ли, нет таких родных, которым я мог бы передать опеку. Необычайное и прямо безвыходное положение.

— Да,— сказал Избистер, — здесь должна быть, так сказать, общественная опека, если только у нас таковая имеется.

— Мне кажется, что этим должно заняться какое-нибудь учреждение, юридически бессмертный опекун, если только он действительно может проснуться, как полагают иные доктора. Я, видите ли, уже справлялся об этом у некоторых наших общественных деятелей. Но пока еще ничего не сделано.

---

[1] Рип ван Винкль — герой одноименной новеллы американского писателя В. Ирвинга (1783—1859), проспавший двадцать лет.

[2] Г. Э. Беллами (1850—1898)—американский писатель, автор романа-утопии «Через сто лет».

— Право, это недурная мысль — передать опеку какому-нибудь учреждению: Британскому музею, например, или же Королевской медицинской академии. Правда, это звучит несколько странно, но и случай ведь необыкновенный.

— Трудно уговорить их принять опеку.

— Вероятно, мешает бюрократизм.

— Отчасти.

Оба замолчали.

— Любопытное дело! — воскликнул Избистер.— А проценты все растут и растут.

— Конечно,— ответил Уорминг.— А курс все повышается...

— Да, я слышал,— сказал Избистер с гримасой.— Что же, тем лучше для него.

— Если только он проснется.

— Если только он проснется,— повторил Избистер.— А не замечаете вы, как заострился его нос и как опущены теперь у него веки?

— Я не думаю, чтобы он когда-нибудь проснулся,— сказал Уорминг, присмотревшись к спящему.

— Собственно, я так и не знаю,— проговорил Избистер,— что вызвало эту летаргию. Правда, он говорил мне что-то о переутомлении. Я часто об этом думал.

— Это был человек весьма одаренный, но чересчур нервный и беспорядочный. У него было немало неприятностей — развод с женой. Я думаю, что он бросился с таким ожесточением в политику, чтобы позабыть свое горе. Это был фанатик-радикал, типичный социалист, либерал, передовой человек. Энергичный, страстный, необузданный. Надорвался в полемике, вот и все! Я помню памфлет, который он написал,— любопытное произведение. Причудливое, безумное! Между прочим, там было несколько пророчеств. Одни из них не оправдались, но другие — совершившийся факт. Вообще же, читая его, начинаешь понимать, как много в этом мире неожиданного. Да, многому придется ему учиться и переучиваться заново, если он проснется. Если только он когда-нибудь проснется...

— Чего бы я только не дал,— заявил Избистер,— чтобы услышать, что он скажет, увидев такие перемены кругом.

— И я тоже,— подхватил Уорминг.— Да! И мне бы очень хотелось. Но, увы,— прибавил он грустно,— мне не придется увидеть его пробуждения.

Он стоял, задумчиво глядя на восковую фигуру.

— Он никогда не проснется,— произнес он, вздохнув.— Он никогда не проснется.

ГЛАВА III

ПРОБУЖДЕНИЕ

Но Уорминг ошибся. Пробуждение наступило.

Как чудесно и сложно такое, казалось бы, простое явление, как сознание! Кто может проследить его возрождение, когда мы утром просыпаемся от сна, прилив и слияние разнообразных сплетающихся ощущений, первое смутное движение души — переход от бессознательного к подсознательному и от подсознательного к первым проблескам мысли, пока, наконец, мы снова не познаем самих себя? То, что случается с каждым из нас утром, при пробуждении, случилось и с Грэхэмом, когда кончился его летаргический сон. Тьма постепенно стала рассеиваться, и он смутно почувствовал, что жив, но лежит где-то, слабый, беспомощный.

Этот переход от небытия к бытию, по-видимому, совершается скачками, проходит различные стадии. Чудовищные тени, некогда бывшие ужасной действительностью, странные образы, причудливые сцены, словно из жизни на другой планете. Какие-то смутные отголоски, чье-то имя—он даже не мог бы сказать, чье; возвратилось странное, давно забытое ощущение вен и мускулов, безнадежная борьба, борьба человека, готового погрузиться во мрак. Затем появилась целая панорама ярких колеблющихся картин.

Грэхэм чувствовал, что его глаза открыты и он видит нечто необычное. Что-то белое, край, по-видимому, какой-то белой рамы. Он медленно повернул голову, следя взглядом за контуром предмета. Контур уходил вверх, исчезая из глаз. Грэхэм силился понять, где он находится. Значит ли это, что он болен? Он находился в состоянии умственной депрессии. Ощущал какую-то беспричинную,

смутную тоску человека, проснувшегося до рассвета. Ему послышался неясный шепот и звук быстро удаляющихся шагов.

При первом движении головы он понял, что очень слаб. Он решил, что лежит в постели в гостинице, хотя и не мог припомнить, чтобы видел там эту белую раму. Вероятно, он уснул. Он вспомнил, как ему хотелось тогда спать. Вспомнил скалы и водопад, даже свой разговор со встречным незнакомцем...

Как долго он проспал? Откуда эти звуки торопливых шагов, напоминающие ропот прибоя на прибрежной гальке? Он протянул бессильную руку, чтобы взять часы со стула, куда он обычно их клал, но прикоснулся к гладкой, твердой поверхности, похожей на стекло. Это крайне поразило его. Он повернулся, изумленно огляделся и с трудом попытался сесть. Движение это потребовало напряжения всех его сил; он почувствовал головокружение и слабость.

От изумления он протер глаза. Загадочность его положения ничуть не объяснилась, но голова была совершенно ясной,— очевидно, сон пошел ему на пользу. Он находился вовсе не в постели, а совершенно нагой лежал на очень мягком и упругом тюфяке под стеклянным колпаком. Ему показалось странным, что тюфяк был почти прозрачным,—внизу находилось зеркало, в котором смутно отражалась его фигура. Его рука — он содрогнулся, увидев, до чего суха и желта кожа,— была туго обвязана какой-то странной резиновой лентой, слегка врезавшейся в нее. Эта странная постель помещалась в ящике из зеленоватого стекла (так по крайней мере ему показалось), белая рама которого и привлекла сначала его внимание. В одном углу ящика стоял какой-то блестящий сложный аппарат, очень странный с виду, и прибор, напоминающий термометр.

Легкий зеленоватый оттенок похожего на стекло вещества, из которого состояли стенки ящика, мешал далеко видеть; тем не менее Грэхэм разглядел, что он находится в прекрасном обширном помещении, в одной из стен которого, как раз против него, виднелась громадная арка. У самой стенки стеклянного ящика стояла мебель: несколько изящных кресел и стол, накрытый серебристой скатертью, похожей на чешую; на столе стояли

блюда с какими-то кушаньями, бутылка и два стакана. Грэхэм почувствовал, что сильно проголодался.

В зале не было ни души. Грэхэм нерешительно спустился со своего прозрачного тюфяка и попробовал встать на ноги на чистый, белый пол. Однако он плохо рассчитал свои силы; пошатнувшись, хотел опереться рукой о стеклянную стенку, но она выпятилась наружу наподобие пузыря и лопнула с треском, напоминающим слабый выстрел. Изумленный Грэхэм вышел из-под колпака. Ища опоры, он схватился за стол и уронил один из стаканов, который со звоном ударился о твердый пол, но не разбился. Грэхэм тяжело опустился в кресло.

Отдышавшись, он налил из бутылки в другой стакан и сделал глоток — жидкость казалась совершенно бесцветной, но это была не вода: ароматичная, приятная на вкус, она быстро восстанавливала силы. Поставив стакан на стол, Грэхэм огляделся по сторонам.

Помещение показалось ему не менее великолепным и обширным, чем раньше, когда он смотрел сквозь зеленоватое стекло. Под аркой он увидел лестницу, ведущую в просторный коридор. По обе стороны коридора высились полированные колонны из какого-то камня густого ультрамаринового цвета с белыми прожилками. Оттуда доносился непрерывный жужжащий гул голосов и шум толпы. Грэхэм окончательно пришел в себя и внимательно вслушивался, позабыв, что собирался поесть.

Вдруг он сообразил, что не одет. Осмотревшись и найдя какой-то длинный черный плащ, он закутался и, весь дрожа, снова уселся в кресло.

Он недоумевал. Очевидно, он заснул и во время сна его перенесли. Но куда? И что это за люди шумят за лазурными колоннами? Боскасль? Он налил себе еще стакан бесцветной жидкости и выпил.

Что это за здание? Ему казалось, что стены колеблются, точно живые. Он смотрел на красивые архитектурные формы громадного, лишенного украшений зала и заметил в центре потолка круглое, куполообразное углубление, полное яркого света. Взглянув вверх, он увидел непрерывно мелькающую тень. «Трам, трам» — эта скользящая тень имела свою особую ноту среди глухих и отдаленных звуков, которые наполняли воздух.

Он хотел позвать кого-нибудь к себе, но так слаб и почти беззвучен был его голос! Поднявшись и покачиваясь, как пьяный, он направился к арке. Дойдя до лестницы, он споткнулся о волочившуюся полу своего черного плаща, но, ухватившись за одну из синих колонн, удержался.

Коридор вел к голубому и пурпурному вестибюлю, который оканчивался балконом с перилами, ярко освещенным и висящим, по-видимому, внутри гигантского здания. Вдалеке смутно вырисовывались какие-то колоссальные архитектурные формы.

Гул голосов слышался теперь гораздо явственнее, и Грэхэм с удивлением увидел, что на балконе спиной к нему стоят и, оживленно жестикулируя, беседуют три человека, одетых в роскошные просторные одежды ярких, гармоничных тонов. Снизу доносился глухой шум огромной толпы, промелькнуло знамя, а затем взлетел вверх какой-то яркий окрашенный предмет—синяя шапка или куртка. Кричали, по-видимому, по-английски, часто повторялось слово «проснется». Раздался чей-то пронзительный крик. Три человека рассмеялись.

— Ха-ха-ха! — смеялся один из них, рыжий, в коротком пурпурном одеянии.— Когда Спящий проснется, когда?

Он повернулся и взглянул в коридор.

Внезапно выражение его лица изменилось, и он перестал смеяться. Остальные двое тоже обернулись в сторону коридора и замерли. Их лица выражали смущение, переходившее в страх.

Колени Грэхэма подогнулись, руки, охватывавшие колонну, повисли, и он, пошатнувшись, упал ничком.

ГЛАВА IV

ГУЛ ВОССТАНИЯ

Падая, Грэхэм услышал оглушительный звон колоколов. Впоследствии он узнал, что почти час пролежал в обмороке, находясь между жизнью и смертью. Очнувшись, он увидал, что лежит навзничь на своем прозрачном матраце с горячим компрессом на груди и горле. Темной перевязи на руке уже не было, и рука была забинтована. Сверху нависала белая рама ящика, но зеленова-

того вещества уже не было. Незнакомец в одежде ярко-фиолетового цвета — один из тех, которых он видел на балконе,— стоял рядом и пытливо глядел ему в лицо.

Издалека по-прежнему доносилось гудение колоколов и неясный гул огромной толпы. Раздался резкий звук, как будто захлопнулась дверь.

Грэхэм приподнял голову.

— Что это значит? — произнес он медленно. — Где я?

Он узнал рыжего человека, того самого, который первый его увидел. Кто-то спросил: «Что сказал Грэхэм?» — но его остановили.

— Вы в полной безопасности,— по-английски, но с легким иностранным акцентом, по крайней мере так показалось Грэхэму, мягко произнес человек в фиолетовой одежде.— Вас перенесли сюда оттуда, где вы уснули. Вы в безопасности. Вы долго пролежали здесь спящим. Вы были в состоянии летаргии.

Он сказал еще что-то, чего Грэхэм не расслышал, и протянул бокал. Грэхэм почувствовал у себя на лбу освежающую струю. Ему стало лучше, и он зажмурил глаза.

— Вам лучше? — спросил человек в фиолетовой одежде, когда Грэхэм открыл глаза.

Это был мужчина лет тридцати, с приятным лицом и остроконечной русой бородкой; на вороте его одежды блестела золотая застежка.

— Лучше,— ответил Грэхэм.

— Некоторое время вы провели во сне, в летаргии. Вы понимаете меня? В летаргии. Конечно, вам это кажется странным, но могу вас уверить, что все обошлось благополучно.

Грэхэм ничего не ответил, но слова эти его несколько успокоили. Взгляд его перебегал от одного лица к другому. Все трое молча и с любопытством смотрели на него. Он думал, что находится где-нибудь в Корнуэлле, но окружающая обстановка казалась ему странной.

Он вспомнил о том, что собирался в свое время сделать в Боскасле и не успел.

— Телеграфировали вы моему кузену? — спросил он, откашлявшись.— Э. Уорминг, двадцать семь, Ченсери-Лейн?

Все трое внимательно его слушали, однако ему пришлось повторить свой вопрос.

— Какое странное произношение! — прошептал рыжеволосый.

— Телеграфировали ли, сир? — переспросил молодой человек с русой бородкой, очевидно, очень удивленный.

— Он хочет сказать: послали ли вы электрограмму? — догадался третий, юноша, на вид лет девятнадцати или двадцати, с приятным лицом.

— Ах, какой я несообразительный! — воскликнул с досадой русобородый.— Можете быть уверены, что все будет сделано, сир,— обратился он к Грэхэму.— Боюсь только, что будет затруднительно телеграфировать вашему кузену. Его нет теперь в Лондоне. Прошу вас, не утруждайте себя этими мелочами; вы проспали очень долго, за это время произошло немало перемен, сир. (Грэхэм догадался, что это слово было «сэр», хотя незнакомец и выговаривал его как «сир».)

— Вот как! — произнес Грэхэм и успокоился.

Все это очень странно, удивительно; но несомненно одно: эти люди, так необычно одетые, что-то скрывают. Какие странные люди, какая странная комната! По-видимому, это — какое-то новое учреждение. Это похоже на выставочный павильон, внезапно у него мелькнуло подозрение. Ну да, конечно, это выставочный павильон. Достанется же Уормингу за это! Однако это маловероятно. На выставке его бы не демонстрировали голого.

Вдруг он понял все. Внезапно перед ним как бы отдернулась завеса. Он понял, что сон его длился очень долго, что это был необычайный летаргический сон; он прочел это по тому смущению, которое виднелось в устремленных на него глазах этих незнакомых людей. С волнением взглянул он на них. Казалось, они, в свою очередь, старались что-то прочесть у него в глазах. Он пошевелил губами, хотел заговорить, но не смог ничего сказать. У него явилось странное желание скрыть это от чужих людей, сделать вид, будто он ничего не знает. Опустив глаза, он молча глядел на свои босые ноги. Желание говорить пропало. Его охватила дрожь.

Ему подали стакан с какой-то розовой жидкостью, отливавшей зеленым фосфорическим блеском, по вкусу на-

поминавшей мясной бульон. Грэхэм выпил, и тотчас же к нему вернулись силы.

— Теперь... теперь мне лучше,— хрипло произнес он и услышал одобрительный шепот окружающих. Теперь ему все стало ясно.

Он снова попытался заговорить, и снова неудачно. Схватившись за горло, он начал в третий раз.

— Сколько... — спросил он сдавленным голосом,— сколько времени я проспал?

— Довольно долго,— ответил русобородый, быстро переглянувшись с двумя другими.

— Сколько же?

— Очень долго.

— Да, да! — воскликнул недовольно Грэхэм.— Но я желаю знать — сколько. Несколько лет? Много лет? Что-то произошло... Не помню, что. Я смутно чувствую... Но вы...— Он всхлипнул.— Зачем скрывать это от меня? Сколько времени?

Он замолчал и, тяжело дыша, закрыв глаза руками, ждал ответа.

Все трое начали перешептываться.

— Пять, шесть? — спросил он слабым голосом.— Больше?

— Гораздо больше.

— Больше?

— Больше.

Он смотрел на них и ждал ответа. Мускулы его лица передернулись.

— Вы проспали много лет,— произнес наконец человек с рыжей бородой.

Грэхэм с усилием приподнялся и сел, затем быстро вытер слезы исхудалой рукой.

— Много лет? — повторил он.

Он зажмурил глаза, потом снова открыл их и, оглядываясь вокруг, спросил:

— Сколько же именно?

— Приготовьтесь услышать известие, которое удивит вас.

— Хорошо.

— Более гросса лет.

Его поразило странное слово.

— Больше чего?

Двое незнакомцев быстро заговорили между собой. Он уловил только слово «десятичный».

— Сколько лет сказали вы? — настаивал Грэхэм.— Сколько? Да не смотрите же так! Отвечайте!

Из их разговора он уловил три слова: «более двух столетий».

— Что? — вскричал он, оборачиваясь к юноше, который, как ему показалось, произнес эти слова.— Как вы сказали? Два столетия!

— Да,— подтвердил рыжебородый.— Двести лет.

Грэхэм повторил эти слова. Он приготовился ко всему, но никак не ожидал такого ответа.

— Двести лет! — повторил он с ужасом, казалось, перед ним разверзлась пропасть.— О, но ведь тогда...

Ему ничего не ответили.

— Так вы сказали...

— Да, двести лет. Два столетия,— повторил рыжебородый.

Опять молчание. Грэхэм посмотрел им в глаза и по выражению их лиц понял, что они не обманывают его.

— Не может быть! — воскликнул он жалобно.— Мне это снится. Летаргия... Летаргия не может так долго длиться. Это неправда... Вы издеваетесь надо мной! Скажите... ведь прошло всего несколько дней, как я шел вдоль морского берега в Корнуэлле...

Голос его оборвался.

Человек с русой бородой, казалось, был в нерешительности.

— Я не очень силен в истории, сир,— произнес он неохотно и посмотрел на остальных.

— Вы правы, сир,— сказал младший.— Боскасль находится в прежнем герцогстве Корнуэлльском, к юго-западу от лугов. Там и теперь еще стоит дом. Я был там.

— Боскасль! — Грэхэм повернулся к юноше.— Да, Боскасль! Боскасль. Я заснул где-то там. Точно я не могу припомнить. Точно не могу припомнить.— Он схватился за голову и прошептал: — Более двухсот лет! — Сердце его упало. Лицо передернулось.— Но если это так, если я проспал двести лет, то все, кого я знал, кого я видел, с кем говорил, все умерли.

Все трое молчали.

— И королева и королевская семья, министры, духовенство и правительство. Знать и простонародье, богатые и бедные, все, все... Существует ли еще Англия? Существует ли Лондон? Мы ведь в Лондоне, да? А вы — мои хранители-опекуны? Опекуны? А эти? А? Тоже охраняют меня? — Привстав, он глядел на них широко открытыми глазами.— Но зачем я здесь? Впрочем, нет! Не говорите. Лучше молчите. Дайте мне...

Он сидел молча, протирая глаза. Ему подали второй стакан розоватой жидкости. Выпив, Грэхэм почувствовал себя бодрее. Он разрыдался, и слезы принесли ему облегчение.

Взглянув на их лица, он вдруг засмеялся сквозь слезы почти безумным смехом.

— Две-сти лет, две-сти лет! — повторял он.

Лицо его исказила истерическая гримаса, и он снова закрыл глаза руками.

Потом он успокоился. Руки его бессильно повисли. Он сидел почти в той же позе, как при встрече с Избистером у пентаргенских скал. Вдруг его внимание было привлечено чьим-то громким, властным голосом и звуком приближающихся шагов.

— Что вы тут делаете? Почему меня не уведомили? Ведь вам было приказано! Виноватый будет отвечать. Ему нужен покой. Закрыты ли у вас двери? Все до последней? Ему нужен абсолютный покой. С ним нельзя разговаривать. Говорили ему что-нибудь?

Человек с русой бородой что-то ответил. Грэхэм, глядя через плечо, увидел приближающегося мужчину небольшого роста, толстого, безбородого, с орлиным носом, с бычьей шеей и тяжелым подбородком. Густые черные брови, почти сходящиеся на переносье, щетинились над глубоко посаженными серыми глазами и придавали лицу мрачное, зловещее выражение. На мгновение он нахмурил брови, глядя на Грэхэма, но сейчас же отвел взгляд и, обратившись к человеку с русой бородой, раздраженно сказал:

— Пусть удалятся.

— Удалятся? — спросил рыжебородый.

— Конечно. Но, смотрите, закройте двери.

Двое незнакомцев повиновались и, взглянув в последний раз на Грэхэма, повернулись уходить, но, вместо

того чтобы выйти под арку, направились к противоположной стене. Затем произошло нечто странное: часть, по-видимому, совершенно глухой стены с треском раздвинулась и, свиваясь наподобие жалюзи, поднялась вверх и опустилась за ушедшими. Грэхэм остался наедине с новоприбывшим и с русобородым человеком в пурпуровом одеянии.

Некоторое время толстяк не обращал на Грэхэма ни малейшего внимания, он расспрашивал русобородого, который был, очевидно, его подчиненным; казалось, он требовал отчета в каком-то поручении. Говорил он очень отчетливо, но смысл его слов остался для Грэхэма неясен. Очевидно, пробуждение Грэхэма вызывало в нем не удивление, а скорее досаду и тревогу. Заметно было, что он глубоко взволнован.

— Вы не должны смущать его подобными рассказами,— несколько раз повторял он.— Не надо смущать его.

Получив ответы на все свои вопросы, он быстро обернулся и, с любопытством взглянув на Грэхэма, спросил:

— Вас это удивляет?

— Очень!

— Все окружающее кажется вам странным?

— Надо привыкать. Ведь мне, вероятно, придется жить.

— Думаю, что так.

— Прежде всего не дадите ли вы мне какую-нибудь одежду?

— Сейчас,— сказал толстяк, и русобородый, поймав его взгляд, тут же удалился.— Сейчас получите одежду.

— Правда ли, что я проспал двести лет? — спросил Грэхэм.

— Они уже успели разболтать вам об этом? Двести три года — это будет точнее.

Грэхэм поднял брови и стиснул зубы, стараясь примириться с неоспоримым фактом. С минуту он сидел молча, а затем спросил:

— Что здесь, завод или динамо поблизости? — И, не дожидаясь ответа, прибавил: — Я думаю, все ужасно переменилось? Что это за крики?

— Пустяки. Это народ,— ответил нетерпеливо толстяк.— Позднее вы, вероятно, все узнаете. Вы правы, все

переменилось.— Он говорил отрывисто, нахмурив брови, и взгляд у него был такой, как будто он что-то решал про себя, пытаясь найти выход.— Прежде всего нужно достать вам одежду. Лучше обождать здесь. Никто не должен к вам приближаться. Вам надо побриться.

Грэхэм провел рукой по подбородку.

Русобородый возвратился; внезапно повернув голову, он стал прислушиваться, потом переглянулся с толстяком и через арку направился к балкону. Шум и крики становились все громче. Толстяк тоже насторожился. Вдруг он пробормотал какое-то проклятие и недружелюбно взглянул на Грэхэма. Снизу доносился прибой тысячи голосов, то поднимаясь, то падая. Иногда раздавались звуки ударов, сопровождаемые пронзительными криками; слышался как будто треск ломавшихся сухих палок. Грэхэм напрягал слух, чтобы разобрать отдельные слова в этом хаосе.

Наконец он уловил какую-то фразу, выкрикиваемую почти беспрерывно. В первую минуту он не верил своим ушам. Однако сомнений не было, он ясно слышал:

— Покажите нам Спящего! Покажите нам Спящего!

Толстяк стремительно бросился к арке.

— Проклятие! — воскликнул он.— Откуда они узнали? Знают они или только догадываются?

Должно быть, последовал какой-то ответ.

— Я не могу выйти сам,— сказал вдруг толстяк.— Я должен быть здесь. Крикните им что-нибудь с балкона.

Русобородый опять что-то ответил.

— Скажите, что он не просыпался. Ну, там что-нибудь. Предоставляю это вам.— Он поспешно вернулся к Грэхэму.— Вам необходимо поскорее одеться. Вам нельзя оставаться здесь... Это невозможно...

Он опять куда-то торопливо удалился, не отвечая на вопросы Грэхэма. Вскоре он вернулся.

— Я не могу объяснить вам, что здесь происходит. Этого в двух-трех словах не расскажешь. Через несколько минут вам сделают одежду. Да, через несколько минут. А тогда я смогу увести вас отсюда. Волнения скоро кончатся.

— Но этот шум. Они кричат...

— Про Спящего? Это про вас. Они свихнулись, что ли. Я ничего не понимаю. Решительно ничего!

Пронзительный звон прорезал глухой отдаленный шум и крики. Толстяк подбежал к какому-то аппарату в углу зала. С минуту он слушал, глядя в стеклянный шар, и иногда кивал утвердительно головой, потом произнес несколько неясных слов; закончив переговоры, он подошел к стене, через которую недавно удалились двое. Часть стены поднялась, подобно занавесу, но он остановился, что-то выжидая.

Грэхэм поднял руку и с удивлением заметил, что силы к нему возвратились. Он спустил с ложа сначала одну ногу, потом другую. Головокружения как не бывало. Едва веря такому быстрому выздоровлению, Грэхэм сел и принялся себя ощупывать.

Русобородый вернулся с балкона. Перед толстым незнакомцем опустился лифт, и из него вышел седобородый худощавый человек в узкой темно-зеленой одежде со свертком в руках.

— Вот и портной,— проговорил толстяк, указывая на вошедшего.— Теперь вам больше не понадобится этот черный плащ. Я не понимаю, как он попал сюда. Но нельзя терять времени. Поторопитесь! — обратился он к портному.

Старик в зеленом поклонился и, приблизясь, сел рядом с Грэхэмом. Держался он спокойно, но в глазах у него светилось любопытство.

— Моды сильно изменились, сир,—сказал он и покосился на толстяка. Потом быстро развернул сверток, и на его коленях зарябили яркие материи.— Вы жили, сир, в эпоху, так сказать, цилиндрическую, эпоху Виктории. Полушарие шляп. Всюду правильные кривые. Теперь же...

Он вынул приборчик, по размеру и наружному виду напоминающий карманные часы, нажал кнопку, и на циферблате появилась небольшая человеческая фигурка в белом, двигавшаяся, как на экране. Портной взял образчик светло-синего атласа.

— Вот мой выбор,— обратился он к Грэхэму.

Толстяк подошел и, встав около Грэхэма, произнес:

— У нас очень мало времени.

— Доверьтесь моему вкусу,— ответил портной.— Моя машина сейчас прибудет. Ну, что вы скажете?

— А что это такое? — спросил человек девятнадцатого столетия.

— В ваше время портные показывали своим клиентам модные журналы,— ответил портной,— мы же пошли дальше. Смотрите сюда.— Маленькая фигурка повторила свои движения, но уже в другом костюме.— Или это.— И на циферблате появилась другая фигурка в более пышном одеянии.

Портной действовал очень быстро и нетерпеливо посматривал в сторону лифта.

Легкий шум — и из лифта вышел анемичный, похожий на китайчонка подросток, с коротко остриженными волосами, в одежде из грубой ткани светло-синего цвета; он бесшумно выкатил на роликах какую-то сложную машину. Портной отложил кинетоскоп, отдал шепотом какое-то приказание мальчику, который ответил гортанным голосом что-то непонятное, и попросил Грэхэма встать перед машиной. Пока мальчик что-то бормотал, портной выдвигал из прибора ручки с небольшими дисками на концах; эти диски он приставил к телу Грэхэма: к плечу, к локтю, к шее и так далее, около полусотни дисков.

В это время на лифте позади Грэхэма в зал поднялись еще несколько человек. Портной пустил в действие механизм, части машины пришли в движение, сопровождаемое слабым ритмическим шумом; затем он нажал рычаги и освободил Грэхэма. На него накинули черный плащ, русобородый подал ему стакан с подкрепляющей жидкостью; выпив ее, Грэхэм заметил, что один из новоприбывших, бледный юноша, смотрит на него особенно упорно.

Толстяк, нетерпеливо расхаживавший все время по залу, вошел под арку и направился к балкону, откуда по-прежнему доносился глухой, прерывистый гул. Коротко остриженный мальчуган подал портному сверток светло-синего атласа, и оба принялись всовывать материю в машину, растягивая ее так, как растягивали в девятнадцатом столетии рулоны бумаги на печатных станках. Затем бесшумно откатили машину в угол ком-

наты, где висел провод, закрученный в виде украшения. Включив машину, пустили ее в ход.

— Что они там делают? — спросил Грэхэм, указывая на них пустым стаканом и стараясь не обращать внимания на пристальный взгляд новоприбывшего.— Этот механизм приводится в движение какой-то энергией?

— Да,— ответил русобородый.

— Кто этот человек? — спросил Грэхэм, указывая рукой под арку.

Человек в пурпуровой одежде потеребил в замешательстве свою маленькую бородку и ответил, понизив голос:

— Это Говард, ваш старший опекун. Видите ли, сир, это трудно объяснить вам. Совет назначает опекуна и его помощников. В этот зал обычно разрешается доступ публике. Но в особых случаях это может быть воспрещено. Мы в первый раз воспользовались этим правом и закрыли двери. Впрочем, если угодно, пусть он сам объяснит вам.

— Как странно,— произнес Грэхэм.— Опекун! Совет!

Затем, обернувшись спиной к новоприбывшему, он спросил вполголоса:

— Почему этот человек так упорно смотрит на меня? Он месмерист?

— Нет, не месмерист! Он капиллотомист.

— Капиллотомист?

— Ну да, один из главных. Его годовое жалованье — полгросса львов.

— Полгросса львов? — машинально повторил удивленный Грэхэм.

— А у вас разве не было львов? Да, пожалуй, не было. У вас были тогда эти архаические фунты. Лев — это наша монетная единица.

— Но вы еще сказали... полгросса?

— Да, сир. Шесть дюжин. За это время изменились даже такие мелочи. Вы жили во времена десятичной системы счисления, арабской системы: десятки, сотни, тысячи. У нас же вместо десяти — дюжина. Десять и одиннадцать мы обозначаем однозначным числом, двена-

дцать или дюжину — двузначным, двенадцать дюжин составляют гросс, большую сотню; двенадцать гроссов — доцанд, а доцанд доцандов — мириад. Просто, не правда ли?

— Пожалуй, — согласился Грэхэм. — Но что значит кап... Как вы сказали?

— А вот и ваша одежда,— заметил русобородый, глядя через плечо.

Грэхэм обернулся и увидел, что сзади него стоит улыбающийся портной с совершенно готовым платьем в руках, а коротко остриженный мальчуган нажимом пальца толкает машину к лифту. Грэхэм с удивлением посмотрел на поданную ему одежду.

— Неужели...— начал он.

— Только что изготовлена,— ответил портной.

Положив одежду к ногам Грэхэма, он подошел к ложу, на котором еще так недавно лежал Грэхэм, сдернул с него прозрачный матрац и поднял зеркало. Раздался резкий звонок, призывающий толстяка. Русобородый поспешно прошел под арку.

С помощью портного Грэхэм надел комбинацию: белье, чулки и жилет, все темно-пурпурного цвета.

Толстяк вернулся от аппарата и направился навстречу русобородому, возвращающемуся с балкона. У них завязался оживленный разговор вполголоса, причем на лицах их выражалась тревога.

Поверх нижнего пурпурного платья Грэхэм надел верхнее из светло-синего атласа, которое удивительно шло к нему. Грэхэм увидел себя в зеркале хотя и исхудалым, небритым, растрепанным, но все же не голым.

— Мне надо побриться,— сказал он, смотрясь в зеркало.

— Сейчас,— ответил Говард.

Услышав это, молодой человек перестал разглядывать Грэхэма. Он закрыл глаза, потом снова открыл их: подняв худощавую руку, приблизился к Грэхэму. Остановившись, сделал жест рукой и осмотрелся кругом.

— Стул! — воскликнул Говард, и тотчас же русобородый подал Грэхэму кресло.

— Садитесь, пожалуйста,— сказал Говард.

Грэхэм остановился в нерешительности, увидав, что в руках странного юноши сверкнуло лезвие.

— Разве вы не понимаете, сир? — учтиво пояснил русобородый.— Он хочет побрить вас.

— А! — с облегчением вздохнул Грэхэм.— Но ведь вы называли его...

— Капиллотомист! Это один из лучших артистов в мире.

Русобородый удалился. Успокоенный Грэхэм поспешно сел в кресло. К нему тотчас же подошел капиллотомист и принялся за работу. У него были плавные, изящные движения. Он осмотрел у Грэхэма уши, ощупал затылок, разглядывал его то с одной, то с другой стороны; Грэхэм уже начинал терять терпение. Наконец капиллотомист в несколько мгновений, искусно орудуя своими инструментами, обрил Грэхэму бороду, подровнял усы и подстриг волосы. Все это он проделал молча, с вдохновенным видом поэта. Когда он окончил свою работу, Грэхэму подали башмаки.

Внезапно громкий голос из аппарата, находившегося в углу комнаты, прокричал: «Скорее, скорее! Весь город уже знает. Работа остановилась. Работа остановилась. Не медлите ни минуты, спешите!»

Эти слова испугали Говарда. Грэхэм увидел, что он колеблется, не зная, на что решиться. Наконец он направился в угол, где стояли аппарат и стеклянный шар. Между тем долетавший со стороны балкона гул усилился, раскаты его, подобно грому, то приближались, то удалялись.

Грэхэм не мог более вытерпеть. Взглянув на Говарда и увидав, что тот занят и не обращает на него внимания, он быстро спустился по лестнице в коридор и через мгновение очутился на том самом балконе, где недавно стояли трое незнакомцев.

ГЛАВА V

ДВИЖУЩИЕСЯ УЛИЦЫ

Грэхэм подошел к перилам балкона и заглянул вниз. При его появлении послышались крики удивления и шум многотысячной толпы усилился.

Площадь внизу казалась крылом гигантского сооружения, разветвлявшегося во все стороны. Высоко над

площадью тянулись гигантские стропила и крыша из прозрачного материала. Холодный белый свет огромных шаров делал еле заметными слабые солнечные лучи, проникавшие сквозь стропила и провода. Кое-где над бездной, словно паутина, висели мосты, черневшие от множества пешеходов. Воздух был заткан проводами. Подняв голову, он увидел, что верхняя часть здания нависает над балконом, а противоположный его фасад сер и мрачен, испещрен арками, круглыми отверстиями, балконами и колоннами, башенками и мириадами громадных окон и причудливых архитектурных украшений. На нем виднелись горизонтальные и косые надписи на каком-то неизвестном языке. Во многих местах под самой кровлей были прикреплены толстые канаты, спускавшиеся крутыми петлями к круглым отверстиям противоположной стены. Внезапно его внимание привлекла крохотная фигурка в синем одеянии, появившаяся на противоположной стороне площади, высоко, у закрепления одного из канатов, перед небольшим выступом стены, и державшаяся за едва заметные издали веревки. Вдруг Грэхэм с удивлением увидал, как этот человечек одним махом прокатился по канату и скрылся где-то наверху в круглом отверстии.

Выходя на балкон, Грэхэм прежде всего взглянул вверх, и все внимание его было приковано к тому, что происходило там и напротив. Затем он увидел улицу. Собственно, это не была улица, которую знал Грэхэм, так как в девятнадцатом столетии улицей называли неподвижную полосу твердой земли, по которой между узкими тротуарами двумя противоположными потоками стремились экипажи. Эта улица была около трехсот футов ширины и двигалась сама, кроме средней своей части. В первое мгновение он недоумевал. Потом понял.

Под самым балконом эта необыкновенная улица быстро неслась направо, со скоростью курьерского поезда девятнадцатого столетия,— бесконечная платформа с небольшими интервалами, что позволяло ей делать повороты и изгибы. На ней мелькали сиденья и небольшие киоски, но они проносились с такой быстротой, что не было возможности их рассмотреть. За ближайшей, самой быстрой платформой виднелся ряд других, двигавшихся также вправо. Каждая двигалась несколько медленнее

предыдущей, что позволяло переходить с платформы на платформу, добираясь до неподвижного центра, через который люди шли на другую сторону. Там виднелась вторая серия подобных же платформ, у них тоже была различная скорость, но двигались они в обратном направлении, налево от Грэхэма. Множество людей, самых разных, сидело на двух наиболее широких и быстрых платформах и переходило улицу, особенно густо скопляясь в центре.

— Вам нельзя оставаться здесь,— послышался голос Говарда.— Сейчас же уходите отсюда!

Грэхэм ничего не ответил. Казалось, он ничего не слышал. Платформы неслись с грохотом, а толпа кричала. Грэхэм заметил женщин и девушек с развевающимися волосами, в нарядных одеждах, с бантами на груди. Они прежде всего бросались в глаза. Преобладающим цветом в этом калейдоскопе костюмов был светло-синий, того же оттенка, как одежда у подмастерья портного.

Он ясно слышал выкрики:

— Спящий! Что случилось со Спящим?

Движущиеся платформы были словно усеяны светлыми пятнами человеческих лиц, обращенных к балкону. Он видел, как указывали пальцами. Толпа людей в синих одеждах кишела на неподвижной, средней части улицы против балкона. Казалось, здесь происходила какая-то борьба и давка. Толпа напирала многих сталкивали на движущиеся платформы, и они уносились против своей воли. Но тут же спрыгивали с платформы и спешили вернуться в самую гущу толпы.

— Вот Спящий! В самом деле, это Спящий!— раздавались крики.

— Это вовсе не Спящий! — кричали другие.

Все новые и новые лица обращались к Грэхэму. В средней платформе Грэхэм заметил отверстия, как бы входы в подземелье: очевидно, там находились лестницы, по которым поднимались и спускались люди. Около одного из входов, ближайшего к Грэхэму, теснилось множество людей. Люди устремлялись туда со всех сторон, ловко перепрыгивая с платформы на платформу. Те, что были на более высоких платформах, то и дело обращали свой взгляд на балкон. У самой лестницы, сдерживая натиск

растущей толпы, суетились фигурки в одеянии ярко-красного цвета. Здесь, казалось, была наибольшая давка. Яркие точки резко выделялись на синем фоне толпы. Происходила какая-то борьба.

Говард тряс Грэхэма за плечо и что-то кричал ему в ухо. Потом он внезапно исчез, и Грэхэм остался на балконе один.

Крики «Спящий!» стали повторяться все чаще, народ на ближайшей платформе встал с сидений. Правая, ближайшая быстроходная платформа опустела, движущиеся в обратном направлении были густо усыпаны народом. На средней, неподвижной части улицы против самого балкона быстро собралась громадная волнующаяся толпа, и отдельные крики слились в многоголосый хор: «Спящий! Спящий!» Рукоплескания, взмахи платков и крики: «Остановите движение!» Слышалось еще какое-то странное, незнакомое Грэхэму слово, вроде «острог». Медленно движущиеся платформы были полны народа, люди бежали против движения, чтобы быть поближе к Грэхэму, и кричали: «Остановите движение!»

Более проворные перебегали из центральной части улицы на крайнюю, ближайшую к нему платформу, выкрикивая что-то непонятное, и бежали наискось опять к центральной платформе.

— Это действительно Спящий! Это действительно Спящий! — кричали они.

Несколько минут Грэхэм стоял неподвижно. Потом вдруг понял, что все эти крики, все это волнение, несомненно, относятся к нему. Приятно удивлённый такой необыкновенной популярностью, он поклонился и в виде приветствия помахал рукой.

Рев толпы усилился. Давка у лестниц стала еще более ожесточенной. Все балконы были облеплены людьми, некоторые скользили по канатам, другие перелетали через площадь, сидя на трапециях.

За спиной Грэхэма послышались шаги и голоса, кто-то спускался по лестнице из-под арки. Грэхэм почувствовал, что его крепко схватили за руку. Обернувшись, он увидел своего опекуна Говарда, который старался оттащить его от перил и кричал что-то непонятное.

Грэхэм обернулся. Лицо Говарда было бледно.

— Уходите! — кричал он.— Они сейчас остановят движение. Весь город восстанет.

За Говардом по коридору с голубыми колоннами спешили другие: рыжеволосый незнакомец, затем русобородый, какой-то высокий мужчина в ярком малиновом одеянии и еще несколько человек в красном, с жезлами в руках; вид у всех был взволнованный.

— Уведите его! — приказал Говард.

— Но почему? — воскликнул Грэхэм.— Я совсем не вижу...

— Вы должны уйти отсюда! — произнес повелительно человек в красном. Выражение лица у него было решительное. Грэхэм напряженно вглядывался в лица этих людей. Внезапно он понял, что они готовятся учинить над ним насилие. Кто-то схватил его за руку... Его потащили.

Рев толпы увеличился, словно усиленный эхом огромного здания. Изумленный и смущенный, не находя в себе сил для сопротивления, Грэхэм чувствовал, как его не то ведут, не то тащат по коридору с голубыми колоннами. Неожиданно он очутился наедине с Говардом в поднимающемся лифте.

ГЛАВА VI

ЗАЛ АТЛАСА

С того момента, как ушел портной, и до того, как Грэхэм очутился в лифте, прошло не более пяти минут. Летаргический сон все еще тяготел над ним; неожиданно перенесенный в этот новый мир, он находил все чудесным, почти нереальным; ему казалось, что он видит это во сне. Он наблюдал за всем со стороны, как изумленный зритель. Все, что он видел, в особенности волнующаяся, кричащая под балконом толпа, казалось ему театральным представлением.

— Я ничего не понимаю,— проговорил он.— Что это за волнение? У меня мысли в голове путаются. Почему они так кричат? В чем опасность?

— У нас есть тоже свои волнения,— ответил Говард, избегая вопрошающего взгляда Грэхэма.— Сейчас такое

тревожное время. Конечно, ваше пробуждение и ваше появление на балконе находится в связи...

Он говорил отрывисто и замолчал, точно у него перехватило дыхание.

— Я ничего не понимаю,— повторил Грэхэм.

— Поймете потом,— ответил Говард и посмотрел наверх, словно движение лифта казалось ему слишком медленным.

— Надеюсь, что, осмотревшись, я буду лучше понимать окружающее,— в замешательстве сказал Грэхэм.— Но сейчас я в полном недоумении. Мне все так непонятно, так странно. Мне кажется, что вокруг меня творятся какие-то чудеса. Впрочем, кое-что понятно: ваш счет, например, отличающийся от нашего.

Лифт остановился, и они вступили в узкий длинный коридор среди высоких стен, вдоль которых тянулось невероятное множество труб и толстых канатов.

— Какая колоссальная постройка! — воскликнул Грэхэм.— Это все — одно здание? Что это такое?

— Здесь один из центров по снабжению города светом и тому подобным.

— Что за волнение видел я на этой огромной улице? Какая у вас система управления? Есть ли у вас полиция?

— Несколько родов,— ответил Говард.

— Как несколько?

— Около четырнадцати.

— Не понимаю.

— В этом нет ничего удивительного. Наша социальная жизнь покажется вам чрезвычайно сложной. Сказать по правде, я и сам не совсем ясно ее понимаю. Да и никто не понимает. Быть может, вы поймете со временем. Теперь же мы направляемся в Совет.

Внимание Грэхэма было отвлечено людьми, которых они встречали в коридорах и залах. На мгновение он подумал о Говарде и о его сдержанных ответах, но скоро его заинтересовало другое. Большинство людей, попадавшихся им в коридоре и в залах, было в красном одеянии. Светло-синего цвета, преобладавшего в толпе на движущихся платформах, здесь совсем не было видно. Встречные смотрели на них, приветствовали и проходили мимо.

В длинном коридоре, куда они вошли, на низеньких стульях сидело много девочек, точно в классе. Учителя Грэхэм не заметил, но увидел своеобразный аппарат, из которого доносился чей-то голос. Девочки с любопытством и удивлением смотрели на Грэхэма и на Говарда. Однако второпях он не мог их как следует разглядеть. Ему показалось, что девочки знают Говарда и недоумевают, кто такой Грэхэм. Говард, очевидно, важная особа и, однако, приставлен к Грэхэму. Как это странно!

Затем они вступили в полутемный коридор, под потолком тянулся помост, по которому сновали люди; Грэхэм видел только их ноги не выше лодыжек. Затем потянулись галереи с редкими прохожими, которые с удивлением оглядывались на него и его спутника в красном одеянии.

Выпитое им возбуждающее снадобье, очевидно, уже переставало действовать. Он начал уставать от такой быстрой ходьбы и обратился к Говарду с просьбой замедлить шаг. Вскоре они вошли в лифт с окном на улицу, но оно было заперто, и с высоты он не мог рассмотреть движущиеся платформы. Он видел только людей, проходящих по легким воздушным мостам и скользящих по канатам.

Затем они перешли очень высоко над улицей по стеклянному мосту, такому прозрачному, что было страшно идти. Вспомнив скалы между Нью-Куэем и Боскаслем (это было так давно, но казалось ему недавним), Грэхэм решил, что он находится на высоте около четырехсот футов над движущимися улицами. Он остановился и посмотрел на кишащих внизу синих и красных карликов, толкающихся, жестикулирующих под тем крошечным балконом, где он недавно стоял. Легкая мгла и блеск больших шарообразных фонарей мешали разглядеть картину. Человек, сидевший в ящике, как в люльке, быстро, точно падая, скользнул по канату, над мостом. Грэхэм невольно остановился, чтобы посмотреть, как исчезает этот необыкновенный пассажир в обширном круглом отверстии внизу, затем снова стал наблюдать густую толпу.

На одной из быстроходных платформ двигалась густая толпа людей, одетых в красное. Поравнявшись с балконом, они рассыпались и устремлялись на неподвижную середину улицы, туда, где кипела наиболее ожесто-

ченная борьба. Казалось, эти люди в красном были вооружены палками и дубинками, которыми они размахивали и дрались. Глухой гул, крики, вопли доносились до Грэхэма слабым эхом.

— Идите же! — крикнул Говард, кладя руку ему на плечо.

По канату скользил еще один человек. Желая узнать, откуда он взялся, Грэхэм посмотрел вверх и сквозь стеклянный потолок и сплетения канатов и балок увидел что-то вроде ритмически движущихся крыльев ветряной мельницы, а за ними далекое бледное небо. Говард потащил его дальше, и они очутились в узеньком проходе, украшенном геометрическими лепными узорами.

— Я хочу посмотреть вниз! — воскликнул Грэхэм, сопротивляясь.

— Нет, нет,— отвечал Говард, не выпуская его руку.— Вы должны идти сюда.

Двое провожатых в красном, видимо, готовы были поддержать это требование силою.

В конце коридора появились негры в черной с желтым форме, напоминавшие огромных ос, один из них поспешно отодвинул скользящую заслонку, очевидно, дверь, и открыл перед ними проход. Грэхэм очутился на галерее, висевшей над обширной комнатой. Провожатый в черно-желтом одеянии прошел вперед, открыл следующую дверь и остановился в ожидании.

Эта комната походила на вестибюль. Там было множество народа, в противоположном конце виднелась широкая лестница, а над нею вход, завешенный тяжелой драпировкой, за которой находился обширный зал. По обе стороны входа неподвижно стояли белые люди в красных и негры в черных с желтым одеяниях.

Проходя через галерею, Грэхэм услышал доносившийся снизу шепот: «Спящий!» — и почувствовал, что на него все смотрят. Пройдя еще один маленький коридорчик внутри стены, они очутились на металлической галерее, вьющейся вокруг того самого громадного зала, который он видел сквозь занавес. Он вошел с угла и сразу же обратил внимание на огромные размеры зала. Негр в черном с желтым одеянии замер в позе хорошо вымуштрованного слуги и тотчас же захлопнул за ними дверь.

По сравнению со всеми другими помещениями, которые до сих пор видел Грэхэм, зал показался ему необыкновенно роскошным. В противоположном углу на высоком пьедестале возвышалась гигантская белая статуя Атласа, подпирающего мощными плечами земной шар. Эта статуя прежде всего привлекла внимание Грэхэма — она была такая огромная, выразительная, благородная в своей простоте, ослепительно белая. В обширном помещении ничего не было, кроме этой фигуры и эстрады посредине. Эстрада, затерявшаяся в нем, показалась бы издали полоской металла, если бы стоявшая на ней вокруг стола группа из семи человек не подчеркивала ее размеры. Все семеро, одетые в белые мантии, только что поднялись со своих мест и пристально смотрели на Грэхэма. На краю стола блестели какие-то приборы.

Говард провел Грэхэма через всю галерею, пока они не оказались наконец против статуи согнувшегося под тяжестью гиганта. Здесь он остановился. К Грэхэму сейчас же подошли те два человека в красном, которые следовали за ними, и стали по обе его стороны.

— Вы должны остаться здесь на некоторое время,— прошептал Говард и, не дожидаясь ответа, поспешно пошел дальше по галерее.

— Но почему...— начал было Грэхэм и сделал движение, как бы намереваясь идти за ним.

— Вы должны ожидать здесь, сир,— сказал человек в красном, загораживая ему дорогу.

— Почему?

— Таково приказание, сир.

— Чье приказание?

— Нам так приказано, сир.

Грэхэму послышалось в его голосе сдержанное раздражение.

— Что это за комната? — спросил он.— Кто эти люди?

— Это члены Совета, сир.

— Какого Совета?

— Нашего Совета.

— Ого! — воскликнул Грэхэм и после новой неудачной попытки добиться ответа от другого стража подошел к перилам и взглянул на неподвижных людей

в белом, пристально рассматривающих его и, по-видимому, перешептывающихся о чем-то.

Совет? Грэхэм заметил, что их теперь уже восемь, хотя и не видел, откуда появился новоприбывший.

И никакого приветствия! Они смотрели на него так же, как смотрела бы в девятнадцатом столетии на улице кучка любопытных на взмывший высоко в небо воздушный шар. Что за Совет собрался здесь? Что это за жалкие фигурки подле величественной белой статуи Атласа, среди торжественного пустынного зала, где их никто не может подслушать? Зачем привели его сюда? Неужели только для того, чтобы смотреть на него и перешептываться?

Внизу показался Говард, направляющийся по блестящему полу к эстраде. Приблизившись, он поклонился и сделал какой-то жест, очевидно, требуемый этикетом. Затем поднялся по ступеням эстрады и остановился возле аппарата на краю стола.

Грэхэм наблюдал за неслышной ему беседой. Вот один из членов Совета взглянул в его сторону. Грэхэм тщетно напрягал слух. Жесты разговаривающих становились все более оживленными. Он перевел взгляд на спокойные лица служителей... Вот Говард протянул руку и качает головой, словно против чего-то протестуя. Вот его прерывает один из одетых в белое людей, ударив рукою по столу.

Совещание, как показалось Грэхэму, длилось бесконечно долго. Он взглянул на неподвижного гиганта, у ног которого происходило заседание Совета, затем на стены зала, украшенные панно в псевдояпонском стиле, некоторые из них были очень красивы. Эти панно в громадных, тонкой работы рамах из темного металла размещались между металлическими кариатидами галереи и продольными архитектурными линиями. Изящные панно еще более подчеркивали строгую белизну и мощную простоту огромной статуи в центре зала.

Взглянув снова на Совет, Грэхэм увидел, что Говард уже спускается со ступеней. Когда он приблизился, Грэхэм заметил, что лицо его было красно и что он отдувался, как человек, только что выдержавший неприятный разговор. Он был, видимо, смущен и встревожен.

— Сюда,— сказал он кратко, и они молча вошли в маленькую дверь, которая раскрылась при их приближении. По обе стороны этой двери стояли люди в красном одеянии. Переступая порог, Грэхэм обернулся и увидел, что весь Совет в белых одеждах стоит у подножия статуи и смотрит ему вслед. Затем дверь с резким стуком захлопнулась, и в первый раз по своем пробуждении он очутился среди полнейшей тишины. Не слышно было даже своих шагов.

Говард открыл другую дверь, и они оказались в первой из двух смежных комнат, белого и зеленого цвета.

— Что это за Совет? — спросил Грэхэм.— О чем эти люди совещались? Какое они имеют отношение ко мне?

Говард тщательно запер дверь и что-то пробормотал. Пройдясь по комнате, он обернулся и еще раз тяжело вздохнул.

— Уф! — произнес он с облегчением.

Грэхэм стоял и смотрел на него.

— Вы, конечно, понимаете,— начал наконец Говард, стараясь не глядеть на Грэхэма,— что наше социальное устройство чрезвычайно сложно. Если просто сообщить вам голые факты и никак не объяснить их, то у вас сложится неверное представление. Дело в том, что благодаря целому ряду причин небольшое состояние ваше, увеличенное состоянием Уорминга, вашего двоюродного брата, перешедшим по его смерти к вам, чрезвычайно возросло. Вместе с тем ваша личность приобрела весьма большое, мировое значение...

Он замолчал.

— Ну? — произнес Грэхэм.

— Происходят большие волнения.

— Что же дальше?

— Дела приняли такой оборот, что необходимо заключить вас в это помещение.

— Арестовать меня? — воскликнул Грэхэм.

— Не совсем так... На некоторое время вас необходимо изолировать.

— Странно! — удивился Грэхэм.

— Вам не будет причинено ни малейшего вреда.

— Ни малейшего вреда!

— Да, но вы должны оставаться здесь.

— Прежде я хочу осознать свое положение.

— Конечно.

— Отлично, рассказывайте же. О каком *вреде* вы упомянули?

— Теперь не время рассказывать.

— Почему же?

— Это чересчур длинная история, сир.

— Тем более оснований начать теперь же. Вы сказали, что моя личность имеет большое значение. Что это за крики, которые я слышал? Почему так волнуется народ, узнав, что я проснулся? Кто эти люди в белом зале Совета?

— Все в свое время, сир,— ответил Говард.— Не все сразу. Теперь такое смутное время, что голова идет кругом. Ваше пробуждение... Никто не ожидал, что вы проснетесь. Совет заседает.

— Какой Совет?

— Который вы только что видели.

Грэхэм сделал нетерпеливый жест.

— Этого недостаточно! — воскликнул он.— Вы должны сказать мне, что там происходит.

— Придется вам подождать. Вы должны подождать.

Грэхэм сел.

— Если я ждал так долго, чтобы вернуться к жизни,— проговорил он,— то думаю, что смогу и еще подождать немного.

— Отлично,— сказал Говард.— Это благоразумно. А теперь я пока оставлю вас одного. На некоторое время. Я должен присутствовать в Совете... Право, я очень сожалею...

С этими словами он подошел к бесшумно растворившейся двери и исчез.

Грэхэм подошел к двери и попробовал ее отворить, но тщетно. Он никак не мог понять ее устройство. Тогда он принялся ходить по комнате, потом сел.

Скрестив руки, нахмурив брови и кусая ногти, он неподвижно сидел и старался разобраться в калейдоскопе событий и впечатлений первого часа своей новой жизни после пробуждения. Гигантские механизмы, бесконечные анфилады комнат и переходов, суматоха и борьба на платформах, группа чуждых, враждебных людей у подножия гиганта Атласа, таинственное поведение

Говарда! Намек на громадное наследство, в отношении которого, быть может, были допущены злоупотребления, на нечто, чему еще не было прецедентов в истории! Но что же делать?.. Глубокая тишина уединенных комнат так красноречиво говорила ему о заключении.

Внезапно у него мелькнула мысль, что эта цепь ярких впечатлений — всего лишь сон. Он попробовал закрыть глаза, но и это испытанное средство не помогло.

Тогда он принялся осматривать комнаты, в которых находился.

В длинном овальном зеркале он увидел свое отражение и остановился удивленный. Он был одет в изящный костюм пурпурного и светло-синего цвета. Слегка седеющая борода была подстрижена остроконечно, а волосы на голове, когда-то черные, теперь же серебрившиеся сединой, обрамляли его лоб необычной, но довольно красивой прической. Он выглядел, как человек лет сорока пяти.

В первое мгновение он даже не узнал себя. Потом горько рассмеялся.

— Позвать бы теперь старину Уорминга,— воскликнул он,— и отправиться с ним завтракать!

Он стал перебирать в памяти своих знакомых, но вдруг вспомнил, что все эти люди давно уже умерли. Эта мысль так поразила его, что лицо его омрачилось, и он побледнел.

Потом он вспомнил шумные движущиеся платформы, гигантские сооружения чудесных улиц. Крики толпы — и эти безмолвные враждебные члены Совета в белых одеяниях.

Он почувствовал себя таким маленьким, жалким, ничтожным, заброшенным среди этого нового, чуждого мира.

ГЛАВА VII

КОМНАТЫ БЕЗМОЛВИЯ

Грэхэм снова начал осматривать свои покои. Любопытство взяло верх над усталостью. Задняя комната была высокая, с потолком в виде купола, в центре которого находилось овальное отверстие, где вращалось ко-

лесо с широкими лопастями, по-видимому, вентилятор. Его слабое жужжание нарушало тишину комнаты. В промежутках между вращающимися лопастями виднелось небо. Грэхэм с изумлением заметил звезду.

Это заставило его обратить внимание на то, что яркое освещение комнат зависит от бесчисленных лампочек, помещенных вдоль карниза. Окон не было. Он припомнил, что не видел окон и во всех других комнатах и переходах, по которым шествовал с Говардом. Правда, он заметил окна в зданиях на улице, но были ли они сделаны для света? Или же весь город днем и ночью освещается искусственным светом, так что здесь совсем нет ночи?

Его поразило еще другое обстоятельство: ни в одной из комнат он не заметил каминов. Или теперь лето и помещение тоже летнее, или же город отапливается весь одновременно? Все это заинтересовало его, и он принялся разглядывать поверхность стен, кровать весьма простой конструкции и остроумные приспособления для уборки спальни. Никаких украшений, хотя архитектурные формы и окраска очень красивы. Несколько удобных кресел и легкий стол, бесшумно передвигающийся на роликах; на нем бутылки с какой-то жидкостью, стаканы и два блюда с прозрачным, похожим на желе веществом. Ни книг, ни газет, ни письменных принадлежностей.

«Да, мир сильно изменился»,— подумал он.

Он заметил в соседней комнате ряд странных двойных цилиндров, на белой поверхности которых виднелись зеленые надписи, гармонировавшие с общим убранством комнаты. Как раз посередине из стены выдавался небольшой аппарат четырехугольной формы, размерами около ярда; лицевая сторона его представляла собой что-то вроде белого циферблата. Перед аппаратом стоял стул. У Грэхэма тотчас же мелькнула мысль, что эти цилиндры, вероятно, заменяют книги, хотя на первый взгляд такое предположение казалось неправдоподобным.

Его удивили надписи на цилиндрах. Сначала ему показалось, что они сделаны на русском языке. Затем он понял, что это был английский язык, только искаженный: «Qi Man huwdbi Kin»,— очевидно: «Человек,

который хотел быть королем». «Фонетический метод»,— подумал Грэхэм.

Он вспомнил, что когда-то читал очень интересную книгу с таким заглавием. Но все же то, что он видел, совсем не походило на книгу. Он прочел еще две надписи на цилиндрах: «Душа сумерек», «Мадонна будущего» — о таких книгах он не слыхал, вероятно, они написаны в следующую после викторианской эпоху.

Он с любопытством осмотрел один из цилиндров, затем поставил его на место и принялся за осмотр аппарата. Открыв крышку, он увидел, что внутри вставлен двойной цилиндр. В верхней части прибора виднелась кнопка, совсем как у электрических звонков. Он нажал ее, послышался треск и вслед за тем голоса и музыка, а на циферблате появились цветные изображения. Сообразив, что это такое, Грэхэм отступил назад и стал смотреть.

На гладкой поверхности показалась яркая цветная картина с движущимися фигурами. Они не только двигались, но и разговаривали чистыми, тонкими голосами. Впечатление получалось совершенно такое, как если перевернуть бинокль и смотреть через его большое стекло или же слушать через длинную трубу. Грэхэм сразу же заинтересовался происходящей перед ним сценой.

Мужчина расхаживал взад и вперед и сердитым голосом объяснялся с красивой, капризной женщиной. Оба были в живописных, хотя и странных костюмах.

— Я работал, а что же делали вы? — сказал мужчина.

— А! — воскликнул Грэхэм.

Забыв обо всем на свете, он уселся в кресло. Не прошло и пяти минут, как он услышал фразу: «Когда Спящий проснется»,— употребленную в виде пословицы-насмешки над тем, чего никогда не будет.

Вскоре Грэхэм так хорошо узнал действующих лиц, словно они были близкими его друзьями.

Наконец миниатюрная драма окончилась, и циферблат прибора потускнел.

Какой это странный мир, в который ему только что удалось заглянуть: бесчестный мир, где все ищут наслаждений, деятельный, хитрый и одновременно мир жесточайшей экономической борьбы. Некоторые намеки были ему совершенно непонятны, иные эпизоды свиде-

тельствовали о полном изменении нравственных идеалов, о сомнительном прогрессе. Одежду синего цвета — этот цвет преобладал на движущихся платформах — носило, очевидно, простонародье. Грэхэм не сомневался, что сюжет вполне современен и что драма соответствует действительности. Трагический конец произвел на него угнетающее впечатление. Он сидел, устремив взгляд в пространство.

Наконец он вздрогнул и протер глаза. Он до того увлекся только что виденным, этим романом новых дней, что, очнувшись в бело-зеленых комнатах, был удивлен не меньше, чем после своего первого пробуждения.

Он встал со стула и снова очутился в волшебном мире. Впечатление от кинетоскопа рассеялось. Он вспомнил волнение на улицах, загадочный Совет — все пережитое им после пробуждения. Для всех Совет был олицетворением могущества и власти. Все говорили о Спящем. Сначала его не поразило, что он и есть Спящий. Он старался припомнить все, что люди говорили...

Он вошел в спальню и стал смотреть сквозь вентилятор. При вращении колеса слышался глухой шум, врывавшийся в комнату ритмическими волнами, и больше ни звука. Несмотря на свет в помещении, он заметил, что полоска неба темно-синего, почти черного цвета и усеяна звездами...

Он принялся снова обследовать помещение, но ему не удалось отворить плотно закрытую дверь, найти звонок или другим способом позвать людей. Способность удивляться уже притупилась; его мучило любопытство, жажда знания. Он хотел точно знать свое положение в этом новом мире. Он тщетно старался успокоиться и терпеливо ждать, пока кто-нибудь придет. Он жаждал разъяснений, борьбы, свежих впечатлений.

Вернувшись в первую комнату и подойдя к аппарату, он сумел переменить цилиндр. Тут ему пришла в голову мысль, что, без сомнения, только благодаря этому изобретению удалось сохранить язык и он так мало изменился за двести лет. Взятый наудачу цилиндр заиграл какую-то музыкальную фантазию. Начало мелодии было прекрасно, но потом она стала чересчур чувствительной. Грэхэм узнал историю Тангейзера в не-

сколько измененном виде. Музыка была ему незнакома, но слова звучали убедительно, хотя и попадались непонятные места. Тангейзер отправился не в Венусберг, а в Город Наслаждений. Что это за город? Без сомнения, создание пылкой фантазии какого-нибудь писателя.

Тем не менее Грэхэм слушал с любопытством. Но вскоре сентиментальная история перестала ему нравиться, а потом показалась даже неприятной.

Там не было ни воображения, ни идеализации—одна фотографическая реальность. Будет с него этого Венусберга двадцать второго столетия! Он забыл роль, какую сыграл в искусстве девятнадцатого столетия прототип этой пьесы, и дал волю своему неудовольствию. Он поднялся, раздосадованный: ему было как-то неловко, хотя он слушал эту вещь в одиночестве. Он злобно толкнул аппарат, пытаясь остановить музыку. Что-то треснуло. Вспыхнула фиолетовая искра; по его руке пробежал ток, и аппарат замолк. Когда на следующий день Грэхэм попробовал вынуть цилиндры с Тангейзером и заменить их новыми, аппарат оказался испорченным....

Волнуемый самыми разнообразными мыслями, Грэхэм принялся шагать по комнате. То, что ему показал аппарат, и то, что он видел собственными глазами, смущало его. Ему казалось теперь странным и удивительным, что за всю свою тридцатилетнюю жизнь он ни разу не попытался представить себе, каким же станет будущее.

«Мы сами же готовили это будущее,— подумал он,— и едва ли кто-нибудь из нас о нем думал. А теперь вот оно! Чего они достигли? Что ими сделано? Как войду я в этот мир? Он уже видел эти гигантские постройки, эти громадные толпы народа.— Но какие волнения потрясают это общество! Какова развращенность высших классов!»

Он вспомнил о Беллами, который своей социальной утопией так странно предвосхитил действительность, какую он теперь переживает. Но то, что происходит теперь,— не утопия и не социализм. Он видел вполне достаточно, чтобы понять, что прежний контраст между роскошью, расточительностью и распущенностью, с одной стороны, и черной нищетой — с другой, еще более обострился. Будучи знаком с основными факторами общественной жизни, он мог вполне оценить положение ве-

щей. Гигантских размеров достигли не одни только постройки; очевидно, и всеобщее недовольство достигло крайних пределов — об этом свидетельствуют крики возбужденного народа, беспокойство Говарда, атмосфера всеобщего чрезвычайного недовольства. Что это за страна? По-видимому, Англия, хотя это так мало на нее похоже. Тщетно он старался представить себе, что стало с остальным миром,— все было покрыто загадочной пеленой.

Он шагал из угла в угол, как зверь в клетке, осматривая каждую мелочь. Он чувствовал сильную усталость и лихорадочное возбуждение, которое не давало уснуть.

Долгое время стоял он под вентилятором, прислушиваясь и стараясь уловить отголоски восстания, которое, как он был убежден, не прекратилось.

Он начал разговаривать сам с собой.

— Двести три года,— повторял он с бессмысленным смехом.— Значит, мне теперь двести тридцать три года! Самый старый человек на земле! Возможно, что и теперь, как и в былые времена, власть — прерогатива старости. В таком случае мое право первенства неоспоримо. Так, так! Ведь я помню болгарскую резню, как будто это происходило вчера. Почтенный возраст! Ха, ха!

Он удивился, услышав свой смех, и рассмеялся еще громче. Потом, осознав, что его поведение похоже на безумие, остановился: «Побольше сдержанности, побольше сдержанности».

Он замедлил шаг.

— Это новый мир — я не понимаю его. Но почему?.. Все время это «почему». Вероятно, люди давно уже научились летать да и многому другому. Однако как же все это началось?..

Его удивило, что почти вся тридцатилетняя жизнь успела исчезнуть из памяти и что он с большим трудом может вспомнить лишь некоторые незначительные моменты. Лучше всего сохранились воспоминания детства; он вспомнил учебники, уроки арифметики. Потом воскресли воспоминания о значительных событиях его жизни; он вспомнил жену, давно уже умершую, ее магическое гибельное влияние на него, вспомнил своих соперников, друзей и врагов, вспомнил, как необдуманно принимал

разнообразные решения, вспомнил годы тяжелых испытаний, лихорадочные порывы, наконец, свою напряженную работу. Вскоре вся прежняя его жизнь вновь предстала перед ним в мельчайших подробностях, тускло мерцая, подобно заржавленному металлу, еще годному для шлифовки. Воспоминания только растравили его раны. Стоит ли в них копаться — шлифовать этот металл? Каким-то чудом он выхвачен из прежней невыносимой жизни.

Он стал обдумывать свое теперешнее положение. Он тщетно боролся с фактами и не находил выхода, запутавшись в клубке противоречий. Сквозь вентилятор он заметил, что небо порозовело. Из потаенных уголков его памяти всплыла мысль, некогда настойчиво преследовавшая его. «Ах да, мне необходимо заснуть»,— вспомнилось ему. Сон должен утолить его душевные муки и облегчить телесные страдания.

Подойдя к небольшой странной кровати, он лег и тотчас же уснул...

Волей-неволей пришлось подробно ознакомиться со своим помещением, так как заключение длилось целых три дня. В течение этого времени никто, кроме Говарда, не заходил в его тюрьму. Загадочность его положения превосходила загадочность его пробуждения. Казалось, он только затем и очнулся от своего необыкновенного сна, чтобы попасть в это таинственное заключение. Говард регулярно посещал его и приносил подкрепляющие и питательные напитки и какую-то легкую и вкусную пищу. Входя, он всякий раз запирал за собой дверь. Держался он очень предупредительно и любезно, но Грэхэм не мог ничего узнать о том, что происходит там, за этими безмолвными стенами. Говард весьма вежливо, но решительно избегал всяких разговоров о положении дел в городе.

За эти три дня Грэхэм многое передумал. Он сопоставлял все, что ему удалось видеть, с тем фактом, что его стараются держать взаперти. Он строил всевозможные предположения и начал понемногу догадываться. Благодаря этому вынужденному уединению он смог потом осмыслить все, что с ним произошло. Когда наконец наступил момент освобождения, Грэхэм был уже к нему подготовлен... Поведение Говарда доказывало, что он,

Грэхэм, действительно значительная персона. Казалось, всякий раз вместе с Говардом в раскрытую дверь врывается веяние каких-то важных событий. Вопросы Грэхэма делались все определеннее и точнее, так что поставленному в тупик Говарду оставалось лишь протестовать. Он повторял, что пробуждение Грэхэма застало их врасплох и к тому же совпало с беспорядками.

— Чтобы объяснить это вам, я должен рассказать историю за полтора гросса лет,— возражал Говард.

— Очевидно,— сказал Грэхэм,— вы боитесь, что я могу что-то сделать. Я являюсь как бы посредником или по крайней мере могу быть таковым.

— Вовсе нет, но,— думаю, я могу вам это сказать,— ваше богатство, которое непомерно возросло за это время, может позволить вам вмешаться в события. А кроме того, ваши взгляды человека восемнадцатого столетия...

— Девятнадцатого,— поправил Грэхэм.

— Вы человек старого мира и совершенно несведущи в нашем государственном устройстве.

— Разве я такой невежда?

— Отнюдь нет.

— Разве похож я на человека, способного действовать опрометчиво?

— Никто не ожидал, что вы можете действовать. Никто не верил в ваше пробуждение. Никто даже не мечтал о вашем пробуждении. Совет поставил вас в антисептические условия. Ведь мы были уверены, что вы давно уже мертвы, что тление только остановлено. А вы между тем... но нет, это чересчур сложно. Мы не можем так скоро... вы еще не оправились после пробуждения.

— Нет, это не то,— сказал Грэхэм.— Положим, это так, но почему же меня не насыщают день и ночь знаниями, мудростью ваших дней, чтобы подготовить меня к моей ответственной роли? Разве я знаю теперь больше, чем два дня назад, если с тех пор, как я проснулся, действительно прошло два дня?

Говард поджал губы.

— Я начинаю понимать, я с каждым часом все глубже проникаю в тайну, носителем которой являетесь вы. Чем занят ваш Совет, или комитет, или как его там зовут? Стряпает отчет о моем состоянии? Так, что ли?

— Такое выражение недоверия... — начал Говард.

— Ого! — перебил Грэхэм. — Лучше запомните мои слова: плохо будет тем, кто держит меня здесь, плохо будет! Теперь я совсем ожил. Будьте уверены, я окончательно ожил. С каждым днем мой пульс делается все более четким, а мозг работает все энергичнее. Я не хочу больше покоя! Я вернулся к жизни. Я хочу жить.

— Жить!

Лицо Говарда озарилось какой-то мыслью. Он ближе подошел к Грэхэму и заговорил конфиденциальным тоном:

— Совет заключил вас сюда для вашего же блага. Вы скучаете. Вполне естественно — такой энергичный человек! Вам надоело здесь. Но мы готовы удовлетворить любое ваше желание, малейшее ваше желание. Что вам угодно? Быть может, общество?

Он многозначительно замолчал.

— Да,— произнес Грэхэм задумчиво,— именно общество.

— А! Так вот что! Поистине мы невнимательно отнеслись к вашим нуждам.

— Общество тех людей, что наполняют ваши улицы.

— Вот как! — сказал Говард.— Сожалею... но...

Грэхэм начал шагать по комнате. Говард стоял у двери, наблюдая за ним.

Намеки Говарда показались Грэхэму не совсем ясными. Общество? Допустим, он примет предложение, потребует себе общество. Но может ли он узнать от своего собеседника хоть что-нибудь о той борьбе, которая началась на улицах города к моменту его пробуждения? Он задумался. Внезапно он уразумел намек и повернулся к Говарду.

— Что вы подразумеваете под словом «общество»?

Говард поднял глаза вверх и пожал плечами.

— Общество себе подобных,— ответил он, и улыбка пробежала по его каменному лицу.— У нас более свободные взгляды на этот счет, чем были в ваше время. Если мужчина желает развлечься и ищет женского общества, мы не считаем это зазорным. Мы свободны от таких предрассудков. В нашем городе есть класс людей, весьма необходимый класс, никем не презираемый, скромный...

Грэхэм молча слушал.

— Это развлечет вас,— продолжал Говард.— Мне

следовало бы об этом подумать раньше, но тут были такие события...— Он указал рукой на улицу.

Грэхэм молчал. На мгновение перед ним возник соблазнительный образ женщины, созданный его воображением. Затем он возмутился.

— Нет! — воскликнул он и принялся бегать по комнате.— Все, что вы говорите, все, что вы делаете, убеждает меня, что я причастен к каким-то великим событиям. Я вовсе не хочу развлекаться. Желания, чувственность — это смерть! Угасание! Я это знаю. В моей предыдущей жизни, перед тем как заснуть, я достаточно потрудился для уяснения этой печальной истины. Я не хочу начинать снова. Там город, народ... А я сижу тут, как кролик в мешке.

Он чувствовал такой прилив гнева, что задыхался. Сжав кулаки, он потрясал ими в воздухе. Потом разразился архаическими проклятиями. Его жесты стали угрожающими.

— Я не знаю, к какой принадлежите вы партии. Я нахожусь в потемках, и вы не хотите вывести меня на свет. Но я знаю одно: меня заключили сюда с каким-то дурным умыслом. С недобрым умыслом. Но, предупреждаю вас, предупреждаю вас, что вы понесете ответственность. Когда я получу власть...

Он спохватился, сообразив, что такая угроза может быть опасной для него самого, и замолчал. Говард стоял и глядел на него с любопытством.

— Это необходимо довести до сведения Совета,— сказал он.

Грэхэм чуть не бросился на него, чтобы убить или задушить. Вероятно, лицо Грэхэма красноречиво выражало его чувства, так как Говард не стал терять времени. В одно мгновение бесшумная дверь снова захлопнулась, и человек девятнадцатого столетия остался один.

Несколько мгновений он стоял неподвижно, со сжатыми кулаками. Затем руки его бессильно опустились.

— Как глупо я себя вел! — вскричал он злобно и стал нервно шагать по комнате, бормоча проклятия.

Долгое время он не мог успокоиться, проклиная свою участь, свое неблагоразумие и тех негодяев, которые заперли его. Он не мог спокойно обдумать свое положение. Он пришел в ярость, потому что боялся за будущее.

Наконец он успокоился. Правда, заточение его беспричинно, но, без сомнения, оно предпринято на законном основании,—таковы законы новейшего времени. Ведь теперешние люди на двести лет ушли вперед по пути цивилизации и прогресса по сравнению с его современниками. Нет никаких оснований думать, что они стали менее гуманны. Правда, они свободны от предрассудков. Но разве гуманность — такой же предрассудок, как и целомудрие?

Он ломал себе голову: как с ним поступят? Но все его предположения, даже самые логичные, ни к чему не привели.

— Что же они могут со мной сделать? Если допустить даже самое худшее,— произнес он после долгого размышления,— ведь я могу согласиться на все их требования. Но чего они желают? И почему они вместо того, чтобы предъявить свои требования, держат меня взаперти?

Он снова начал ломать голову, стараясь разгадать намерения Совета. «Что значат эти мрачные, косые взгляды, непонятные колебания, все поведение Говарда? А что, если убежать из этой комнаты?»

Некоторое время он обдумывал план бегства. «Но куда скрыться в этом густонаселенном мире? Я попал бы в худшее положение, чем древний саксонский поселянин, внезапно выброшенный на лондонскую улицу девятнадцатого столетия. Да и как убежать из этой комнаты? Кому нужно, чтобы со мной произошло несчастье?»

Он вспомнил о народном волнении, о мятеже, осью которого, по-видимому, являлась его особа. И вдруг из тайников его памяти, казалось бы, не относящиеся к делу, но звучавшие весьма убедительно, всплыли слова, произнесенные в синедрионе: «Лучше одному человеку погибнуть, чем целому народу».

ГЛАВА VIII

ПО СТЕКЛЯННЫМ КРОВЛЯМ

Из вертевшегося вентилятора во второй комнате сквозь отверстие, в котором виднелось ночное небо, послышались смутные звуки. Грэхэм, стоявший подле и раз-

мышлявший о той таинственной силе, которая засадила его в эти комнаты и которой он так неосмотрительно только что бросил вызов, с изумлением услыхал чей-то голос.

Заглянув вверх, в просветы темного вентилятора, он различил смутные очертания лица и плеч человека, смотревшего на него снаружи. Темная рука протянулась к вентилятору, лопасти которого ударились о нее и покрылись пятнами; на пол закапала какая-то жидкость.

Грэхэм посмотрел на пол и увидел у своих ног пятна крови. В испуге он поднял голову. Силуэт исчез.

Грэхэм стоял, не двигаясь, напряженно всматриваясь в чернеющее отверстие: снаружи была глубокая ночь. Ему показалось, что он видит какие-то неясные бледные пятнышки, порхающие в воздухе. Они неслись прямо к нему, но, встречая ток воздуха от вентилятора, уносились в сторону. Попадая в полосу света, они вспыхивали ярким белым блеском и вновь гасли в темноте.

Грэхэм понял, что в нескольких футах от него, за стеной этого светлого и теплого помещения, падает снег.

Он прошелся по комнате и снова приблизился к вентилятору. Вдруг он заметил, что за колесом вентилятора опять мелькнула чья-то голова. Послышался шепот. Затем осторожный удар каким-то металлическим орудием, треск, голоса,— вентилятор остановился.

В комнату посыпались снежные хлопья, они таяли, не долетев до пола.

— Не бойтесь,— послышался чей-то голос.

Грэхэм стоял у вентилятора.

— Кто вы? — прошептал он.

Одно мгновение ничего не было слышно, кроме поскрипывания вентилятора, затем в отверстие осторожно просунулась голова незнакомца. Лицо его было обращено к Грэхэму. Черные волосы были мокры от снега, он схватился за что-то рукой. Лицо у него было совсем молодое, глаза блестели и жилы на висках вздулись. Упираясь в темноте обо что-то руками, он напрягал все силы, чтобы сохранить равновесие.

Несколько мгновений оба молчали.

— Вы Спящий? — спросил наконец незнакомец.

— Да,— ответил Грэхэм.— Что вам от меня надо?

— Я от Острога, сир.

— От Острога?

Человек в вентиляторе повернул голову, и Грэхэм увидел его лицо в профиль. Казалось, он прислушивался. Вдруг незнакомец слегка вскрикнул и поспешно откинулся назад, еле успев ускользнуть от завертевшегося вентилятора. Несколько минут Грэхэм ничего не видел, кроме медленно падавших снежных хлопьев. Прошло около четверти часа, затем наверху снова раздался тот же металлический стук; вентилятор остановился, и в отверстии показалась голова. Все это время Грэхэм стоял неподвижно, тревожно прислушиваясь и чего-то ожидая.

— Кто вы такой? Что вам нужно? — спросил он.

— Мы хотим поговорить с вами, сир,— сказал незнакомец.—Мы хотим... но колесо трудно сдержать. Вот уже три дня, как мы стараемся пробиться к вам.

— Что это? Избавление? — прошептал Грэхэм.— Побег?

— Да, если вы согласны, сир.

— Вы из моей партии, партии Спящего?

— Да, сир.

— Что же мне делать? — спросил Грэхэм.

Глухой треск. В отверстии показалась рука незнакомца с окровавленной кистью, а затем и колени.

— Отойдите в сторону,— прошептал незнакомец и спрыгнул, упав на руки и ударившись плечом о пол.

Вентилятор яростно завертелся. Незнакомец проворно вскочил на ноги и остановился, переводя дыхание и потирая ушибленное плечо. Его блестящие глаза были устремлены на Грэхэма.

— Так вы в самом деле Спящий! — сказал он.— Я видел вас, когда вы спали. Тогда еще каждый мог вас видеть.

— Я тот самый человек, который находился в летаргии,— ответил Грэхэм.— Они заперли меня здесь. Я нахожусь здесь с момента моего пробуждения, не менее трех дней.

Незнакомец хотел ответить, но, видимо, что-то услышал, оглянулся на дверь и бросился к ней, быстро выкрикивая какие-то непонятные слова. В руке юноши блеснул кусок стали, и он изо всех сил стал сбивать с двери петли.

— Берегись! — послышался чей-то голос сверху.

Грэхэм увидел над собой подошвы башмаков, нагнулся, и что-то тяжелое рухнуло на него сверху. Он упал на четвереньки, и кто-то перевалился через его голову. Став на колени, он увидел, что перед ним сидит второй незнакомец.

— Простите, я не заметил вас, сир,— проговорил тот, тяжело дыша; поднявшись, он помог Грэхэму встать.— Вы не ушиблись, сир?

Снаружи послышались удары по вентилятору; кусок белого металла упал сверху, едва не задев лица Грэхэма, и со звоном покатился по полу.

— Что это такое? — вскрикнул удивленный Грэхэм, глядя на вентилятор.— Кто вы такой? Что вы делаете? Запомните, что я ничего не знаю.

— Отойдите в сторону,— сказал незнакомец, оттаскивая его из-под вентилятора.

Оттуда со звоном выпал другой кусок металла.

— Мы хотим вас увести отсюда, сир,— заявил новоприбывший, на лбу его багровел шрам и сочились капли крови.— Ваш народ призывает вас.

— Как увести? Какой народ?

— В зал, около рынка. Ваша жизнь подвергается здесь опасности. У нас есть лазутчики. Мы узнали как раз вовремя — Совет постановил сегодня убить или отравить вас. Все уже готово. Наши люди обучены, охрана ветряных двигателей, инженеры и половина вагоновожатых на зубчатках — все заодно с нами. Весь город восстал против Совета. У нас есть оружие.

Он отер со лба кровь рукой.

— Ваша жизнь в опасности!

— Но зачем вам оружие?

— Народ восстал, чтобы защитить вас, сир... Что такое?

Он быстро обернулся к своему товарищу, услышав легкий свист сквозь зубы.

Грэхэм увидел, как первый незнакомец, делая им знаки спрятаться, осторожно, на цыпочках подошел к наружной двери и встал так, что она, отворившись, прикрыла его собой.

В комнату вошел Говард, держа в одной руке небольшой поднос. Лицо его было мрачно, глаза опущены. Вздрогнув, он поднял глаза, дверь с треском захлопну-

лась, поднос покачнулся в его руке, стальной клинок ударил его в висок.

Говард свалился, как подрубленное дерево. Человек, нанесший удар, наклонился, внимательно осмотрел его лицо, затем, повернувшись к двери, вновь принялся за свою работу.

— Он принес вам яд,— прошептал чей-то голос на ухо Грэхэму.

Бесчисленные лампочки, горевшие вдоль карниза, разом погасли. Наступила полная темнота, только в отверстии вентилятора крутились снежные хлопья и можно было разглядеть три темные фигуры. Затем сверху спустили лестницу, и в чьей-то руке блеснул желтый свет.

Мгновение Грэхэм колебался. Но все поведение этих людей, их лихорадочная поспешность, их слова так согласовались с его собственным страхом перед Советом, с его надеждою на побег, что он не стал раздумывать. «Народ ждет меня!»

— Я ничего не понимаю, но верю вам,— прошептал он.— Скажите, что мне делать.

Человек со шрамом на лбу схватил его за руку.

— Взбирайтесь по лестнице,— прошептал он.— Скорее! Должно быть, они услыхали!..

Ощупав руками лестницу и поставив ногу на первую ступеньку, Грэхэм оглянулся и через плечо стоявшего сзади него незнакомца при желтом свете фонарика заметил, что другой незнакомец возится около двери, усевшись на теле Говарда.

Грэхэм стал взбираться с помощью незнакомца и людей наверху; он быстро пролез через отверстие вентилятора и очутился на твердой, холодной и скользкой поверхности.

Он дрожал от холода. Температура резко изменилась. Вокруг него стояло с полдюжины каких-то людей. Хлопья снега садились на лицо, руки и быстро таяли. На мгновение блеснул бледный фиолетовый свет, потом снова стало темно.

Он понял, что стоит на кровле обширной городской постройки, которая заменяет отдельные дома, улицы и площади прежнего Лондона. Кровля представляла собой плоскость, откуда во все стороны громадными змеями тянулись канаты. В снегопаде маячили гигантские ко-

леса ветряных двигателей, которые шумно вращались при порывистом ветре. Где-то внизу, пронизывая снежные вихри, шарил прожектор. Там и сям из темноты выступали смутные очертания каких-то механизмов, приводимых в движение ветром; синеватые искры взлетали к небу.

Все это Грэхэм рассмотрел за несколько секунд, пока его избавители стояли вокруг него, переговариваясь между собой. Кто-то набросил на Грэхэма теплый плащ из материи, похожей на мех, застегнул застежки на груди и плечах.

Перебрасывались краткими, отрывистыми фразами. Кто-то потянул Грэхэма вперед.

— Сюда,— произнес невидимый проводник, указывая на отдаленный смутный полукруг света.

Грэхэм повиновался.

— Осторожней! — послышался тот же голос, когда Грэхэм споткнулся о канат.— Идите между канатами, а не напрямик. Надо поторопиться.

— Где же народ? — спросил Грэхэм.— Тот народ, который ждет меня?

Незнакомец ничего не ответил. Он выпустил руку Грэхэма, так как дорога стала узкой, и пошел вперед. Грэхэм послушно следовал за ним. Они почти бежали.

— А где другие? — спросил он, с трудом переводя дыхание, но ответа не последовало.

Его провожатый только обернулся и ускорил шаги. Они подошли к переходу из поперечных металлических прутьев и свернули в сторону. Грэхэм тоже обернулся назад, но не мог никого рассмотреть в снежном вихре.

— За мной! — торопил проводник.

Они приближались к ветряному двигателю, вертевшемуся где-то высоко в воздухе.

— Стоп,— сказал проводник. Они едва не наткнулись на провод, тянувшийся к отверстию вентилятора.— Сюда! — И они очутились по щиколотку в мокром снегу между двумя металлическими стенками, достигавшими им до пояса.

— Я пойду вперед,— заявил проводник.

Завернувшись в плащ, Грэхэм последовал за ним. Перед ними раскрылась темная пропасть, через которую был перекинут металлический желоб. Заглянув вниз,

Грэхэм увидел только черный провал. На мгновение он даже пожалел, что решился на бегство. Он боялся глядеть вниз, у него начала кружиться голова, он все брел и брел по талому снегу.

Наконец они перешли через пропасть, выбрались из желоба и зашагали по площадке, запорошенной снегом и светящейся изнутри. Грэхэм продвигался с опаской — поверхность казалась ему ненадежной,— но проводник смело шагал вперед. Вскарабкавшись по скользким ступеням, они очутились у самого основания громадного стеклянного купола и пошли вокруг него. Далеко внизу виднелись толпы танцующих, слышалась музыка. Сквозь завывания бури Грэхэму почудились крики, и проводник стал его торопить. Они поднялись на площадку, где стояло множество ветряных двигателей, из которых один был так велик, что в темноте мелькала только часть его двигавшегося крыла. Пробравшись через лес металлических подпорок, они наконец очутились над движущимися платформами, вроде тех, какие Грэхэм видел с балкона. Им пришлось на четвереньках ползти по скользкой прозрачной крыше, простирающейся над улицей.

Стекла запотели, и Грэхэм не мог различить, что там внизу, но около вершины этой прозрачной кровли стекла были чисты, и ему показалось, что он висит в воздухе. У него закружилась голова, и, несмотря на настойчивые требования проводника, он почувствовал себя как бы парализованным. Далеко внизу муравейником кишел бессонный город при свете вечного дня. Фигурки вестников или рабочих проносились по слабо натянутым канатам, на воздушных мостах было полно народа, мелькали движущиеся платформы. Грэхэму казалось, что он смотрит сверху внутрь гигантского застекленного улья, удерживаемый от падения со страшной высоты только сопротивлением хрупкой стеклянной пластины.

На улицах было светло и тепло. Грэхэм же промок от тающего снега, и ноги у него озябли. Некоторое время он не мог двигаться.

— Скорее! — кричал испуганный проводник.— Скорее!

Грэхэм с трудом добрался до вершины кровли.

Следуя примеру проводника, он покатился ногами вниз по склону, увлекая за собой маленькую снежную

лавину. Он боялся, что эта покатость оканчивается отвесным обрывом, и очень обрадовался, когда, больно ударившись, погрузился в холодную снежную кашу. Проводник уже карабкался по металлической решетке на обширную ровную поверхность, где сквозь снежную пелену можно было разглядеть смутные очертания новой вереницы ветряных двигателей.

Внезапно в мерный шум вращающихся колес ворвался пронзительный, дребезжащий свист какого-то механизма, доносившийся отовсюду, со всех сторон горизонта.

— За нами погоня! — воскликнул в ужасе проводник.

Ослепительный свет разлился в воздухе, и ночь превратилась в день.

Среди снежной метели над ветряными двигателями выросла гигантская мачта с ослепительными шарами, бросавшими яркие полосы света во все стороны. Все вокруг, насколько хватал глаз, было ярко освещено.

— Сюда! — крикнул проводник и столкнул его на металлическую решетку, тянувшуюся между двумя покатыми плоскостями, покрытыми снегом.

Решетка была теплая и согревала Грэхэму окоченевшие ноги, от которых даже пошел легкий пар.

— Скорее! — крикнул проводник, шедший метров на десять впереди, и, не дождавшись Грэхэма, побежал через ярко освещенное пространство к железным устоям ветряных двигателей.

Опомнившись от изумления, Грэхэм поспешил за ним; он был уверен, что гибель неминуема.

Несколько минут они шли в кружевных сплетениях света и тени, отбрасываемых чудовищными движущимися механизмами. Внезапно проводник отскочил в сторону и исчез в густой тени за углом гигантской подпорки. Через мгновение Грэхэм стоял рядом с ним.

Тяжело переводя дыхание, они стали осматриваться.

Глазам Грэхэма представилась странная картина. Снег перестал падать, в воздухе носились только редкие хлопья. Обширная ровная поверхность сверкала мертвенно-белым снегом. Там и сям ее прорезывали движущиеся лопасти и чернели гигантские металлические фермы, похожие на неуклюжих титанов. Огромные ме-

таллические сооружения, сплетения железных гигантских балок, медленно вращавшиеся в затишье крылья ветряных двигателей, мерцая, круто вздымались в светящуюся мглу. Когда полоса мерцающего света направлялась вниз, перекладины и балки, казалось, стремительно переплетались и паутина теней скользила по белому фону. Безлюдная снежная пустыня с гигантскими, неустанно вращающимися механизмами казалась такой же безжизненной, как одна из заоблачных альпийских вершин.

— Они гонятся за нами,— воскликнул проводник,— а мы еще только на полпути! Хотя и холодно, но надо переждать, пока снова пойдет снег.

Зубы его стучали от холода.

— Где же рынки? — спросил Грэхэм, пристально вглядываясь во мглу.— Где народ?

Проводник ничего не ответил.

— Смотрите! — прошептал вдруг Грэхэм и весь съежился, припав к снегу.

Снег снова начал падать, и из черной пучины ночного неба быстро спускалась какая-то большая машина. Круто снизившись, машина взмыла и повисла на распростертых широких крыльях, выбрасывая сзади струйку белого пара. Затем медленно и плавно заскользила в воздухе, поднимаясь вверх, снова снизилась, описала широкий круг и исчезла в снежной метели.

Сквозь плоскости машины Грэхэм успел рассмотреть двух человек, из которых один управлял рулем, а другой, как ему показалось, наблюдал в бинокль. Одно мгновение Грэхэм видел их совершенно отчетливо, затем они потускнели в хлопьях снега и, наконец, исчезли.

— Теперь можно! — воскликнул проводник.— Идем!

Схватив Грэхэма за рукав, он побежал среди леса подпорок ветряных двигателей. Вдруг проводник остановился и обернулся к Грэхэму, который, не ожидая этого, налетел на него. Оглядевшись, он увидел, что впереди на расстоянии двенадцати метров черная пропасть. Путь дальше отрезан.

— Делайте то же, что я,— прошептал проводник.

Он подполз к краю и, перегнувшись, спустил одну ногу. Нащупав ею какую-то опору, он соскользнул в пропасть. Потом высунул голову.

— Здесь есть выступ,— прошептал он.— Всю дорогу будет темно. Следуйте за мной.

Грэхэм нерешительно опустился на четвереньки, подполз к краю и заглянул в бархатно-черную бездну. Несколько мгновений он стоял неподвижно. Наконец решился, сел и спустил ноги. Проводник схватил его за руку и потащил вниз. С замиранием сердца Грэхэм почувствовал, что скользит в бездну, и скоро очутился в желобе, наполненном мокрым снегом; кругом было темно, хоть глаз выколи.

— Сюда,— послышался шепот.

И Грэхэм, скорчившись и прижимаясь к стенке, пополз за проводником по мокрому снегу.

Долго двигались они молча, изнемогая от холода и усталости; казалось, этому мучительному пути не будет конца; Грэхэм уже не чувствовал своих замерзших рук и ног.

Желоб спускался вниз, и Грэхэм заметил, что край кровли находится на высоте нескольких метров над ними. Выше виднелся ряд тускло светящихся пятен, вроде плотно занавешенных окон. Над одним из них был укреплен конец каната, спускавшегося вниз и исчезавшего в темной бездне. Внезапно проводник схватил его за руку.

— Тише,— еле слышно прошептал он.

Взглянув вверх, Грэхэм с ужасом увидел огромные распростертые крылья летательной машины, медленно и беззвучно проносившейся по снежному голубовато-серому небу. Мгновение — и она исчезла.

— Не шевелитесь; они еще вернутся.

Оба замерли. Затем проводник встал и, ухватив канат, стал быстро его к чему-то привязывать.

— Что это такое? — спросил Грэхэм.

В ответ послышался слабый крик. Грэхэм обернулся и увидел, что проводник точно застыл от ужаса и смотрит на небо. Грэхэм заметил вдалеке летательную машину, она казалась совсем маленькой. Крылья ее широко развернулись, машина быстро росла, приближаясь к ним.

Проводник лихорадочно принялся за работу. Он сунул в руки Грэхэму две скрещенные перекладины. Грэхэм в темноте мог только ощупью определить их форму. Они

были прикреплены к канату. На тросе он нащупал мягкие, эластичные петли для рук.

— Пропустите крест между ног, садитесь,— взволнованно шептал проводник,— держитесь за петли. Крепче держитесь, крепче!

Грэхэм повиновался.

— Прыгайте! — крикнул проводник.— Прыгайте, ради бога!

Грэхэм ничего не мог ответить. Впоследствии он был рад, что темнота скрыла его лицо. Он молчал, дрожал, как в лихорадке, и смотрел на летательную машину, которая неслась прямо на них.

— Прыгайте! Прыгайте! Скорей, ради бога! А не то они поймают нас!..— воскликнул проводник и толкнул Грэхэма.

Грэхэм пошатнулся, непроизвольно вскрикнул и в ту самую минуту, когда машина была над их головой, ринулся вниз, в черную бездну, крепко обхватив ногами перекладины и конвульсивно цепляясь руками за канат. Раздался сухой треск, и что-то ударилось о стену. Он слышал, как гудел канат, по которому скользил блок, как кричали люди, сидевшие в летательной машине. Он чувствовал, что в спину его упираются чьи-то колени... Он стремительно падал вниз, изо всех сил сжимая спасительный трос. Он хотел крикнуть — и не мог.

Он летел по направлению к ослепительному свету. Внизу уже виднелись знакомые ему улицы, подвижные пути, громадные светящиеся шары и сплетения балок. Все это неслось мимо него куда-то вверх. Затем какое-то круглое зияющее отверстие поглотило его.

Он снова очутился в темноте, стремглав падая вниз и до боли в руках впиваясь в канат,— и вот раздался какой-то звук, свет ударил ему в глаза, и он увидел себя над ярко освещенным залом, полным народа. Народ! Его народ! Навстречу ему плыла эстрада с подмостками. Он спускался по канату в отверстие справа от эстрады. Грэхэм почувствовал, что скорость движения начинает замедляться. И вдруг движение стало совсем медленным.

Послышались радостные крики: «Спасен! Наш правитель! Он спасся!» Подмостки медленно приближались к нему. Потом...

Он услышал, как проводник, сидевший у него за спиной, испуганно закричал, и крик этот был повторен толпой внизу. Грэхэм почувствовал, что он уже не скользит по канату, а падает вниз вместе с канатом. Буря криков, вопли ужаса. Еще мгновение — и вытянутые руки его наткнулись на что-то мягкое. От сотрясения Грэхэм потерял сознание...

Его подхватили на руки. Ему казалось, что его перенесли на платформу и дали ему что-то выпить. Что сделалось с его проводником, он не видел. Когда он очнулся, то увидел, что стоит. Чьи-то руки его поддерживают. Он находился в нише вроде театральной ложи. Может быть, это и был театр.

В ушах его отдавался оглушительный рев толпы:

— Вот Спящий! Спящий с нами!

— Спящий с нами! Наш правитель! Он с нами! Он спасен!

Громадный зал был полон народа. Грэхэм не мог различить отдельных лиц — море голов с розовой пеной лиц, взмах рук, платков. Он чувствовал гипнотизирующее влияние толпы. Балконы, галереи, огромные арки, за которыми открывались далекие перспективы,— все кишело ликующим народом. Невдалеке, как мертвая змея, лежал канат, перерезанный в верхней части людьми с летательной машины. Люди суетились, убирая его с дороги. Стены здания содрогались от рева многотысячной толпы.

Грэхэм всматривался в окружающие его лица. Несколько человек поддерживали его под руки.

— Отведите меня в маленькую комнату,— сказал он,— в маленькую комнату.

Больше он ничего не мог выговорить.

Какой-то человек в черном одеянии выступил вперед и взял его под руку. Другие отворили перед ним дверь.

Его подвели к креслу. Тяжело опустившись, почти упав, он уткнул лицо в ладони. Он дрожал, как в лихорадке. Кто-то снял с него плащ, но он даже не заметил этого— его пурпурные чулки были мокры и казались черными. Кругом него двигались люди, совершались какие-то важные события, но он ничего не замечал.

Итак, он спасен. Сотни тысяч голосов подтверждают это. Он в безопасности. Весь народ на его стороне. Грэхэм задыхался. Он сидел неподвижно, закрыв лицо руками. А воздух содрогался от торжествующих криков огромной толпы.

ГЛАВА IX

НАРОД ВОССТАЛ

Грэхэм заметил, что кто-то из окружающих предлагает ему стакан с бесцветной жидкостью. Взглянув, он увидел перед собой смуглого, черноволосого молодого человека в желтом одеянии. Грэхэм выпил и сразу ожился, и согрелся. Рядом с ним стоял высокий человек в черном, указывая на полуоткрытую дверь в зал. Человек этот кричал ему что-то на ухо, но в реве толпы Грэхэм ничего не мог разобрать. Позади стояла красивая девушка в серебристо-сером платье. Темные глаза ее, полные удивления и любопытства, были устремлены на него, губы ее слегка шевелились. В полуоткрытую дверь виднелся громадный зал, полный народа; оттуда неслись аплодисменты, стук и крики. Все время, пока Грэхэм находился в небольшой комнате, гул то затихал, то снова разрастался.

Глядя на губы человека в черном, он понял наконец, что тот напрасно старается что-то объяснить ему.

Грэхэм тупо осматривался по сторонам, потом вскочил и, схватив за руку кричавшего человека, воскликнул:

— Но скажите же мне, кто я, кто я?

Услышав, что он говорит, остальные придвинулись ближе.

— Кто я? — Он старался прочесть ответ на лицах окружающих.

— Они ничего не объяснили ему! — воскликнула девушка.

— Говорите же, говорите же! — умолял Грэхэм.

— Вы Правитель Земли. Вы властелин половины мира.

Грэхэм подумал, что ослышался. Он отказывался верить. Он сделал вид, что не слышит, не понимает, и заговорил снова:

— Я проснулся три дня назад, три дня находился в заключении. Что это за восстание? Чего добивается народ? Что это за город? Лондон?

— Да, Лондон,— ответил юноша.

— А те, что собрались в большом зале с белым Атласом? Какое отношение имеет все это ко мне? При чем здесь я? Я ничего не понимаю. И потом эта отрава... Пока я спал, свет, кажется, сошел с ума. Или же я сумасшедший? Что это за советники, заседающие в зале с Атласом? Почему они хотели отравить меня?

— Чтобы снова погрузить вас в сон,— ответил человек в желтом.— Чтобы устранить ваше вмешательство.

— Но для чего?

— Потому, сир, что вы и есть этот Атлас,— продолжал человек в желтом.— Мир держится на ваших плечах. Они правят им от вашего имени.

Гул в зале стих, и кто-то говорил речь. Но скоро раздался такой оглушающий взрыв ликующих криков и рукоплесканий, что все находившиеся в маленькой комнате принуждены были замолчать. Из хаоса криков вырывались отдельные резкие, звенящие голоса, звуковые волны сталкивались, сливаясь в гул, похожий на раскаты грома.

Грэхэм стоял, тщетно стараясь понять смысл того, что он только что слышал.

— Совет... Но кто этот Острог? — спросил он безучастно, вспомнив это поразившее его имя.

— Это организатор восстания. Наш предводитель — от вашего имени.

— От моего имени? Почему же его нет здесь?

— Он послал нас. Я его сводный брат, Линкольн. Он хочет, чтобы вы показались народу, а потом увиделись с ним. Сам он теперь занят в Управлении Ветряных Двигателей. Народ восстал.

— От вашего имени! — воскликнул юноша.— Они угнетали нас, подавляли, тиранили... Наконец-то...

— От моего имени! Мое имя — Правитель Земли?

В промежутке между взрывами гула послышался громкий, возмущенный голос; это говорил молодой человек с орлиным носом и пышными усами.

— Никто не ждал, что вы проснетесь. Никто не ожидал этого. Они хитры! Проклятые тираны! Но они были

захвачены врасплох. Они не знали, что делать с вами,— отравить, загипнотизировать или просто убить.

Крики толпы перебили его.

— Острог готов ко всему. Он в Управлении Ветряных Двигателей. Есть известие, что борьба уже началась.

К Грэхэму подошел человек, назвавшийся Линкольном.

— Острог все учел! — воскликнул он.— Доверьтесь ему. У нас все подготовлено. Мы захватим все воздушные платформы. Быть может, это уже сделано. Тогда...

— Эта толпа, наполняющая театр,— кричал человек в желтом, — только частица наших сил! У нас пять мириад обученных людей.

— У нас есть оружие! — кричал Линкольн.— У нас есть план. Есть предводитель. Их полиция прогнана с улиц и собралась в... (Грэхэм не расслышал слова.) Теперь или никогда! Совет теряет почву под ногами... Он не доверяет даже своему регулярному войску...

— Слышите, что народ зовет вас!

Сознание Грэхэма походило на лунную облачную ночь — то просветлялось, то безнадежно затемнялось. Итак, он Правитель Земли, он, промокший до нитки от растаявшего снега. Больше всего поражал его этот антагонизм: с одной стороны, могущественный дисциплинированный Белый Совет, от которого ему с трудом удалось ускользнуть, с другой — чудовищные толпы, огромные массы рабочего народа, выкрикивающие его имя, называющие его Правителем Земли. Одна партия заключила его в тюрьму, осудила его на смерть. Другая — эти волнующиеся, кричащие тысячи людей — освободила его. Но отчего это все происходило, он не мог понять.

Дверь отворилась, и голос Линкольна потонул в гуле возмущенной толпы. Несколько человек подбежали к Грэхэму и Линкольну, бурно жестикулируя. Губы их шевелились, но не слышно было, что они говорят. «Покажите нам Спящего! Покажите нам Спящего!» — раздавались оглушительные крики. «Тише, к порядку!» — призывали другие.

Взглянув в открытую дверь, Грэхэм увидел огромный овальный зал и множество взволнованных лиц и протянутых рук. Мужчины и женщины махали синими платками. Многие стояли. Худощавый человек в рваной коричне-

вой одежде вскочил на сиденье и махал черным плащом. В глазах девушки Грэхэм прочел ожидание. Чего хочет от него весь этот народ?

Разноголосый гул изменился, сделался мерным, ритмическим.

Грэхэм почувствовал себя лучше. Он точно преобразился, недавнего страха как не бывало. Он начал спрашивать, чего от него хотят.

Линкольн что-то кричал ему в ухо, но Грэхэм не слышал. Все остальные, кроме девушки, показывали на зал. Внезапно он понял, почему изменился гул. Толпа пела хором. Это было не только пение. Голоса стройно сливались и усиливались могучей волной органной музыки, в которой слышались раскаты труб, мерные шаги войска, шелест развевающихся знамен, звуки военного марша. Тысячи ног отбивали такт: трам, трам!

Его увлекли к двери. Он повиновался машинально. Музыка и пение захватили, воодушевили и вдохновили его. И вот перед ним зал, где развеваются в такт музыке знамена.

— Помахайте рукою! — кричит Линкольн.— Приветствуйте их!

— Подождите,— слышится чей-то голос с другой стороны,— он должен надеть это.

Чьи-то руки коснулись его шеи, задерживая его у входа, и вот плечи его окутала черная мантия, спадавшая мягкими складками. Высвободив руку, он следует за Линкольном. Рядом идет девушка в сером; лицо ее пылает, она взволнована. Оживленная, восторженная, она кажется ему воплощением гимна. Вот он снова стоит в нише. Могучая волна звуков оборвалась при его появлении и рассыпалась пеной нестройных приветствий. Направляемый Линкольном, он прошел через сцену и взглянул на толпу.

Зал представлял собой колоссальную, весьма сложную постройку — галереи, широкие балконы, амфитеатры, лестницы, громадные арки. Далеко вверху виднелся вход в просторную галерею, переполненную народом. Необозримая толпа колыхалась сомкнутой массой, из которой выделялись отдельные фигуры, на мгновение они привлекали его внимание и снова исчезали. Почти у самой платформы красивая белокурая женщина с разметавшимися

волосами, которую поддерживают трое мужчин, машет зеленым жезлом. Рядом изможденный старик в синем старается удержать свое место, а еще дальше видна лысая голова и черная яма широко открытого беззубого рта. И кто-то выкрикивает загадочное слово: «Острог!»

Все это он видел как бы в тумане и только слышал ритм гимна — толпа ногами отбивала такт: трам, трам, трам, трам. Размахивали оружием, которое сверкало зеленоватым пламенем.

Вот по широкой, ровной площадке перед сценой, направляясь к огромной арке, проходит, маршируя, отряд с криками: «К Совету!» Трам, трам, трам!

Грэхэм поднял руку, и рев удвоился. Грэхэм крикнул: «Вперед!» Он шевелил губами, выкрикивая героические слова, но его не было слышно.

— Вперед! — повторил он, указывая на арку.

Люди уже не отбивали такт ногами, они маршировали: трам, трам, трам, трам! В толпе виднелись бородатые мужчины, старики, юноши, женщины с голыми руками, в развевающихся платьях, молодые девушки. Мужчины и женщины новой эры! Богатые одеяния и серые лохмотья тонули в потоке синих одежд. Громадное черное знамя, плавно колыхаясь, плыло направо. Вот промелькнул негр, одетый в синее, сморщенная старуха в желтом, театрально продефилировала группа высоких светловолосых и белолицых мужчин в синем. Грэхэм заметил двух китайцев. Высокий, смуглый, желтолицый юноша с блестящими глазами, с ног до головы одетый в белое, вскарабкался на край платформы и что-то восторженно кричит, потом, спрыгнув, бежит дальше, оглядываясь назад. Головы, плечи, руки, сжимающие оружие,— все колыхалось и двигалось под такт марша.

Лица одно за другим выплывали и снова скрывались, тысячи глаз встречались с его глазами. Приветствуя его жестами, люди что-то кричали. У многих цветущие лица, но у большинства на лице следы болезней. Мужчины и женщины новой эры! Какое странное, поразительное зрелище!

Шествие проплывало мимо него, устремляясь направо; переходы зала без конца выбрасывали все новые и новые массы людей. Трам, трам, трам, трам! Мощная мелодия гимна перекатывалась эхом под арками и

сводами. Мужчины и женщины перемешивались в рядах. Трам, трам, трам, трам! Казалось, все человечество выступило в поход. «Трам, трам, трам»,— отдавалось у него в голове. Развевались синие одежды, мелькали все новые лица.

Трам, трам, трам, трам! Линкольн сжал его руку, Грэхэм повернулся к арке и бессознательно, в такт музыке, двинулся вперед. Толпы, крики, пение — все неслось в одном потоке. Люди спускались вниз, их обращенные к нему лица проплывали на уровне его ног. Он видел перед собой дорогу, вокруг себя свиту, почетную стражу и Линкольна по правую руку. Все прибывавшая свита заслоняла от него шедшую слева толпу. Впереди шагала стража в черном, по три в ряд. По узкому переходу, обнесенному перилами, он прошел под аркой, в которую шумно вливался бурный поток народа. Он не знал, куда идет да и не хотел знать. Он обернулся и бросил последний взгляд на огромный, залитый светом зал. Трам, трам, трам, трам!

ГЛАВА X

СРАЖЕНИЕ ВО МРАКЕ

Грэхэм находился уже не в зале. Он шел по галерее, перекинутой через одну из движущихся улиц, которые прорезали город. Впереди и позади маршировала его свита. Все ущелье движущихся путей кишело людьми, которые кричали, махали руками и оружием, маршируя из-под арки справа от Грэхэма и исчезая слева от него, там, где шары электрического света сливались с горизонтом и скрывали волны непокрытых голов. Трам, трам, трам, трам!

Пение, уже без музыки, стало резким и хриплым. Мерные звуки шагов — трам, трам, трам, трам — смешивались с нестройным топотом недисциплинированной толпы на верхних путях.

Грэхэм был поражен контрастом. Здания на противоположной стороне улицы казались совершенно безлюдными: канаты и мосты, перекинутые над проходом, были пусты и не освещены. У него мелькнула мысль, что они тоже должны бы быть полны народа.

Он заметил какое-то странное мигание и остановился. Свита, шедшая впереди, продолжала двигаться, но окружающие остановились вместе с ним. Грэхэм поглядел на их лица. Очевидно, это мигает электрический свет. Он тоже поднял голову.

Сначала ему показалось, что это мигание случайно и не имеет никакой связи с событиями, но скоро он понял, что ошибся. Огромные ослепительно яркие фонари пульсировали, они то сжимались, то разжимались — темнота, свет, опять темнота...

Грэхэм догадался, что это делается преднамеренно. Здания, улицы, толпы народа превратились в причудливую игру теней и света. Тени прыгали, расширялись, быстро удлинялись, потом пропадали и вырастали снова. Движение остановилось, пение смолкло, марш прервался, толпа отхлынула в сторону. «Света! — раздались со всех сторон крики.— Света! Света!» Грэхэм посмотрел вниз. В этой судорожной агонии света улица казалась фантастической. Громадные ослепительно белые шары становились розоватыми, краснели, мигали, угасали, вновь зажигались и тлели красными пятнами среди мрака. В десять секунд свет совершенно погас, кромешная тьма нависла над городом и поглотила мириады людей.

Вокруг Грэхэма возникла суматоха; кто-то схватил его за руку. Что-то больно ударило его по ноге. Чей-то голос прокричал ему над самым ухом:

— Ничего, все идет отлично!

Грэхэм начал приходить в себя. Столкнувшись с Линкольном, он громко спросил:

— Что случилось?

— Совет перерезал провода, и свет погас. Надо обождать. Они не остановят нас... Они хотят...

Его слова заглушил взрыв криков:

— Спасайте Спящего! Берегите Спящего!

Один из охраны натолкнулся на Грэхэма и больно ушиб ему руку оружием. Началась толкотня и свалка, грозившая перейти в панику. Слышались какие-то непонятные выкрики, из гула вырывались отдельные слова. Одни отдавали приказания, другие отвечали. Совсем близко кто-то громко простонал.

— Красномундирная полиция! — крикнул кто-то над ухом у Грэхэма.

Издалека послышался треск, впереди за углом замигали вспышки. При свете их Грэхэм различил во мраке скопление людей, вооруженных так же, как и его стража. Вскоре вся улица наполнилась треском и вспышками. Потом опять упала, словно черный занавес, темнота.

В глазах у него промелькнули огненные искры и клубок человеческих тел. С другой стороны улицы послышались громкие крики. Он взглянул туда, где маячил свет. Наверху, на канате, висел человек в красной форме, держа в руках какой-то ослепительно яркий фонарь.

Грэхэм посмотрел на движущиеся платформы и заметил вдали красное пятно. Масса людей в красной форме занимала верхний проход, их окружила и теснила к откосам здания густая толпа народа. Сражение было в полном разгаре. Взлетало и опускалось оружие, головы одних тонули в давке, их заменяли другие. Вспышки, производимые зеленым оружием, при свете казались серым дымком.

Внезапно свет снова погас, и улицы опять погрузились в чернильный мрак, в кишащий хаос.

Кто-то столкнулся с ним и повлек его на галерею. Кто-то кричал, очевидно, ему, но он ничего не понял. Его оттеснили к стене, несколько человек пробежали мимо. Ему казалось, что сопровождающие его стражи в темноте сражаются друг с другом.

Внезапно на канате снова показался человек, и улица озарилась ослепительным светом. Одетые в красное люди подступали ближе. Передовой их отряд находился на половине пути к центральной части здания. Взглянув вверх, Грэхэм увидел, что они проникли в нижние темные галереи противоположной стороны и стреляют через головы товарищей в кишащую внизу толпу. Грэхэм понял, в чем дело. Восставшие попали в засаду. Полиция в красном привела их в замешательство, погасив свет, а потом внезапно их атаковала. Тут Грэхэм заметил, что он один, его охрана и Линкольн остались в галерее позади. Он видел, что они спешат к нему на помощь, отчаянно размахивая руками. Толпа на улице что-то кричала. Весь фасад на противоположной стороне пестрел от множества одетых в красное людей, которые что-то вопили, указывая на него пальцами.

— Спящий! Спасайте Спящего! — услышал он крики толпы.

Что-то щелкнуло по стене над его головой. На серебристой поверхности стены появилось звездообразное отверстие. Два раза неподалеку от него ударили пули. Вдруг появился Линкольн, схватил его за руку и потащил.

В первое мгновение Грэхэм даже не понял, что стреляли в него. Снова стало темно. Улица потонула во мраке. Не было видно ни зги.

Линкольн вел Грэхэма за руку.

— Скорей, пока не зажгли свет! — кричал он.

Его волнение передалось Грэхэму. Пробудился инстинкт самосохранения — и столбняка как не бывало. Некоторое время Грэхэм был во власти животного страха смерти. Он бежал, то и дело спотыкаясь в темноте, наталкиваясь на окружавших его стражей. Бежать во что бы то ни стало из этой галереи, где он так заметен, было единственным его желанием. В третий раз вспыхнул свет. С улицы послышались тревожные крики, началось невообразимое смятение. Красные мундиры уже достигли центрального прохода. Множество враждебных глаз было устремлено на него. Полицейские кричали, указывая на Грэхэма пальцами. Белый фасад напротив был усеян людьми в красном. И все эти удивительные события происходили из-за него. Полиция Совета пыталась завладеть им.

К счастью, стреляли все второпях, с расстояния не менее ста пятидесяти метров. Над головой у него свистели пули; горячая струя от расплавленного металла обожгла ему ухо. Он знал, что весь противоположный фасад усеян красными мундирами, что на нем сосредоточен теперь огонь полиции, вышедшей из засады.

Один из охраны упал, и Грэхэм с разбегу перескочил через его распростертое, конвульсивно подергивающееся тело.

Через секунду Грэхэм скрылся в темном проходе. В следующий миг на него с размаху налетел кто-то. Грэхэм упал и стремглав покатился в темноте вниз по лестнице. Падая, он с кем-то столкнулся. Наконец налетел на стену. Он попал в какую-то свалку и был отброшен в сторону и придавлен. Его теснили со всех сторон.

Он не мог вздохнуть, ребра его хрустели. Потом ему стало свободнее. Толпа увлекла его за собой, и он очутился в том самом громадном театре, из которого недавно вышел. Давка снова усилилась. Он отчаянно работал локтями. Послышались глухие крики: «Они приближаются!» Грэхэм споткнулся обо что-то мягкое и услышал хриплый стон, потом крики: «Спящий!»,— но он был так оглушен, что не мог ответить. Потом затрещало зеленое оружие. Безвольным, слепым, механическим атомом следовал он за движением толпы. Его толкнули, он ударился о ступеньку.и заметил, что находится на покатой плоскости. Тьма рассеялась, и он увидел лица окружающих его людей, мертвенно-бледные и покрытые пòтом, изумленные, испуганные, с широко открытыми от ужаса глазами. Лицо какого-то юноши было совсем рядом с ним, чуть ли не в двадцати дюймах. В тот момент Грэхэм взглянул на него равнодушно, но потом оно часто мерещилось ему. Юноша этот, стиснутый со всех сторон толпой, был прострелен и мертв.

Очевидно, и эта четвертая по счету вспышка света тоже была вызвана человеком на канате. В театр свет проникал через огромные окна и арки. Грэхэм находился среди толпы бегущих, наполнявших всю нижнюю арену гигантского помещения. Мелькание черных теней придавало этой сцене мрачный, фантастический вид. Невдалеке отряд полиции оружием прочищал себе дорогу сквозь толпу. Грэхэм не знал, замечен он ими или нет. Он искал Линкольна и свою охрану. Линкольн, окруженный толпой одетых в черное революционеров, стоял почти около самой сцены и, поднимаясь на носках и вытягивая шею, казалось, отыскивал его глазами. Грэхэм заметил позади ряды пустых кресел, от которых его отделял лишь невысокий барьер. Он начал пробивать себе дорогу к барьеру, но когда добрался, свет вновь погас.

Сбросив длинную черную мантию, которая не только затрудняла его движения, но делала его заметным в толпе, Грэхэм перелез через барьер и спрыгнул в темноту. Спрыгивая, он слышал, как кто-то запутался в складках брошенной им мантии. Ощупью он направился к проходу, ведущему наверх. В темноте стрельба прекратилась; крики и топот стали глуше. Под ноги ему попалась какая-то ступенька, он споткнулся и упал. Туманные све-

товые пятна в темноте снова вспыхнули; снова поднялся оглушительный гам; в пятый раз блеск ослепительной белой звезды проник сквозь широкие отверстия в стенах театра.

Перепрыгивая через сиденья, он услышал крики и выстрелы. Привстал и снова пригнулся, заметив, что вокруг него расположилась кучка людей в черном, которые стреляли в красные мундиры, перепрыгивали с кресла на кресло и прятались за ними, чтобы перезарядить оружие. Инстинктивно Грэхэм тоже притаился за креслами. Кругом свистели пули, пробивая пневматические подушки и дырявя мягкий металл кресел. Укрываясь от выстрелов, он старался заметить расположение проходов, безопасное место, куда можно было скрыться в темноте.

Юноша в выцветшей синей одежде внезапно вскочил на сиденье. «Алло!» — крикнул он. Ноги его находились в каких-нибудь шести дюймах от головы Спящего.

Он поглядел на Грэхэма, очевидно, не узнавая его, затем повернулся, выстрелил и, воскликнув: «К чертям ваш Совет!» — прицелился для нового выстрела. Грэхэму показалось, что шея у юноши вдруг уменьшилась вполовину. Теплая капля упала на щеку Грэхэма. Зеленое оружие замерло в руках у бойца. Секунду юноша продолжал стоять с отупелым лицом. Затем медленно наклонился вперед, колени его подогнулись. Он упал, и тут же стало темно. Услышав падение тела, Грэхэм вскочил и, спасая свою жизнь, ринулся к проходу. Споткнулся о первую ступень, упал и, поспешно вскочив, устремился кверху.

Когда яркий свет вспыхнул в шестой раз, Грэхэм находился уже у выхода. Он кинулся туда со всех ног, пока не погас свет, выбежал, тотчас же свернул за угол и снова очутился в темноте. Его сбили с ног, но он поднялся. Затертый в толпе невидимых беглецов, теснившихся в одном направлении, он, как и все они, думал только об одном: как бы уйти подальше от места боя. Он толкался, пробивался вперед, его сжимали со всех сторон так, что он приподнимался на воздух; наконец он выбрался на свободу.

В течение нескольких минут он бежал в темноте по извилистому коридору. Затем пересек широкое открытое место, дальше начинался длинный откос; Грэхэм спустил-

ся по ступеням на ровную площадку. Кругом раздавались крики: «Они приближаются! Полиция близко! Они уже стреляют! Дальше уходите от места сражения! Полиция стреляет! Всего безопаснее на седьмом пути! Бежим на седьмой путь!» В толпе были не только дети и женщины, но и мужчины, которые толкали его и бранились.

Толпа ринулась через узкое отверстие под аркой на открытое, тускло освещенное место. Темные фигуры прыгали и взбирались на ступени колоссальной лестницы. Он последовал за толпой, которая расходилась вправо и влево... Вскоре он очутился один невдалеке от последней ступени, перед площадкой, где возвышались сиденья и небольшой киоск. Поднявшись, он остановился в тени киоска, тяжело дыша, и оглянулся.

Несмотря на полумрак, он рассмотрел, что это громадные ступени платформы остановившихся «путей». Платформы загибались, уходя в разные стороны, и над ними мрачно возвышались огромные здания с непонятными надписями и объявлениями, и высоко вверху сквозь сеть балок и канатов светлела полоска бледного неба. Мимо пробежали несколько человек. Из их разговоров и криков Грэхэм понял, что они спешат принять участие в борьбе. В темных углах бесшумно скользили человеческие фигуры.

Издалека доносился шум сражения. Очевидно, эта улица находилась в стороне от театра. Впечатления от битвы мало-помалу изгладились. Как это странно — они сражались из-за него!

Он был похож на человека, только что оторвавшегося от чтения увлекательной книги. Все случившееся казалось ему нереальным. Он не мог припомнить подробностей — так он был поражен всем виденным. Он хорошо помнил свое бегство из комнаты, где был заперт, громадную толпу в зале и нападение красномундирной полиции, но с трудом припоминал свое пробуждение и томительное ожидание в Комнатах Безмолвия. Почему-то ему вдруг вспомнился колыхавшийся и брызжущий под напором ветра водопад Пентаргена и солнечное побережье. Контраст был слишком разителен, все казалось ему нереальным, и он не сразу осознал свое положение.

Таинственность, которая окружала его в Комнатах Безмолвия, несколько рассеялась, и он начал различать

смутные контуры действительности. Каким-то непостижимым образом он стал хозяином половины мира, и могущественные политические партии борются из-за него. На одной стороне — Белый Совет со своей красномундирной полицией, захвативший его собственность и намеревавшийся умертвить его; на другой — революционеры, с таинственным Острогом во главе, которые его освободили. И весь гигантский город содрогается в борьбе. Весь мир словно сошел с ума.

— Я ничего не понимаю! — воскликнул он.— Решительно ничего не понимаю!

Ему удалось ускользнуть от опасности. Но что будет дальше? Что происходит там? Он представлял себе, как люди в красном ищут его, разгоняя одетых в черное революционеров.

Однако ему дана передышка. Спрятавшись, он может наблюдать за ходом событий. Напряженно всматриваясь в сумрак зданий, он вспомнил вдруг с удивлением, что где-то вверху над ним восходит солнце и мир по-прежнему залит ярким дневным светом. Скоро он пришел в себя. Его промокшее насквозь платье почти совсем просохло.

Ни с кем не заговаривая, стараясь избегать всяких встреч, прошел он несколько миль по сумрачным путям,— случайный властитель половины мира, жалкий осколок далекого прошлого, темный призрак среди других таких же призраков. Опасаясь быть узнанным, он старательно избегал освещенных и оживленных мест, то сворачивая в сторону или возвращаясь назад, то поднимаясь или спускаясь в другие проходы, хотя сражение происходило где-то далеко, весь город был взволнован. Раз ему даже пришлось бежать от отряда, который занял улицу и забирал всех встречных. Отряд по большей части состоял из вооруженных мужчин. Битва, очевидно, развертывалась в той части города, откуда Грэхэм шел; с той стороны порой доносился отдаленный гул. В душе Грэхэма происходила борьба между любопытством и осторожностью; последняя взяла верх, и он уходил все дальше и дальше от места сражения. В полумраке его никто не останавливал. Вскоре отголоски битвы замерли вдалеке, и он очутился один среди огромных безлюдных улиц. Фасады строений бы-

ли здесь проще и грубей; по-видимому, он зашел на окраину, где помещались склады. Очутившись в одиночестве, он замедлил шаг.

Он сильно устал. Иногда он сворачивал в сторону и садился передохнуть на скамью верхнего пути. Но тревожная мысль о той роли, которую играет он в событиях, не давала ему покоя и гнала его вперед. Неужели сражение происходило только из-за него?

Внезапно по пустынной улице прокатился гул, точно от землетрясения: струя холодного воздуха, звон стекол, грохот рушащихся стен, чудовищная судорога. На расстоянии какой-нибудь сотни метров от Грэхэма посыпалось железо и стекла с крыши средней галереи. Вдалеке послышались крики и топот. Грэхэм кинулся бежать, сам не зная куда.

— Что они там взорвали? Ведь это взрыв?—спросил человек, пробегая мимо, и, прежде чем Грэхэм собрался ответить, скрылся.

Вокруг высились огромные здания, они были окутаны сумраком, хотя полоска неба наверху посветлела.

Грэхэм заметил много странного и непонятного; он пробовал прочесть некоторые надписи. С трудом удалось ему из странных, почти незнакомых букв сложить непонятные слова и фразы, как: «Идемит» или «Бюро Работы — Боковая Сторона». Как странно, что большая часть этих похожих на скалы зданий — его собственность!

Благодаря капризу случая он вернулся к жизни. И ему действительно удалось сделать тот прыжок в будущее, какой до него делало только воображение романистов. Проснувшись, он приготовился быть зрителем нового мира, и вместо этого — грозная опасность, мрачные тени и сумерки. Быть может, смерть уже подстерегает его в этом темном лабиринте. Быть может, он будет убит, ничего не узнав. Возможно, что смерть таится рядом — в первом темном углу. Его охватило страстное желание все узнать, все увидеть. Он старался избегать темных углов. Ему хотелось спрятаться. Но куда? Ведь свет может опять загореться. Грэхэм сел на одну из скамеек на верхнем пути, думая, что он здесь один.

Он закрыл усталые глаза руками. А что, если, открыв их снова, он больше не увидит эти окутанные сумраком

параллельные пути, эти громады зданий? Быть может, события нескольких дней, его пробуждение, волнующаяся толпа, этот мрак, эта борьба — только фантасмагория, особый вид сна? Да, это, должно быть, сон; недаром все это так непоследовательно, так нелогично. Зачем, например, людям сражаться из-за него? Разве может новый, более современный мир смотреть на него как на своего господина и повелителя?

Так думал Грэхэм, сидя с закрытыми глазами; он втайне надеялся, что перед ним вновь предстанет знакомая картина жизни девятнадцатого столетия, уютная бухта Боскасля, скалы Пентаргена, его спальня.

Но действительности нет дела до человеческих надежд и желаний. Из сумрака выступил отряд с черным знаменем, спешащий принять участие в битве, а сзади высилась головокружительная громада фасадов, мрачных и таинственных, с непонятными тусклыми надписями.

— Нет, это не сон,— промолвил он,— это не сон!

И снова закрыл лицо руками.

ГЛАВА XI

ВСЕЗНАЮЩИЙ СТАРИК

Грэхэм вздрогнул, услышав у себя за спиной покашливание.

Он быстро оглянулся и, всмотревшись, заметил сгорбленную фигурку, сидящую в темном углу на расстоянии всего двух метров.

— Есть у вас какие-нибудь новости? — спросила фигурка старческим, дребезжащим голосом.

Грэхэм медлил с ответом.

— Никаких,— сказал он.

— Я пережидаю здесь, пока снова зажгут свет,— снова заговорил старик.— Эти синие бездельники рыщут повсюду.

Грэхэм пробормотал что-то нечленораздельное. Он старался рассмотреть старика, но темнота скрывала его лицо. Он хотел поговорить, но не знал, как начать.

— Темно и скверно,— произнес вдруг старик.— Дьявольски скверно. И надо же было мне выйти из дому в такую заваруху!

— Да, вам это нелегко,— сочувственно сказал Грэхэм.— Вам, должно быть, очень тяжело.

— Тьма какая! А старому человеку долго ли потеряться в темноте? Все, кажется, с ума сошли. Война и драка. Полиция разогнала их, и бродяги шныряют повсюду. Следовало бы привезти негров, они бы навели порядок. Довольно с меня этих темных проходов. Я споткнулся и упал на мертвое тело. В компании все-таки безопаснее,— продолжал старик,— если только это компания порядочных людей.

Всматриваясь в Грэхэма, старик поднялся и подошел поближе.

По-видимому, Грэхэм произвел на него благоприятное впечатление. Он снова уселся, очевидно, радуясь, что не один.

— Да,— проговорил он,— ужасное время! Война и убийства! Убитые валяются повсюду. Мужчины, сильные, здоровые мужчины умирают по темным углам. Сыновья!.. У меня тоже трое сыновей. Бог знает, где они теперь!

Помолчав, он повторил дрожащим голосом:

— Бог знает, где они теперь!

Грэхэм не знал, что ответить, боясь выдать себя.

— Острог победит,— продолжал старик.— Непременно победит. Никто не знает толком, что он хочет предпринять. Мои сыновья у ветряных двигателей, все трое. Одна моя сноха некоторое время была его возлюбленной. Подумать только, его возлюбленной! Ведь мы не простые люди, хотя мне и приходится теперь бродить в темноте... Я-то знаю, что происходит. Уже давно это все предвидел. Но этот проклятый мрак! Подумайте только, упал в темноте на мертвое тело!

Дыхание со свистом вырывалось из груди старика.

— Острог...— повторил Грэхэм.

— Величайший из народных вождей,— перебил его старик.

Грэхэм собрался с мыслями.

— У Совета найдется немало друзей среди народа,— сказал он нерешительно.

— Очень мало друзей. Особенно среди бедных. Прошло их время. Да! Надо было им вести себя поумнее. Два раза ведь были выборы. И Острог... Но теперь уже началось — и ничто им не поможет, ничто не поможет...

Два раза они отказывали Острогу, это Острогу-то — вождю! Я слышал, в какую ярость пришел он тогда; он был ужасен. Да спасет их небо! Ничто в мире не поможет им, раз он поднял на них рабочие союзы. Все эти синие вооружились и выступили в бой. При таких условиях нельзя не победить. И вот увидите, он победит!

Некоторое время старик сидел молча.

— Этот Спящий...— начал было он и смолк.

— Да, так что же? — спросил Грэхэм.

Старик перешел на конфиденциальный шепот; наклонившись к Грэхэму, он прошептал:

— Ведь подлинный Спящий...

— Ну?

— Умер. Много лет назад.

— Как так? — удивился Грэхэм.

— Ну да, умер. Много лет, как умер.

— Как можете вы так говорить? — не удержался Грэхэм.

— Могу... Уж я-то знаю. Он умер. Спящий, что проснулся теперь — они подменили его ночью,— какой-то бедняк, которого опоили до потери сознания. Но я не могу сказать вам всего, что знаю. Далеко не все могу сказать.

Некоторое время он бормотал что-то непонятное. Секрет, который он знал, очевидно, не давал ему покоя.

— Я не знаю тех, которые усыпили его,— это случилось еще до меня,— но я знаю человека, который сделал ему впрыскивание и пробудил его. Тут был один шанс из десяти: или пробудить, или убить, или пробудить, или убить. В этом видна рука Острога.

Грэхэм был так удивлен, что несколько раз прерывал старика, заставляя его рассказывать все снова. Он не мог поверить. Значит, пробуждение его не было естественным! Есть ли в этом доля правды или же старик выжил из ума? Он припомнил, что такие случаи возможны. Ему пришло в голову, что, быть может, недаром судьба столкнула его с этим стариком: ему представляется прекрасный случай узнать новый мир поближе.

Старик долго сопел и кряхтел, потом снова заговорил высоким сиплым голосом:

— В первый раз они отказали ему. Я это хорошо знаю.

— Кому отказали? Спящему?

— Нет, не Спящему. Острогу. Он был ужасен, ужасен! Ему было, конечно, обещано, обещано на следующий раз. Глупцы они, вот что,— пренебречь таким человеком! А теперь весь город льет воду на его мельницу, а он перемалывает таких, как мы с вами. Перемалывает, как муку. Пока он восстановит порядок, рабочие успеют перерезать полицейских и всяких там китайцев; а нас, обывателей, пожалуй, не тронут. Всюду мертвые тела! Грабеж! Мрак! Ничего подобного за последний гросс лет не случалось. Да! Плохо приходится маленьким людям, когда большие дерутся! Ох, как плохо!

— Как вы сказали? За последний гросс лет не случалось... Чего не случалось?

— Что? — переспросил старик.

Ссылаясь на то, что Грэхэм непонятно выговаривает слова, старик заставил его три раза повторить свой вопрос.

— Междоусобиц не было,— сказал старик,— не было и резни, не было и дураков, болтающих о свободе и прочей ерунде. За всю свою жизнь я не встречал ничего подобного. Теперь повторяется то же, что бывало в старые времена, гросса три лет тому назад, когда в Париже народ поднял восстание. Ничего такого не случалось, говорю я. Но так уж создан мир. Все в нем повторяется. Я знаю, я-то уж знаю... Пять лет Острог без устали работал — и вот повсюду волнения, брожение умов, декларации, голод и восстания. Синий холст и ропот. И все в опасности. Всякий старается укрыться, все удирают. И мы с вами вон куда попали! Бунт и убийства — и Совету конец.

— Я вижу, вы хорошо осведомлены обо всех событиях,—заметил Грэхэм.

— Я говорю то, что слышал. А слышал я не от Болтающей Машины.

— Вот как? — удивился Грэхэм, не понимая, что это за Болтающая Машина.— И вы наверное знаете, что Острог... вы уверены, что это именно он поднял восстание и подстроил пробуждение Спящего? И все из-за того, что его не включили в Совет?

— Всякий это знает, я полагаю,— ответил старик.—

Всякий дурак знает. Он намерен сам править страной. В Совете или без Совета. Всякий это знает! А мы сидим тут в темноте, окруженные мертвецами. Но где же вы, спрашивается, были, если не знаете о борьбе между Острогом и Вернеем? И чем, по-вашему, вызваны все эти волнения? Спящий!.. А? Что? Вы думаете, пожалуй, что Спящий действительно существует и проснулся сам?

— Я человек мало сведущий и старше, чем кажусь,— сказал Грэхэм.— К тому же память у меня плохая, особенно на события последних лет. Я знаю едва ли больше, чем этот самый Спящий.

— Вот как! — удивился старик.— Стары, вы говорите? А между тем вы не выглядите стариком. Правда, не всякий сохраняет память до такого возраста, как я. Но ведь это очень важные события. А вы далеко не так стары, как я, далеко не так стары. Впрочем, не следует обо всех судить по себе. Вот я, например, кажусь моложавее своего возраста. Может быть, вы выглядите старше своего?

— Вы совершенно правы,— ответил Грэхэм.— И притом со мной случилась странная история. Я знаю очень мало. Я совсем не знаю истории. Спящий и Юлий Цезарь — почти одно и то же для меня. Поэтому мне интересно, что вы скажете обо всем этом.

— Я знаю не слишком много,— возразил старик,—но все-таки кое-что мне известно. Ш-ш!! Что это?

Оба замолчали и стали прислушиваться. Издалека донесся гул, заколебалась почва. Проходящие остановились и начали перекликаться. Старик тоже окликнул одного из них, спрашивая, в чем дело. Ободренный его примером, Грэхэм встал и начал расспрашивать. Но никто не знал толком, что случилось.

Вернувшись на старое место, Грэхэм услышал, что старик что-то бормочет про себя. Несколько минут оба молчали.

Мысль об этой титанической борьбе, столь близкой и в то же время столь далекой, мучила Грэхэма. Неужели прав этот старик, неужели верны сообщения прохожих, что революционеры побеждают? Или же они ошибаются, и красномундирная полиция очищает улицы? Как бы то ни было, сражение каждую минуту может перекинуться в эту тихую часть города. Надо воспользоваться

случаем и постараться выведать все, что возможно, у старика. Он повернулся, чтобы задать вопрос, но у него не хватило смелости. Впрочем, старик снова заговорил сам.

— Все одно к одному! Этот Спящий, в которого так верят все эти дураки!.. Ведь я знаю всю его историю, я всегда любил историю. Когда я был мальчиком, то читал еще печатные книги. Пожалуй, вы не поверите мне. Я думаю, вы и не видели ни одной — все они успели, пожалуй, рассыпаться в прах, если только Санитарная компания не сожгла их раньше, чтобы пустить на выделку облицовочной плитки. Но при всех недостатках они имели и хорошую сторону. Из них можно было действительно научиться кое-чему. Эти новомодные пустомели — Болтающие Машины... Вам, я думаю, они тоже надоели: их легко слушать, а еще легче сейчас же забыть все, что услышал. Но я знаю всю историю Спящего.

— Вы, пожалуй, не поверите мне,— сказал нерешительно Грэхэм,— но я до того невежествен и притом обстоятельства сложились для меня до того странно, что я ровно ничего не знаю об этом Спящем. Кем он был?

— Да что вы! — удивился старик.— А я знаю. Я все знаю. Он был так себе, незначительной личностью и связался с легкомысленной женщиной, бедняга. А потом впал в летаргию. Еще и теперь есть старинные картинки, темные такие, фотографии, как их называют, на которых он изображен спящим: им будет уже полтора гросса лет, полтора гросса лет!

«Связался с легкомысленной женщиной, бедняга»,— повторил про себя Грэхэм.— Продолжайте,— добавил он громко.

— У него был, видите ли, двоюродный брат, по фамилии Уорминг, одинокий и бездетный, составивший большое состояние спекуляциями на только что появившихся тогда идемитных дорогах. Вы слышали, конечно? Нет? Странно. Он скупил все патенты и организовал большую компанию. В те времена были еще гроссы гроссов различных индивидуальных предприятий и мелких компаний. Гроссы гроссов! Его дороги убили старые, железные, в две дюжины лет; скупив их, он обратил их в идемитные. Не желая раздроблять свое громадное состояние или устраивать акционерную компанию, он завещал все Спящему и назначил особый Опекунский Совет. Он думал,

что Спящий никогда не проснется, что он будет спать, пока сон не перейдет в смерть. Он был в этом уверен — и ошибся. А тут еще один американец из Соединенных Штатов, у которого погибли оба сына при кораблекрушении, тоже завещал Спящему все свое состояние. Таким образом, у Опекунского Совета оказалось состояние, равное примерно дюжине мириадов львов, если не больше.

— Как его звали?

— Грэхэм.

— Да нет, я говорю про того американца.

— Избистер.

— Избистер! — воскликнул Грэхэм.— А ведь я даже не знал его имени.

— Ничего удивительного, ничего удивительного! — возразил старик.— Не многому люди выучиваются в нынешних школах. Но я все знаю о нем. Это был богатый американец, родом из Англии, и он оставил Спящему, пожалуй, еще больше, чем Уорминг. Каким образом составил он состояние? Вот этого я уж не знаю точно. Кажется, изготовлял картины машинным способом. Одним словом, он разбогател и завещал все свое состояние Спящему. Так было положено начало Совету. Вначале это был просто Опекунский Совет.

— Каким же образом он получил власть?

— Ах, ну, как же вы не понимаете! Деньги всегда идут к деньгам, а двенадцать голов всегда умнее одной. Они действовали очень умно. Благодаря деньгам они направляли политику, как им хотелось, и продолжали увеличивать капитал, пуская его в оборот и устанавливая тарифы. Капитал все увеличивался и увеличивался. Эти двенадцать опекунов действовали под фирмой Спящего, под видом компаний и прочими способами. От его имени заключали юридические акты и сделки, покупали партии, газеты, все на свете. Послушайте историю этих времен — и вы увидите, как власть и значение Совета все росли и росли. В его руках скопились наконец биллионы львов, все достояние Спящего. И подумать только, что всему этому положили начало прихоть и случайность — завещание Уорминга, а потом гибель сыновей Избистера!

— Какое странное создание — человек! — продолжал старик.— Удивительно только, что Совет так долго действовал единодушно. Целых двенадцать человек. И с са-

мого начала все действовали заодно. А все-таки они пали. Во времена моей молодости Совет был для нас то же самое, что для невежды бог. Мы не смели и подумать, что они могут поступить плохо. Об их женщинах мы и мечтать не могли. Теперь я стал умней. Странное, право, существо — человек. Вот, например, вы. Человек молодой — и ничего не знаете, а я, семидесятилетний старик, которому простительно и забыть половину, объясняю вам все это.

— Да, семьдесят,— продолжал он,— семьдесят... И я еще хорошо слышу и вижу, слышу лучше, чем вижу. И голова у меня ясная, и я всем интересуюсь... Семьдесят... Странная вещь — жизнь. Мне было двадцать, когда Острог был ребенком. Я отлично помню его еще задолго до того, как он встал во главе Управления Ветряных Двигателей. С тех пор многое переменилось. Ведь и я ходил когда-то в синем. И вот я дожил до нынешних дней, чтобы увидеть этот бунт, и мрак, и смятение, и груды мертвых тел на улицах. И все это — дело его рук! Его рук дело!

И он начал тихо бормотать что-то непонятное — по-видимому, хвалил Острога.

Грэхэм задумался.

— Позвольте,— проговорил он, протягивая руку и как бы приготовляясь отсчитывать по пальцам.— Итак, значит, Спящий лежал в летаргии...

— Подменен,— сказал старик.

— Допустим. А тем временем состояние Спящего все росло и росло в руках двенадцати опекунов, пока наконец не поглотило почти весь мир. Эти опекуны благодаря такому богатству сделались фактическими властелинами мира, потому что они имели ценз, как в древнем английском парламенте...

— Ого! — произнес старик.— Меткое сравнение. Вы вовсе не так...

— И вот теперь этот Острог взбунтовал весь мир неожиданным пробуждением Спящего, в которое никто не верил, кроме суеверного простонародья, и Спящий потребовал от Совета свое состояние. Не так ли?

Старик только покашливал.

— Странно,— сказал он наконец,— встретить такого человека, который слышит все эти вещи в первый раз.

— Да, это странно,— согласился Грэхэм.

— Были вы когда-нибудь в Городе Наслаждений? — спросил вдруг старик.— Всю свою жизнь я мечтал...— засмеялся он.— Даже теперь я не отказался бы. Посмотреть бы — и то хорошо.— Он пробормотал еще фразу, которую Грэхэм не мог понять.

— А когда проснулся Спящий? — неожиданно спросил Грэхэм.

— Три дня назад.

— Где он теперь?

— Острог его захватил. Он убежал от Совета всего каких-нибудь четыре часа назад. Дорогой мой сир, неужели вы ничего не знаете? Он был в зале рынков, где произошло сражение. Весь город кричит об этом. Все Болтающие Машины. Даже глупцы, защищающие Совет,— и те говорят так. Все бросились туда смотреть на него, и каждый получил оружие. Что, вы пьяны были или спали? Удивительное дело! Нет, вы просто шутите! Делаете вид, что ничего не знаете. Ведь и электричество погасили для того, чтобы заставить замолчать Болтающие Машины и помешать скоплению народа; поэтому такая темь. Быть может, вы хотите сказать...

— Я, правда, слышал, что Спящий бежал,— перебил его Грэхэм.— Но постойте, вы уверены, что Спящий у Острога?

— Острог ни за что не выпустит его,— заявил старик.

— А Спящий? Уверены вы, что он не настоящий? Я ни от кого еще не слыхал...

— Так думают все глупцы. Да, так они и думают. Как будто они ничего не слыхали. Я достаточно хорошо знаю Острога. Разве я не говорил вам? В некотором роде я ведь с ним в свойстве. Да, в свойстве через свою сноху.

— Я думаю...

— Что такое?

— Я думаю, что вряд ли удастся Спящему получить власть. Я думаю, он будет куклой в руках Острога или Совета, как только кончится эта борьба.

— В руках Острога? Конечно. Да почему бы ему не быть куклой? Все для него возможно, любое наслаждение! Зачем же ему еще власть?

— А что это за Города Наслаждений? —спросил вдруг Грэхэм.

Старик заставил его повторить вопрос. Когда наконец он удостоверился, что не ослышался, то сердито пихнул Грэхэма локтем.

— Нет, это уж слишком! — воскликнул он.— Вы насмехаетесь над старым человеком. Я давно уже подозревал, что вы знаете больше, чем кажется.

— Предположим, что вы правы,— ответил Грэхэм.— Но для чего мне притворяться? Уверяю вас, что я действительно не знаю, что такое Город Наслаждений.

Старик захихикал.

— Мало того, я не умею читать ваших надписей, я не знаю, какие монеты теперь в ходу, я не знаю, какие на свете государства. Я не знаю, наконец, где нахожусь сейчас. Я не умею считать. Я не знаю, где и как достать еду, питье, кров над головой.

— Будет вам! —остановил его старик.— Если вам дать теперь стакан, так вы будете, пожалуй, уверять, что не знаете, куда его поднести... к уху или к глазу?

— Я буду просить вас рассказать мне обо всем.

— Так, так! Ну, что же! Джентльмен, одетый в шелк, может позволить себе шутку.— Сморщенная рука протянулась к Грэхэму и несколько мгновений ощупывала его рукав.— Шелк! Ну, ну... Неплохо ему будет жить. Хотел бы я быть на месте Спящего. Удовольствия, роскошь! А у него такое странное лицо. Когда к нему был свободный доступ, я тоже взял билет и ходил смотреть. Лицо точь-в-точь как у настоящего, судя по старым фотографиям, только желтое. Но он быстро поправится. Как странно устроен мир. Подумать только, такое счастье... Такое счастье! Полагаю, что его отправят на Капри. Это будет недурно для начала.

Старик снова закашлялся. Отдышавшись, он стал говорить о тех удовольствиях и наслаждениях, которые ожидают Спящего.

— Вот счастье-то, вот счастье-то! Всю свою жизнь провел я в Лондоне, надеясь, что и на мою долю что-нибудь выпадет.

— Но ведь вы сказали, что подлинный Спящий умер,— перебил Грэхэм.

Старик заставил его повторить эти слова.

— Человек не живет более десяти дюжин лет. Это невозможно,— ответил старик.—Я ведь не дурак. Только дураки могут верить этому.

Грэхэма рассердило самоуверенное упрямство старика.

— Дурак вы или нет, я не знаю,— вспылил он,— но в данном случае вы ошибаетесь.

— Что такое?

— Вы ошибаетесь, говоря так о Спящем. Я сперва промолчал, но теперь говорю вам: вы ошибаетесь относительно Спящего.

— А вы откуда знаете? Не думаю, чтобы вы больше меня о нем знали, раз не знаете даже, что такое Города Наслаждений.

Грэхэм молчал.

— Вы сами ничего не знаете,—продолжал старик.— Откуда вам знать? Лишь очень немногие...

— Я —Спящий!

Грэхэму пришлось повторить эти слова.

Несколько мгновений оба молчали.

— Извините меня, сир, но, по-моему, крайне неблагоразумно говорить подобные вещи. В такое беспокойное время это может доставить вам немало хлопот,—сказал наконец старик.

Несколько смущенный, Грэхэм все же продолжал настаивать:

— Говорю вам, что я и есть Спящий. Много лет назад я впал в летаргический сон; это случилось в маленькой деревне, где дома были построены из камня, еще в те времена, когда существовали и деревни, и гостиницы, и живые изгороди, когда вся земля была еще поделена на небольшие участки. Разве вам не приходилось слышать о тех временах? Так вот я и есть тот самый человек, который проснулся от своего долгого сна четыре дня назад.

— Четыре дня назад! Спящий! Но ведь он у Острога! Острог ни за что не выпустит его. Вот ерунда! До сих пор вы говорили, однако, достаточно здраво. Я там не был, но мне все известно. При нем должен неотступно находиться Линкольн; нет, его не отпустят! Однако вы странный человек. Шутник, должно быть. Поэтому вы так и коверкаете слова...

Он замолчал и сделал негодующий жест.

— Как будто Острог отпустит Спящего бродить по городу! Нет, рассказывайте это кому-нибудь другому, а не мне. Как же, так я и поверил... Зачем вы притворяетесь? Уж не я ли навел вас на эту мысль своими рассказами о Спящем?

— Послушайте,—произнес Грэхэм, поднимаясь,—я действительно Спящий.

— Чудак,— ответил старик,— сидит тут в темноте, болтает ломаным языком что-то непонятное. Но...

Раздражение Грэхэма улеглось.

— Какая нелепость! —расхохотался он.— Какая нелепость! Кончится ли когда-нибудь этот сон? Он становится все бессвязнее, все фантастичнее. Подумать только, я, воплощенный анахронизм, человек, переживший два столетия, сижу здесь в этой проклятой темноте и стараюсь убедить какого-то старого болвана, что я действительно, а между тем... Уф!

Он порывисто повернулся и зашагал прочь. Старик тотчас же последовал за ним.

— Не уходите! — кричал он.— Пускай я буду старый болван. Только не уходите! Не оставляйте меня одного в темноте.

Грэхэм остановился в нерешительности. Зачем он так неосторожно выдал свою тайну?

— Я не хотел вас оскорбить,— сказал, подходя, старик.— Что за беда! Считайте себя Спящим, если это вам нравится. Ведь это только шутка.

Грэхэм помедлил с минуту, потом решительно пошел. Некоторое время он слышал позади себя шаркающие шаги и хриплые крики. Затем темнота поглотила старика, и Грэхэм потерял его из виду.

ГЛАВА XII

ОСТРОГ

Теперь Грэхэм лучше понимал свое положение. Он долго еще бродил по улицам, хотя после разговора со стариком решил разыскать Острога. Ясно было одно, что руководителям восстания удалось каким-то образом скрыть его исчезновение. Однако каждую минуту он мо-

жет услышать весть о своей смерти или о захвате в плен сторонниками Совета.

Внезапно перед ним остановился какой-то человек.

— Слышали? — спросил он.

— Нет,— ответил Грэхэм, вздрагивая.

— Почти дюжина, дюжина человек!—повторил неизвестный, быстро удаляясь.

Несколько мужчин и девушек прошли в темноте, возбужденно жестикулируя и крича: «Капитулировали!.. Сдались!.. Дюжина!.. Две дюжины!.. Ура, Острог!.. Ура, Острог!»

Голоса затихли в отдалении.

Прошла еще группа людей, которые также громко кричали.

Грэхэм старался уловить смысл по отдельным словам. Он даже начал сомневаться, английский ли это язык. Скорее это напоминало колониальный или негритянский жаргон: рубленые фразы, искаженные слова. Расспрашивать он не решился. Судя по настроению встречных, опасения его не подтвердились. Оправдались слова старика об Остроге. Однако Грэхэм не сразу поверил, что весь этот народ радуется падению Белого Совета, того Совета, который с такой настойчивостью и ожесточением преследовал его и в конце концов все-таки оказался в этой упорной, кровавой борьбе слабейшею стороною. Но если это так, то что будет с ним? Несколько раз он собирался все разузнать. Один раз он даже повернул назад и долго шел позади толстого, добродушного с виду человечка, но так и не решился обратиться к нему.

Наконец Грэхэм сообразил, что он может спросить, где находится Управление Ветряных Двигателей, хотя он и не знал, что это такое. Первый, к кому он обратился, посоветовал идти в Вестминстер. Второй указал ему ближнюю дорогу, но он скоро заблудился. Ему посоветовали оставить тот путь, которого он держался, не зная другой дороги, и спуститься по лестнице в темные переходы. Здесь он столкнулся в темноте с каким-то подозрительным субъектом, выкрикивающим хриплым голосом что-то непонятное на каком-то жаргоне с примесью английских слов, видимо, это был отвратительный жаргон новейшего времени. Вскоре вблизи послышался голос девушки, которая напевала: «Тра-ля-ля, тра-ля-ля...»

Она сказала на жаргоне, что ищет свою сестру. Она налетела на него в темноте, нечаянно, как подумал он сначала, и, схватив за руку, захохотала. Заметив его недовольство, девушка скрылась.

Шум вокруг него усиливался. Опять пробежала кучка возбужденных людей, которые кричали: «Они сдались!..», «Совет пал!», «Не может этого быть!», «Так говорят на путях».

Проход расширился. Стена оборвалась, и Грэхэм вышел на обширное открытое место. Вдалеке шумела толпа. Поравнявшись с какой-то фигурой, Грэхэм спросил, куда идти.

— Идите все прямо,— отвечал женский голос.

Но едва он отошел от стены, которой все время придерживался, как споткнулся о столик со стеклянной посудой. Освоившись с темнотой, он различил целый ряд таких столиков. Идя вдоль этого ряда, он слышал, как звенело стекло и стучали ножи. Очевидно, нашлись люди достаточно хладнокровные, чтобы пообедать, или достаточно дерзкие, чтобы, пользуясь общим смятением и темнотой, украсть что-нибудь съестное. Далеко впереди на высоте сиял полукруг слабого света. Когда Грэхэм приблизился, черный выступ заслонил свет. Наткнувшись на лестницу, он поднялся по ступенькам и попал в галерею. Здесь он услышал всхлипывание и заметил двух маленьких девочек, прижавшихся к перилам. При звуке шагов дети смолкли. Грэхэм попробовал утешить их, но они упорно молчали. Он оставил их и пошел дальше; дети снова заплакали.

Вскоре Грэхэм очутился у подножия лестницы; вверху светилось отверстие. Поднявшись из темноты, он снова вышел на движущиеся пути. Беспорядочная толпа маршировала, нестройно распевая революционный гимн, многие сильно фальшивили. То там, то здесь пылали смоляные факелы, метались странные тени. Он дважды спрашивал о дороге, но дважды получал ответ на том же невразумительном жаргоне. В третий раз он наконец понял: он находится на расстоянии двух миль от Управления Ветряных Двигателей в Вестминстере. Теперь уже нетрудно было отыскать дорогу.

Он был совсем недалеко от Управления Ветряных Двигателей. Праздничные процессии на улицах, радост-

ные крики, вспыхнувший свет — все убеждало его в том, что Белый Совет действительно свергнут.

Странно, что никто ничего не говорил об исчезновении Спящего.

Свет вспыхнул так внезапно, что не только он, но и все остановились, зажмурив глаза. Весь мир казался раскаленным добела.

Грэхэм замешался в густой толпе, запрудившей все пути по соседству с Управлением Ветряных Двигателей. Здесь, на виду у всех, когда уже нельзя было укрыться в темноте, Грэхэм начал колебаться: идти ли ему к Острогу?

Его толкали, теснили и затирали те самые люди, которые с восторгом и надеждою до хрипоты выкрикивали его имя; некоторые были окровавлены, они пострадали, сражаясь за него.

На фасаде Управления Ветряных Двигателей светилась движущаяся картина, но Грэхэм не мог ее разглядеть, так как, несмотря на отчаянные попытки, не в силах был пробиться сквозь густую толпу. Из отрывков разговоров он понял, что картина передает то, что происходит около дома Белого Совета. Он колебался, не зная, что предпринять. Он даже не мог сообразить, как проникнуть в здание без входов, и медленно двигался по течению толпы, пока не увидел, что спускавшаяся от среднего пути лестница ведет внутрь здания. Он постарался туда пробраться, но была такая давка, что на это потребовалось не менее часа.

Даже у входа Грэхэму пришлось потерять немало времени на переговоры со стражей, пока наконец согласились доложить о нем человеку, который, быть может, больше всех хотел его увидеть. В одном месте, выслушав, его высмеяли, так что добравшись до второй лестницы, он просто заявил, что должен сообщить Острогу известие чрезвычайной важности. В чем состояло это известие, он объяснить отказался. Стража очень неохотно согласилась доложить о нем.

Пришлось долго ожидать подъемной машины, пока наконец не появился Линкольн, удивленный и взволнованный. Несколько мгновений стоял он в дверях неподвижно, потом порывисто бросился к Грэхэму.

— Как! Это вы? Вы не погибли?

Грэхэм вкратце рассказал свои похождения.

— Брат вас ждет,— сказал Линкольн.— Он теперь один в зале. Мы думали, что вас убили в театре. Правда, он не верил этому. Положение еще очень серьезное, что бы мы им там ни говорили,— иначе он непременно сам явился бы сюда вам навстречу.

Поднявшись на лифте, они прошли по узкому коридору, пересекли обширный, совершенно пустой зал, где встретили только двух курьеров, и вошли в небольшую комнату, вся меблировка которой состояла из длинного дивана и большого овального диска с проводами, светящегося серебристым светом.

Здесь Линкольн оставил Грэхэма одного. Некоторое время тот старался понять, что значат неясные, медленно движущиеся на диске тени.

Вдруг послышался отдаленный крик громадной возбужденной толпы, крик безумного восторга. Крик этот так же внезапно прекратился, точно ворвался через открытую и тотчас же захлопнувшуюся дверь. В соседнем помещении послышались поспешные шаги и мелодичный звук, как бы позвякивание цепи, скользящей по зубчатому колесу. Затем он услышал женский голос и шелест невидимого платья.

— Это Острог,— сказала женщина.

Отрывисто прозвонил колокольчик, и снова все смолкло.

Послышались голоса и шум. Четко выделялись чьи-то ровные, твердые, размеренные, все приближавшиеся шаги. Медленно поднялся занавес.

Появился высокий седой мужчина в кремовом шелковом одеянии. Он пристально, исподлобья смотрел на Грэхэма.

Несколько мгновений человек стоял неподвижно, придерживая занавес, затем опустил его.

Грэхэм с любопытством рассматривал его. Высокий, открытый лоб, бледно-голубые, глубоко запавшие глаза, седые брови, орлиный нос и резко очерченный, решительный рот; глубокие складки под глазами и низко опущенные углы рта свидетельствовали о том, что человек этот, державшийся так прямо, уже не молод. Грэхэм машинально поднялся со своего сиденья, и некото-

рое время они стояли молча, пристально всматриваясь друг в друга.

— Вы Острог? — спросил Грэхэм.

— Да, я Острог.

— Вождь?

— Да, так называют меня.

Грэхэм чувствовал, что молчать неудобно.

— Я должен поблагодарить вас: я обязан вам своим спасением, — начал он.

— Мы боялись, что вы убиты,— ответил Острог,— или же опять заснули, и уже навсегда. Были приняты все меры, чтобы никто не узнал о вашем исчезновении. Где же вы были? Как вы сюда попали?

Грэхэм вкратце все рассказал.

Острог слушал молча.

— Знаете ли, чем я был занят, когда мне сообщили о вашем приходе?— сказал он, слегка улыбаясь.

— Как могу я это знать?

— Мы готовили вам двойника.

— Двойника? Мне?

— Человека, на вас похожего, которого нам удалось найти. Мы уже собирались загипнотизировать его, чтобы облегчить ему роль. Это было необходимо. Ведь восстание произошло оттого, что вы проснулись, живы и находитесь с нами. Вот и сейчас народ, собравшийся в театре, кричит и требует, чтобы вы вышли к нему. Они все еще не верят... Конечно, вы уже знаете о своем положении.

— Очень мало,— ответил Грэхэм.

— Говоря коротко,— начал Острог, пройдясь по комнате, — вы правитель больше чем половины земного шара. Вашу роль можно сравнить с ролью короля. Правда, власть ваша во многом ограничена, но все же вы являетесь главой правительства, так сказать, символом его. Этот Белый Совет, Совет Опекунов, как его называли...

— Кое-что о нем я уже знаю.

— Вот как!

— Я встретился с одним болтливым стариком.

— Понимаю... Наши массы —это слово осталось еще от ваших дней, вы знаете, конечно, что в наше время тоже существуют массы, — считают вас законным

правителем. Подобно тому, как в ваши дни большинство народа признавало королевскую власть. Народные массы на всем земном шаре недовольны только управлением ваших опекунов. Отчасти это — обычное недовольство, старинная вражда низов к верхам, вызванная тяжелым трудом, нуждой. Но вместе с тем нельзя не признать, что Белый Совет во многом виноват. В некоторых случаях, например, в управлении Рабочей Компанией, они действовали неблагоразумно. Они дали много поводов для недовольства. Народная партия уже давно агитировала, требуя реформ. А тут еще ваше пробуждение. Счастливая случайность, такого совпадения не придумаешь!— Он улыбнулся.— В обществе, выведенном из терпения, уже начали раздаваться голоса о необходимости разбудить вас от вашего летаргического сна, чтобы апеллировать к вам, и вдруг...— Он сделал рукой выразительный жест. Грэхэм кивнул головою, показывая, что понял.—Члены Совета интриговали, ссорились. Как всегда. Они не могли решить, что делать с вами. Вы помните, как они запрятали вас?

— Да. Конечно. А теперь... мы победили?

— Мы победили. Победили в одну ночь. За какие-нибудь пять часов. Мы подняли восстание повсюду. Работники Ветряных Двигателей, Рабочая Компания с миллионами рабочих — все поднялись. Мы заручились содействием аэропилов.

— Так,— произнес Грэхэм, догадываясь, что аэропилами называются летательные машины.

— Это, конечно, было чрезвычайно важно, иначе они могли бы улететь. Все города восстали; треть всего населения взялась за оружие. Все синие, все общественные служащие, за исключением лишь немногих аэронавтов и половины полицейских. Ваш побег удался, полиция путей была разбита, обезоружена или уничтожена, меньше половины полицейских укрылось в доме Совета. Теперь весь Лондон в наших руках. Один дом Белого Совета еще держится. Половина оставшейся у них красной полиции погибла в безумной попытке вторично захватить вас в плен. Они потеряли вас, а с вами и жизнь. Всех, кто проник в театр, мы истребили, отрезав им отступление. Поистине эта ночь была ночью победы. Повсюду блистает ваша звезда. Всего день назад Бе-

лый Совет еще правил, как правил в течение гросса лет, правил полтора столетия, а теперь — что у него осталось? Горсть вооруженных людей... Конец!

— Я все же почти ничего не знаю,— сказал Грэхэм.— Я не совсем понял, что произошло. Не будете ли вы добры объяснить мне, где теперь находится Совет? В каком месте происходит сражение?

Острог подошел к стене, что-то щелкнуло, и свет погас. Один диск светился бледным пятном. С минуту Грэхэм стоял ошеломленный.

Затем, освоившись с темнотой, он увидел, что туманный диск углубился и расцветился, стал походить на овальное окно, сквозь которое открывается далекий вид; его глазам предстала странная сцена.

Грэхэм сначала не мог сообразить, что такое он видит.

Перед ним открывался зимний пейзаж; день был ясный, небо —голубовато-серое. Поперек всей картины вдалеке свешивался толстый канат, скрученный из белой проволоки. Ряды громадных ветряных двигателей, широкие промежутки, черные пропасти — все это он видел уже во время своего бегства из дома Белого Совета. Он заметил цепь красных фигурок, проходящих по площади между двумя рядами людей, одетых в черное, и без объяснений Острога догадался, что видит сцену, происходящую на кровле Лондона. Выпавший за ночь снег уже успел растаять. Грэхэм понял, что диск представляет собой усовершенствование прежней камеры-обскуры, хотя это еще не объясняло всего. Красные фигурки двигались слева направо, но исчезали слева; это обстоятельство некоторое время удивляло его, пока он не разобрал, что вся картина двигалась по овалу, как панорама.

— Сейчас вы увидите борьбу, — заявил Острог, стоявший позади него.— Эти люди в красном —пленные. Вы видите то, что происходит на крыше Лондона,—ведь теперь все дома составляют одно целое. И улицы и скверы — все под общей кровлей, не так, как в ваше время.

Из фокуса вынырнула, затеняя почти половину экрана, фигура человека. Блеснула вспышка, тень скользнула по овалу, как веко птичьего глаза, и картина снова стала ясной. Грэхэм увидел, как среди подпорок гигантских

«КОГДА СПЯЩИЙ ПРОСНЕТСЯ»

«КОГДА СПЯЩИЙ ПРОСНЕТСЯ»

ветряных двигателей по всем направлениям забегали люди с оружием, из которого вылетал дымок. Они суетились, жестикулировали, что-то кричали, но их криков не было слышно. Ветряные двигатели и люди медленно проплыли по экрану.

— А вот и дом Белого Совета,—сказал Острог, когда на экране появился темный угол стены, которая вскоре исчезла, и они увидели окруженную со всех сторон зданиями пропасть, откуда поднимался дым к бледному зимнему небу. В сумраке торчали столбы, изуродованные железные балки, развалины громадных построек. По ним бегали и лазали бесчисленные маленькие фигурки.

— Это и есть дом Белого Совета,—пояснил Острог.— Их последняя опора. Эти безумцы потратили столько боевых припасов на взрыв, что их хватило бы на целый месяц обороны. Они хотели остановить нашу атаку. Вы ведь слышали взрыв? Добрая половина стекол в городе выбита.

На экране над руинами взорванных зданий появилась громада сильно поврежденного белого здания. Окружающие постройки были взорваны. На месте переходов зияли дыры. В проломах стен виднелись огромные залы, лепные украшения зловеще белели в зимних сумерках. Со стен свешивались фестонами оборванные канаты, там и сям торчали скрученные железные брусья. Среди руин мелькали алые точки — красномундирные защитники Совета. То и дело бледные вспышки озаряли груды развалин. Сперва Грэхэму показалось, что штурм белого здания в полном разгаре, но потом он понял, что революционеры не столько атакуют, сколько стараются укрыться за развалинами от яростного обстрела противников.

Подумать только, десять часов назад он стоял под вентилятором в одной из комнат этого здания, не понимая, что происходит в мире!

Присматриваясь к картине, медленно движущейся по экрану, Грэхэм заметил, что группа белых построек со всех сторон окружена развалинами. Острог коротко пояснил ему, что осажденные нарочно произвели такие ужасные разрушения, чтобы помешать штурму. Он спокойно говорил о множестве жертв. Указал на кладбище среди развалин, на многочисленные перевязочные

пункты, крохотные фигурки кишели в выбоинах разрушенных путей, как паразиты в сыре. Острог подробно ознакомил его с планом здания Совета, с расположением частей противника. Грэхэм получил представление о гражданской войне, которая сотрясала огромный город.

Это был не просто бунт, не случайное возмущение, а заранее подготовленный, превосходно организованный государственный переворот. Острог был поразительно осведомлен. Он знал, чем занята чуть ли не каждая группа людей, копошившихся среди развалин.

Протянув руку, отбросившую на экран гигантскую черную тень, Острог показал Грэхэму место, где находилась комната, в которой тот был заключен, и проследил весь проделанный им путь. Грэхэм узнал пропасть, через которую он перебирался, и место, где он прятался за ветряным двигателем от летательной машины. Остальная часть его пути была разрушена взрывом. Он снова взглянул на дом Белого Совета. Здание медленно исчезало с экрана; на смену ему из тумана выплыли увенчанные куполами и башнями здания, расположенные по склону холма.

— Итак, Белый Совет свергнут? — спросил он.

— Свергнут,— ответил Острог.

— И я, неужели правда, что я?..

— Да, вы Правитель Земли.

— Но что это за белый флаг?

— Это знамя Белого Совета, символ владычества над миром. Оно сейчас падет. Борьба уже кончилась. Их атака на театр была последней отчаянной попыткой. У них осталось не больше тысячи человек. Многие уже перешли на нашу сторону. У них не хватает боевых припасов. А мы воскресили военное искусство прежних лет. Мы пустили в ход пушки.

— Но постойте. Разве этот город —весь мир?

— Это почти все, что еще осталось у них от огромной империи. Остальные города тоже подняли восстание или ожидают исхода борьбы. Ваше пробуждение смутило их, парализовало.

— Но разве у Совета нет летательных машин? Почему они не пустят их в ход?

— Конечно, есть. Но большая часть аэронавтов при-

мкнула к нам. Правда, они боятся выступить за нас, но не смеют идти и против нас. Мы их раскололи. Половина аэронавтов за нас, а остальные знают это. Кроме того, им известно, что вы бежали от погони. Час назад мы расстреляли того человека, который пытался убить вас. Наконец, мы заняли все аэродромы и захватили аэропланы; что касается небольших летательных машин, которым удалось ускользнуть, то мы подвергли их такому сильному обстрелу, что они не осмелились даже приблизиться к дому Белого Совета. Если летательная машина опустится на землю в городе, то она уже не сможет снова подняться, так как здесь нет места для разбега. Часть мы уничтожили, другие опустились и принуждены были сдаться, остальные улетели на континент в надежде достичь дружественного им города, если только у них хватит горючего. Многие из аэронавтов были рады попасть в плен. Не очень-то приятно быть сбитым и кувыркнуться вниз. Нет, Белому Совету нечего ожидать помощи. Его час пробил.

Он засмеялся и повернулся к экрану, чтобы показать Грэхэму аэродромы. Хотя ближайшие из них находились, по-видимому, далеко и были окутаны утренним туманом, Грэхэм все же понял, сравнив их с окружающими постройками, что они очень обширны.

Когда смутные очертания исчезли с экрана, показалась толпа обезоруженных полицейских, проходящих по какой-то площади. Затем снова черные развалины и осажденная твердыня Белого Совета. Теперь она казалась уже не туманной, а золотилась в лучах солнца, вышедшего из-за туч. Борьба все еще продолжалась, но красномундирные защитники уже не стреляли.

В сумрачном молчании долго еще созерцал человек девятнадцатого столетия заключительную сцену великого восстания, государственного переворота. Он подумал с замиранием сердца, что этот мир —его мир, а тот, старый, остался позади. То, что он видит, не какое-нибудь театральное представление, которое закончится, когда наступит развязка. Нет, в этом мире ему предстоит жить, выполнить свой долг, подвергаться опасностям и нести бремя тяжкой ответственности. Он повернулся, желая задать Острогу вопрос. Острог начал было отвечать, но потом сказал:

— Все это я объясню вам впоследствии. Прежде всего дела. Народ из всех частей города стремится сюда по движущимся путям, все рынки и театры полны. Вы явились как раз вовремя. Народ хочет видеть вас. За границей тоже хотят видеть вас. Париж, Нью-Йорк, Чикаго, Денвер, Капри, тысячи других городов волнуются и хотят видеть вас. Столько лет ждали вашего пробуждения, а когда наконец вы проснулись, им трудно поверить.

— Но не могу же я быть везде.

Острог ответил с другого конца комнаты. Снова вспыхнул свет, и изображения на овальном диске поблекли и исчезли.

— У нас есть кинетотеле-фотографы. Когда вы покажетесь здесь, вас увидят мириады мириад народа, собравшегося в темных залах мира. Правда, не в красках, а в контурах и в тенях. Вы даже услышите их приветственные крики, которые сольются с криками, доносящимися из нашего зала. Для этого служит особый оптический прибор, показывающий публике артистов и танцовщиц. Он, вероятно, неизвестен вам. На вас направляют сильный свет, а зрителям видны не вы сами, а ваше увеличенное изображение на экране; любой зритель в самой отдаленной галерее может пересчитать у вас ресницы.

— Как велико теперь население Лондона? — вдруг спросил Грэхэм в порыве любопытства.

— Двадцать восемь мириад.

— Сколько же это составит?

— Более тридцати трех миллионов.

Грэхэм никак не ожидал такой цифры.

— Вам необходимо будет что-нибудь сказать,— продолжал Острог.— Не речь, как в ваши времена, а что-нибудь короткое, у нас это называется спичем, какую-нибудь фразу, всего шесть-семь слов. Этого требует церемониал. Например: «Я проснулся, и мое сердце с вами». Вот чего они от вас хотят.

— Как вы сказали? — спросил Грэхэм.

— Я проснулся, и мое сердце с вами,— повторил Острог.— И царственный поклон. Но сначала вы должны надеть черную мантию, черный — это ваш цвет. Согласны? А затем они разойдутся по домам.

Грэхэм колебался.

— Я в ваших руках,— произнес он наконец.

По-видимому, Острог был того же мнения. Подумав немного, он обернулся к занавесу и, обращаясь к невидимому подчиненному, произнес несколько слов.

Через минуту подали черную мантию, такую же, как та, которую накинул на себя Грэхэм в театре. В тот момент, когда он набрасывал ее на плечи, в соседней комнате раздался резкий звонок. Острог обратился было с вопросом к своему подчиненному, но потом, передумав, откинул занавес и вышел из комнаты.

С минуту Грэхэм стоял рядом с застывшим в почтительной позе секретарем, прислушиваясь к шагам удаляющегося Острога. Он услыхал, как тот что-то быстро спросил, ему ответили и кто-то побежал. Занавес заколыхался, и опять появился Острог; он был взволнован, лицо его пылало. Подойдя к стене и нажав кнопку, он выключил свет. Затем, взяв Грэхэма за руку, показал на экран.

— С ними покончено,—сказал он.

Грэхэм увидел его колоссальный указательный палец над домом Белого Совета. В первый момент он ничего не понял. Затем заметил, что на флагштоке уже не развевается белый флаг.

— Что это означает?..

— Белый Совет сдался. Владычеству его пришел конец! Смотрите!— воскликнул Острог, указывая на черное знамя, медленно, толчками поднимающееся на флагштоке.

Экран потускнел. Приподняв занавес, в комнату вошел Линкольн.

— Народ выражает нетерпение,— сообщил он.

— Мы подняли восстание,— сказал Острог, продолжая держать Грэхэма за руку.— Мы дали народу оружие. На сегодня по крайней мере желание его должно быть законом.

Линкольн откинул занавес, чтобы пропустить Грэхэма и Острога.

По дороге к рынкам Грэхэм заметил длинное узкое строение с белыми стенами, куда люди в синем втаскивали носилки и где суетились врачи, одетые в пурпур. Из здания слышались стоны и крики. Ему бросилась в глаза пустая, залитая кровью кровать, на других кроватях ле-

жали раненые с кровавыми повязками. Все это он видел мельком, сверху, переходя мостик с перилами; затем эта картина скрылась за выступом здания, и они продолжали свой путь...

Шум толпы слышался все ближе и ближе, напоминая раскаты грома. И вот перед ними лес черных знамен, море синих одежд, бурых лохмотьев. Грэхэм узнал тот самый театр, где при вспышках света и в темноте он прятался, спасаясь от красномундирной полиции. На этот раз он вошел в театр по галерее, выше сцены. Здание было ярко освещено. Грэхэм искал глазами тот выход, куда он тогда скрылся, но не мог найти, так как выходов было слишком много. Точно так же не мог он различить и разбитых сидений, пробитых подушек и других следов сражения, ибо зал, за исключением сцены, был переполнен народом.

Грэхэм поглядел вниз и увидел море лиц, обращенных к нему. Тысячи глаз были устремлены на него. При появлении его и Острога крики и пение смолкли, толпа замерла. Мириады людей напряженно следили за каждым его движением.

ГЛАВА XIII

КОНЕЦ СТАРОГО СТРОЯ

Насколько Грэхэм мог судить, был уже полдень, когда опустилось белое знамя Совета. Потребовалось еще несколько часов на выработку условий капитуляции. После своего «спича» Грэхэм удалился в апартаменты при Управлении Ветряных Двигателей. От непрерывных волнений за последние двенадцать часов он чувствовал себя совершенно разбитым; его уже ничто не интересовало. Безразличный ко всему, сидел он с открытыми глазами, пока не заснул. Его разбудили два врача, они принесли напитки, чтобы подкрепить его силы. Выпив лекарство и приняв по совету врачей холодную ванну, Грэхэм почувствовал новый прилив энергии и интерес ко всему окружающему. Он тотчас же согласился предпринять вместе с Острогом длинную, в несколько миль (как ему показалось), прогулку по переходам, лифтам

и спускам, чтобы присутствовать при капитуляции Белого Совета.

Путь все время шел зигзагами среди лабиринта зданий. Пройдя, наконец, извилистый проход, Грэхэм сквозь продолговатое отверстие увидел контуры разрушенного здания Белого Совета и облака, освещенные закатом. Послышался отдаленный гул толпы. Через минуту они подошли к краю полуразрушенного здания, возвышавшегося над грудой руин. Открывшаяся картина была столь же необычайна, как и та, которую он недавно наблюдал в овальном зеркале.

Перед ним развертывался неправильный амфитеатр шириною чуть ли не в милю. Левая его сторона была залита золотом заката, правое же крыло и нижняя часть были завуалированы холодной прозрачной тенью. Над сумрачным домом Белого Совета на фоне пламенеющего заката плавно развевалось большое черное знамя победителей. Зловеще зияли полуразрушенные залы, комнаты и переходы; изломанные, погнутые металлические балки торчали из развалин; провода скрутились, перепутались в клубки и повисли, подобно морским водорослям. Снизу доносился гул бесчисленных голосов, громовые удары и звуки труб. Вокруг центральной белой руины тоже все было разрушено: бесформенные груды почерневших камней, выступающие из обломков фундаменты, остатки фабрик, взорванных по приказанию Белого Совета, железные скелеты зданий, титанические массы стен, леса тяжелых колонн. Глубоко внизу среди развалин блестели потоки воды; вдалеке среди каменных громад из скрученного конца водопроводной трубы с высоты двухсот футов низвергался сверкающий каскад.

Повсюду, где только можно было встать, теснились фигурки людей, четкие и темные, залитые золотом заката. Они карабкались по выщербленным стенам, гирляндами лепились вдоль высоких колонн, кишели в амфитеатре руин. Воздух дрожал от криков; все стремились пробраться к центру.

Верхние этажи дома Белого Совета казались совершенно пустынными. Только черный флаг темнел на светлом небе. Мертвые тела были унесены внутрь здания или убраны. Несколько тел, очевидно, забытых или не за-

меченных, застряли в трещинах и чернели в волнах потока.

— Не покажетесь ли вы им, сир? — сказал Острог.— Они жаждут увидеть вас.

Несколько мгновений Грэхэм колебался, затем подошел к самому краю полуразрушенной стены. Его одинокая стройная черная фигура резко выделялась на фоне неба.

Народ, копошащийся внизу, заметил его не сразу. Небольшие отряды вооруженных людей в черных мундирах с трудом прокладывали себе дорогу сквозь толпу к дому Белого Совета. Грэхэм увидел, как зарябили светлые пятна лиц вместо темных голов, словно дуновение пронеслось по толпе: его узнали! Он понял, что следует сделать какой-нибудь приветственный жест. Он поднял руку и указал на дом Совета и спущенное белое знамя. Крики слились в единодушный восторженный рев.

Когда Совет капитулировал, небо на западе окрасилось в бледные голубовато-зеленые тона и на юге заблестел Юпитер. Небо неприметно темнело, на город спускалась ясная безмятежная ночь; внизу же куда-то спешили, волновались, кричали, лихорадочно отдавали приказания, суетились, строились в ряды, рассыпались в беспорядке. Из дома Белого Совета под крики толпы усталые, вспотевшие люди выносили тела людей, погибших в рукопашной схватке в длинных проходах и бесконечных залах.

По обе стороны пути, по которому должны были пройти члены Белого Совета, расположилась черная стража; все же остальное пространство, насколько можно было разглядеть в голубоватом сумраке руин, кишело народом, который успел уже проникнуть и в окружающие развалины. Гул голосов даже во время затишья походил на шум морского прибоя на усеянном галькой побережье. Наверху одной из развалин по приказанию Острога был спешно сооружен помост из бревен и железных балок. Постройка была уже почти закончена, но внизу, в густой тени, под ней еще стучали и гудели какие-то машины.

На ступеньках эстрады встали Грэхэм с Острогом и Линкольном, а несколько позади — группа других во-

жаков. На нижней, более широкой платформе, вокруг эстрады, поместилась революционная стража с зеленым оружием, названия которого Грэхэм так и не узнал. Окружающие заметили, что Грэхэм, пока шли последние приготовления, смотрел то на толпу в сумраке развалин, то на дом Белого Совета, откуда должны были появиться опекуны, то на причудливые нагромождения руин, то опять на толпу. Глухой гул внизу усилился, перейдя в оглушительный рев. Но вот из темной арки выступила на яркий свет группа белых фигурок; они приближались, переходя от одной электрической звезды к другой. Дом Белого Совета был окутан мраком. Грозный рев толпы, над которой властвовал в течение ста пятидесяти лет Белый Совет, сопровождал их шествие. Когда они подошли ближе, Грэхэм разглядел их бледные, встревоженные и утомленные лица. Он видел, как смотрели они вверх, на него и Острога. Полный контраст с холодными испытующими взглядами, какие бросали они на него в зале Атласа!.. Грэхэм узнал некоторых из них: того, который стучал по столу, разговаривая с Говардом, дородного мужчину с рыжей бородой, приземистого брюнета с тонкими чертами и удлиненной головой. Он заметил, что двое из них перешептываются, глядя на Острога. Сзади шел высокий черноволосый мужчина с мужественным красивым лицом. Внезапно он поднял голову, и взгляд его, скользнув по Грэхэму, устремился на Острога. Членам Совета пришлось продефилировать на глазах у толпы, описав широкую кривую, прежде чем они подошли к ступеням, которые вели на эстраду, где должна была произойти капитуляция.

— Правитель! Правитель! — кричал народ. — Наш бог и повелитель! К черту Белый Совет!

Грэхэм посмотрел сначала на толпу, казавшуюся сплошной кричащей черной массой, потом на Острога, стоявшего с бледным, неподвижным и невозмутимо спокойным лицом. Затем снова взглянул на членов Белого Совета. Подняв голову, он увидел звезды, такие знакомые и бесстрастные. Как необычна его судьба! Неужели та жизнь, что смутно сохранилась в его памяти, несмотря на двести лет, прошедших с тех пор, и эта жизнь — одна и та же?

ГЛАВА XIV

ВИД ИЗ ВОРОНЬЕГО ГНЕЗДА

Итак, преодолев самое неожиданное препятствие, после борьбы и сомнения, человек девятнадцатого столетия стал правителем этого удивительного мира.

Поднявшись после долгого и глубокого сна, последовавшего за капитуляцией Совета, в первую минуту он не узнал окружающего. С большим усилием он припомнил все, что произошло. Сначала все казалось ему нереальным, словно он слышал обо всем этом от другого лица или прочел в книге. И еще прежде, чем память его прояснилась, Грэхэм испытал бурную радость при мысли, что он спасен и занимает такое высокое положение. Он властелин половины мира, Правитель Земли. Эту новую великую эру он вполне может назвать своей. Теперь уже он не желал, чтобы все это оказалось сном. Напротив, он старался убедить себя в реальности событий.

Услужливый слуга помог ему одеться под наблюдением важного маленького человечка, по виду японца, хотя он и говорил по-английски, как англичанин. От него Грэхэм узнал кое-какие подробности. Революция уже закончилась; возобновилась обычная деловая жизнь города. За границей падение Белого Совета повсюду встречено с восторгом. Совет нигде не был популярен, и тысячи городов Западной Америки, даже теперь, через двести лет, завидовавшие Нью-Йорку и Лондону, дружно восстали еще за два дня до получения известия о заточении Грэхэма. В Париже идет борьба. Остальной мир выжидает.

Когда Грэхэм завтракал, в углу комнаты зазвенел телефон, и японец доложил Грэхэму, что это говорит Острог. Острог очень вежливо справлялся о нем. Грэхэм тотчас же прервал свой завтрак, чтобы ответить ему.

Вскоре появился Линкольн, и Грэхэм выразил желание говорить с народом и поближе ознакомиться с той новой жизнью, которая открывается перед ним. Линкольн сообщил, что через три часа в Управлении Ветряных Двигателей назначено собрание, на котором Грэхэму будут представлены высшие государственные са-

новники с их женами. Прогулка по городским путям сейчас невозможна, так как народ еще слишком возбужден. Зато можно воспользоваться Вороньим Гнездом смотрителя Ветряных Двигателей, чтобы с высоты птичьего полета осмотреть город. Сопровождать Грэхэма должен японец. Сказав по адресу японца несколько комплиментов, Линкольн просил извинить его и освободить от участия в прогулке ввиду спешной административной работы.

На высоте не менее тысячи футов, выше ветряных двигателей, над кровлей, на металлическом филигранном шпице торчало Воронье Гнездо. Туда поднимались в небольшом лифте, скользившем по проволочному тросу. На середине хрупкого с виду стержня была устроена легкая галерея со множеством труб (такими маленькими казались они сверху), медленно вращающихся на роликах по круговому рельсу. Это был громадный объектив, связанный с теми зеркалами, в одно из которых Острог показывал ему события, ознаменовавшие начало его правления. Японец поднялся первым, и на этой галерее они проговорили чуть не целый час.

День был ясный, весенний. Веяло теплом. Небо было густого голубого цвета; внизу раскинулась необозримая панорама Лондона, залитая утренним солнцем. В воздухе — ни дыма, ни облаков, он был прозрачен, как воздух гор.

За исключением имевших неправильную овальную форму развалин вокруг дома Белого Совета и развевающегося на нем черного флага, в огромном городе незаметно было следов той революции, которая за одни сутки перевернула весь мир. Множество народа по-прежнему копошилось в развалинах. На громадных аэродромах, откуда в мирное время отправлялись аэропланы, поддерживающие связь со всеми городами Европы и Америки, чернели толпы победителей. На спешно поставленных лесах сотни рабочих исправляли порванные кабели и провода, ведущие к дому Белого Совета, куда должна была перейти из здания Управления Ветряных Двигателей резиденция Острога.

В озаренном солнцем гигантском городе больше нигде не было заметно никаких разрушений. Казалось, повсюду царил торжественный покой, и Грэхэм почти по-

забыл про тысячи людей, которые лежали под сводами подземного лабиринта при искусственном свете мертвые или умирающие от полученных накануне ран, забыл про импровизированные госпитали с лихорадочно работающими врачами, сестрами милосердия и санитарами, забыл про все чудеса, потрясения и неожиданности, которые пришлось ему пережить при свете электрических солнц. Он знал, что глубоко внизу, в муравейнике улиц, революция празднует победу и повсюду торжествует черный цвет — черные знамена, черные одежды, черные полотнища.

А здесь, в ослепительно солнечных лучах, высоко над кратером борьбы, здесь все осталось по-прежнему, как будто на земле и не произошло никаких событий, и лес ветряных двигателей, разросшийся за время управления Белого Совета, мирно рокотал, неустанно исполняя свою вековую работу.

На горизонте синели холмы Сэррея, поднимался, врезаясь в небо, лес ветряных двигателей; несколько ближе, в северном направлении, рисовались острые контуры холмов Хайгета и Масвелла. Вероятно, по всей стране, на каждом холме и пригорке, где некогда за изгородью ютились посреди деревьев коттеджи, церкви, гостиницы и фермы, торчат теперь такие же ветряные двигатели, испещренные огромными рекламными объявлениями,— эти сухорукие, знаменательные символы нового мира, отбрасывающие причудливые тени и неустанно вырабатывающие ту драгоценную энергию, которая переливается в артерии города. А внизу под ними бродят бесчисленные стада и гурты Британского Пищевого треста под присмотром одиноких погонщиков.

Среди однообразных гигантских строений глаз не встречал ни одного знакомого здания. Грэхэм знал, что собор св. Павла и многие старинные постройки в Вестминстере сохранились, но они со всех сторон загорожены великанами, выросшими в эпоху грандиозного строительства. Даже Темза своей серебряной лентой не разделяла сплошную массу городских зданий. Водопроводные трубы выпивали всю ее воду раньше, чем она достигала городских стен. Ее углубленное русло стало теперь морским каналом, где мрачные судовщики глу-

боко под землей перевозят тяжелые грузы из Пула. На востоке в тумане между небом и землей смутно вырисовывался целый лес мачт. Перевозка всех несрочных грузов со всех концов земли производилась теперь гигантскими парусными судами. Спешные же грузы переправлялись на небольших быстроходных механических судах.

К югу по холмистой равнине простирались грандиозные акведуки, по которым морская вода доставлялась в канализационную сеть.

В трех различных направлениях тянулись светлые линии с серым пунктиром движущихся дорог. Грэхэм решил при первой же возможности осмотреть их. Но прежде всего он хочет ознакомиться с летательными машинами. Его спутник описывал ему эти дороги как две слегка изогнутые полосы, около ста ярдов в ширину, причем движение по каждой из них шло только в одну сторону; сделаны они из идемита, приготовляемого искусственным образом и, насколько он мог понять, похожего на упругое стекло. Странные узкие резиновые машины, то с одним громадным колесом, то с двумя или четырьмя колесами меньшего размера, неслись в обе стороны со скоростью от одной до шести миль в минуту. Железные дороги исчезли; кое-где сохранились насыпи, на вершине их краснели ржавые полосы, некоторые из этих насыпей были использованы для идемитовых дорог.

Грэхэм заметил целую флотилию рекламных воздушных шаров и змеев, которые образовали нечто вроде аллей по обе стороны аэродромов. Аэропланов нигде не было видно. Движение их прекратилось, и только один аэропил плавно крутился в голубом просторе над холмами Сэррея.

Грэхэм уже слышал, что провинциальные города и селения исчезли, и сперва ему трудно было этому поверить. Взамен их среди безбрежных хлебных полей стояли огромные отели, сохранившие названия городов, например: Борнемаус, Уоргэм, Сванедж... Спутник быстро доказал ему неизбежность такой перемены. В старину вся страна была покрыта бесчисленными фермерскими домиками, между которыми на расстоянии двух-трех километров вкрапливались поместье, трактир,

лавка, церковь, деревня. Через каждые восемь миль располагался провинциальный городок, где жили адвокат, торговец хлебом, скупщик шерсти, шорник, ветеринар, доктор, обойщик, мельник и т. д. Расстояние в восемь миль удобно для фермера, чтобы съездить на ярмарку и вернуться в тот же день. Потом появились железные дороги с товарными и пассажирскими поездами и разнообразные автомобили большой скорости, которые заменили телегу с лошадью; когда же дороги начали строить из дерева, каучука, идемита и другого эластичного и прочного материала, исчезла необходимость в столь большом количестве городов. Большие же города продолжали расти, привлекая к себе рабочих, непрестанно ищущих работы, и предпринимателей, вечно жаждущих наживы.

По мере того как возрастали требования и усложнялась жизнь, жить в деревне становилось все более и более тяжело и неудобно. Исчезновение священника, сквайра и сельского врача, которого заменил городской специалист, лишило деревню последних признаков культурности. Когда телефоны, кинематографы и фонографы заменили газеты, книги, учителей, даже письма, жить вне предела электрических кабелей значило жить, как дикари. В провинции нельзя было (согласно утонченным требованиям времени) ни одеться прилично, ни питаться как следует; мало того, там не было ни врачебной помощи, ни общества и нельзя было найти заработок.

Механические приспособления привели к тому, что в земледелии один инженер заменил тридцать рабочих. Таким образом, в противоположность тем временам, когда деловой люд Лондона, окончив свой трудовой день, спешил оставить пропитанный дымом и копотью город, рабочие теперь только к ночи спешили — и по земле и по воздуху — в город, чтобы отдохнуть и развлечься, а утром снова выехать на работу. Город поглотил человечество; человек вступил в новую эру своего развития. Сначала он был кочевником, охотником, затем земледельцем, для которого большие и маленькие города и порты являлись не чем иным, как обширными рынками для сбыта сельских продуктов. Теперь же логическим следствием эпохи изобретений явилось скопление человеческих масс в городах. Кроме Лондона, в Англии осталось всего че-

тыре больших города: Эдинбург, Портсмут, Манчестер и Шрусбери. Этих фактов было достаточно, чтобы Грэхэм мог представить себе картину новой жизни в Англии, но, как ни напрягал он фантазию, ему трудно было вообразить, что делается «по ту сторону» пролива.

Он видел огромные города на равнинах, по берегам рек, на берегу моря или в глубоких долинах, со всех сторон окруженных снеговыми горами. Почти три четверти человечества говорит на английском языке или на его наречиях: испано-американском, индийском, негритянском и «пиджине» [1]. На континенте, если не считать некоторых малораспространенных рудиментарных языков, существуют только три языка: немецкий, распространенный до Салоник и Генуи и вытесняющий смешанное испано-английское наречие в Кадиксе, офранцуженный русский, смешивающийся с индо-английским в Персии и Курдистане и «пиджином» в Пекине, и французский, по-прежнему блестящий, изящный и точный, сохранившийся наряду с англо-индийским и немецким на берегах Средиземного моря и проникший в африканские диалекты вплоть до Конго.

По всей земле, покрытой городами-великанами, кроме территории «черного пояса» тропиков, введено почти одинаковое космополитическое общественное устройство, и повсюду, от полюсов до экватора, раскинулись владения Грэхэма. Весь мир цивилизован, люди живут в городах, и весь мир принадлежит ему, Грэхэму. В Британской империи и Америке его власть почти неограниченна; на конгресс и парламент все смотрят как на смешной пережиток старины. Влияние его весьма значительно даже в двух других огромных государствах— России и Германии.

В связи с этим вставали важные проблемы, открывались богатые возможности, но, как ни велико было его могущество, эти две отдаленные страны еще не были всецело в его власти. О том, что творится в «черном поясе» и какое вообще могут иметь значение те земли,

[1] Пиджин — английский жаргон на Дальнем Востоке, смешанный с китайскими, малайскими, португальскими и другими словами.

Грэхэм даже не задумывался. Как человек девятнадцатого столетия, он не представлял себе, что в этих областях земного шара может гнездиться опасность для всей новейшей цивилизации.

Внезапно из глубин подсознания всплыло воспоминание о давно минувшей угрозе.

— Как обстоит дело с желтой опасностью?—спросил он Асано и получил обстоятельный ответ. Призрак китайской опасности рассеялся. Китайцы уже давно дружат с европейцами. В двадцатом веке было научно установлено, что средний китаец не менее культурен и что его моральный и умственный уровень выше, чем у среднего европейского простолюдина. В результате этого повторилось в более широком масштабе явление, имевшее место в семнадцатом веке, когда шотландцы и англичане слились в единую семью.

— Они стали обдумывать этот вопрос,—пояснил Асано,—и пришли к выводу, что в конце концов мы ничем не отличаемся от белых людей.

Но вот Грэхэм снова взглянул на развернувшуюся перед ним панораму, и мысли его приняли другое направление.

На юго-западе в мглистой дымке сверкали причудливым блеском Города Наслаждений, о которых он узнал из кинематографа-фонографа и от старика на улице. Странные места, вроде легендарного Сибариса, города продажного искусства и красоты, удивительные города, где царит праздность, где не прекращаются танцы, не смолкает музыка, куда удаляются все, кому благоприятствует судьба в той жестокой бесславной экономической борьбе, что свирепствует там, внизу, в залитом электрическим светом лабиринте построек.

Он знал, что борьба эта беспощадна. Это видно из того, что английская жизнь девятнадцатого столетия кажется теперь идиллической, почти идеальной. Смотря вниз, Грэхэм старался представить себе сложную промышленность Лондона новых дней.

Он знал, что к северу расположены керамические фабрики, изготовляющие не только фаянсовые, глиняные и фарфоровые изделия, но и те разнообразные материалы, которые открыла минералогическая химия, а также статуэтки, стенные украшения и самую разнообразную

мебель; там же находятся фабрики, где охваченные лихорадкой соревнования авторы сочиняют речи и объявления для фонографа, обдумывают сценические конфликты и создают фабулы злободневных кинематографических драм. Отсюда растекаются по всему свету воззвания, лживая информация, здесь изготовляются валы телефонных машин, заменяющих прежние газеты.

К западу, за разрушенным домом Белого Совета, находились грандиозные здания городского контроля и правительственные учреждения; к востоку, в сторону порта,— торговые кварталы, колоссальные общественные рынки, театры, дома для собраний, ночлежные дома, тысячи зал для игры в бильярд, в футбол и бейсбол, зверинцы, цирки и бесчисленные храмы, как христианские, так и сектантские, магометанские, буддистские, храмы гностиков, спиритов, почитателей инкуба, вещепоклонников и т. д. К югу — огромные ткацкие фабрики и заводы, изготовляющие вина, маринады и консервы.

По механическим путям проносятся бесчисленные массы людей. Гигантский человеческий улей, на который работает без устали ветер и символом, гербом которого является ветряной двигатель.

Грэхэм думал о бесчисленном населении, которое, как вода губками, впитано залами и галереями, о тех тридцати трех миллионах жизней, из которых каждая разыгрывает свою маленькую драму там, внизу, и чувство самодовольства, порожденное ясным днем, ширью и красотой открывшегося вида, мало-помалу испарялось и исчезало. Глядя на город с высоты, он впервые ясно представил себе чудовищную цифру в тридцать три миллиона и понял, какую ответственность берет он на себя, принимая власть над этим человеческим Мальстремом.

Он попытался представить себе жизнь отдельного индивида. Его удивляло, как мало изменился средний человек, несмотря на такие разительные перемены. Благодаря прогрессу науки и общественному устройству, жизнь и имущество почти по всей земле были ограждены от всяких случайностей; эпидемические заразные болезни исчезли; каждый имел достаточно пищи и одежды, находился в тепле и был защищен от непогоды. Тол-

па, как он уже успел убедиться, осталась все той же беспомощной толпою, состоящей из трусливых и жадных особей, но становящейся неодолимой силой в руках демагога и организатора. Он вспомнил бесчисленные фигурки в синем холсте. Он знал, что миллионы мужчин и женщин ни разу не покидали города и не выходили из узкого круга своих повседневных дел и низменных удовольствий. Он думал о надеждах своих исчезнувших с лица земли современников, об утопическом Лондоне Морриса, изображенном в его романе «Вести ниоткуда», о блаженной стране Гудсона, расцветающей на страницах его «Кристального века». Все это кануло в небытие. Он думал и о собственных надеждах.

В течение последних лихорадочных дней своей жизни, которая теперь осталась далеко позади, он твердо верил, что человечество добьется свободы и равенства. Вместе со своим веком он надеялся, что придет время, когда перестанут приносить в жертву массы людей ради немногих, когда каждый рожденный женщиной будет иметь свою неотъемлемую долю во всеобщем счастье. И теперь, через двести лет, та же неисполнившаяся надежда волнует огромный город. Вместе с ростом городов возросли бедность, безысходный труд и прочие бедствия его времени.

Он бегло ознакомился с историей истекших веков. Узнал об упадке нравственности, последовавшем за утерей народными массами веры в сверхъестественное, об утрате чувства чести, о растущей власти капитала. Потеряв веру в бога, люди продолжали верить в собственность, и капитал правил миром.

Его спутник, японец Асано, излагая историю последних двух столетий, привел удачный образ семени, разъедаемого паразитами. Сначала семя было здоровое и быстро прорастало. Затем появились насекомые и положили яички под кожицу. И что же? Вскоре от семени осталась оболочка, внутри которой копошилась куча новых паразитов. Затем туда же отложили свои яички другие паразиты, вроде наездников. И вот первые паразиты обратились в пустые скорлупки, в которых копошились новые живые существа, внешняя же оболочка семени по-прежнему сохранила свою форму, и боль-

шинство людей думало, что это — жизнеспособное, полное соков семя.

— Ваше время,— сказал Асано,— можно уподобить такому семени с выеденной сердцевиной.

Владельцы земли — бароны и дворянство — появились во времена короля Иоанна; последовал промежуток — остановка в процессе, затем они обезглавили короля Карла и кончили Георгом, который был не более как скорлупкой былой королевской власти. Подлинная власть сосредоточилась в руках парламента. Но парламент, орган дворян-землевладельцев, недолго сохранял власть. Центр тяжести стал перемещаться, и непросвещенные безымянные городские массы уже в девятнадцатом столетии тоже получили право голоса. В результате возникла предвыборная борьба, и громадное влияние приобрели партии. Уже во времена Виктории власть в значительной степени перешла в руки тайной организации заводчиков и фабрикантов, подкупавших избирателей. Вскоре власть захватил банковский капитал, финансировавший машиностроительную промышленность.

Наступило время, когда страной правили две небольшие партии богатых, влиятельных людей, захвативших газеты и всю избирательную машину; сначала они боролись друг с другом, а потом объединились.

Оппозиция действовала нерешительно и робко. Было написано множество книг; некоторые из них изданы были еще в то время, когда Грэхэм впал в летаргический сон; реакция породила богатую литературу.

Но представители оппозиции, казалось, погрузились в изучение этой литературы и действовали решительно и отважно только на бумаге.

Основным выводом из всех социальных теорий начала двадцатого столетия как в Америке, так и в Англии был призыв к устранению и аресту узурпаторов власти. В Америке этот процесс начался несколько раньше, чем в Англии, хотя обе страны проделали один и тот же путь.

Но революция не наступала. Ее никак не удавалось организовать. Старомодная сентиментальность, вера в справедливость уже не имели власти над людьми. Вся-

кая организация, влиятельная на выборах, скоро распадалась из-за внутренних раздоров или подкупалась кучкой ловких и богатых дельцов. Социалистические и народные, реакционные и пуританские партии — все в конце концов сделались чем-то вроде биржи, где торговали убеждениями. Понятно, что капиталисты поддерживали неприкосновенность собственности и свободу торговли так же, как в средние века феодализм отстаивал свободу войны и грабежа. Весь мир стал сплошною ареною, полем сражения дельцов; финансовые крахи, инфляции, тарифные войны причиняли человечеству в течение двадцатого века больше вреда, чем война, мор и голод в самые мрачные годины древних времен, ибо быстрая смерть легче ужасной жизни.

Его собственная роль в историческом развитии была для него ясна. В результате развития механической цивилизации возникла новая сила, руководившая этим развитием,— Совет Опекунов. Поначалу, когда слились капиталы Уорминга и Избистера, это была лишь частная коммерческая компания, порожденная прихотью двух бездетных капиталистов, но вскоре, благодаря коллективному таланту первоначального своего состава, Совет приобрел громадное влияние и мало-помалу, прикрываясь различными фирмами и компаниями, с помощью купчих, ссуд и акций проник в государственные организмы Америки и Англии.

Пользуясь колоссальным влиянием, Совет очень быстро принял вид политической организации. Капитал он использовал для своих политических целей, а политическую власть — для увеличения капитала. В конце концов все политические партии обоих полушарий оказались в его руках; он стал тайным руководящим центром. Последнюю борьбу ему пришлось выдержать с крупными еврейскими банкирскими домами. Но их родственные связи были слабы; порядок наследования всегда мог оторвать от них часть капитала, легкомысленная женщина или безумец, браки и завещания отторгали от их богатств сотни тысяч. С Советом не могло быть ничего подобного: он рос упорно и непрерывно.

Первоначальный Совет состоял из двенадцати не только способных, но почти гениальных дельцов. Он смело захватил в свои руки не только богатства, но и

политическую власть; с удивительной предусмотрительностью тратил он громадные суммы на опыты по воздухоплаванию, скрывая результаты их до известного срока. Помимо законов о патентах, он пользовался разными полулегальными способами, чтобы поработить непокорных изобретателей. Он не упускал случая использовать способного человека. Он не жалел денег. Его политика была энергична, дальновидна. Совет встречал лишь случайный, неорганизованный отпор отдельных капиталистов, действовавших вразброд.

Через сто лет Грэхэм оказался почти неограниченным властелином Африки, Южной Америки, Франции, Англии и всех ее территорий в Северной Америке, а затем и Америки в целом. Совет закупил и организовал по-своему Китай, захватил Азию, задушил империи старого мира: сначала подорвал их финансы, а затем забрал в свои руки.

Этот захват всего мира проводился так ловко, что, прежде чем большинство людей заметило надвигающуюся на них тиранию, она была уже совершившимся фактом. Белый Совет, как Протей, искусно маскировал свои операции под видом разных банков, компаний, синдикатов. Совет никогда не колебался и не терял времени даром. Пути сообщения, земли, постройки, правительства, муниципалитеты, территориальные компании тропиков — все предприятия одно за другим прибирались к рукам. Совет обучал и дисциплинировал своих служащих, образовал свою собственную полицию, охрану на железных и шоссейных дорогах, предприятиях, при прокладке кабелей и каналов и при всяких работах в сельской местности. С рабочими союзами Совет не боролся, но разлагал их подкупами. В конце концов он купил весь мир. Последний же, решающий удар был нанесен развитием авиации.

Однажды Белый Совет во время конфликта с рабочими в одной из своих гигантских монополий прибег к незаконным способам борьбы и, отвергнув лицемерную комедию подкупов, бросив вызов старику Закону, возбудил против себя большое недовольство, чуть не восстание. Но не было ни армий, ни военных флотов — на земле давно царил мир. Единственный флот состоял из огромных паровых судов Союза Морской Торговли. Си-

лы полиции — железнодорожной, морской, сельской, городской — превосходили в десять раз армию прежних времен и силы муниципалитетов. В этот момент Совет ввел в действие летательные машины. Еще есть в живых люди, которые помнят яростные дебаты в лондонской палате общин, где партия противников Белого Совета, хотя она и была в меньшинстве, дала ему последний бой, и в конце концов все члены палаты выходили на террасу, чтобы взглянуть на необыкновенных крылатых чудовищ, плавно реявших у них над головой. Белый Совет победил. Исчезли последние остатки демократического строя, и воцарился всемогущий капитал.

По прошествии ста пятидесяти лет от начала летаргического сна Грэхэма Белый Совет сбросил маску и стал управлять миром от своего имени. Выборы сделались простой формальностью, торжественной комедией, разыгрывавшейся раз в семь лет, простым пережитком древности. Собиравшийся время от времени парламент представлял собою такое же утратившее всякое значение собрание, каким был церковный собор во времена Виктории, а лишенный трона, слабоумный, спившийся король Англии кривлялся на сцене второразрядного мюзик-холла.

Так рассеялись пышные сны девятнадцатого столетия, возвышенные мечты о всеобщей свободе и о всеобщем счастье, и над утратившим чувство чести, вырождающимся, морально искалеченным человечеством, преклоняющимся перед золотым тельцом, отравленным привитой с детства бессмысленной религиозной враждой, при содействии подкупленных изобретателей и беспринципных дельцов, воцарилась тирания — сперва тирания воинствующей плутократии, а потом одного верховного плутократа. Совет уже не заботился о том, чтобы его декреты санкционировались конституционной властью, и вот Грэхэм — неподвижное, осунувшееся, обтянутое желтой кожей, безжизненное тело — стал единственным всеми признанным Правителем Земли. И теперь он проснулся, чтобы получить наследство, чтобы встать здесь, под пустым безоблачным небом, и взглянуть вниз на свои беспредельные владения.

Для чего же он проснулся? Разве этот город, этот

улей, где день и ночь трудились миллионы рабочих, не опровергает его былые мечты? Или огонь свободы, тот огонь, что теплился в далекие времена, все еще тлеет там, внизу? Он вспомнил пламенные, вдохновенные слова революционной песни. Неужели эта песня не более как выдумка демагога, которую забудут, когда минет в ней надобность? Неужели мечта, которая и теперь еще живет в нем,— только воспоминание о прошлом, остаток исчезнувшей веры? Или мечте суждено осуществиться и человечеству суждена лучшая будущность? Для чего же он пробудился? Что должен он делать?

Человечество внизу раскинулось перед ним, как на карте. Он подумал о миллионах человеческих существ, которые возникают из тьмы небытия и исчезают во тьме смерти. Какова же цель жизни? Цель должна быть, но она выше его понимания.

Впервые в жизни он почувствовал себя таким маленьким и бессильным, ощутил во всей полноте трагическое противоречие между извечными стремлениями нашего духа и слабостью человеческой. В эти краткие мгновения он осознал все свое ничтожество и по контрасту — всю глубину и силу своих устремлений. И внезапно ему стало прямо невыносимо это сознание собственного ничтожества, полной своей неспособности осуществить маячившую перед ним великую цель, и ему страстно захотелось молиться. И он начал молиться. Он молился сумбурно, бессвязно, то и дело противореча самому себе; душа его, стряхнув оковы времени и пространства, отрешившись от бурной, кипучей земной суеты, устремлялась ввысь, к какому-то неведомому существу, которому он не находил даже имени, но знал, что оно одно может понять и принять и его самого и его заветные чаяния.

Внизу, на городской кровле, стояли мужчина и женщина, наслаждаясь свежестью утреннего воздуха. Мужчина вынул подзорную трубу и, наведя ее на дом Белого Совета, показывал своей спутнице, как пользоваться ею. Наконец любопытство их было удовлетворено; ни малейших следов кровопролития не могли они заметить со своего места. Поглядев в пустынное небо, женщина навела трубу на Воронье Гнездо и увидела две черные фигурки, такие крошечные, что с трудом мож-

но было поверить, что это люди. Один стоял неподвижно, другой жестикулировал, простирая руки к безмолвным пустынным небесам.

Женщина передала трубу мужчине, который, взглянув, воскликнул:

— Неужели это он? Да. Я не ошибся. Это действительно он, наш властелин! — Опустив трубу, он взглянул на женщину.— Он простирает руки к небу, как будто молится. Странно. Ведь в его время уже не было огнепоклонников. Не правда ли? — Он снова посмотрел в трубу.— Теперь он стоит спокойно. Вероятно, он случайно принял такую позу...— Мужчина опустил трубу и задумался.— Что ему делать, как не наслаждаться жизнью? Острог будет править. Он приберет к рукам этих глупцов-рабочих с их песнями. Подумать только! Сделаться обладателем всего на свете благодаря сну! Как это удивительно!

ГЛАВА XV

ИЗБРАННОЕ ОБЩЕСТВО

Апартаменты начальника ветряных двигателей и архитектура их показались бы Грэхэму очень сложными и запутанными, если бы он вошел туда под свежим воспоминанием жизни девятнадцатого столетия, но теперь он уже успел освоиться со стилем нового времени. Это был своего рода лабиринт арок, мостов, проходов и галерей, то разъединяющихся, то соединяющихся в одном большом зале.

Через уже ставшую привычной скользящую дверь в стене Грэхэм вышел на площадку, откуда вела вниз широкая роскошная лестница, по которой спускались и поднимались разряженные мужчины и женщины.

Отсюда хорошо были видны матово-белые, розовато-лиловые и пурпурные архитектурные украшения, сложный узор переходов, соединенных мостами, которые, казалось, были сделаны из фарфора и серебра филигранной работы; в глубине зала стояли туманные, полупрозрачные таинственные экраны.

Взглянув наверх, он увидел громоздившиеся ярусами галереи, откуда на него смотрел народ. Воздух дрожал

от гула бесчисленных голосов, звуков веселой, бравурной музыки, раздававшейся откуда-то сверху, откуда — он никак не мог понять.

Хотя центральный зал был переполнен, места хватало всем; собралось несколько десятков тысяч. Все были одеты роскошно, даже причудливо, не только женщины, но и мужчины. Пуританская простота и строгость мужского костюма уже давно отошли в область преданий. Волосы у большинства мужчин были короткие и тщательно завитые, лысых совсем не было. Такие прически привели бы в восхищение Россетти, а один из кавалеров, приставленный к Грэхэму под таинственным титулом «амориста», носил женскую прическу, пышные косы в стиле Маргариты. У многих были косички, как у китайцев, быть китайцем уже не считалось зазорным. Одежды были самые разнообразные. Статные мужчины щеголяли в коротких, до колен, панталонах. Встречались буфы, колеты с разрезами, короткие плащи, длинные мантии.

Преобладал стиль времен Льва X, а также костюмы в восточном вкусе. Чопорность мужской одежды, плотно облегающей фигуру, и на все пуговицы застегнутые вечерние костюмы сменились изящной грациозностью свободно лежащих складок. Грэхэму, чопорному человеку чопорного времени, все эти мужчины казались не только утонченными, но и чересчур экспансивными. Они бурно жестикулировали и непринужденно выражали удивление, интерес, восхищение, отнюдь не скрывая тех чувств, какие возбуждали в них дамы.

С первого взгляда было видно, что женщины преобладали. Они отличались от мужчин одеждой, походкой и манерами, менее выразительными, но зато более вычурными. Некоторые носили классические одеяния со складками стиля ампир, их обнаженные плечи и руки сверкали белизной. Были и плотно облегающие фигуру платья, без швов и пояса, а также длинные одеяния, ниспадавшие пышными складками. Минуло уже два столетия, но мода на вечерние откровенные туалеты, очевидно, не прошла. Движения и жесты поражали своей пластичностью.

Грэхэм заметил Линкольну, что все эти люди напоминают ему персонажи на рисунках Рафаэля. Линкольн

ответил, что в богатых семьях при воспитании детей на изящество жестов обращают большое внимание.

Появление Грэхэма было встречено сдержанными рукоплесканиями. Впрочем, он быстро убедился в благовоспитанности этой публики: вокруг него никто не теснился, его не засыпали вопросами. Грэхэм спокойно спустился по лестнице в зал. Он уже знал от Линкольна, что здесь собралось высшее общество Лондона. Почти все были важными государственными людьми или их близкими. Многие приехали из европейских Городов Наслаждения с единственной целью приветствовать его. Здесь были командиры воздушных флотилий, чей переход на сторону Грэхэма способствовал падению Совета, инженеры Управления Ветряных Двигателей и высшие чины Пищевого Треста. Контролер Европейских Свинарников отличался меланхолической внешностью и утонченно циническими манерами. Мимо прошел в полном облачении епископ, беседуя с джентльменом, одетым в традиционный костюм Чосера, с лавровым венком на голове.

— Кто это? — спросил Грэхэм.

— Лондонский епископ,— ответил Линкольн.

— Нет, тот, другой...

— Поэт-лауреат.

— Неужели до сих пор..

— О нет, он не пишет стихов. Это кузен Уоттона, одного из советников. Но он придерживается традиций роялистов Красной Розы — это один из лучших клубов.

— Асано говорил мне, что здесь есть король.

— Не король, он уж давно изгнан. Вероятно, он говорил о ком-нибудь из Стюартов, но их...

— Разве их много?

— Даже чересчур.

Грэхэм не совсем понял, но не стал расспрашивать, видимо, все это было в порядке вещей. Он любезно раскланялся с человеком, которого ему представили. Очевидно, даже в этом собрании существует своя иерархия и лишь некоторые, наиболее важные персоны будут представлены ему Линкольном. Первым подошел начальник аэрофлота, обветренное, загорелое лицо которого резко выделялось среди изысканной публики. Отпадение

от партии Белого Совета сделало его весьма важною особою.

Простотой своего обращения он выгодно отличался от большинства присутствующих. Он заявил о своей лояльности, сделал несколько общих замечаний и участливо справился о состоянии здоровья Правителя Земли. Он держал себя непринужденно и говорил не так отрывисто, как остальные. Он назвал себя «воздушным бульдогом», и выражение это не казалось бессмыслицей, это был мужественный человек старого закала, не претендующий на большие познания и сведущий только в своем деле. Откланявшись без малейшего подобострастия, он удалился.

— Я рад видеть, что такие люди еще не перевелись,— сказал Грэхэм

— Фонографы и кинематографы,— слегка презрительно заметил Линкольн.— А этот прошел суровую школу жизни.

Грэхэм посмотрел вслед аэронавту. Эта мужественная фигура напомнила ему прежние времена.

— Как бы там ни было, мы подкупили его,— сказал Линкольн.— Отчасти подкупили, отчасти же он боялся Острога. С его переходом дело быстро пришло к концу.

Он повернулся, чтобы представить Грэхэму главного инспектора Школьного Треста. Это был высокий изящный человек в голубовато-сером костюме академического покроя. Он поглядывал на Грэхэма сквозь старомодное пенсне и сопровождал каждое свое замечание жестом холеной руки. Грэхэм справился о его обязанностях и задал несколько самых элементарных вопросов. Главного инспектора, по-видимому, забавляла полная неосведомленность Правителя Земли. Он вкратце рассказал о монополии треста в деле воспитания; монополия эта возникла вследствие контракта, заключенного трестом с многочисленными муниципалитетами Лондона; он с энтузиазмом говорил об огромном прогрессе в области воспитания за последние двести лет.

— У нас нет заучивания и зубрежки,— сказал он,— никакой зубрежки. Экзамены окончательно упразднены. Вы довольны, не правда ли?

— Как же вы добились этого? — спросил Грэхэм.

— Мы делаем учение увлекательным, насколько это возможно. А если что-нибудь не нравится ученикам, то мы пропускаем это. У нас ведь обширное поле для изучения.

Он перешел к деталям, и разговор затянулся. Инспектор с большим почтением упомянул имена Песталоцци и Фребеля, хотя, по-видимому, не был знаком с их замечательным учением.

Грэхэм узнал, что лекционный метод преподавания еще существует, но в несколько измененной форме.

— Есть, например, особый тип девиц,— пояснил словоохотливый инспектор,— которые желают учиться, не слишком себя утруждая. Таких у нас тысячи. В настоящий момент,— произнес он с наполеоновским жестом,— около пятисот фонографов в различных частях Лондона читают лекции о влиянии Платона и Свифта на любовные увлечения Шелли, Хэзлитта и Бернса. Потом они на основании этой лекции напишут сочинение, и имена наиболее достойных станут широко известны. Вы видите, как далеко мы шагнули. Безграмотные массы ваших дней отошли в область преданий.

— А общественные начальные школы? — спросил Грэхэм.— Вы ими заведуете?

— Конечно,— ответил главный инспектор.

Грэхэм, давно занимавшийся, как демократ, этим вопросом, заинтересовался и начал расспрашивать. Он вспомнил несколько случайных фраз болтливого старика, с которым столкнулся на темной улице. Главный инспектор подтвердил слова старика.

— У нас нет заучивания,— повторил он, и Грэхэм понял эту фразу в том смысле, что теперь нет напряженного умственного труда. Инспектор вдруг ударился в сентиментальность.

— Мы стараемся сделать начальную школу интересной для маленьких детей. Ведь их в недалеком будущем ждет работа. Несколько простых правил: послушание, трудолюбие.

— Значит, вы учите их немногому?

— Разумеется. Излишнее учение ведет к недовольству и смуте. Мы забавляем их. Вот теперь повсюду волнение, агитация. Откуда только наши рабочие нахва-

тались всех этих идей? Друг от друга, вероятно. Повсюду социалистические бредни, анархия! Агитаторам предоставлено широкое поле деятельности. Я глубоко убежден, что главная моя обязанность — это бороться с недовольством народа. Зачем народу чувствовать себя несчастным?

— Удивляюсь,— проговорил Грэхэм задумчиво.— Многое мне еще непонятно.

Линкольн, который в течение разговора внимательно следил за выражением лица Грэхэма, поспешил вмешаться.

— Другие ждут,— сказал он вполголоса.

Главный инспектор церемонно откланялся.

— Быть может,— заметил Линкольн, уловив случайный взгляд Грэхэма,— вы хотели бы познакомиться с дамами?

Дочь управляющего свинарниками Европейского Пищевого Треста оказалась очаровательной маленькой особой с рыжими волосами и блестящими синими глазами. Линкольн отошел в сторону. Девушка сразу же заявила, что она поклонница «доброго старого времени»— так назвала она то время, когда он впал в летаргию. Она улыбалась, кокетливо прищурив глаза.

— Я не раз пыталась,— болтала она,— представить себе это старое романтическое время, которое вы помните. Каким странным и шумным должен был показаться вам наш мир! Я видела фотографии и картины того времени — маленькие домики из кирпичей, сделанных из обожженной глины, черные от копоти ваших очагов, железнодорожные мосты, простые наивные объявления, важные, суровые пуритане в странных черных сюртуках и громадных шляпах, поезда, железные мосты, лошади, рогатый скот, одичавшие собаки, бегающие по улицам... И вдруг чудом вы перенеслись в наш мир.

— Да,— машинально повторил Грэхэм.

— Вы вырваны из прежней жизни, дорогой и близкой вам.

— Старая жизнь не была счастливой,— ответил Грэхэм.— Я не жалею о ней.

Она быстро посмотрела на него и сочувственно вздохнула.

— Нет?

— Нет, не жалею,— продолжал Грэхэм.— Это была ничтожная, мелкая жизнь. Теперь же... Мы считали наш мир весьма сложным и цивилизованным. Но хотя я успел прожить в этом новом мире всего четыре дня, вспоминая прошлое, я ясно вижу, что это была эпоха варварства, лишь начало современного мира. Да, только начало. Вы не поверите, как мало я знаю.

— Что ж, расспросите меня, если угодно,— улыбнулась девушка.

— В таком случае скажите мне, кто эти люди. Я до сих пор никого не знаю. Никак не могу понять. Что это, генералы?

— В шляпах с перьями?

— Ах, нет. Вероятно, это важные должностные лица. Кто, например, вот этот внушительного вида человек?

— Этот? Очень важная особа. Морден, главный директор Компании Противожелчных Пилюль. Говорят, его рабочие производят в сутки мириад мириадов пилюль. Подумайте только — мириад мириадов!

— Мириад мириадов. Не мудрено, что он так гордо на всех посматривает,— сказал Грэхэм.— Пилюли! Какое странное время! Ну, а этот, в пурпурной одежде?

— Он не принадлежит, собственно говоря, к нашему кругу. Но мы любим его. Он очень умен и забавен. Это один из старшин медицинского факультета Лондонского университета. Вы, конечно, знаете, что все медики — члены Компании Медицинского Факультета и носят пурпур. Для этого нужны знания. Но, конечно, раз им платят за их труд...— И она снисходительно улыбнулась.

— Есть здесь кто-нибудь из ваших известных артистов и авторов?

— Ни одного автора. По большей части это сварливые, самовлюбленные чудаки. Они вечно ссорятся. Даже из-за мест за столом. Они прямо невыносимы! Но Райсбюри, наш модный капиллотомист, я думаю, здесь. Он с Капри.

— Капиллотомист? — повторил Грэхэм.— Ах, да, припоминаю. Артист! Ну, и что же?

— Нам поневоле приходится за ним ухаживать,— сказала она, как бы извиняясь.— Ведь наши головы в его руках.— Она улыбнулась.

Грэхэм с трудом удержался от комплимента, на который она явно напрашивалась, но взгляд его был достаточно красноречив.

— Как у вас обстоит дело с искусством? — спросил он.— Назовите мне ваших знаменитых живописцев!

Девушка посмотрела на него недоумевающе. Потом рассмеялась.

— Разрешите мне подумать,— сказала она и замялась.— Вы, конечно, имеете в виду тех чудаков, которых все ценили за то, что они мазали масляными красками по холсту? Их полотна ваши современники вставляли в золотые рамы и целыми рядами вешали на стенах в своих квадратных комнатушках. У нас теперь их нет и в помине. Людям надоела вся эта дребедень.

— Но что же вы подумали?..

В ответ она многозначительно приложила палец к вспыхнувшей неподдельным румянцем щеке и, улыбаясь, с лукавым кокетством, вызывающе посмотрела на него.

— И здесь,— прибавила она, указывая на свои ресницы.

Несколько мгновений Грэхэм недоумевал. Но вдруг в памяти его воскресла старинная картина «Дядя Том и вдова». И он смутился. Он чувствовал, что тысячи глаз с любопытством устремлены на него.

— Хорошо,— ответил Грэхэм невпопад и отвернулся от очаровательной обольстительницы. Он огляделся по сторонам. Да, за ним наблюдали, хотя и делали вид, что не смотрят на него. Неужели он покраснел?

— Кто это разговаривает с дамою в платье шафранного цвета? — спросил он, стараясь не смотреть в глаза девушке.

Человек, заинтересовавший Грэхэма, оказался директором одного из американских театров и только что вернулся из Мексики. Лицо его напомнило Грэхэму Калигулу, бюст которого он когда-то видел.

Другой мужчина, привлекший внимание Грэхэма, оказался начальником Черного Труда. Значение этой долж-

ности не сразу дошло до сознания Грэхэма, но через миг он повторил с удивлением:

— Начальник Черного Труда?..

Девушка, ничуть не смущаясь, указала ему на хорошенькую миниатюрную женщину, назвав ее добавочной женой лондонского епископа.

Она даже похвалила смелость епископа, ибо до сих пор духовенство обычно придерживалось моногамии.

— Это противоестественно. Почему священник должен сдерживать свои естественные желания, ведь он такой же человек, как и все?

— Между прочим,— спросила вдруг она,— вы принадлежите к англиканской церкви?

Грэхэм хотел было спросить, что означает название «добавочная жена»,— по-видимому, это было ходячее словечко,— но Линкольн прервал этот интересный разговор. Они пересекли зал и подошли к человеку высокого роста в малиновом одеянии, который стоял с двумя очаровательными особами в бирманских (как показалось Грэхэму) костюмах. Обменявшись приветствиями, Грэхэм направился дальше.

Пестрый хаос первых впечатлений начал принимать более четкую форму. Сперва вид этого блестящего собрания пробудил в нем демократа, и он начал ко всему относиться враждебно и насмешливо. Но так уж устроен человек — он не в силах долго противостоять окружающей его атмосфере лести.

Скоро его захватили музыка, яркий свет, игра красок, блеск обнаженных рук и плеч, рукопожатия, множество оживленных и улыбающихся лиц, гул голосов, наигранно приветливые интонации, атмосфера лести, внимания и почтения. На время он забыл о своих размышлениях там, на вышке.

Неприметно власть начала опьянять его; манеры его стали непринужденнее, жесты величественнее, поступь увереннее, голос громче и тверже; черная мантия драпировалась эффектными складками.

Все же новый мир так очарователен!

Он скользил восхищенным взглядом по пестрой толпе, с добродушной иронией вглядываясь в отдельные лица. Внезапно ему пришло в голову, что он должен

«КОГДА СПЯЩИЙ ПРОСНЕТСЯ»

«КОГДА СПЯЩИЙ ПРОСНЕТСЯ»

извиниться перед этим маленьким очаровательным созданием с рыжими волосами и голубыми глазами. Он обошелся с ней грубо. Недостойно царственной особы так резко обрывать эту милую кокетку, даже если он из политических соображений должен ее отвергнуть. Он хотел еще раз увидеть ее, но вдруг оглянулся, и блестящее собрание померкло в его глазах.

На фарфоровом мостике промелькнуло лицо той молодой девушки, которую он видел прошлой ночью в небольшой комнате за сценой театра, после своего побега из здания Белого Совета. Она глядела на него, точно чего-то ожидая, внимательно следя за всеми его движениями. В первый момент Грэхэм даже не мог припомнить, где он ее видел, затем, вспомнив, снова пережил их волнующую встречу. Но бальная музыка еще заглушала величественные звуки революционной песни.

Дама, с которой он в это время разговаривал, принуждена была повторить свое замечание, прежде чем Грэхэм пришел в себя и вернулся к прерванному снисходительному флирту.

Им овладела какая-то тревога, перешедшая в ощущение недовольства, точно он забыл выполнить что-то важное, ускользнувшее от него среди блеска и света. Его уже перестала привлекать красота окружающих женщин. Он оставлял без ответа изящные заигрывания дам, все эти завуалированные объяснения в любви, и взгляд его блуждал по толпе, напрасно стараясь отыскать прекрасное лицо, так его поразившее.

Линкольн вскоре вернулся и сказал, что, если погода будет хорошая, они совершат полет; он уже сделал все нужные распоряжения.

На одной из верхних галерей Грэхэм заговорил с некоей светлоглазой дамой об идемите. Эту тему затронул он сам, прервав деловым вопросом ее уверения в горячей преданности. Однако она, как и многие другие женщины новейших времен, оказалась менее осведомленной в этом вопросе, чем в искусстве обольщения.

Вдруг сквозь плавные звуки бальной музыки ему почудилась мощная уличная революционная песня, которую он слышал в зале театра.

Подняв голову, он увидел отверстие вроде иллюминатора, через которое, очевидно, проникали звуки. В от-

верстии виднелся клочок синего неба, сплетения кабелей и огни движущихся улиц. Пение внезапно оборвалось и перешло в гул голосов. Теперь он ясно различал грохот и лязг движущихся платформ и шум толпы. Ему смутно подумалось, что там, за стенами, собралась громадная толпа перед зданием, где забавляется Правитель Земли. Что они подумают?

Пение прекратилось, зазвучала бальная музыка, но мотив революционного гимна все еще раздавался в ушах Грэхэма.

Светлоглазая собеседница что-то сбивчиво объясняла об идемите. Вдруг перед ним снова мелькнуло лицо виденной им в театре девушки. Она шла по галерее навстречу, не замечая его. На ней было блестящее серое платье; волосы обрамляли ее лоб темным облаком. Холодный свет из круглого отверстия освещал ее задумчивые черты.

Собеседница заметила, что лицо Грэхэма изменилось, и воспользовалась случаем прекратить неприятный для нее разговор об идемите.

— Не хотите ли вы познакомиться с этой девушкой, сир? — предложила она.— Это Элен Уоттон, племянница Острога. Очень серьезная и образованная девушка. Я уверена, что она понравится вам.

Через несколько мгновений Грэхэм уже разговаривал с девушкой, а светлоглазая дама куда-то упорхнула.

— Я помню вас,— сказал Грэхэм.— Вы находились в маленькой комнате. Когда весь народ пел гимн и отбивал такт ногами. Перед тем как я вышел в зал...

Девушка, сначала немного смутившаяся, спокойно взглянула на Грэхэма.

— Это было так чудесно,— сказала она и затем вдруг добавила:— Весь народ готов был умереть за вас, сир! Как много людей погибло за вас в ту ночь!

Лицо ее вспыхнуло. Она быстро оглянулась по сторонам, чтобы убедиться, что никто ее не слышит.

На галерее появился Линкольн; он медленно пробирался сквозь густую толпу. Увидев его, девушка обернулась к Грэхэму и сказала горячо и доверчиво:

— Сир, я не могу всего сказать вам. Но знайте, что простой народ очень несчастен, простой народ очень несчастен. Его угнетают... Не забывайте народа, который шел навстречу смерти за вас.

— Но я ничего не знаю...— начал Грэхэм.

— Я не могу теперь говорить.

К ним подошел Линкольн и раскланялся с девушкой.

— Ну, как вам понравился новый мир? — спросил он, улыбаясь и указывая многозначительным жестом в сторону блестящего зала.— Во всяком случае, вы нашли, что он сильно изменился?

— Да,— ответил Грэхэм,— мир изменился. Но не так уж сильно.

— Посмотрим, что вы скажете, когда окажетесь в воздухе,— возразил Линкольн.— Ветер утих, и аэроплан уже ждет вас.

Девушка, по-видимому, хотела удалиться.

Грэхэм взглянул на нее и хотел задать какой-то вопрос, но, заметив на ее лице предостерегающее выражение, промолчал и, поклонившись, удалился вместе с Линкольном.

ГЛАВА XVI

АЭРОПИЛ

Грэхэм шел, задумавшись, по коридорам Управления Ветряных Двигателей и плохо слушал то, что говорил ему Линкольн. Но вскоре он заинтересовался: Линкольн говорил о воздухоплавании.

Грэхэм давно уже хотел ознакомиться с достижениями человечества в этой области. Он начал расспрашивать Линкольна. В прежней своей жизни он с интересом следил за первыми неуклюжими шагами авиации и был доволен, узнав, что знакомые ему имена Максима, Пильчера, Ленглея и Ченута, а главное, первомученика авиации — Лилиенталя и теперь еще живы в памяти людей.

Еще в прежние времена изобретатели выработали два различных типа летательных машин: большие, приводи-

мые в движение моторами аэропланы с двумя горизонтальными плоскостями и мощным пропеллером и быстролетные аэропилы.

Аэропланы могут летать при тихой погоде или при слабом ветре, а во время бурь, которые уже научились точно предсказывать, вынуждены бездействовать. Аэропланы строят огромных размеров — они обычно бывают длиною до тысячи футов, а ширина их распростертых крыльев достигает шестисот и более футов. Такие машины предназначены для пассажирского движения. Кабины имеют в длину около пятисот метров и устроены так, чтобы по возможности уменьшать качку, вызываемую даже незначительным ветром. Во время путешествия каждый пассажир сидит на кресле, которое может свободно передвигаться. Подъем этих аэропланов возможен только со специальных гигантских платформ. Из Вороньего Гнезда Грэхэм видел шесть обширных аэродромов, снабженных особыми передвижными площадками.

Для посадки аэропланов также необходима ровная поверхность. Не говоря уже о том разрушении, которое могло бы причинить при посадке такое металлическое чудовище, и невозможности для него снова подняться на воздух, одного удара его о неровную поверхность, например, о лесистый холм, вполне достаточно, чтобы погнуть и поломать машину или погубить всех пассажиров.

Сначала Грэхэм был разочарован, узнав недостатки этого изобретения, но затем понял, что и меньшие по размеру машины оказались бы в таких же условиях и вдобавок были бы убыточными, так как грузоподъемность их уменьшается не пропорционально величине, а гораздо быстрей. Кроме того, колоссальная масса этих аэропланов позволяет им лететь с огромной скоростью и удаляться от надвигающейся бури. Рейс из Лондона в Париж совершается в три четверти часа при сравнительно небольшой скорости; продолжительность перелета в Нью-Йорк — два часа; путешествие вокруг света при хорошей погоде без лишних остановок можно совершить в течение суток.

Совсем другого типа небольшие аэропилы (названные так, впрочем, без особого основания). Их доволь-

но много летало над городом. Они могут поднять одного-двух пассажиров, но стоят довольно дорого и доступны только богатым людям. Они состоят из двух ярко окрашенных плоскостей, сзади которых находится пропеллер, могут легко садиться в любом открытом месте и снабжены пневматическими колесами и моторами для передвижения по земле к месту взлета.

Для того, чтобы взлететь, они нуждаются в особой передвижной платформе, которая может быть установлена на любом месте, где не мешают взлету ни строения, ни деревья.

Таким образом, Грэхэм убедился, что, несмотря на истекшие два столетия, человек в искусстве полета во многом еще уступает альбатросу и ласточке. Вероятно, можно было бы значительно усовершенствовать эти механизмы, но для этого не было повода — дело в том, что они ни разу не применялись для военных целей. Последняя великая мировая война разыгралась еще до того, как Белый Совет узурпировал власть.

Лондонские аэродромы сконцентрированы на южном берегу реки и расположены по неправильной кривой. Они разделены на три группы, по две с каждой, и сохранили названия древних пригородов: Рохэмптон, Уимблдон-парк, Стритхэм, Норвуд, Блэкхиз и Шутерсхилл. Устроены они высоко над кровлей города. В длину каждый имеет четыре тысячи ярдов, в ширину — тысячу ярдов, и сделаны они из сплава железа с алюминием, который заменил в постройках железо. Верхний этаж их состоит из металлических ферм с лестницами и лифтами. Наверху находятся платформы, передвигающиеся по наклонным рельсам. Некоторые из них были заняты аэропилами и аэропланами, остальные же свободны и готовы принять новые аппараты.

Публика ожидает отправления аэропланов в нижних этажах сооружения, где находятся театры, рестораны, читальни и другие места развлечений, а также роскошные магазины. Эта часть Лондона считается самой оживленной, и там царят веселье и распущенность, как в приморском порту или в курзалах.

А для тех, кто отправляется в воздушное путешествие с серьезными целями, религиозные организации построили множество красивых часовен; имеются также

превосходно оборудованные медицинские пункты. Здесь узел городских подвижных путей, и, кроме того, внутри здания выстроены лифты и лестницы для сообщения между этажами, чтобы избежать скопления пассажиров и багажа. Архитектура сооружений отличается массивностью: целый лес металлических колонн и устоев выдерживает тяжесть верхних этажей и аэропланов.

Сопровождаемый Асано, Грэхэм направился к аэродромам по городским путям. Линкольна отозвал Острог, занятый административными делами. Отряд охраны ветряных двигателей очистил для них место на верхней платформе. Хотя поездка Грэхэма к аэродромам была неожиданной, все же за ним последовала большая толпа народа. Он слышал, как выкрикивали его имя. Множество мужчин, женщин и детей, одетых в синее, крича и волнуясь, взбирались по лестницам на центральный путь. Он не мог понять, что они кричали, но его удивило, что они говорили на простонародном жаргоне. Когда наконец он вышел, охрану окружила густая возбужденная толпа. Он заметил, что некоторые старались пробраться к нему с прошениями, и охрана с большим трудом расчищала проход.

Один из аэропилов с дежурным аэронавтом стоял на западной летной площадке. Вблизи механизм совсем не казался маленьким. Алюминиевый скелет, лежавший на подвижной платформе посреди обширного аэродрома, был величиной с двадцатитонную яхту. Боковые стекловидные его плоскости, с сетью металлических нервов, совсем как прожилки на пчелином крыле, отбрасывали тень на пространство в несколько сот квадратных метров. Посредине, между металлическими ребрами, были подвешены на тросах сиденья для пилота и пассажира. Кресло для пассажира спереди было защищено от ветра стеклом и снабжено с боков металлической решеткой, затянутой прозрачною тканью. Сиденье можно было совершенно закрыть, но Грэхэм, для которого все это было ново и интересно, приказал оставить его открытым. Аэронавт сидел за стеклом, которое защищало ему лицо. Пассажир при желании мог закрепить свое кресло неподвижно, что при спуске было даже необходимо, или же передвигаться

на нем по рельсам и тросу к шкафчику на носу корабля, где помещались багаж, одежда и провизия, что вместе с сиденьями уравновешивало центральную часть аэропила с пропеллером, находившимся на корме.

Машина на вид казалась очень простой. Асано, указывая на различные части механизма, объяснял Грэхэму, что мотор, подобно старым газовым двигателям, зажигается взрывом и при каждом обороте сжигает каплю особого вещества — «фомайль». Он состоит из цилиндра и клапана и приводит в движение пропеллер. Вот и все, что Грэхэм узнал.

Летная площадка была пуста и безлюдна. Грэхэма сопровождали туда Асано и несколько человек из охраны. По указанию аэронавта он занял свое место и выпил микстуру эрготина — он знал уже, что вещество это всякий раз принимается перед полетом, чтобы предупредить вредное влияние разреженного воздуха. Выпив лекарство, он заявил, что готов. Асано, просунувшись в отверстие фюзеляжа, принял от него бокал и махнул на прощание рукой. Затем аэропил стал быстро скользить по площадке и вскоре исчез в воздушном просторе.

Мотор гудел, пропеллер быстро вращался; платформа и здания внизу стремительно уплывали назад, скрываясь из виду. Потом аэропил круто наклонился, и Грэхэм инстинктивно ухватился за прутья по сторонам сиденья. Он чувствовал, что несется вверх, и слышал, как ударяет в стекло воздух. Пропеллер бешено вращался; машина дрожала и вибрировала во время полета, точно пульсировала: раз, два, три — пауза, раз, два, три. Пилот внимательно и осторожно регулировал механизм. Грэхэм поглядел вниз сквозь ребра аэропила: городские кровли со страшной быстротой уносились вдаль, быстро уменьшаясь. Глядя по сторонам, он не замечал ничего особенно замечательного — быстрое движение по фуникулеру может доставить те же ощущения. Вдали виднелось здание Белого Совета и Хайгет-Ридж. Грэхэм опять взглянул вниз.

В первый миг им овладело чувство физического ужаса, сознание страшной опасности. Он судорожно ухватился за тросы и замер. Несколько мгновений он, как загип-

нотизированный, смотрел вниз. На глубине нескольких сот метров под ним находился один из самых больших ветряных двигателей юго-западной части Лондона, а за ним — южный аэродром, усеянный черными точками.

Все это провалилось куда-то в бездну. На мгновение его потянуло броситься вниз. Он стиснул зубы, усилием воли оторвал взгляд от бездны, и панический ужас прошел.

Некоторое время он сидел, крепко стиснув зубы и глядя в небо. «Тук-тук-тук» — отстукивал мотор. Крепко держась за тросы, он взглянул на аэронавта и уловил на его загорелом лице улыбку. Грэхэм тоже улыбнулся, но улыбка получилась неестественной. «Странное ощущение испытываешь в первый раз»,— крикнул он, как бы извиняясь, и вновь принял величественную осанку. Он больше не решался смотреть вниз и глядел через голову аэронавта на голубое небо у горизонта. Он не мог подавить мысль о возможности катастрофы. Тук-тук-тук,— а вдруг испортится какой-нибудь винтик в машине? Вдруг... Он отгонял эти мрачные мысли, стараясь позабыть об опасности. А аэропил поднимался все выше и выше в прозрачном воздухе.

Мало-помалу Грэхэм освоился, и неприятное ощущение рассеялось; полет стал казаться ему даже приятным. Его предупреждали о воздушной болезни. Но ничего особенного он не чувствовал; движения аэропила, летящего вверх навстречу юго-западному бризу, напоминали ему килевую качку небольшого судна при свежем ветре, а он был неплохой моряк. Резкий разреженный воздух казался ему легким и бодрящим. Подняв голову, он увидел голубое небо в перистых облаках. Осторожно посмотрев между тросами, он увидел вереницу белых птиц, летевших внизу. Некоторое время он следил за ними. Затем, осмелев, взглянул еще ниже и увидел Воронье Гнездо над ветряными двигателями, золотившееся в лучах солнца и быстро уменьшавшееся. За линией голубоватых холмов круто поднимались гигантские кровли Лондона. Позабыв всякий страх, Грэхэм с удивлением смотрел на город, который отсюда казался отвесной стеной, пересеченной террасами, обрывом высотой в несколько сот футов.

Широкого кольца предместий, составлявших постепенный переход от города к деревне,— характерной черты всякого большого города девятнадцатого столетия — больше не существовало. От них остались только развалины, вокруг которых густо разрослись старые сады, темнели бурые квадраты пашен и тянулись полосы вечнозеленых растений. Но большая часть руин, остатки вилл и дач еще громоздились по сторонам прежних улиц и дорог и темнели рифами среди волн зеленых и бурых квадратов; давно покинутые своими обитателями, развалины эти оказались, очевидно, очень массивными и не исчезли под дружным напором сельскохозяйственных машин.

Растительность буйно клубилась вокруг, захлестывая обрушившиеся стены бесчисленных домов прибоем куманики, остролиста, плюща, ворсянки и бурьяна. Изредка среди развалин поднимались загородные рестораны, соединенные с городом кабельной сетью дорог. В этот ясный зимний день они были пусты так же, как и сады среди руин. Граница города выделялась столь же резко, как и в те времена, когда городские ворота запирались на ночь и вокруг стен рыскали разбойничьи шайки. Из-под громадного полукруглого свода вытекал поток, устремляясь по идемитовому руслу,— это был торговый канал.

Вот какая панорама развернулась перед Грэхэмом, но она быстро скрылась из глаз. Когда наконец он взглянул прямо вниз, то увидел долину Темзы, по которой тянулись коричневые полосы полей, пересеченные сверкающими нитями канализационных труб.

Возбуждение Грэхэма все возрастало и перешло в какой-то экстаз. Как бы в опьянении, глубоко вдыхая разреженный воздух, он стал смеяться. Ему захотелось кричать, и, наконец не в силах более сдерживаться, он закричал во весь голос.

Аэропил поднялся уже почти до предельной высоты и повернул к югу. Грэхэм заметил, что при управлении аппаратом в его крыльях то открывались, то закрывались затянутые мембраной клапаны, а мотор аэропила ходил взад и вперед по стержню. Передвигая мотор вперед и открывая клапан левого крыла, аэронавт придавал аэропилу горизонтальное положение и держал направле-

ние к югу. Они взяли немного влево и летели, то круто вздымая вверх, то плавно опускаясь. Это быстрое скольжение вниз было очень приятно. Во время спуска пропеллер останавливался. При подъеме Грэхэм испытывал чувство победы над стихией, при спуске в разреженном воздухе также возникали сильные, ни с чем не сравнимые ощущения. Грэхэму не хотелось покидать верхние слои атмосферы.

Некоторое время он внимательно рассматривал ландшафт, быстро уносившийся к северу. Ему нравились четкость и ясность деталей. Его поражали бесконечные развалины домов, которыми некогда пестрела страна, безлесная пустыня с кучами щебня, остатками прежних деревень и ферм. Правда, он слыхал уже об этом, но все же был удивлен. Он старался различить на дне этой пустой бездны знакомые места, но теперь, когда исчезла с горизонта долина Темзы, это было трудно. Скоро, однако, они достигли остроконечных меловых холмов, и, обнаружив знакомое ущелье в западном конце и развалины городка по обеим его сторонам, Грэхэм узнал Гилдфорд-Хогсбэк, а вслед за тем Лейт-хилл — песчаную равнину Олдершота — и другие места.

Простиравшуюся внизу округу пересекала широкая, испещренная быстро мчавшимися точками идемитовая дорога. Она проходила как раз по трассе бывшей железной дороги. Узкая долина реки Уэй заросла густым лесом.

По всей возвышенности Доунс, насколько можно было разглядеть сквозь голубоватую дымку, стояли ветряные двигатели таких размеров, что самый крупный из городских гигантов показался бы их младшим братом. Они плавно вращались на юго-западном ветру. Кое-где пятнами выступали громадные гурты овец Британского Пищетреста, и конные пастухи выделялись черными точками. Вскоре выплыли из-под носа аэропила Уилденхейт, холмы Хайндхеда, Пич-хилл и Лейт-хилл с новым рядом ветряных двигателей, которые, казалось, старались перехватить ветер от своих собратьев на возвышенности Доунс. Пурпурный вереск сменился золотым дроком; под охраной двух всадников двигалось огромное стадо черных быков, которое быстро осталось по-

зади и превратилось в темное движущееся пятно, пропавшее в тумане.

Близко, под самым ухом, крикнула чайка.

Они пролетали над южным Доунсом, и, поглядев через плечо, Грэхэм увидел на возвышенности Портсдоун-хилла укрепление портсмутского порта. Вот показалось огромное скопление стоявших у берега судов, похожее на плавучий город. Затем крохотные, залитые солнцем белые скалы Нидльса, и блеснула серая полоса морского пролива. В несколько секунд перелетели они пролив, остров Уайт остался далеко позади, и внизу развернулась широкая морская гладь, то пурпурная от облаков, то серая, то блестящая, как полированное зеркало, то тускло мерцающая синевато-зеленым блеском. Остров Уайт быстро уменьшался. Через несколько минут от облачной гряды отделилась сероватая туманная полоса; опустившись вниз, она приняла очертания береговой линии; это было залитое солнцем, цветущее побережье северной Франции. Полоса становилась все более четкой и яркой, английский же берег исчезал вдали.

Через некоторое время на горизонте показался Париж, но вскоре исчез, так как аэропил повернул к северу. Грэхэм успел разглядеть Эйфелеву башню и невдалеке от нее какой-то колоссальный купол, увенчанный остроконечным шпилем. Грэхэм заметил, что над городом расстилался дым, хотя и не понял, что это означало. Аэронавт буркнул что-то о каких-то «беспорядках на подземных путях», но Грэхэм не обратил внимания на его слова. Вышки, похожие на минареты, башни и стройные контуры городских ветряных двигателей свидетельствовали, что Париж по красоте и теперь еще превосходит своего соперника, хотя и уступает ему в размерах. Снизу взлетело что-то голубое и, подобно сухому листу, гонимому ветром, покружившись, направилось к ним, все увеличиваясь в размерах. Аэронавт опять что-то пробормотал.

— Что такое? — спросил Грэхэм, неохотно отведя взгляд от прекрасной картины.

— Аэроплан, сир! — крикнул пилот, указывая пальцем.

Аэропил поднялся выше и направился к северу. Аэроплан все приближался, быстро увеличиваясь. Гул аэ-

ропила, который казался прежде таким мощным, стал заглушаться гулом аэроплана. Каким громадным казалось это чудовище, каким быстроходным и мощным! Аэроплан пролетел близко над аэропилом, точно живой, с широко раскинутыми перепончатыми прозрачными крыльями. Мелькнули ряды закутанных пассажиров за стеклом, одетый в белое пилот, пробирающийся по лестнице против ветра, части чудовищного механизма, вихрь пропеллера и гигантские плоскости крыльев. Зрелище было поразительное.

Через мгновение аэроплан пронесся мимо. Крылья аэропила закачались от ветра. Аэроплан стал уменьшаться и скоро превратился в синюю точку, растаявшую в небесной лазури.

Это был пассажирский аэроплан Париж — Лондон. В хорошую погоду за день он делал четыре рейса.

Они пролетали над Ла-Маншем. Полет уже не казался Грэхэму таким быстрым по сравнению с молниеносным полетом аэроплана. Слева глубоко внизу серел Бичи-Хед.

— Спуск! — крикнул аэронавт. Голос его потонул в гуле мотора и свисте ветра.

— Нет еще,— смеясь, ответил ему Грэхэм.— Погодите спускаться. Я хочу поближе ознакомиться с этой машиной.

— Я полагаю...— начал аэронавт.

— Я хочу ознакомиться с машиной,— перебил его Грэхэм.— Я перейду сейчас к вам,— прибавил он, поднялся со своего кресла и ступил на мостик, огороженный перилами.

Сделав один шаг, он побледнел и вынужден был ухватиться за перила руками. Еще шаг — и он возле аэронавта. Грэхэм чувствовал, что воздух с силой давит ему на грудь и плечи. Ветер, вырываясь из-за стекла, растрепал его волосы. Аэронавт поспешно выровнял машину.

— Я хочу, чтобы вы объяснили мне устройство аппарата и управление им,— сказал Грэхэм.— Что надо делать, чтобы аэропил двигался вперед?

Аэронавт замялся.

— Это очень сложно, сир.

— Ничего,— крикнул Грэхэм,— я попробую!

— Искусство авиации — тайна, привилегия...— сказал пилот после минутного молчания.

— Верно. Но ведь я властелин и хочу знать,— засмеялся Грэхэм, радуясь, что ему предстоит завоевать воздух.

Аэропил повернул к западу, свежий ветер ударил в лицо Грэхэму, развевая полы его одежды. Оба глядели друг другу в глаза.

— Сир, существует закон...

— Который не может касаться меня,— перебил Грэхэм.— Вы, кажется, забыли...

Аэронавт пристально посмотрел ему в лицо.

— Нет,— произнес он,— я не забыл, сир. Никто не может управлять машиной, кроме аэронавта. Все остальные — только пассажиры...

— Слышал я уже это раньше. Но мне дела нет до этого. Знаете вы, зачем я проспал эти двести лет? Чтобы летать по воздуху!

— Сир,— нерешительно сказал аэронавт,— я не смею нарушить закон...

Грэхэм с досадой махнул рукой.

— Если вы будете наблюдать за мной...

— Нет,— отвечал Грэхэм, покачнувшись и хватаясь покрепче за тросы, так как нос аэропила поднялся кверху.— Мне этого недостаточно. Я хочу сам управлять. Хотя бы мне пришлось вдребезги разбить машину! Да! Я так хочу! Я перелезу и сяду рядом с вами. Я хочу научиться летать, хотя бы ценою жизни. Это — вознаграждение за мой долгий сон. И за многое другое... Когда-то я мечтал о воздухоплавании. Сохраняйте равновесие!

— Тысячи шпионов наблюдают за мною, сир.

Грэхэм потерял терпение. Это уже слишком! Он выругался и перешагнул через рычаги. Аэропил закачался.

— Кто Правитель Земли? — сказал он.— Я или ваша корпорация? Снимите руку с рычага и берите меня за руки. Так. А теперь, что надо делать, чтобы аэропил стал спускаться?

— Сир...— начал аэронавт.

— Что такое?

— Вы заступитесь за меня?

— Боже мой! Конечно! Хотя бы мне пришлось поджечь для этого Лондон. Ну!

Успокоив аэронавта, Грэхэм взял первый урок воздухоплавания. Воздух подействовал на него, как крепкое вино.

— В ваших интересах выучить меня как можно скорее и лучше,— рассмеялся он.— Итак, я действую этим рычагом? А! Так... Алло!

— Назад, сир, назад!

— Назад? Хорошо. Раз, два, три. Боже мой! Он поднимается. Вот это жизнь!

Аэропил начал танцевать и выделывать странные фигуры в воздухе. То он описывал спираль не более ста ярдов в диаметре, то взмывал ввысь, чтобы тотчас же, подобно соколу, камнем упасть вниз и снова, делая замысловатые петли, подняться кверху. Аэропил чуть не налетел на подвижной парк воздушных шаров и едва успел свернуть в сторону. Быстрота и плавность полета и разреженный воздух опьянили Грэхэма. Казалось, он обезумел.

Наконец неожиданное приключение отрезвило его и заставило вспомнить о земле с ее кипучей жизнью и неразрешимыми проблемами. Они столкнулись с чем-то, и на Грэхэма упало несколько капель, точно от дождя. Обернувшись, он увидел позади какой-то крутящийся белоснежный лоскут.

— Что это такое? — спросил он.— Я не понимаю.

Аэронавт оглянулся и тотчас же схватился за рычаг, так как они падали вниз. Когда аэропил снова выровнялся, аэронавт, тяжело переводя дыхание, указал на белое пятно внизу.

— Это лебедь.

— Я совсем не заметил его,— сказал Грэхэм.

Аэронавт промолчал, и Грэхэм увидел капли пота у него на лбу.

Теперь они летели горизонтально, и Грэхэм вернулся на свое место, где он был защищен от ветра. Потом стали быстро спускаться, гул уменьшился, и темная площадка внизу стала шириться и расти. Солнце, закатываясь на западе за меловые холмы, казалось, падало вместе с ними, заливая золотом небо.

Внизу закопошились муравьями люди. Послышался гул приветствий, напоминающий шум морского прибоя. Грэхэм увидел, что все кровли вокруг летной площадки черны от народа, собравшегося его приветствовать. Сплошная черная масса пестрела светлыми пятнами лиц, развевающихся белых платков и машущих рук.

ГЛАВА XVII

ТРИ ДНЯ

Линкольн ожидал в зале под аэродромом. По-видимому, его очень интересовали подробности полета, и он был доволен, заметив энтузиазм Грэхэма.

— Я должен научиться летать! — воскликнул Грэхэм.— Я хочу изучить авиацию. Как жаль мне всех тех, кто умер, так и не успев полетать! Какой дивный воздух там, наверху! Нет выше наслаждения, чем полет!

— Вы убедитесь, что наш мир богат и другими наслаждениями,— заметил Линкольн.— Не знаю, с чего вы начнете теперь. У нас есть музыка, которая заменяет романы.

— Сейчас,— ответил Грэхэм,— меня интересует только авиация. Дайте мне поближе с ней познакомиться. Ваш аэронавт говорил, что существуют какие-то корпоративные законы, ограничивающие обучение.

— Да, он прав,— ответил Линкольн.— Но для вас, конечно... Если вы так заинтересованы, то мы можем сделать вас присяжным аэронавтом хоть завтра.

Грэхэм охотно согласился и снова начал распространяться о своих впечатлениях.

— Ну, а дела? — спросил он вдруг.— В каком они положении?

— Острог сам сообщит вам завтра утром,— неохотно ответил Линкольн.— Все идет как нельзя лучше. Революция побеждает во всем мире. Конечно, есть кой-какие затруднения, но ваше правление везде обеспечено. Вы можете не беспокоиться о делах, раз они в руках у Острога.

— А нельзя ли мне сделаться, как вы называете, присяжным аэронавтом сегодня же? — спросил Грэхэм,

расхаживая по залу.— Тогда я мог бы завтра утром опять...

— Я думаю, это возможно,— произнес Линкольн как бы в раздумье.— Вполне возможно.— Он рассмеялся.— Я хотел было предложить вам другие удовольствия, но вы сами нашли себе занятие по вкусу. Я поговорю по телефону с Воздухофлотом, а затем мы вернемся в ваши апартаменты в Управление Ветряных Двигателей. Пока вы будете обедать, аэронавты успеют собраться. Но, может быть, после обеда вы пожелали бы...

Он остановился.

— Что? — спросил Грэхэм.

— У нас приглашены танцоры из театра Капри.

— Я терпеть не могу балета,— возразил Грэхэм.— Еще с давних пор. В наше время тоже были танцоры. Более того, они были даже в Древнем Египте. Вот авиация...

— Вы правы,— сказал Линкольн.— Хотя наши танцоры...

— Они могут подождать,— прервал его Грэхэм.— Почему бы им не подождать? Я не какой-нибудь древний римлянин. Я хочу поговорить со специалистами о ваших механизмах. Я интересуюсь техникой. Мне не нужно развлечений.

— Все к вашим услугам,— ответил Линкольн.— Как вам будет угодно.

Вместе с Асано, под охраной, они возвратились по городским путям в апартаменты Грэхэма. Его возвращение приветствовала толпа, еще более многочисленная, чем при полете.

Приветственные крики порой заглушали ответы Линкольна на вопросы Грэхэма об авиации. Сначала Грэхэм отвечал на приветствия поклонами и различными жестами, но Линкольн предупредил его, что это некорректно. Грэхэму же успели надоесть эти приветствия, и он перестал обращать на них внимание.

Тотчас после их возвращения Асано отправился на поиски кинематографических отчетов о машинах, а Линкольн передал распоряжение, чтобы ему доставили модели всевозможных машин за два столетия, наглядно иллюстрирующие технический прогресс. Телеграфные приборы так заинтересовали Грэхэма, что он поза-

был про обед, поданный красивыми и ловкими девушками.

Хотя люди теперь уже не курили, но когда Грэхэм выразил желание покурить, тотчас же были посланы запросы, и он еще не окончил обеда, как из Флориды по пневматической почте были присланы превосходные сигары.

После обеда явились аэронавты и инженеры с моделями новейших машин. Грэхэм с увлечением рассматривал чудеса техники—арифмометры, счетчики, машины строительные, ткацкие, двигатели внутреннего сгорания, элеваторы для воды и хлеба, жатвенные машины и приспособления для боен. Это было гораздо интереснее, чем баядерки.

— Мы были дикарями, сущими дикарями,— то и дело повторял он.— Наш век — каменный век в сравнении с настоящим... Что у вас еще нового?

Затем явились психологи-практики, которые произвели ряд любопытных гипнотических опытов. К своему удивлению, Грэхэм узнал, что Милн Бремуэл, Фехнер, Лило, Уильям Джемс, Майерс и Гарней теперь в большом почете. Психологическое воздействие, оказывается, заменило в медицине многие лекарства, антисептические и анестезирующие средства; оно необходимо при умственной работе. Только благодаря ему так развились человеческие способности.

Сложные вычисления в уме, которые раньше делали только «люди-арифмометры», все чудеса гипноза стали теперь доступны каждому, кто пользовался услугами опытного гипнотизера. Прежняя экзаменационная система в обучении уже давно заменена внушением. Вместо долголетнего обучения — несколько недель гипнотических сеансов, во время которых ученикам внушаются нужные знания, после чего они в состоянии давать правильные ответы; познания прочно закреплялись в памяти. Метод этот оказался особенно успешным в математике, шахматной игре, а также в других головоломных и требующих физической ловкости играх. Все механические операции и работы совершаются теперь единообразно с идеальной аккуратностью, на исполнение их не оказывают никакого влияния настроения и воображение. Рабочие с детства посредством внушения превра-

щаются в безукоризненно точные машины, свободные от всяких мыслей и увлечений. Ученики аэронавтов, подверженные головокружению, благодаря внушению избавляются от страха. На каждой улице любой гипнотизер готов помочь человеческой памяти. При помощи гипноза легко запомнить любое имя, любые числа, песню, речи, а также забыть, когда минет надобность. Можно забыть обиды и унижения, заставить неутешных вдов позабыть умерших мужей и исцелить несчастных влюбленных. Можно изменить привычки и желания — все это делает психическая медицина. Однако внушать желания пока еще не удается, и передача мыслей на расстоянии покамест еще находится в стадии опытов. Свои сообщения психологи иллюстрировали поразительными мнемоническими опытами над целой толпой бледнолицых детей, одетых в синий холст.

Грэхэм, подобно большинству людей прежнего времени, не доверял гипнозу и не соглашался освободить свой мозг от многих мучительных пережитков. Несмотря на доводы Линкольна, он упорно стоял на своем; по его понятиям, согласиться на гипнотизацию — значило подчинить свою личность чужому влиянию и отказаться от свободы воли. А в этом новом чудесном мире он хотел остаться самим собой.

Три дня провел Грэхэм в этих занятиях. Ежедневно по нескольку часов он обучался летать. На третий день он пролетел над Центральной Францией и видел снеговые вершины Альп. Благодаря полетам он превосходно спал и быстро окреп; от его анемии не осталось и следа.

Линкольн доставлял ему все новые и новые развлечения. Грэхэм ознакомился с новейшими изобретениями, пока наконец любопытство его не притупилось. В целой дюжине томов не уместить того, что было ему показано.

Каждый день после полудня Грэхэм делал приемы и начал живо интересоваться окружающими людьми. Сначала они казались ему чуждыми и странными; ему не нравились их роскошные одеяния, он находил манеры их вульгарными, но вскоре он был сам поражен, заметив, с какой быстротой исчезло в нем это враждебное чувство, как быстро освоился он со своим новым положением и позабыл про прежнюю жизнь.

Ему нравилась рыжеволосая дочь управляющего свинобойнями. На следующий день после обеда он познакомился с одной балериной новейшего времени и был в восторге от ее танцев. А тут еще эти чудеса гипноза. Когда на третий день Линкольн предложил поездку в Город Наслаждений, Грэхэм отказался и отклонил услуги гипнотизеров для своих полетов. Лондон казался ему более близким и знакомым, чем другие города. Ему доставляло невыразимое удовольствие узнавать те или иные места, связанные с его прежней жизнью,— а это было бы невозможно за границей.

— Здесь или, вернее, там, футов на сто пониже,— говорил он,— я обычно завтракал во времена своей студенческой жизни. Вот тут, глубоко внизу, некогда находился вокзал Ватерлоо с его вечной суматохой. Часто стоял и я там с чемоданом в руке и сквозь море сигнальных огней смотрел вверх, на небо, даже не помышляя о том, что настанет день, когда я буду расхаживать над этим самым местом на высоте нескольких сот ярдов. А теперь под тем же самым небом, которое выглядело тогда дымной завесой, я кружусь на аэропиле.

Все эти три дня Грэхэм был всецело поглощен полетами; политические новости его почти не интересовали. Окружающие его лица также не затрагивали эту тему. Ежедневно приходил Острог — Вождь, как его называли в народе,— этот великий визирь Грэхэма, начальник его дворца, и в самых неопределенных выражениях отдавал ему отчет о положении дел: «незначительные затруднения», «небольшие беспорядки», «все скоро уладится». Пение революционного гимна прекратилось. Грэхэм не знал, что гимн запрещен в пределах города. Он позабыл, о чем думал в то утро, стоя в Вороньем Гнезде.

На второй или на третий день, несмотря на свое увлечение дочерью управляющего свинобойнями, он случайно вспомнил об Элен Уоттон и о странном разговоре с ней в зале Управления Ветряных Двигателей. Она произвела на него сильное впечатление, хотя у него и не было времени подумать о ней. Но теперь ее облик властно всплыл в его сознании. Он недоумевал, что означали ее намеки.

По мере того как проходил у него интерес к механике, он все яснее вспоминал ее глаза и задумчивое лицо.

Образ этой девушки удерживал его от низменных страстей и дешевых увлечений.

Прошло, однако, три дня, прежде чем он снова увидел ее.

ГЛАВА XVIII

ГРЭХЭМ ВСПОМИНАЕТ

Он встретился с ней в маленькой галерее, соединяющей Управление Ветряных Двигателей с его апартаментами. Галерея была длинная и узкая, с глубокими нишами, окна которых выходили во двор, засаженный пальмами. Он увидел ее сидящей в одной из этих ниш.

Услыхав его шаги, она взглянула на него и вздрогнула. Лицо ее побледнело.

Она поднялась, хотела подойти к нему и что-то сказать, но, видимо, не решалась.

Он остановился и ждал. Потом, заметив ее колебания и думая, что она, быть может, поджидала его и хочет с ним говорить, он решил великодушно прийти ей на помощь.

— Я давно хотел видеть вас,— сказал он.— Несколько дней назад вы хотели что-то сказать мне о народе. Что же вы хотели сообщить?

Она грустно посмотрела на него.

— Вы говорили, что народ несчастен?

Девушка медлила с ответом.

— Это показалось вам странным? — спросила она наконец.

— Вот именно. И кроме того...

— Это был внезапный порыв.

— Да?

— Только и всего.

Видно было, что она колеблется. Казалось, ей трудно было говорить.

— Вы забыли...— проговорила она, глубоко вздохнув.

— Что именно?

— Про народ...

— Вы так думаете?

— Вы забыли про народ.

Он поглядел на нее вопросительно.

— Да, я знаю, что вы удивлены. Вы не понимаете, кто вы такой. Вы не знаете всего, что происходит.

— В чем же дело?

— Значит, вы ничего не знаете?

— Может быть. Но скажите: в чем дело?

Внезапно решившись, девушка повернулась к нему.

— Мне трудно говорить. Я часто думала об этом, собиралась, но не могу начать. Мне не хватает слов. Ваш сон, ваше пробуждение — все это так необычайно. Так чудесно. Для меня по крайней мере и для всего народа. Вы жили столько лет назад, страдали и умерли, были простым гражданином и вдруг, проснувшись, стали правителем чуть ли не всей земли!

— Правитель Земли,— повторил он.— Так они все говорят. Но подумайте, как мало я знаю.

— Городов, трестов, рабочих компаний...

— Верховная власть, могущество, сила, слава... Да, я слышал, как кричала толпа. Я знаю. Я Правитель, король, если угодно. А Острог — Вождь.

Он замолчал.

Девушка с любопытством смотрела на него.

— Ну и что же?

Он улыбнулся.

— Он управляет всем.

— Вот этого-то я и боялась.

Несколько мгновений она молчала.

— Нет,— проговорила она тихо,— управлять должны вы сами. Да, сами. Народ надеется на вас.— Она понизила голос.— Послушайте! В течение стольких лет, поколения за поколениями ждали, что вы проснетесь... Народ молился об этом, да, молился...

Грэхэм хотел что-то ответить, но промолчал.

Девушка, по-видимому, колебалась. На щеках у нее вспыхнул румянец.

— Знаете ли вы, что в глазах мириадов людей вы являетесь избавителем? Вы для них то же самое, что король Артур или Барбаросса.

— Я думаю, что воображение народа...

— Разве вы не слыхали поговорки: «Когда Спящий проснется»? Когда вы лежали бесчувственный и неподвижный, к вам приходили тысячи людей. Тысячи...

В первый день каждого месяца вас одевали в белое платье, и тысячи людей проходили мимо, чтобы взглянуть на вас. Еще маленькой девочкой я видела вас, у вас было такое бледное и спокойное лицо...

Она отвернулась и принялась разглядывать панно. Голос ее оборвался.

— Когда я была маленькой девочкой, я часто смотрела на ваше лицо... Оно казалось мне олицетворением божественного долготерпения. Вот что мы думали о вас. Вот как мы смотрели на вас...

Она обернулась и подняла на него свои сверкающие глаза, голос ее зазвенел.

— В городе, по всей земле мириады мужчин и женщин надеются на вас и ждут.

— Неужели?

— Острог не может вас заменить... Никто не может.

Грэхэм удивленно смотрел на нее, пораженный ее волнением.

Сначала она говорила с усилием, потом собственная речь воодушевила ее.

— Неужели вы думаете,— продолжала девушка,— что вам суждено было прожить ту первую жизнь в далеком прошлом, потом заснуть и после стольких надежд и ожиданий пробудиться от вашего чудесного сна только затем, чтобы бесполезно прожить еще одну жизнь? Неужели же исчезнут надежды чуть ли не всего мира? Разве вы можете снять с себя эту ответственность и передать ее другому человеку?

— Я знаю, что власть моя велика,— ответил Грэхэм, запинаясь.— Вернее, кажется, что велика... Но так ли это в действительности? Все это похоже на сон. Реальна ли моя власть или же это только великое заблуждение?

— Да, реальна,— подтвердила девушка,— если только вы решитесь...

— Но ведь моя власть, как и всякая другая,—только иллюзия. Она реальна, пока люди верят в нее.

— Если только вы решитесь,— повторила девушка.

— Но...

— Массы верят в вас и пойдут за вами...

— Но я ничего не знаю. Решительно ничего... Все эти советники, Острог. Они умнее, хладнокровнее, преду-

смотрительнее меня, они так много знают. О каких несчастных вы говорите? Думаете ли вы...

Он замолчал, словно не решаясь говорить.

— Я еще так молода,— ответила девушка.— Но я знаю, что в мире много неправды и угнетения. Разумеется, мир изменился с ваших времен, сильно изменился. Я молилась о том, чтобы мне увидеть вас и рассказать обо всем. Да, мир изменился. Но внутренняя болезнь, вроде рака, разъедает его и отравляет жизнь.— Она повернула к нему свое пылающее лицо.— Я много об этом думала. Я не могла не думать: моя жизнь сложилась несчастливо. Люди теперь не свободны, они не стали лучше людей вашего времени. Но это еще не все. Город — это тюрьма. Каждый город теперь — тюрьма. А ключи у Маммоны. Мириады, несчастные мириады людей мучатся от колыбели до могилы. Разве это справедливо? Неужели так и будет всегда? Хуже, чем в ваше время. Повсюду мучения и заботы. Вас окружает мишурный блеск, а тут же рядом — нищета и рабство. Да, бедные понимают все это, они знают, что́ плохо. Те самые люди, которые несколько дней назад шли на смерть из-за вас... Вы обязаны им жизнью.

— Да,— тихо повторил Грэхэм.— Да, я обязан им жизнью.

— В ваше время,— продолжала девушка,— тирания капитала только начиналась. Да, это тирания, настоящая тирания. Феодальную тиранию лордов сменила тирания богатства. В ваши дни половина населения земного шара жила в деревне. Теперь же города поглотили все население. Я читала старые книги — сколько в них благородства! В них говорится о любви и долге, о таких прекрасных вещах! А ведь вы человек того времени.

— А разве теперь?..

— Прибыль и Города Наслаждений — или рабство, безысходное, вечное рабство.

— Как рабство?

— Да, рабство.

— Неужели еще существуют рабы?

— Хуже. Вот это-то я и хочу вам объяснить, хочу, чтобы вы знали. Я знаю, что вам это неизвестно. Они скрывают от вас, они хотят вас заманить в Город Наслаждений. Вы, конечно, замечали не раз мужчин, жен-

щин и детей в синей холщовой одежде, с худыми желтыми лицами и усталыми глазами?

— Конечно.

— Говорящих на грубом жаргоне?..

— Да, я слышал этот жаргон.

— Это рабы, ваши рабы. Они рабы вашей Рабочей Компании.

— Рабочая Компания! Я что-то слышал о ней. Да, вспоминаю. Я видел ее, когда бродил по городу после того, как зажгли иллюминацию: громадные фасады зданий, окрашенных в синий цвет. Вы говорите о ней?

— Да. Но как мне объяснить вам все? Конечно, эта синяя форма поразила вас. Почти треть всего населения носит ее, и с каждым днем число их все увеличивается: Рабочая Компания растет.

— Но что такое эта Рабочая Компания?

— В ваше время как поступали с умирающим от голода народом?

— У нас были работные дома, которые содержались на средства прихожан.

— Работные дома! Нам говорили о них на уроках истории. Рабочая Компания заменила работные дома. Возникла она — может быть, вы помните? — из религиозной организации, называвшейся Армией спасения и преобразовавшейся в коммерческое предприятие. Сперва у них были как будто благие цели — спасти народ от ужасов работных домов. Теперь я вспоминаю, это была чуть ли не первая организация, которую закупил ваш Опекунский Совет. Он купил Армию спасения и реорганизовал ее. Сначала там давали работу бездомным и голодным.

— Вот как!

— Теперь у нас нет работных домов, нет убежищ и благотворительных учреждений — ничего, кроме Рабочей Компании. Конторы ее раскинуты повсюду. Синий цвет — ее форма. Каждый мужчина, женщина или ребенок, если он голоден, не имеет ни дома, ни друзей, должен или умереть, или попасть в лапы Компании. Эвфаназия не для бедняков, им нечего надеяться на легкую смерть. В Компании найдется и пища, и приют, и синяя форма для каждого приходящего; форма — непременное условие при вступлении. Компания платит, но требует рабо-

ты; когда рабочий день окончен, она возвращает рабочему одежду и выбрасывает его на улицу.

— Неужели?

— Разве это не кажется вам ужасным? В ваше время люди умирали с голоду на улицах. Не спорю, это было плохо. Но они умирали людьми. А эти люди в синем... У нас есть пословица: «Надел синее — до смерти не снять». Компания торгует их трудом и старается обеспечить себя рабочими руками. Человек является в Компанию голодный, умирающий, он ест и отсыпается в течение суток, потом работает день, а к вечеру его выбрасывают на улицу. Если он работал хорошо, он получает пенни, может пойти в театр, в дешевый танцевальный зал или кинематограф, пообедать или переночевать. Он бродит по городу, пока есть деньги. Нищенствовать не позволяет полиция. Да никто и не подает. На другой или на третий день он снова является в Компанию и продает себя. В конце концов его собственное платье истреплется или до того загрязнится, что он начинает стыдиться. Тогда он вынужден работать месяцы, чтобы заработать новое, если оно еще ему нужно. Множество детей родится в Компании. Матери должны отработать за это месяц, а дети, которых воспитывают и содержат до четырнадцати лет,— два года. Разумеется, дети воспитываются для синей формы. Так вот что такое Рабочая Компания.

— Значит, в городе совсем нет свободных рабочих?

— Ни одного. Они все или в тюрьме, или же носят синюю форму.

— А если кто-нибудь не согласится работать на этих условиях?

— Большинство соглашается. Компания всесильна: она может перевести на тяжелую работу, лишить еды и, наконец, заклеймить большой палец того, кто откажется работать, и его никуда не будут принимать. И потом, куда же деться? Поездка в Париж стоит два льва. Для непослушных, наконец, есть тюрьмы, темные, ужасные, где-то там, глубоко внизу. В тюрьму у нас ничего не стоит попасть.

— Неужели треть всего населения носит синюю форму?

— Даже больше трети. Несчастные, униженные труженики, без надежды, без радости, разжигаемые рас-

сказами о Городах Наслаждения, сами насмехаются над своим жалким положением, над своим несчастьем. Они слишком бедны даже для эвфаназии, которая доступна только богатым самоубийцам. Искалеченные, отупевшие, миллионы людей по всему свету испытывают только лишения и неудовлетворенные желания. Они родятся, мучаются и умирают. Вот каков этот новый для вас мир.

Грэхэм молчал, подавленный.

— Но ведь теперь, после революции,— сказал он,— все это должно измениться. Острог...

— Мы надеемся. Весь мир надеется. Но Острог не хочет ничего сделать. Он просто политикан. По его мнению, так и должно быть. Ему нет до этого никакого дела. Он хочет оставить все по-прежнему. Все богатые, все влиятельные, все счастливые согласны с ним. Они пользуются народом как оружием в политике, они наживаются на его несчастьях. Но вы пришли к нам из более счастливого века, и весь народ надеется только на вас.

Он взглянул на нее. В глазах ее блестели слезы. Грэхэм был взволнован. Он забыл о городе, о борьбе, о всех этих людских массах и молча смотрел на нее, тронутый ее одухотворенной красотой.

— Но что же мне делать? — спросил он, не отрывая от нее глаз.

— Управлять,— тихо ответила она, наклоняясь к нему.— Править миром на благо и счастье людей, как еще никогда никто не правил. Вы можете, вы должны. Народ волнуется. По всей земле волнуется народ. Он ждет только слова, слова от вас — и он восстанет. Даже средние слои недовольны и волнуются. От вас скрывают все, что происходит. Народ не хочет больше подставлять свою шею под ярмо, отказывается выдать оружие. Острог против своей воли пробудил в народе надежду.

Сердце Грэхэма учащенно билось. Он старался вникнуть в ее слова.

— Им нужен только вождь,— сказала она.

— А потом?

— Вы можете захватить весь мир.

Он сел и задумался. Потом вдруг заговорил:

— Старая мечта, я тоже грезил когда-то о свободе и счастье. Неужели это только мечта? Разве может один человек, один человек...

Голос его оборвался.

— Не один человек, а все люди. Им нужен только вождь, который высказал бы их смутные желания.

Грэхэм покачал головой. Несколько минут оба молчали.

Внезапно он поднял голову, и взгляды их встретились.

— У меня нет вашей веры,— снова заговорил он.— У меня нет вашей молодости. Эта власть тяготит меня. Нет, дайте договорить. Я намерен, не скажу — водворить справедливость, у меня нет сил для этого, но я все же хотел бы принести людям пользу. Я не в состоянии водворить на земле золотой век, но во всяком случае я стану управлять сам. Вы точно пробудили меня ото сна... Вы правы. Острог должен знать свое место. Я научусь... Я обещаю вам одно: рабство будет уничтожено.

— А вы будете управлять сами?

— Да. С одним условием...

— С каким?

— Что вы поможете мне.

— Я? Такая юная девушка!

— Да. Разве вы не видите, как я одинок?

В ее глазах промелькнуло сочувствие.

— Нечего говорить, что я всегда готова помочь вам,— сказала она.

Она стояла перед ним прекрасная, восторженная, в ореоле величия и героизма; он не смел дотронуться до нее, коснуться ее руки — их словно разделяла бездна.

— Я буду управлять,— тихо сказал он.— Я буду управлять... вместе с вами.

Оба молчали. Раздался бой часов. Девушка все не отвечала.

Грэхэм встал.

— Меня ждет Острог,— проговорил он и смолк, глядя на нее.— Я должен расспросить его о многом. Я должен все знать. Я должен сам увидеть все то, о чем вы мне говорили. И когда я вернусь...

— Я узнаю обо всем этом и буду ждать вас здесь.

Он молча смотрел на нее.

— Я узнаю...— повторила она и запнулась.

Он ждал, что она скажет, но она молчала. Они посмотрели друг на друга с немым вопросом в глазах, и Грэхэм направился в Управление Ветряных Двигателей.

ГЛАВА XIX

ВЗГЛЯДЫ ОСТРОГА

Острог, пришедший с докладом, уже ожидал Грэхэма. Обычно Грэхэм старался как можно скорее проделать эту церемонию, чтобы заняться воздухоплаванием, но сегодня он слушал внимательно и даже задавал вопросы. Его интересовали государственные дела. По словам Острога, положение дел за границей было великолепно. Правда, произошли волнения в Париже и Берлине, но это были случайные, неорганизованные выступления.

— За последние годы,— пояснил Острог в ответ на расспросы Грэхэма,— Коммуна снова подняла голову. Отсюда и волнения. Однако порядок восстановлен.

Его доклад навел Грэхэма на размышления. Он спросил, имеет ли место кровопролитие.

— Небольшое,— ответил Острог.— Только в одном квартале. Сенегальская дивизия африканской аграрной полиции Объединенной Африканской Компании всегда наготове, так же как и аэропланы. Мы ожидали волнений на континенте и в Америке. Но в Америке все спокойно. Там все довольны свержением Белого Совета. Так обстоят дела.

— Почему же вы ожидали там волнений? — внезапно спросил Грэхэм.

— Там есть много недовольных социальным устройством.

— Рабочей Компанией?

— Вы уже знаете? — удивился Острог.— Да, недовольны главным образом рабочие Компании. Недовольство рабочих, а также ваше пробуждение — вот причины нашей победы.

— Вот как!

Острог с улыбкой стал пояснять:

— Мы сами возбудили в них недовольство, мы сами воскресили старые мечты о всеобщем счастье: все равны, все должны быть счастливы, нет роскоши, доступной только немногим,— идеи эти были забыты в течение двух столетий. Они вам известны. Мы воскресили эти идеи, чтобы ниспровергнуть Белый Совет. А теперь...

— Что же теперь?

— Революция удалась, и Совета больше нет, но народ еще волнуется. Вряд ли можно ожидать кровопролития... Мы много обещали им, конечно... Поразительно, как быстро оживают и распространяются эти забытые социалистические идеи. Мы сами, посеявшие их семена, теперь удивляемся. Я уже говорил, что в Париже пришлось прибегнуть к оружию.

— А здесь?

— Тоже волнения. Массы не хотят вернуться к труду. Все бастуют. Половина фабрик опустела, и народ толпится на городских путях. Они толкуют о Коммуне. Люди, одетые в шелк и атлас, боятся показываться на улицах. Синий холст ждет от вас всеобщего счастья... Конечно, вам нечего тревожиться. Мы пустили в ход все Болтающие Машины и призываем к законности и к порядку. Надо крепко держать вожжи — только и всего.

Грэхэм задумался. Ему хотелось показать свою независимость, и он спросил:

— И вы прибегли к сенегальской полиции?

— Она очень полезна,— ответил Острог.— Это великолепные, весьма преданные нам животные. Они не отравлены никакими идеями, по крайней мере такими, как у нашей черни. Если бы Совету пришло в голову прибегнуть к ее помощи, исход восстания был бы сомнителен. Конечно, бояться нечего,— возмущение, бунт в худшем случае. Вы умеете управлять аэропилом и мигом перенесетесь на Капри, если здесь начнутся беспорядки. У нас в руках все нити. Аэронавты богаты и пользуются привилегиями. Это самая сплоченная корпорация в мире, так же как и инженеры Управления Ветряных Двигателей. Мы властелины воздуха, а кто владеет воздухом, тот владеет землей. Все влиятельные лица на нашей стороне. У них нет ни одного выдающегося вождя, кроме вожа-

ков небольших тайных обществ, которые мы организовали еще до вашего пробуждения. Но все эти вожаки — интриганы или сентиментальные дураки и враждуют друг с другом. Ни один из них не годится в вожди. Правда, может произойти плохо организованное восстание. Не стану скрывать — это вполне возможно. Но вы не должны из-за этого прерывать свои упражнения в воздухе. Прошли те времена, когда народ мог делать революцию.

— Возможно, что и так,— согласился Грэхэм.— Пожалуй, вы правы.— Он с минуту подумал.— Да, этот новый мир полон сюрпризов для меня. В мое время люди мечтали о демократии, о том, что наступит время всеобщего равенства и счастья.

Острог пристально посмотрел на него и сказал:

— Дни демократии миновали. Навсегда. Она расцвела в Греции еще в те времена, когда люди пользовались луком и стрелами, и отцвела с появлением регулярных армий, когда нестройные, неорганизованные массы потеряли всякое значение, когда главную роль в войне стали играть пушки, броненосцы и железнодорожные линии. Наш век — век капитала. Капитал теперь всемогущ. Он управляет и землей, и водой, и воздухом. Сила в руках у тех, кто владеет капиталом... Таковы факты, и вам следует с ними считаться. Мир для толпы! Толпа в роли верховного правителя! Уже в ваши времена принцип этот подвергался осуждению. Теперь в это верит только стадный человек, человек толпы.

Грэхэм ничего не ответил. Он стоял, мрачно задумавшись.

— Да,— продолжал Острог,— времена, когда простой человек имел значение, миновали. В деревне один человек равен другому или почти равен. Первоначально аристократия состояла из храбрых и смелых людей. Она была своевольна, дралась на дуэлях, поднимала междоусобицу. Собственно говоря, настоящая аристократия появилась с укрепленными замками и рыцарским вооружением и исчезла после изобретения мушкетов. Это была вторая аристократия. Век пороха и демократии был только переходным. В наше время механизм городского управления и сложная организация уже недоступны пониманию простого человека.

— Однако же,— возразил Грэхэм,— в вашем способе управления есть нечто возбуждающее недовольство, вызывающее протест и попытки восстания.

— Пустое,— возразил Острог, принужденно улыбаясь,— казалось, он хотел отстранить от себя этот неприятный разговор.— Поверьте, я не стану понапрасну возбуждать недовольство, которое может уничтожить меня самого.

— Странно,— произнес Грэхэм.

Острог пристально посмотрел на него.

— Неужели мир должен непременно идти этим путем? — спросил взволнованный Грэхэм.— Неужели нет другого? Неужели все наши надежды неосуществимы?

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Острог.— Какие надежды?

— Я сын демократического века. И вдруг встречаю аристократическую тиранию!

— Но ведь вы сами-то и есть главный тиран.

Грэхэм покачал головой.

— Хорошо,— сказал Острог,— рассмотрим вопрос по существу. Так всегда было и будет. Торжество аристократии — это победа сильного и гибель слабого, следовательно, переход к лучшему.

— Вы говорите: аристократия! Но этот народ, который я встречаю...

— О, не эти,— перебил его Острог.— Они осуждены на уничтожение. Порок и наслаждение! У них не бывает детей. Все они осуждены на вымирание. Назад возврата нет, раз мир вступил на этот путь. Излишества и, наконец, эвфаназия для всех искателей наслаждения, сгорающих в пламени,— вот путь для улучшения расы.

— Приятная перспектива! — воскликнул Грэхэм.— Но...— Он задумался на мгновение.— Но ведь есть же и другие. Толпа, масса простых, бедных людей. Что же, они должны тоже вымирать? Это возможно! Они страдают, и эти страдания даже вы...

Острог сделал нетерпеливое движение, и голос его зазвучал не так ровно, как прежде.

— Не беспокойтесь об этом,— сказал он.— Еще несколько дней — и все уладится. Толпа — это безумное животное. Что за беда, если люди толпы вымрут? А те,

кто не вымрет, будут приручены, и их погонят, как скот. А я не люблю рабов. Вы слышали, как кричал и пел народ несколько дней назад? Они заучили песню, как попугаи. Спросите любого из них, когда он успокоится, о чем он кричал, и он не ответит вам. Они думают, что кричали из-за вас, выражали вам свою преданность. Вчера они были готовы растерзать Белый Совет. А сегодня уже ропщут на тех, кто его сверг.

— Нет, нет,— возразил Грэхэм,— они кричали потому, что жизнь их невыносима, безрадостна, потому что они... они надеялись на меня.

— На что же они надеялись? На что же они надеются теперь? И какое право они имеют надеяться? Работают они плохо, а требуют платы за хорошую работу. На что вообще надеется человечество? На то, что появится наконец сверхчеловек — высшая, лучшая порода людей, и низшие, слабые, полуживотные подчинятся им или будут истреблены. Подчинятся или будут истреблены! В мире нет места для глупцов, негодяев, неврастеников. Их долг — возвышенный долг! — умереть. Умереть от своей неприспособленности! Вот единственный путь — животному стать человеком, а человеку подняться на высшую ступень развития.

Острог задумался, потом продолжал, повернувшись к Грэхэму:

— Могу себе представить, как воспринимает наш мир человек девятнадцатого столетия. Вы жалеете о старых формах выборного правления, их призраки еще до сих пор волнуют умы,— все эти палаты народных представителей, парламенты и прочая дребедень девятнадцатого века. Вас ужасают наши Города Наслаждений. Я много думал об этом, но мне все некогда заняться этим вопросом. Вы думаете, что знаете больше нас. Народ обезумел от зависти, он вполне согласен с вами. Ведь на улицах уже требуют разрушения Городов Наслаждений. А ведь эти города являются как бы очистительным органом государства. Из года в год вбирают они в себя все отбросы, все, что только есть слабого и порочного, ленивого и похотливого во всем мире, для приятного уничтожения. Эти бездельники посещают их, наслаждаются и умирают, не оставляя потомства. Красивые, порочные женщины умирают бездетными, и это на пользу челове-

честву. Если бы народ был умнее, он не завидовал бы богатым развратникам. Вы хотите освободить безмозглых рабочих, которых мы обратили в рабство, и попытаться сделать для них жизнь легкой и приятной. Но они не заслуживают лучшей участи,— они больше ни на что не годны.— Он улыбнулся снисходительно, что рассердило Грэхэма.— Вы хотите учить нас. Я знаю ваши дни. В дни юности я читал вашего Шелли и мечтал о свободе. Но я пришел к заключению, что свободу дает только мудрость и самообладание, свобода внутри, а не вне нас. Она зависит от самого человека. Предположим невозможное: что эта разнузданная толпа безумцев в синем одолеет нас,— что тогда? Все равно найдутся другие господа. Раз есть овцы, будут и волки. Произойдет только задержка в развитии лет на сто. Неизбежно снова возникнет аристократия. Несмотря на все безумства, в конце концов явится сверхчеловек. Пусть они восстают, пусть победят и уничтожат меня и таких, как я,— появятся новые владыки. Только и всего.

— Странно,— прошептал Грэхэм.

Он стоял, потупив глаза.

— Я должен видеть все это собственными глазами,— сказал он наконец тоном, не допускающим возражений.— Только тогда смогу я понять. Я должен как следует ознакомиться. Именно это я и хотел сказать вам, Острог. Я не хочу быть правителем Городов Наслаждений; это не для меня. Достаточно я потратил времени, занимаясь полетами и другими развлечениями. Я должен иметь понятие о вашей общественной жизни. Тогда я смогу во всем разобраться. Я хочу знать, как живет простой народ — рабочие главным образом,— как он работает, женится, растит детей, умирает...

— Вы можете узнать это у наших романистов,— сказал с озабоченным видом Острог.

— Я хочу изучать настоящую жизнь,— перебил его Грэхэм,— а не романы.

— Это довольно трудно,— ответил Острог и задумался.— Быть может...

— Я не ожидал...

— Подумаю... Что ж, это возможно. Вы хотите проехаться по городским путям и посмотреть на простой народ?

Вдруг он принял какое-то решение.

— Вам необходимо переодеться,— сказал он.— Город еще не успокоился, и открытое появление ваше может вызвать волнение. Желание ваше пройтись по городу, кажется мне... а впрочем, если вы настаиваете... Это вполне возможно. Только едва ли вы увидите что-либо интересное. Впрочем, вы Правитель Земли. Если хотите, отправляйтесь с утра. Костюм для прогулки может приготовить Асано. Он и пойдет с вами. В конце концов это недурная мысль.

— Что вы еще хотели сообщить мне? — насторожился Грэхэм.

— О, решительно ничего. Полагаю, что вы можете доверить на время вашего отсутствия все дела мне,—сказал, улыбаясь, Острог.— Если даже мы и расходимся...

Грэхэм устремил на него проницательный взгляд.

— Вы не ожидаете никаких осложнений? — спросил он неожиданно.

— Никаких.

— Я все думаю об этих неграх-полицейских. Я не верю, чтобы народ замышлял что-нибудь против меня, я ведь как-никак Правитель Земли. Я не хочу, чтобы в Лондон вызывали африканскую полицию. Быть может, это устарелый взгляд, предрассудок, но я придерживаюсь определенного мнения о европейцах и о порабощенных народах. Даже в Париж...

Острог стоял, наблюдая за ним из-под нахмуренных бровей.

— Я не собираюсь вызывать негров в Париж,— сказал он вполголоса.— Но если...

— Вы не должны вызывать в Лондон африканскую полицию, что бы ни случилось,— сказал Грэхэм.— Этого я не допущу.

Острог ничего не ответил и почтительно склонился.

ГЛАВА XX

НА ГОРОДСКИХ ПУТЯХ

В ту же ночь, переодетый в костюм низшего служащего Управления Ветряных Двигателей, в сопровождении одного только Асано, в синей форме Рабочей Ком-

пании, Грэхэм отправился в город, где несколько дней назад он бродил в темноте, никем не узнанный. Теперь город был залит светом и кипел жизнью. Несмотря на недавнюю революцию и всеобщее недовольство, несмотря на глухое брожение в народе, предвещавшее новое, еще более грозное восстание, люди были заняты разнообразными коммерческими делами.

Хотя Грэхэм уже ознакомился с размахом дел в новом веке, то, что он увидел, поразило и ошеломило его. Его захлестнул бурный поток новых впечатлений.

Впервые за эти дни он так близко соприкоснулся с народом. Грэхэму было ясно, что хотя он и заглядывал в театры и на рынки, все же до сих пор ему приходилось вращаться лишь в замкнутом кругу высшего общества и высокий сан изолировал его от народа. Теперь же он увидел город, кипящий вечерней сутолокой, город, живущий своей обычной, будничной жизнью.

Сначала они попали на улицу, где бежавшие им навстречу пути были забиты людьми в синей форме. По-видимому, это была какая-то процессия, хотя было странно, что все ее участники сидели. Они держали знамена из грубой красной материи с косо намалеванным лозунгом «Долой разоружение!». Орфография была самая фантастическая.

«Зачем хотят нас разоружать?.. Долой разоружение!» — читал Грэхэм на знаменах.

Целый лес знамен пронесся мимо него под пение революционного гимна и оглушительные звуки каких-то странных инструментов.

— Все они должны быть на работе,— сказал Асано.— Последние два дня они или ничего не ели, или добывали еду воровством.

Асано свернул в сторону, чтобы не попасть в толпу, глазевшую на траурную процессию из больницы к кладбищу,— похороны жертв первой революции.

В эту ночь почти никто не спал, все высыпали на улицу. Грэхэма окружала возбужденная, постоянно менявшаяся толпа; его оглушили эти крики и возгласы недовольства, доказывавшие, что социальная борьба только еще начинается. Черные полотнища и причудливые украшения свидетельствовали, что популярность его попрежнему огромна. Повсюду он слышал грубый жаргон

простонародья, незнакомого с фонографами. Атмосфера, казалось, была насыщена горячим недовольством по поводу разоружения, о чем он даже не подозревал в апартаментах Управления Ветряных Двигателей. Он решил, что немедленно по возвращении должен поговорить обо всем этом с Острогом более решительно, чем раньше. В течение всей ночи, даже в первые часы путешествия по городу, этот царивший повсюду дух возмущения поражал его и мешал ему заметить многое новое, что, несомненно, заинтересовало бы его. Поэтому его впечатления были несколько сумбурны.

Даже самая сильная личность не может не подчиниться влиянию необычной обстановки. Порой Грэхэм даже забывал о революционном движении, поглощенный другими впечатлениями. Элен пробудила в нем горячий интерес к социальным проблемам, но были моменты, когда он переставал о ней думать, весь уйдя в созерцание городской жизни. Так, например, он обратил внимание на религиозный квартал, где были сосредоточены все церкви и часовни, посетить которые можно было в любой момент благодаря быстроте передвижения.

Они сидели на платформе одного из самых быстрых верхних путей, и Грэхэм заметил на повороте быстро приближающийся к ним фасад здания одной из христианских сект. Фасад был сверху донизу испещрен белыми и голубыми надписями. На середине фасада был ярко освещенный экран — на нем передавались с реалистическими подробностями сцены из Нового завета. Обширные плакаты с надписями на черном фоне доказывали, что и религия пользуется рекламой. Грэхэм был уже знаком с фонетическим способом письма и прочел надписи, показавшиеся ему прямо кощунственными: «Спасение в третьем этаже, повернуть направо», «Отдайте деньги вашему хозяину — богу», «Самое быстрое обращение в Лондоне, самые искусные операторы. Спешите, спешите!», «Что сказал бы Христос Спящему? Почитайте современных святых!», «Христианская религия не мешает быть деловым человеком», «Сегодня проповедь самых лучших епископов, цены обычные», «Быстрое выполнение треб для занятых деловых людей».

— Как это ужасно! — сказал Грэхэм, пораженный таким торгашеским благочестием.

— Что ужасно? — спросил маленький японец, не понимая, в чем дело,— этот балаган был для него самым обычным явлением.

— Эти надписи. Ведь сущность религии — благоговение.

— Ах, вот в чем дело! — Асано с удивлением взглянул на Грэхэма.— Вас шокируют эти надписи? В самом деле. Я совсем позабыл. В наше время так сильна конкуренция и люди так заняты, у них нет времени, чтобы заботиться о своей душе.— Он улыбнулся.— В старину у вас была суббота и потом еще поездки за город. Хотя мне и приходилось читать, что по воскресеньям...

— Но это возмутительно,— перебил его Грэхэм, глядя на белые и голубые надписи.— А между тем это, видимо, очень в ходу...

— Есть сотни различных способов. Но, конечно, если секта не рекламирует себя, то у нее нет доходов. Религия сильно изменилась за это время. Здесь находятся секты высших классов, где все к услугам посетителей. Дорогие курения, индивидуальный подход и тому подобное. Они популярны и преуспевают. Они платят немало дюжин львов за эти помещения Белому Совету, то есть вам, хотел я сказать.

Грэхэм был еще плохо знаком с новой монетной системой, и его заинтересовало сообщение о дюжинах львов. Храмы с рекламными надписями и комиссионерами отодвинулись на задний план. Он узнал от Асано, что золото и серебро больше не употребляются для чеканки монет, что штампованное золото, царство которого началось еще в Финикии, наконец развенчано. Это произошло вследствие быстрого распространения чеков, которые еще в девятнадцатом столетии почти вытеснили золото во всех крупных сделках.

Обычная городская торговля, все уплаты производились чеками на предъявителя — печатными бланками бурого, зеленого и розового цвета. У Асано было много таких чеков и при первом же размене стало еще больше. Они печатались не на бумаге, которая легко рвется, а на полупрозрачной шелковистой материи.

На каждом чеке было факсимиле подписи Грэхэма, и он через двести три года снова увидел свой автограф.

Кругом не было ничего особенно примечательного, и Грэхэм снова стал думать о предстоящем разоружении.

Они миновали мрачный храм теософов, на фасаде которого огненные мерцающие буквы обещали «Чудеса», и увидали на Нортумберлэнд-авеню общественные столовые, которые заинтересовали Грэхэма.

Благодаря энергии и ловкости Асано им удалось осмотреть эти залы с небольшой закрытой галереи, где обычно обедали официанты.

В здании стоял не то крик, не то гул. Грэхэм не мог уловить отдельных слов, но что-то напоминало ему тот таинственный голос, который он слышал на освещенных улицах во время своих ночных скитаний.

Хотя он успел уже привыкнуть к большим скоплениям народа, зрелище надолго приковало его внимание. Он наблюдал за обедавшими внизу людьми, расспрашивая Асано, и наконец понял, что значит это кормление нескольких тысяч человек сразу.

Уже неоднократно он с удивлением замечал, что значение какого-нибудь факта становилось ему ясным не сразу, но лишь когда он узнавал целый ряд второстепенных деталей. Так, например, ему до сих пор не приходило в голову, что этот огромный, защищенный от перемен погоды город, эти залы, движущиеся пути свели на нет домашнее хозяйство, что типичный старый дом викторианской эпохи — маленькая кирпичная ячейка с кухней, чуланом, жилыми комнатами и спальней — сохранился разве только в старых руинах. Только теперь он осознал, что Лондон представляет собой не скопление отдельных домов, а грандиозный отель с тысячами номеров, ресторанов, часовен, театров, рынков и общественных залов, которые почти все принадлежат ему, Грэхэму. Сохранились еще отдельные спальни, быть может, даже квартирки в две комнаты, комфортабельно оборудованные, но обитатели их живут так же, как постояльцы гигантских отелей викторианского времени: они обедают, читают, размышляют, играют и разговаривают в общественных помещениях, а работают в промышленных и служебных кварталах.

Он понял, что такое положение вещей явилось неизбежным результатом развития общественной жизни. Преимущество городской жизни — большая организован-

ность. Но раньше слиянию отдельных домохозяйств мешал недостаток культуры, суровая варварская гордость, страсти, предрассудки, ревность, соперничество и подавление средних и низших классов. Однако уже в его времена начался общественный прогресс, народ быстро стал приобретать культурные навыки.

Грэхэм прожил в девятнадцатом веке всего каких-нибудь тридцать лет, но уже при нем начала укореняться привычка питаться вне дома; маленькие, похожие на стойло, кафе заменили великолепные просторные рестораны, переполненные посетителями; появились женские клубы, все больше становилось читален, библиотек, мест отдыха, что свидетельствовало о стремлении людей к широкому общению друг с другом. Теперь эти семена дали пышные всходы. Индивидуальное, изолированное хозяйство мало-помалу совсем исчезло.

Люди внизу, как он узнал, принадлежали к небогатому сословию и стояли лишь ступенью выше тружеников в синей форме, к тому сословию, представители которого в викторианскую эпоху настолько привыкли уединяться в часы еды, что, когда им приходилось обедать на виду у всех, они становились нарочито развязными и воинственными, чтобы скрыть смущение. Но эти пестро и легко одетые люди, несмотря на живость движений, торопливость и необщительность, отличались изысканными манерами и уж, во всяком случае, обращались друг с другом очень непринужденно.

Грэхэм заметил, что столы после обеда оказывались совершенно чистыми: ни разбросанных хлебных кусков, ни пятен от жаркого или соуса, ни пролитых напитков, ни сдвинутых с места горшков с цветами, как это бывало во времена королевы Виктории. Сервировка стола сильно изменилась. Не видно было ни украшений, ни цветов, ни скатертей. Как ему объяснили, крышка стола была сделана из весьма твердого материала, с виду напоминающего атлас, и вся испещрена красивыми рекламами.

В небольшом углублении против каждого обедающего помещался аппарат из фарфора и металла. Фарфоровая белая тарелка не сменялась в течение всего обеда. Обедающий нажимал на кнопку, подавалась горячая и холодная вода, и он сам мыл тарелку, а также

красивый нож, вилку и ложку, сделанные из белого металла.

Суп и искусственное химическое вино — общеупотребительный напиток — также подавались нажатием кнопки, а кушанья на красивых блюдах автоматически передвигались вдоль стола по серебряным рельсам. Обедающий останавливал любое кушанье и брал сколько хотел. Люди входили в небольшую дверь у одного конца стола и выходили у другого конца. Грэхэм заметил, что среди этих людей очень сильна отвратительная лакейская гордость, наследие упадка демократии, когда равные стыдятся услужить друг другу. Он так был заинтересован всеми этими мелочами, что только при выходе из помещения заметил громадные диорамы различных объявлений, медленно передвигающиеся вдоль стены.

Покинув столовую, Грэхэм и Асано перешли в большой зал, где было множество народа, и Грэхэм обнаружил источник странного шума, так его озадачившего. Они остановились у турникета, где уплатили за обед.

Грэхэм услышал громкий, резкий голос:

«Правитель Земли спит спокойно, чувствует себя превосходно. Остаток жизни он собирается посвятить полетам. Он утверждает, что наши женщины прекрасны. Алло! Слушайте, слушайте! Наша чудесная цивилизация поразила его. Он доверяет вождю Острогу. Полное доверие Острогу. Алло! Острог будет его главным министром. Всем управляет Острог. Советники будут заключены в тюрьму под домом Белого Совета...»

Грэхэм остановился как вкопанный. Взглянув вверх, он увидел раструб огромной трубы, откуда вылетали звуки. Это была Машина Новостей. Казалось, она запнулась и переводила дыхание, ее металлическое тело сотрясалось ритмической дрожью; потом она снова заревела:

«Алло, алло! Слушайте, слушайте! В Париже всякое сопротивление сломлено. Алло! Черная полиция заняла все важнейшие позиции в городе. Она сражалась храбро, распевая древние песни поэта Киплинга. Раз или два она вышла из повиновения, добивала раненых и мучила взятых в плен инсургентов, мужчин и женщин. Мораль: не следует бунтовать. Алло, алло! Они славные ребята. Пусть это будет уроком для всех ослушников

и бунтовщиков нашего города, отбросов земли! Алло, алло!..»

Голос замолк. В толпе послышался глухой ропот негодования.

— Проклятая полиция! — воскликнул кто-то рядом.— Вот как поступает наш Правитель Земли! Неужели, братья, он хочет сделать то же и с нами?

— Черная полиция! — вырвалось у Грэхэма.— Что такое? Вы хотите сказать...

Асано схватил его за руку и остановил. Снова неприятным, пронзительным голосом заговорила другая машина:

«Яхаха, яхаха! Слушайте! Слушайте живую газету. Яхаха! Ужасные зверства в Париже. Яхаха! Парижане до такой степени раздражены черной полицией, что готовы уничтожить ее. Ужасные репрессии. Возвратились времена варварства! Кровь, кровь! Яха!»

«Алло, алло! — дико и оглушительно зарычала ближайшая Болтающая Машина, заглушая своим ревом последние слова.— Законность и порядок должны быть восстановлены».

— Но...— начал было Грэхэм.

— Не расспрашивайте меня здесь,— остановил его Асано шепотом,— иначе мы попадем в неприятную историю.

— Так выйдем отсюда куда-нибудь. Я хочу знать.

Пробираясь к выходу через возбужденную толпу слушателей, Грэхэм успел заметить, что зал был очень обширен. Здесь было около тысячи больших и малых громкоговорителей, ревущих, вопящих, бормочущих, болтающих, и около каждого стояла кучка возбужденных слушателей, почти все в синей форме. Машины были разных размеров, начиная с небольшого аппарата в углу, визгливо выкрикивающего всякие сарказмы, и кончая пятидесятифутовым гигантом, который встретил Грэхэма своим чудовищным ревом.

Зал был переполнен, все интересовались положением дел в Париже. Очевидно, борьба там была более ожесточенной, чем рассказывал Острог.

Все машины говорили об этом, и толпа гудела, как пчелиный улей, выкрикивая отдельные фразы: «Линчевать полицию!», «Заживо сожженные женщины», «Ка-

кие ужасы!». «Но как же он допускает это?» — спросил кто-то совсем близко. «Вот как начинает он свое правление!»

Вот как начинает он свое правление? Они вышли из зала, но до них все еще доносился гул, свист, рев и завывание машин:

«Алло! Алло! Яхаха! Ях! Яха!» Вот как начинает он свое правление!

На движущихся улицах Грэхэм начал расспрашивать Асано о парижских событиях.

— Как обстоит дело с разоружением? Почему волнения? Что это значит?

Асано начал было его уверять, будто все обстоит благополучно.

— Но эти зверства!

— Нельзя приготовить яичницы,— сказал Асано,— не разбив яиц. Ведь это простонародье. И только в одной части города. В других все спокойно. Парижские рабочие самые отчаянные, кроме разве наших.

— Как! Лондонских?

— Нет, японских. Их надо держать в повиновении.

— Но сжигать заживо женщин...

— Ничего не поделаешь... Коммуна! — сказал Асано.— Они хотят ограбить вас. Они хотят уничтожить собственность, хотят отдать мир во власть толпы. Вы Правитель Земли, мир принадлежит вам. Но здесь не хотят Коммуны. Здесь не потребуется вмешательства чернокожей полиции. Им всячески пошли навстречу. В Париж вызвано несколько полков сенегальцев и негров из Тимбукту.

— Как несколько? — удивился Грэхэм.— Я слышал, что только один.

— Нет,— сказал Асано и посмотрел на Грэхэма,— там было несколько.

Грэхэм был поражен.

— Я не думал...— начал было он и вдруг замолчал. Потом он переменил тему и стал расспрашивать о Болтающих Машинах.

В зале толпились по большей части бедно одетые и даже оборванные люди. Асано объяснил, что у представителей высшего общества почти в каждом помеще-

нии имеются свои Болтающие Машины, которые приводят в действие, нажимая рычаг. Их по желанию можно соединить с кабелем любого синдиката новостей. Грэхэм спросил, почему нет этих машин в его апартаментах.

Асано запнулся.

— Не знаю. Вероятно, Острог велел их убрать.

— Зачем? — удивился Грэхэм.

— Может быть, он боялся, что они будут беспокоить вас.

— Они должны быть снова поставлены на свое место, как только мы вернемся,— заявил Грэхэм после минутного раздумья.

Грэхэму трудно было поверить, что столовая и комната новостей не являются центральными учреждениями и что их очень много в городе. Но, скитаясь по разным кварталам, он неоднократно слышал в грохоте улиц рев громкоговорителей Острога: «Алло! Алло!», — или пронзительные выкрики: «Яхаха, яха, ях! Слушайте живую газету!»— голос его соперников.

Повсюду можно было увидеть детские ясли вроде тех, которые ему показали. Они поднялись туда на лифте и прошли вверх по стеклянному мостику, через столовую. Перед входом Асано должен был предъявить пропуск с подписью Грэхэма. К ним немедленно приставили человека в лиловом одеянии с золотой застежкой — значком практикующих врачей. По тому, как с ним обращались, Грэхэм заметил, что инкогнито его раскрыто, и, не стесняясь, стал расспрашивать об устройстве этого учреждения.

По обе стороны коридора, устланного толстыми дорожками, заглушавшими шаги, тянулся ряд небольших узких дверей, похожих на двери тюремных одиночек. Верхняя часть их была сделана из того же зеленого прозрачного состава, который увидел Грэхэм при своем пробуждении. В каждой камере, в ватном гнезде, лежало по грудному ребенку; их было трудно разглядеть сквозь окно. Сложный аппарат регулировал температуру и влажность воздуха и механическим звонком сообщал в центральное управление обо всех отклонениях от нормы. Система таких яслей совершенно вытеснила старомодный рискованный способ выкармливания. Врач

обратил внимание Грэхэма на механических кормилиц с искусственными, прекрасно сделанными руками, плечами и грудью, но с медными треножниками вместо ног и с плоским диском вместо лица, где были наклеены необходимые для матерей объявления.

Из всех чудес этой ночи больше всего поразили Грэхэма ясли. Его отпугивал вид этих крошечных, беспомощно барахтавшихся розовых существ, одиноких, не знающих материнской ласки.

Но сопровождавший его доктор держался другого мнения. Статистика доказала, что во времена королевы Виктории самым опасным периодом в жизни ребенка был период кормления грудью и что детская смертность была ужасающей, тогда как Международный Синдикат Яслей терял не больше одного процента из миллиона младенцев, находившихся на его попечении. Но даже эти цифры не могли разубедить Грэхэма.

В одном из коридоров, у одной из камер, он заметил молодых супругов в синей форме. И муж и жена истерически хохотали, смотря сквозь прозрачную перегородку на лысую головку своего первенца. Вероятно, по лицу Грэхэма они поняли, что̀ он подумал о них,— они перестали смеяться и смутились. Этот маленький инцидент еще больше подчеркнул пропасть, существовавшую между ним и новым веком. Взволнованный и возмущенный, прошел он вслед за своим провожатым во второе отделение — для детей, уже начинающих ползать, и затем в детский сад. Бесконечные комнаты для игр были совершенно пусты. Значит, дети по-старому спят по ночам. Японец мимоходом обратил его внимание на игрушки, представлявшие, впрочем, лишь дальнейшее развитие идей вдохновенного сентименталиста Фребеля. Здесь уже были няньки, но многое выполнялось машинами, которые пели, плясали и укачивали.

Грэхэму, однако, не все было понятно.

— Как много сирот! — пожалел он, невольно впадая в ошибку, и во второй раз ему сказали, что это вовсе не сироты.

Когда они вышли из яслей, он с возмущением начал говорить о малютках, которых выращивают искусственно в инкубаторах.

— А где же материнское чувство? — говорил он.— Или это было ложное чувство?.. Нет, материнское чувство основано на инстинкте. А это так противоестественно, так ужасно!..

— Отсюда мы пройдем в танцевальный зал,— перебил его Асано.— Там, наверное, масса народу, несмотря на политические волнения. Наши женщины не слишком интересуются политикой. Впрочем, бывают иногда исключения. Там вы увидите матерей, в Лондоне большинство молодых женщин — матери. У нас обыкновенно имеют одного ребенка; это считается необходимым доказательством жизнеспособности. Матери очень гордятся своими детьми и часто приходят сюда взглянуть на них. Вот вам и материнское чувство!

— Так, значит, население земного шара...

— Убывает? Да. Стихийно размножаются только люди Рабочей Компании. Они так беспечны...

Послышались звуки танцевальной музыки. Из прохода с рядами великолепных колонн, по-видимому, из чистого аметиста, доносились веселые крики и смех. Он увидел завитые волосы, венки, счастливые подкрашенные лица.

— Мир изменился,— слегка улыбнулся Асано.— Сейчас вы увидите матерей новой эры... Идемте сюда. Мы посмотрим на них сверху.

Они поднялись на быстром лифте, сменив его потом на более медленный. Музыка становилась все громче и оживленней, и, поднимаясь под ее аккомпанемент, они услышали топот танцующих. Заплатив за вход у турникета, они поднялись на широкую галерею, возвышавшуюся над танцевальным залом, над этой феерией света и звуков.

— Здесь матери и отцы тех малюток, которых вы только что видели,— сказал Асано.

Зал не был так роскошно украшен, как зал Атласа, но по размерам превосходил все помещения, какие только видел Грэхэм. Прекрасные мраморные кариатиды, поддерживавшие на своих плечах галереи, еще раз напомнили ему о возрождении скульптуры в новом веке; они изгибались, как живые, и улыбались. Музыка, доносившаяся неизвестно откуда, наполняла

зал, блестящий гладкий пол был усеян танцующими парами.

— Взгляните на них,— сказал маленький японец.— Как видите, они мало думают о своих материнских обязанностях.

Галерея, на которой они стояли, тянулась вдоль верхнего края огромного экрана, отделявшего танцевальный зал от другого, наружного, с широкими открытыми арками, за которыми виднелись движущиеся платформы улиц. Во втором зале тоже теснилась толпа, одетая менее блестяще, большей частью в синей форме Рабочей Компании, хорошо знакомой Грэхэму. Слишком бедные, чтобы попасть за турникет на бал, они слушали соблазнительные звуки музыки. Некоторые бедняки, расчистив себе место, отплясывали, размахивая своими лохмотьями. При этом они выкрикивали грубые шутки, которых Грэхэм не понимал. В темном углу начали было насвистывать припев революционного гимна, но внезапно остановились.

В темноте Грэхэм не мог рассмотреть, что там произошло.

Он опять повернулся к танцевальному залу. Над кариатидами высились мраморные бюсты тех, кого новый век признавал, очевидно, своими учителями и пионерами. Их имена по большей части были незнакомы Грэхэму, но все же он узнал Грант-Аллена, Ле-Галльена, Ницше, Шелли и Годвина. Черная драпировка еще резче оттеняла огромную надпись под самым потолком: «Фестиваль пробуждения». Фестиваль, очевидно, был в полном разгаре.

— Мириады людей оставили работу и празднуют ваше пробуждение,— сказал Асано.— Я не говорю, конечно, о бастующих рабочих. Эти всегда готовы праздновать.

Грэхэм подошел к парапету и, наклонившись, стал смотреть вниз на танцующих. На галерее были только он, да его провожатый, да две-три нежные парочки, шептавшиеся по углам. Снизу подымалась теплая волна ароматов и испарений. И женщины и мужчины были очень легко одеты, с обнаженными руками, с открытой шеей, так как город был защищен от холода. Некоторые мужчины бритые, нарумяненные, носили длинные

локоны, многие женщины отличались красотой, и все они были одеты с утонченным кокетством. Они танцевали с упоением, полузакрыв глаза.

— Что это за люди? — спросил Грэхэм.

— Рабочие, привилегированные рабочие, или, по-вашему, среднее сословие. Торговцы и ремесленники уже давно исчезли. А это торговые служащие, техники, инженеры всяких специальностей. Сегодня праздник, и все танцевальные залы и религиозные учреждения переполнены.

— А женщины?

— Тоже работают. Для женщин много самой разнообразной работы. В ваше время женщины только что начинали самостоятельно работать. Теперь же большинство женщин работает. Почти все они замужем так или иначе, у нас имеются разные формы брака. Это дает им средства веселиться.

— Вижу,— сказал Грэхэм, глядя на раскрасневшиеся лица в круговороте танцев и с ужасом вспоминая беспомощные розовые тельца малюток.— И это все матери?..

— Да, большинство.

— Чем больше я наблюдаю, тем сложнее кажутся мне проблемы вашей жизни. Это такая же новость для меня, как сообщение из Парижа.

Помолчав, он снова заговорил:

— Все это матери... Когда-нибудь, надеюсь, я усвою современные взгляды. У меня старые предрассудки, порожденные, вероятно, старыми потребностями, которые уже отжили свой век. В наше время женщины не только рожали детей, но и заботились о них, воспитывали их. Ребенок был обязан матери своим нравственным воспитанием и образованием Или же он совсем не получал воспитания. Правда, тогда были беспризорные дети, теперь же, очевидно, больше нет надобности в материнском уходе. Дети вырастают, как куколки бабочки. Все это хорошо, но у нас был идеал самоотверженной женщины, скромной и молчаливой, домашней хозяйки, женщины-матери. У нас была любовь к матери, переходившая в обожание...

Он остановился, потом повторил:

— Да, своего рода обожание...

— Идеалы меняются,— заметил Асано,— по мере того, как возникают новые потребности.

Ему пришлось повторить свои слова, так как погрузившийся в раздумье Грэхэм не сразу вернулся к действительности.

— Может быть, это разумно. Воздержание, самоограничение, вдумчивость, самоотверженность были нужны в эпоху варварства, когда жизнь подвергалась опасностям. Человек был смел перед лицом непобежденной природы. Но теперь он покорил природу для своих практических целей. Политикой управляет Острог с черной полицией, люди же развлекаются.

Он снова посмотрел на танцующих.

— Развлекаются...

— И у них бывают тяжелые минуты,— сказал маленький японец.

— Они все выглядят молодыми. Я здесь, конечно, самый старый. А в свое время я считался человеком средних лет.

— Это все молодежь. В наших городах мало стариков среди представителей этого класса.

— Почему?

— Жизнь старика в наше время не очень-то приятная, если он не может нанять сиделок и любовниц. У нас существует так называемая эвфаназия.

— А! Эвфаназия!— сказал Грэхэм.— Другими словами, легкая смерть?

— Да, легкая смерть. Последнее удовольствие. Компания Эвфаназии отлично это делает. Вы вносите плату (это стоит довольно дорого), затем отправляетесь в Города Наслаждений и возвращаетесь истомленным, больным.

— Многое мне пока еще непонятно,— заметил Грэхэм.— Но во всем этом есть своя логика. Наша броня суровой добродетели, жестоких ограничений являлась следствием опасности и риска. Но уже в наше время стоики и пуритане стали редкостью. Раньше человек избегал страданий, теперь же ищет наслаждений. Вот и вся разница. Цивилизация изгнала страдание и опасность, по крайней мере для обеспеченных людей. А ведь у вас только обеспеченные имеют значение. Я проспал целых двести лет.

С минуту, облокотясь на балюстраду, они молча любовались сложными фигурами танца. Действительно, зрелище было великолепное.

— Ей-богу,— сказал вдруг Грэхэм,— я предпочел бы умирать от ран в снегу, чем стать одним из этих нарумяненных глупцов.

— В снегу вы, вероятно, одумались бы,— возразил Асано.

— Я недостаточно цивилизован,— продолжал Грэхэм, не слушая его,— и в этом все мое несчастье. Я дикарь каменного века. А у этих людей уже иссяк источник гнева, страха и негодования. Они привыкли вести веселую жизнь и не знают забот. Вы должны примириться с моими предрассудками и возмущением человека девятнадцатого столетия. Эти люди,— говорите вы,— привилегированные рабочие, и они танцуют, когда другие сражаются и умирают в Париже ради того, чтобы они могли веселиться.

Асано слегка улыбнулся.

— В Лондоне тоже за это умирают.

Наступило молчание.

— А где они спят? — спросил Грэхэм.

— Выше и ниже этого зала все помещения набиты людьми, как крольчатник кроликами.

— Не сладко же им живется! А где они работают?

— Сегодня ночью вы вряд ли кого увидите на работе. Половина рабочих или шляется без дела, или вооружена. А остальные празднуют. Но если хотите, мы осмотрим места работы.

Грэхэм взглянул на танцующих, потом отвернулся.

— Довольно с меня. Я хочу видеть рабочих,— сказал он.

Асано повел его по галерее, пересекавшей танцевальный зал, к проходу, откуда потянуло свежим, прохладным воздухом. Он обернулся с улыбкой и сказал Грэхэму:

— Сир, вы сейчас увидите кое-что вам знакомое... Нет, лучше я вам ничего не буду говорить. Идемте!

И он пошел вперед по крытому холодному проходу. По звуку шагов Грэхэм догадался, что они идут по мосту. Они прошли через кольцевую остекленную галерею в круглую комнату, которая показалась Грэхэму знако-

мой, хотя он и не мог припомнить, когда здесь был. В комнате стояла приставная лестница; впервые после своего пробуждения Грэхэм увидел лестницу. Они поднялись по ней в холодное, темное, высокое помещение, где находилась другая такая же почти вертикальная лестница. Грэхэм все еще не мог вспомнить, но когда они поднялись наверх по второй лестнице, он узнал старинную металлическую решетку. Он находился на куполе собора святого Павла. Собор немного возвышался над городскою кровлей, его купол отливал маслянистым блеском в лучах далеких огней; очертания зданий расплывались в окрестном мраке.

Сквозь решетку он поглядел на безоблачное северное небо и узнал знакомые с детства созвездия. На западе мерцала Капелла. Вега только еще поднималась, а над головой сверкали семь ярких звезд Большой Медведицы, по-прежнему медленно вращавшихся вокруг полюса.

Созвездия ярко сияли на безоблачном небе. Но на востоке и на юге их заслоняли гигантские круглые тени вращавшихся ветряных двигателей, закрывавшие даже сверкающее огнями здание Белого Совета. На юго-западе за сплетениями проводов над изломанной линией крыш бледным призраком выглядывал Орион. Вой сирены с аэродрома возвещал о том, что аэропланы готовятся к отлету.

С минуту Грэхэм смотрел на огни аэродрома, потом снова взглянул на звезды. Он долго молчал, потом сказал, улыбаясь в темноте.

— Как это удивительно! Я снова стою на куполе святого Павла и вижу эти знакомые безмолвные звезды.

Асано повел его лабиринтами переходов в торговые, деловые кварталы, где спекулянты наживали и теряли огромные состояния. Грэхэм увидел бесконечный ряд высоких залов с ярусами галерей, куда выходили тысячи контор, с десятками мостов, переходов, с целой сетью воздушных рельсовых путей, трапеций и кабелей. Здесь бился пульс деловой жизни, спешной, лихорадочной работы. Повсюду рябили крикливые рекламы, утомляя глаза пестротой красок и огней. Болтающие Машины наполняли воздух резкими выкриками на грубом

жаргоне: «Разуй глаза — не проходи мимо!», «Не зевай, загребай золото!», «Эй вы, слушайте!»

Повсюду толпился народ, занятый какими-то махинациями. Грэхэм узнал, что сейчас здесь сравнительно тихо, так как за последние дни политические волнения снизили до небывалого минимума число коммерческих сделок. Один огромный зал был весь уставлен столами с рулеткой. Вокруг теснилась возбужденная, крикливая толпа. В другом зале стоял невероятный галдеж: бледные женщины и мужчины с надувшимися от напряжения бычьими шеями покупали и продавали акции какого-то фиктивного предприятия, выдававшего каждые пять минут дивиденд в десять процентов и погашавшего часть своих акций при помощи лотерейного колеса.

Во все эти операции вкладывалось столько энергии, что казалось, вот-вот начнется общая свалка. Грэхэм заметил густую толпу и посредине ее двух почтенных коммерсантов, которые яростно ругались и готовы были вцепиться друг другу в горло. Очевидно, в жизни еще оставались какие-то поводы для борьбы. Дальше Грэхэма поразило огромное объявление, горевшее кроваво-красным пламенем букв, каждая из которых была вдвое больше человеческого роста: «Мы гарантируем Хозяина. Мы гарантируем Хозяина».

— Какого хозяина? — спросил он.

— Вас.

— Почему же меня гарантируют?

— Разве в ваше время не было гарантирования?

Грэхэм подумал.

— Вы хотите сказать, страхования?

— Ну да, страхования... Так это называлось в старину. Страхуется ваша жизнь. Полисы раскупаются, на вас ставят мириады львов. Потом другие покупают векселя. Это та же игра. Играют и на других — на всех известных людей. Посмотрите!

Толпа отхлынула с ревом, и Грэхэм увидел, что большой черный экран загорелся пурпурной надписью еще бо́льших размеров:

«Годовая пятипроцентная рента на Хозяина».

Рев усилился. Несколько человек, запыхавшихся, с дико вытаращенными глазами, хватая воздух хищно

скрюченными пальцами, пробежали мимо. У тесного входа началась давка.

Асано наскоро сделал подсчет.

— Семнадцать годовых процентов на сто. Наверное, они не стали бы так много платить, если бы увидели вас сейчас, сир. Но они не знают. Прежде проценты, получаемые за вас, были верным делом, но теперь, разумеется, это только азартная игра, безнадежное дело. Сомневаюсь, чтобы они выручили свои деньги.

Толпа желающих приобрести ренту так сжала их, что они не могли двинуться ни взад, ни вперед. Грэхэм заметил очень много женщин среди спекулянтов и вспомнил слова Асано об экономической независимости прекрасного пола. Женщины не боялись давки и очень ловко работали локтями, в чем ему пришлось убедиться на собственных боках. Одна интересная особа с кудряшками на лбу, затертая в толпе в двух шагах от него, сперва пристально посмотрела на Грэхэма, словно узнавая его, затем протиснулась поближе, толкнула его плечом и взглядом, древним, как Халдея, дала ему понять, что он ей нравится. Скоро между ними вклинился седобородый, высокий и худой старик, весь в поту, позабывший обо всем на свете, кроме сверкающей приманки «Х 5 пр. Д».

— Уйдемте отсюда,— заявил Грэхэм.— Не для того я вышел на улицы. Покажите мне рабочих. Я хочу видеть людей в синей форме. А это сумасшедшие паразиты...

Но тут Грэхэма так стиснули, что его многообещающая сентенция осталась незаконченной.

ГЛАВА XXI

РАБОЧИЕ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Из делового квартала они отправились на движущихся платформах в отдаленную часть города, где были сосредоточены фабрики. Платформы дважды пересекли Темзу и поднялись на широкий виадук, переброшенный через одну из больших северных дорог. Впечатле-

ние от этих переездов было беглое, но яркое. Внизу тянулась широкая блестящая полоса темной морской воды, река протекала под арками здания и исчезала во мраке, пронизанном редкими огнями. Ряд темных барок с людьми в синей форме плыл к морю. Дорога казалась длинным, очень широким и высоким туннелем, вдоль которого бесшумно и быстро двигались громадные колеса машин. И здесь тоже преобладала синяя форма Рабочей Компании. Грэхэма поразили плавность движений двойных платформ и величина и легкость огромных пневматических колес по сравнению с вагонами. Он обратил внимание на один узкий высокий вагон с продольными металлическими перекладинами, на которых были подвешены сотни бараньих туш. Внезапно край арки заслонил от него это зрелище.

Они сошли с движущейся платформы и спустились на лифте в наклонный проход, где пересели в другой лифт. Здесь вид резко изменился. Исчезли все архитектурные украшения, убавилось освещение, а здания по мере приближения к фабричным кварталам становились все массивнее. Но повсюду — в пыльных гончарных мастерских, возле механизмов, размалывавших полевой шпат, на сталелитейных заводах, среди озер расплавленного идемита,— повсюду виднелись мужчины, женщины и подростки в синей форме.

Во многих из этих огромных пыльных галерей тянулись ряды застывших в безмолвии машин, множество погашенных топок свидетельствовало о забастовке. Даже там, где работа еще продолжалась, труженики в синей форме делали все вяло и неохотно. Синюю форму не носили только надсмотрщики и полиция труда, они были одеты в оранжевые мундиры. Грэхэм только что видел раскрасневшиеся лица танцующих в залах, наблюдал лихорадочную энергию делового квартала и теперь не мог не заметить утомленных глаз, впалых щек и вялых мускулов у многих рабочих. Те, которых он видел за работой, были физически слабее руководителей этих работ, одетых в более яркие цвета. Коренастые работники прежних времен исчезли вместе с ломовыми лошадьми. Мускулы были больше не нужны: их заменили машины. Новые рабочие, как мужчины, так и женщины, были руководителями машины, ее слугами и

помощниками или артистами, разумеется, подневольными.

Женщины по сравнению с теми, которых в старину видел Грэхэм, были невзрачны и слабогруды. Двести лет нарушения принципов пуританской морали и религии, двести лет тяжелой работы и городской жизни лишили женской красоты и силы этих бесчисленных работниц в синей форме. Быть красивой физически или талантливой, из ряда вон выходящей — значит освободиться от тяжелой работы и попасть в Города Наслаждений с их роскошью и великолепием, а потом — эвфаназия и покой. Конечно, люди, получающие такую скудную умственную пищу, не могли устоять против искушения.

В еще молодых городах в дни юности Грэхэма рабочие, пришедшие с разных концов страны, представляли собой весьма разношерстную массу; у них еще живо было понятие о чести и моральные традиции. Но теперь образовался класс, представители которого обладали характерными физическими особенностями, своей моралью и даже своим жаргоном.

Грэхэм и Асано спускались все ниже и ниже к фабричным кварталам. Скоро они очутились под одной из подвижных улиц и увидели платформы, двигавшиеся наверху по рельсам, и полоски белого света между перекладинами. Неработающие фабрики почти не освещались. Грэхэму казалось, что они вместе со своими гигантскими машинами окутаны мраком. Впрочем, и там, где работы не прекращались, освещение было довольно скудное.

За огненными озерами идемита находились ювелирные мастерские. Грэхэма и Асано не сразу и лишь после предъявления пропуска впустили в темные прохладные галереи. В первой несколько человек выделывали золотые филигранные украшения. Каждый из рабочих сидел на маленькой скамейке возле лампы под колпаком. Странное впечатление производили в световом кругу их ярко освещенные пальцы, быстро перебирающие блестящие золотые украшения, и напряженные, точно призрачные лица.

Работа выполнялась превосходно, но без художественных образцов и рисунков; по большей части это были сложные орнаменты или геометрические фигуры. Все ра-

бочие были одеты в белую форму, без карманов и рукавов. Они надевали ее перед работой, а вечером, перед уходом, снимали и подвергались осмотру, прежде чем оставляли владения Компании. Однако полисмен сообщил вполголоса Грэхэму, что, несмотря на все меры предосторожности, Компанию нередко обкрадывают.

Во второй галерее женщины гранили и плавили искусственные рубины. В следующей мужчины и женщины выделывали медные пластинки, которые потом заливались эмалью. У многих из этих рабочих губы и ноздри были синеватого цвета, ибо они страдали особой болезнью, вызванной работой над пурпурной эмалью, бывшей особенно в моде. Асано извинялся, что повел Грэхэма такой дорогой, где обезображенные лица могут произвести на него неприятное впечатление, но эта дорога короче.

— Вот это как раз я и хотел видеть,— сказал Грэхэм. Заметив особенно обезображенное лицо, он невольно остановился.

— Она сама виновата,— заметил Асано.

Грэхэм возмутился.

— Но, сир,— возразил Асано,— без пурпура мы не можем приготовить этих вещей. В ваши дни люди могли носить грубые изделия, но ведь они были ближе к варварству на целых двести лет.

По одной из нижних галерей фабрики эмалевых изделий они подошли к небольшому круто выгнутому мосту. Заглянув через перила вниз, Грэхэм увидел пристань под необычайно огромными арками. С трех барж в облаках белой пыли множество кашляющих грузчиков выгружали молотый полевой шпат. Каждый катил небольшую тачку. Воздух был полон удушающей пыли, даже электрический свет казался желтовато-тусклым. Смутные тени рабочих мелькали на длинной белой стене. Время от времени рабочие останавливались и откашливались.

Призрачные глыбы огромных каменных сооружений, высившихся над чернильной водой, напомнили Грэхэму о множестве дорог, галерей и лифтов, которые, поднимаясь ярусами, отделяли его от солнечного света. Люди работали молча под наблюдением двух полицей-

ских Компании, и только шаги их глухо отдавались под сводами.

Грэхэм услышал, как в темноте кто-то запел.

— Молчать! — крикнул полицейский.

Но ему не подчинились. Покрытые белой пылью, рабочие дружно подхватили припев революционного гимна. Шагая по плитам, они отбивали такт: трам, трам, трам. Полицейский, отдавший приказание, взглянул на своего товарища, и Грэхэм заметил, что тот пожал плечами. Он больше не пытался прекратить пение.

Так проходили они фабрики и мастерские и видели много тяжелого и мрачного. Но зачем огорчать читателя? Для утонченной натуры наш теперешний мир и так достаточно плох, зачем же еще мучить себя, размышляя о грядущих бедствиях? Во всяком случае, не мы будем страдать от них. Возможно, что будут страдать наши потомки, но нам-то какое дело?

Эта прогулка оставила в душе Грэхэма множество смутных впечатлений. Громадные многолюдные залы, гигантские арки, исчезающие в облаках пыли, сложные машины, длинные ряды ткацких станков с бегущими нитями, тяжелые удары штампующих механизмов, шум и скрип ремней и арматуры, тускло освещенные подземные проходы, просеки убегающих вдаль огней, тяжелый запах дубильного завода и пивоварни, удушливые испарения — и повсюду могучие, массивные колонны и арки, каких он никогда раньше не видел. Сверкающие стальные и бетонные титаны выдерживали колоссальную тяжесть мирового города, подавляющего своей сложностью миллионы анемичных жителей. И всюду бледные лица, худоба, уродство и вырождение.

Три раза Грэхэм слышал революционный гимн во время своего долгого и тягостного скитания по этим местам. В конце одного прохода он увидал свалку: это были рабы Компании, захватившие свой хлеб прежде окончания работы. Поднимаясь к движущимся улицам, Грэхэм встретил детей в синей форме, бегущих в поперечный проход, и тотчас же понял причину их паники, увидав отряд полиции с дубинками, направляющийся к месту, где произошел какой-то беспорядок. Издали

доносился глухой шум. Несмотря на волнения, большинство оставшихся рабочих продолжало вяло работать. Все, сохранившие человеческий образ, бунтовали в эту ночь наверху, на улицах, распевали революционный гимн, призывали своего правителя и грозно размахивали оружием.

Выйдя из-под земли, Грэхэм и его спутник встали на движущуюся платформу. Их ослепил яркий свет центрального прохода. Вскоре они услыхали отдаленный вой и рев громкоговорителей Центрального бюро информации. Вдруг показались бегущие люди, на платформах и на улицах раздались вопли и крики. Пробежала женщина с побледневшим от ужаса лицом, вслед за ней другая — она пронзительно кричала.

— Что случилось? — с недоумением спросил Грэхэм, не понимавший жаргона.

Наконец он разобрал, что кричали все эти бегущие люди и почему в страхе визжали женщины. По городу, как первый порыв надвигающейся грозы, несся вопль:

— Острог вызвал черную полицию в Лондон! Черная полиция прибывает из Южной Америки!.. Черная полиция!.. Черная полиция!..

Асано побледнел и казался удивленным. Он нерешительно взглянул на Грэхэма и признался, что это было уже ему известно.

— Но как они пронюхали об этом? — удивился он.

Кто-то крикнул:

— Бросайте работу! Бросайте работу!

Темнолицый горбун в нелепом костюме, зеленом с золотом, вскочил на платформу, громко крича на хорошем английском языке:

— Это сделал Острог! Острог — негодяй! Он обманул Правителя!

Горбун хрипел, и тонкая струйка пены капала из его перекошенного рта. Он в ужасе кричал о расправе черной полиции в Париже и убежал, выкрикивая: «Острог — негодяй!»

Грэхэм остановился, и на мгновение ему показалось, что это опять сон. Он взглянул на громады зданий, исчезавшие в голубоватой мгле над фонарями, посмотрел

на ряды движущихся платформ, на бегущую взволнованную толпу.

— Правитель обманут!.. Правитель обманут!—кричали они.

И вдруг он все понял. Его сердце бурно забилось.

— Наконец-то! — воскликнул он.— Я должен был бы предвидеть это. Час настал!..

Затем поспешно прибавил:

— Что же делать?

— Вернуться назад в дом Белого Совета,— сказал Асано.

— Но почему бы мне не обратиться к народу?

— Вы даром потеряете время. Они не поверят, что это вы. Но они непременно соберутся около дома Белого Совета. Там вы найдете их вождей. Вы должны быть там — с ними!

— Быть может, это только слух?

— Но это похоже на правду,— возразил Асано.

— Подождем фактов!

Асано пожал плечами.

— Лучше идти к дому Белого Совета! — воскликнул он.— Туда они все направятся. Пожалуй, теперь мы уже не проберемся через развалины.

Грэхэм нерешительно последовал за ним.

Они поднялись на быстроходную платформу, и Асано заговорил с одним рабочим, который ответил ему на грубом простонародном наречии.

— Что он говорит? — спросил Грэхэм.

— Он знает очень мало. Он сказал, что черная полиция должна была явиться неожиданно, но кто-то из Управления Ветряных Двигателей сообщил об этом. Он говорит, что это была девушка...

— Девушка? Неужели?..

— Он так сказал, но он не знает, кто она такая. Она вышла из дома Белого Совета и рассказала об этом работавшим на развалинах.

Послышался новый крик, и паника улеглась. Этот крик пронесся как порыв ветра вдоль улицы.

— Все по своим частям! Все по своим частям! Каждый получит оружие! Каждый на свой пост!..

ГЛАВА XXII

БОРЬБА В ДОМЕ БЕЛОГО СОВЕТА

Асано и Грэхэм поспешили к развалинам около дома Белого Совета. Повсюду они видели возбужденных людей, народ восстал.

— Все по своим частям!.. Все по своим частям!..

Мужчины и женщины в синей форме торопливо поднимались по лестницам с подземных фабрик. В одном месте Грэхэм увидал арсенал революционного комитета, осажденный кричащей толпой, в другом — нескольких полицейских в ненавистной желтой форме, которые, спасаясь от толпы, вскочили на быстроходную платформу, двигавшуюся в противоположном направлении.

Около правительственных зданий крик «По частям!» превратился в несмолкаемый рев. Отдельных выкриков разобрать было нельзя.

— Острог обманул нас! — оглушительно вопил какой-то человек хриплым голосом над самым ухом Грэхэма, и эта фраза преследовала Грэхэма, как припев песни.

Этот человек стоял рядом с ним на быстроходной платформе и кричал что-то толпе на нижних платформах. Иногда вместо этой фразы он выкрикивал какие-то непонятные приказания. Затем он спрыгнул с платформы и скрылся.

В ушах Грэхэма звенело от крика. У него не было никакого определенного плана. Он хотел обратиться к толпе с какого-нибудь возвышения, хотел разделаться с Острогом; он был вне себя от ярости. Мускулы его напряглись, руки невольно сжимались в кулаки, губы дрожали.

К дому Белого Совета через развалины было невозможно пробраться, но Асано провел Грэхэма через центральное почтовое управление. Управление было открыто, но почтальоны в синей форме работали неохотно, большинство стояло под арками галереи, глядя на переполненные народом улицы.

— Пусть каждый занимает свой пост!.. Каждый должен быть на своем посту!..

Здесь Грэхэм, по совету Асано, сообщил, кто он такой.

Они переправились в дом Совета в кабинке по канату. Со времени капитуляции советников руины преобразились. Каскады морской воды из лопнувших труб были остановлены, и вверху на легких столбах был положен временный водопровод. Небо снова затянула сеть восстановленных кабелей и проводов для дома Белого Совета. Слева от здания быстро вырастал новый корпус, подъемные краны и строительные машины работали вовсю.

Разрушенные подвижные пути были тоже восстановлены, хотя еще и оставались под открытым небом. Это были те самые движущиеся улицы, которые Грэхэм видел с балкона после пробуждения, дней девять назад. Зал, где он лежал в летаргии, превратился в груду бесформенных каменных обломков.

День был уже в разгаре, и солнце ярко светило. Быстроходные платформы приносили из освещенных голубым электрическим светом туннелей толпы народа, которые скоплялись среди развалин. Воздух звенел от криков. Теснясь и толкаясь, народ устремлялся к центральному зданию. Грэхэм заметил, что в этой беспорядочной толпе кое-где проявлялись зачатки организованности и дисциплины. В хаосе криков слышался призыв:

«Все по своим частям! Каждый на свой пост!»

Кабель доставил их в помещение, в котором Грэхэм тотчас же узнал вестибюль зала Атласа над галереей, где он проходил с Говардом через час после своего пробуждения, чтобы показаться не существующему теперь Белому Совету.

Здесь находились теперь только два служителя при кабеле. Они, по-видимому, были поражены, узнав в человеке, выскочившем из кабинки, Спящего.

— Где Элен Уоттон? — спросил он.— Где Элен Уоттон?

Этого они не знали.

— Тогда где Острог? Я должен сейчас же увидеть Острога! Он обманул меня. Я вернулся, чтобы отнять у него власть!

Не дожидаясь Асано, Грэхэм поднялся по ступеням в углу и, отдернув занавес, очутился перед лицом вечного труженика титана.

Зал был пуст. Его вид, однако, сильно изменился с тех пор, как Грэхэм видел его в первый раз. Зал довольно сильно пострадал во время восстания. Вправо от огромной статуи верхняя часть стены была разрушена на протяжении двухсот метров, и пролом заделан стекловидной массой, вроде той, какая окружала Грэхэма, когда он проснулся. Снаружи доносился приглушенный гул.

— По своим частям! По частям! По частям! — ревела толпа.

Сквозь стекла просвечивали балки и подпорки металлических лесов, которые то поднимались, то опускались, в зависимости от того, как это требовалось большинству рабочих. На лесах виднелось множество рабочих. На зеленоватом фоне резко выделялась строительная машина, которая лениво вытягивала красные металлические краны, хватала глыбы минеральной пасты и аккуратно укладывала их. На ней стояли рабочие и смотрели на толпу.

Грэхэм невольно замешкался, глядя на машину, и Асано догнал его.

— Острог там, в канцелярии правления,— сказал Асано.

Лицо у него стало иссиня-бледным, и он испытующе смотрел на Грэхэма.

Не прошли они и десяти шагов, как влево от Атласа поднялась панель в стене, и оттуда вышел Острог в сопровождении Линкольна и двух негров, одетых в желтую форму. Он направился в противоположный угол, к другой раскрывшейся панели.

— Острог!— крикнул Грэхэм, и при звуках его голоса все удивленно оглянулись.

Острог что-то сказал Линкольну и подошел к Грэхэму.

Грэхэм заговорил первый, голос его звучал властно и резко.

— Что я слышу?—спросил он.—Вы призываете сюда черную полицию, чтобы удержать в повиновении народ...

— Это необходимо! — ответил Острог.— Они отбились от рук после восстания. Я недооценил...

— Значит, эта проклятая черная полиция уже на пути сюда?

— Да. Но вы же видели, что делается в городе?

— Ничего удивительного! А ведь вы мне обещали... Вы слишком много берете на себя, Острог!

Острог ничего не ответил, но подошел ближе.

— Эта черная полиция не должна появляться в Лондоне,— заявил Грэхэм.— Я Правитель Земли и не допущу этого!

Острог взглянул на Линкольна, который тотчас же приблизился к нему вместе с двумя неграми.

— Но почему? — удивился Острог.

— Она не должна вмешиваться в наши дела. К тому же...

— Но ведь она только орудие!..

— Это безразлично. Я Правитель Земли и хочу распоряжаться сам! Говорю вам: черная полиция не должна быть здесь!

— Народ...

— Я верю в народ!

— Потому что вы живой анахронизм! Вы человек прошлого, случайность. Вы владеете половиной богатства всего земного шара. Но хозяином его вы не можете быть. Вы слишком мало знаете, чтобы распоряжаться.

Острог многозначительно взглянул на Линкольна и продолжал:

— Я знаю, что вы думаете, и догадываюсь о том, что вы намерены делать. Пока еще не поздно, предостерегаю вас. Вы мечтаете о человеческом равенстве, о социалистическом строе! В вашей душе еще живут все эти обветшалые мечты девятнадцатого столетия, и вы хотите управлять новым веком, которого вы не понимаете!

— Прислушайтесь!— сказал Грэхэм.— Вы слышите этот мощный гул, подобный рокоту моря. Не голоса, а один голос! Понимаете ли вы, что это такое?

— Мы научили их этому.

— Возможно, но можете ли вы научить их забыть это? Довольно разговоров! Черная полиция не должна быть здесь!

Помолчав, Острог взглянул ему прямо в глаза.

— Она будет здесь! — заявил он.

— Я запрещаю!

— Она уже вызвана.

— Я этого не хочу.

— Нет! — возразил Острог.— К сожалению, я должен последовать примеру Совета... Ради вашего блага вы не должны становиться на сторону... бунтовщиков. А теперь, когда вы здесь... Вы очень хорошо сделали, что вернулись.

Линкольн положил руку на плечо Грэхэму. Внезапно Грэхэм понял, какую грубую ошибку он сделал, вернувшись в дом Белого Совета. Он повернулся было к занавесу, отделявшему вестибюль от зала. Но Асано задержал его. Линкольн схватил Грэхэма за платье.

Грэхэм повернулся и ударил Линкольна по лицу, но тотчас же негр схватил его за воротник и рукав. Грэхэм вырвался, с треском разорвав рукав, и отскочил назад, но его сшиб с ног другой негр. Он тяжело упал на пол и несколько мгновений лежал, глядя на высокий потолок зала.

Он закричал, перевернулся и хотел подняться. Ухватил одного прислужника за ногу, повалил его и вскочил на ноги.

Линкольн подбежал к нему, но тотчас же упал, получив удар в челюсть. Грэхэм сделал два шага, шатаясь. Но Острог схватил его за горло и повалил навзничь. Руки Грэхэма были прижаты к полу. Он отчаянно отбивался, пытаясь освободиться, потом перестал сопротивляться и лежа смотрел на тяжело дышавшего Острога.

— Вы... пленник!..— проговорил, задыхаясь, Острог.— Вы поступили глупо, вернувшись сюда.

Грэхэм повернул голову и заметил сквозь временно застекленное отверстие в стене зала, что рабочие у подъемных кранов что-то возбужденно поясняют жестами толпе внизу. Значит, они все видели.

Острог заметил, куда он смотрит, и тоже обернулся. Он крикнул что-то Линкольну, но Линкольн не двигался. Пуля ударила в лепные украшения над статуей Атласа. Двойное стекло в пробоине разлетелось, края образовавшейся трещины потемнели и свернулись. Сквозь отверстие в комнату Белого Совета вместе с гулом толпы проникла струя холодного ветра.

— Спасите Спящего!.. Что они делают со Спящим!.. Его предали!

Грэхэм заметил, что внимание Острога чем-то отвлечено и нажим его рук ослабел. Осторожно высвободив

свою руку, Грэхэм поднялся на колени, повалил Острога навзничь, ухватив его за горло. В следующий миг Острог вцепился рукой в его шелковый воротник.

Но к ним уже спешили с эстрады люди, намерения которых Грэхэм не сразу разгадал. Он увидел мельком человека, бегущего к занавесу вестибюля. Затем Острог выскользнул у него из рук, а вновь прибывшие набросились на Грэхэма.

Он удивился, что они повинуются приказаниям Острога.

Когда его проволокли несколько ярдов, он понял наконец, что это враги и что они тащат его к открытой двери в стене. Он начал упираться, бросился на пол и стал громко звать на помощь. Крики его не остались без ответа.

Руки, державшие его за шиворот, ослабли. В нижнем углу пролома в стене показалась сначала одна, затем несколько черных фигур, кричавших и размахивавших оружием. Они прыгали через пролом в светлую галерею, которая вела в Комнаты Безмолвия. Они бежали по галерее и были так близко от Грэхэма, что он мог различить оружие в их руках. Острог что-то крикнул людям, державшим Грэхэма; тот изо всех сил сопротивлялся, не давая тащить себя к зиявшему отверстию.

— Они не смогут спуститься вниз! — кричал, задыхаясь, Острог.— Стрелять они не посмеют! Все в порядке! Мы спасем его от них!..

Грэхэму казалось, что эта постыдная, неравная борьба продолжалась довольно долго. Его одежда была изодрана, он весь вывалялся в пыли, и ему больно отдавили руку. Он слышал крики своих приверженцев и даже их выстрелы. Но он чувствовал, что силы его покидают и что сопротивление бесполезно. Помощи не было, и зияющее темное отверстие неуклонно приближалось.

Вдруг тиски рук разжались. Грэхэм приподнялся и увидел уже в отдалении седую голову Острога, он почувствовал, что его больше не держат. Он повернулся и столкнулся с человеком в черной одежде. Зеленое оружие щелкнуло совсем рядом, в лицо ему пахнула струя едкого дыма, и блеснул стальной клинок. Огромная комната закружилась у него перед глазами.

В нескольких ярдах от него человек в синем заколол одного из желтых полицейских. Затем его снова подхватили чьи-то руки.

Его тащили в разные стороны и что-то кричали ему. Он силился понять, но не мог. Кто-то обхватил его ноги и поднял насильно. Потом он понял и перестал сопротивляться. Его подняли на плечи и понесли.

Послышался крик многотысячной толпы.

Он видел, что люди в синем и черном преследуют отступающих приверженцев Острога и стреляют. Поднятый на плечи, он видел всю часть зала перед статуей Атласа и понял, что его несут к эстраде. Из дальнего угла зала к нему стремился народ. Все смотрели на него и радостно кричали.

Он скоро заметил, что его окружил как бы отряд телохранителей. Наиболее активные распоряжались, наводя порядок. Человек в желтом, с черными усами, которого он видел в театре в день своего пробуждения, находился тут же и громко отдавал приказания. Зал был переполнен волнующейся толпой, и металлическая галерея гнулась под тяжестью людей. Занавес в конце зала был сорван, и в вестибюле тоже толпился народ.

В оглушительном гуле стоявший рядом человек едва расслышал вопрос Грэхэма:

— Куда скрылся Острог?

Вместо ответа человек указал через головы на нижние панели зала в противоположной стороне от пролома.

Панели были открыты, и вооруженные люди в синем, с черными шарфами, вбегали туда и исчезали в комнатах и коридорах.

Грэхэму почудились звуки выстрелов. Его пронесли через огромный зал к отверстию возле пролома.

Он заметил, что некоторые стараются соблюсти дисциплину, сдерживают толпу и расчищают дорогу. Его вынесли из зала, и он увидел прямо перед собой неотделанную новую стену и над ней голубое небо. Его опустили; кто-то взял его за руку и повел. Усатый человек в желтом шел рядом. Его вели по узкой каменной лестнице, совсем близко торчали красные краны, рычаги и детали огромной строительной машины.

Он поднялся наверх и пошел по узкой галерее с перилами, и внезапно перед ним открылся амфитеатр развалин.

— Правитель с нами! Правитель!.. Правитель!..

Словно прибой, шумела огромная толпа, крики и возгласы, как волны, разбивались об утесы руин, и до него доносилось эхо:

— Правитель с нами! Правитель за нас!..

Грэхэм заметил, что стоит один на небольшой временной платформе из белого металла, составлявшей часть лесов строящегося огромного здания Совета. Все обширное пространство развалин было покрыто несметной волнующейся, кричащей толпой, кое-где уже развевались черные знамена революционных обществ,— чувствовалось, что в этом хаосе уже намечалась известная организованность. Крутые лестницы, стены и леса, по которым его освободители добрались до пролома в зале Атласа, кишели людьми. На выступах и столбах повисли энергичные маленькие черные фигурки, старавшиеся увлечь за собой остальную массу. Позади несколько человек укрепляли высоко на лесах огромное черное знамя с развевающимся и хлопающим на ветру полотнищем. Через пробоину в стене Грэхэм мог рассмотреть возбужденную толпу, собравшуюся в зале Атласа. На юге виднелись аэродромы, казавшиеся совсем близкими в прозрачном воздухе. Одинокий аэропил поднялся с центральной станции, быть может, навстречу прибывающим аэропланам.

— Что сделали с Острогом? — спросил Грэхэм и, задав этот вопрос, увидел, что взоры всех обращены на крышу дома Совета.

Он тоже посмотрел туда. Сначала он ничего не видел, кроме зубчатого угла стены, резко и четко выделявшегося в безоблачной синеве. Затем начал различать какую-то комнату и с удивлением узнал зеленую и белую окраску своей недавней тюрьмы. Белая фигурка в сопровождении двух других поменьше, одетых в черное с желтым, быстро прошла через комнату и направилась к самому краю развалин.

Какой-то человек крикнул:

— Острог!

Грэхэм обернулся, чтобы спросить, но не успел. Дру-

гой человек, стоявший рядом с ним, испуганно крикнул и на что-то указал тонким пальцем.

Грэхэм посмотрел туда и увидел, что аэропил, недавно поднявшийся с платформы аэродрома, летел прямо на них. Стремительный плавный полет привлек внимание Грэхэма.

Аэропил приближался, быстро увеличиваясь, и, пролетев над отдаленным краем развалин, показался над толпой внизу. Он начал снижаться, потом снова поднялся у дома Совета. Он казался хрупким и прозрачным, и сквозь его ребра виднелся одинокий аэронавт. Аэропил скрылся за линией развалин.

Грэхэм заметил, что Острог делает какие-то знаки руками, а его помощники торопливо пробивают возле него стену. Аэропил снова показался вдалеке, описывая дугу и замедляя полет.

Человек в желтом крикнул:

— Чего они зевают? Чего зевают? Зачем оставили Острога? Почему его не арестовали?.. Они возьмут его... Аэропил возьмет его!..

В ответ на его восклицание раздались, как эхо, крики в развалинах. Треск зеленого оружия донесся через пропасть к Грэхэму, и, взглянув вниз, он увидел множество людей в черно-желтом, бегущих по одной из открытых галерей под тем выступом, где стоял Острог. Они стреляли на бегу в невидимых противников. Затем показались преследователи в синем. Крошечные сражающиеся фигурки производили странное впечатление; издали они казались игрушечными солдатиками.

Огромное здание придавало этой битве среди мебели и коридоров театральный вид. Все это происходило, быть может, в двухстах ярдах от него, на высоте пятидесяти ярдов над толпой.

Люди в черном с желтым вбежали под арку и, обернувшись, дали залп. Один из синих преследователей, бежавших впереди, у самого края пролома, странно взмахнул руками и покачнулся. Казалось, он на секунду повис над краем, потом рухнул вниз. Грэхэм видел, как он на лету ударился о выступ угла, отлетел в сторону и, перекувыркнувшись несколько раз в воздухе, исчез за красными кранами строительной машины.

На мгновение солнце заслонила какая-то тень. Грэхэм поднял голову: небо было безоблачно, он понял, что это промелькнул аэропил.

Острог исчез! Человек в желтом протиснулся вперед и, возбужденно жестикулируя, вопил:

— Он спустится! Он спустится! Пусть они стреляют в него! Пусть стреляют!..

Грэхэм ничего не понимал. Он только слышал громкие голоса, повторявшие это загадочное приказание.

Вдруг из-за края развалин показался нос аэропила, аэропил скользнул вниз и резко остановился. Грэхэм понял: аэропил спустился, чтобы захватить Острога. Он заметил голубоватый дым и догадался, что снизу стреляют по аэропилу.

Какой-то человек рядом одобрительно крякнул. Грэхэм увидел, что синие достигли арки, которую защищали черно-желтые, и непрерывным потоком ринулись в открытый проход.

Аэропил соскользнул со стены дома Совета и упал под углом в сорок пять градусов, так круто, что Грэхэму да и всем остальным показалось, что он уже не поднимется.

Аэропил пролетел столь близко, что Грэхэм разглядел Острога, ухватившегося за поручни сиденья. Его седые волосы развевались. Аэронавт с бледным лицом нажимал на рычаги управления. Он слышал выкрики толпы внизу.

Грэхэм схватился за перила и замер. Секунда показалась ему вечностью. Нижнее крыло аэропила чуть не задело людей внизу, кричавших и толкавших друг друга.

Вдруг аэропил поднялся.

В первую минуту казалось, что он не сможет пролететь над стеной, потом — что он заденет за ветряные двигатели. Но аэропил улетал, накренившись набок, все дальше и выше.

Напряженное ожидание разрешилось взрывом ярости, как только толпа поняла, что Острог скрылся. С запоздалой энергией возобновили огонь, треск отдельных выстрелов превратился в сплошной гул, и все вокруг заволоклось синей дымкой, запахло гарью.

Слишком поздно! Аэропил становился все меньше и

меньше и, описав дугу, плавно снизился на платформу аэродрома, откуда он недавно поднялся. Острог бежал!

Толпа долго кричала, потом всеобщее внимание было сосредоточено на Грэхэме, стоявшем на самом верху лесов.

Он увидел, что лица всех обращены к нему, и услыхал громкие, радостные крики. Как мощный порыв ветра, над волнующимся морем людей пронесся революционный гимн.

Окружающие поздравляли его. Человек в желтом, стоявший рядом с ним, смотрел на него сияющими глазами.

Трам! Трам! Трам!..— перекатывался гимн.

Грэхэм не сразу понял, что его положение изменилось.

Когда раньше он смотрел на кричавшую толпу, с ним был рядом Острог, но он теперь был далеко и стал его врагом! Нет никого, кто бы мог управлять за него. Даже окружавшие его вожди и организаторы толпы—и те смотрели на него, ожидая его распоряжений. Он стал настоящим правителем. Его прежнее марионеточное правление кончилось.

Он готов сделать все то, чего ждут от него люди. Его нервы, мускулы дрожали от напряжения. Несмотря на некоторую растерянность, он не чувствовал ни гнева, ни страха, лишь слегка ныла придавленная рука.

Однако он не знал, как держаться. Он не испытывал ни тени страха, но боялся, что может показаться испуганным. В своей прежней жизни он не раз переживал сильное возбуждение во время разных спортивных игр. Сейчас он страстно хотел действовать. Он понимал, что не следует задумываться над этой грандиозной сложной борьбой, так как это парализует его волю.

Там, за синими квадратами аэродрома,— Острог. Грэхэм борется за весь мир против Острога.

ГЛАВА XXIII

В ОЖИДАНИИ НАЛЕТА АЭРОПЛАНОВ

Некоторое время Правитель Земли не мог управлять даже своими мыслями. Он не давал себе отчета в своих стремлениях, и его собственные поступки удивляли его

и казались только отголосками странных внешних впечатлений. Но одно было несомненно: аэропланы скоро явятся. Элен Уоттон предупредила народ об их приближении. К тому же он, Грэхэм, стал Правителем Земли. Эти две мысли боролись в его сознании, то и дело вытесняя одна другую. Все вокруг было охвачено волнением и напряженным ожиданием: и залы, кишевшие народом, и проходы, и комнаты, где совещались вожаки, и помещения для телефона и кинематографа, и кипевшее внизу людское море.

Человек в желтом и те, кого он считал вождями, не то увлекали его за собой, не то повиновались ему — трудно было решить. Вероятно, и то и другое сразу — какая-то незримая стихийная сила увлекала их всех.

Он решил, что необходимо обратиться с воззванием к народам мира, и начал обдумывать отдельные зажигательные фразы, которые следовало бы сказать, но ему мешали разные мелочи. Он очутился рядом с человеком в желтом, и они вместе вошли в комнату, где должно было быть оглашено воззвание.

Комната была в новом стиле. В центре ярким овальным пятном падал сверху электрический свет, вся остальная часть комнаты оставалась в тени. Двойные двери почти не пропускали звуков из зала Атласа. Глухой стук захлопнувшейся двери, внезапно оборвавшийся шум, который он слышал в течение нескольких часов, трепетный круг света, шепот и быстрые бесшумные движения еле видимых слуг в сумраке — все это производило на Грэхэма странное впечатление. Огромные уши фонографов готовились запечатлеть его слова, а черные глаза огромной фотографической камеры ловили его движения. Тускло поблескивали металлические провода, и что-то с жужжанием вертелось наверху. Он вошел в ярко освещенный центр, и черная тень скорчилась и легла у его ног небольшим пятном.

Он уже обдумал то, что хотел сказать. Но его поразила тишина, одиночество, неожиданное исчезновение вдохновлявшей его толпы, безмолвная аудитория подслушивающих и подсматривающих машин. Он не чувствовал никакой поддержки, и ему показалось, что он внезапно остался наедине со своими мыслями. Настроение его быстро изменилось.

Он боялся, что не сможет высказать свои мысли, боялся впасть в театральность, боялся, что у него не хватит голоса, не хватит находчивости, и он обратился за поддержкой к человеку в желтом.

— Подождите минуту,— сказал Грэхэм.— Я должен подготовиться. Я не ожидал, что это так будет! Мне еще надо обдумать то, что я хочу сказать.

Пока он стоял в нерешительности, явился взволнованный курьер с известием, что передовые аэропланы уже перелетели Араван.

— Араван? — удивился Грэхэм.— Где это?.. Во всяком случае, они приближаются. Когда они будут здесь?

— К вечеру.

— Боже мой! Через несколько часов! А какие получены вести с летных площадок?

— Люди юго-западных районов готовы.

— Готовы!

Он нетерпеливо повернулся к блестящим линзам аппарата и сказал:

— Я думаю, что мне следует произнести небольшую речь. Если б я только знал, что нужно сказать!.. Аэропланы в Араване! Они, должно быть, вылетели раньше главного воздушного флота. А наши еще только готовятся! Наверное...

«Впрочем, не все ли равно, как я скажу, хорошо или плохо...» — подумал он и заметил, что свет стал ярче.

Он уже составил несколько общих фраз о демократии, но внезапно на него нахлынули сомнения. Его вера в свой героизм, в свое призвание поколебалась. Он почувствовал себя таким маленьким, незначительным, всем правят какие-то непонятные законы! Ему начало казаться, что восстание против Острога преждевременно и обречено на неудачу, это только страстная, но бесцельная борьба с неизбежностью.

Грэхэм думал о быстром роковом полете аэропланов, и его удивляло, что он видит теперь события с другой точки зрения. Но усилием воли он подавил свои сомнения, решив во что бы то ни стало бороться до конца.

Однако он не мог найти подходящих слов. Так он стоял в нерешительности, губы его дрожали, и он уже готов был извиниться за свою растерянность, когда послышался шум шагов и крики.

— Подождите! — крикнул кто-то, и дверь открылась.
— Она идет! — донеслись до него чьи-то голоса.
Грэхэм обернулся, и свет потускнел.
В открытую дверь он увидел легкую фигуру в сером одеянии, проходившую через зал. Сердце его забилось. Это была Элен Уоттон.
Вслед ей гремели аплодисменты. Человек в желтом, стоявший в тени, вошел в круг света.
— Это та самая девушка, которая сообщила нам о предательстве Острога,— сказал он.
Лицо Элен пылало, темные густые волосы рассыпались по плечам. Она шла ритмичной походкой, и складки мягкого шелкового платья струились и плавно развевались. Она подходила все ближе и ближе, и сердце Грэхэма забилось сильнее. Все его сомнения рассеялись. Тень от двери пробежала по ее лицу, и вот Элен уже около него.
— Вы не обманули нас! Вы с нами! — воскликнула она.
— Где же вы были? — спросил Грэхэм.
— В Управлении юго-западных районов. Десять минут назад я еще не знала, что вы вернулись. В Управлении я хотела найти начальников отдельных районов и предупредить их, чтобы они объявили народу...
— Я вернулся, как только услышал об этом.
— Я так и знала, я знала, что вы будете с нами! — воскликнула она.— И это я им объявила! Они восстали. Весь мир восстал. Народ проснулся. Слава богу, сделала я это не напрасно! Вы теперь Правитель!
— Объявили им...— повторил он медленно и заметил, что, несмотря на решительность, сверкавшую в ее глазах, губы ее дрожали, она задыхалась от волнения.
— Я объявила им. Я знала об этом приказе. Я была здесь и слышала, что черная полиция вызвана в Лондон, чтобы усмирить народ и охранять вас, то есть держать вас в плену. И я помешала этому. Я объявила об этом народу. И вы стали Правителем!..
Грэхэм посмотрел сперва на темные линзы камеры, на раскрытые уши фонографа, потом на Элен.
— Да, я Правитель,— медленно сказал он, и вдруг ему почудился шум аэропланов.— И вы сделали это? Вы... племянница Острога?

— Ради вас! — воскликнула она.— Ради вас! Чтобы у вас, у человека, которого ждал мир, не вырвали власти.

Некоторое время Грэхэм молча стоял, глядя на нее. Все его сомнения и вопросы исчезли. Он припомнил все, что хотел сказать народу.

Он встал против камеры, и свет вокруг него засиял ярче.

Повернувшись к Элен, он сказал:

— Вы спасли меня! Вы спасли мою власть. Борьба начинается! Не знаю, что будет ночью, но мы готовы ко всему.

Он помолчал. Потом, обратившись к невидимым народным массам, которые как будто смотрели на него черными глазами камеры, медленно заговорил:

— Мужчины и женщины новой эры! Вы восстали и начали борьбу за человечество!.. Но легкой победы быть не может...

Он остановился, подбирая слова. Те мысли, которые он обдумывал до ее прихода, теперь возникали сами собой, у него уже не было ни тени сомнений.

— Эта ночь — только начало борьбы. Предстоящая борьба, борьба этой ночи — только начало! Возможно, что вам придется бороться всю вашу жизнь. Но не падайте духом даже в том случае, если я буду побежден, если я буду окончательно сломлен...

Ему не хватало слов. Он остановился и снова начал повторять те же неопределенные призывы. Но наконец дар речи вернулся к нему, и слова полились потоком.

Многое из того, что он говорил, представляло лишь общие положения социалистических идей былого времени. Но искреннее убеждение, звучавшее в его голосе, придавало им жизненность. Он говорил о прошлом народу новой эпохи, говорил женщине, стоявшей возле него.

— Я пришел к вам из прошлого, с воспоминанием о веке, который жил надеждой. Мой век был веком мечтаний и начинаний, веком возвышенных надежд. Мы уничтожили рабство во всем мире. Мы горячо надеялись, что прекратятся войны, что все мужчины и женщины будут свободны и начнется мирная, прекрасная жизнь... Так надеялись когда-то мы. Осуществились ли эти надежды? Что сделалось с человеком по прошествии двух-

сот лет? Огромные города, мощная техника, величие коллективной работы — все это превзошло наши мечты. Мы не стремились к этому, но это пришло. Но что же стало с маленькими существами, созидателями этой великой жизни? Как живут теперь простые люди? Как и раньше, заботы и подневольный труд, жалкое, искалеченное существование, бесплодное стремление к власти и богатству, безумие и растрата жизненных сил. Старые идеалы исчезли. А новые... Да существуют ли новые идеалы?

Он почувствовал вдруг, что начинает верить в то, во что ему так хотелось верить. Он нащупал в себе эту веру и крепко уцепился за нее. Он бросал краткие, отрывистые фразы, но вкладывал в них всю свою убежденность, всю силу своей веры. Он говорил о величии альтруизма, о вере в человечество, которое будет вечно жить на земле, частицей которого все мы являемся. Его голос то повышался, то падал, и аппараты, казалось, с одобрительным жужжанием вбирали его речь. Окружающие, стоявшие в тени, молча прислушивались к его словам. Присутствие Элен, стоявшей рядом, рассеивало его сомнения и поддерживало воодушевление.

В эти торжественные минуты, охваченный вдохновением, он не сомневался в своем героизме и в искренности своих героических слов, и речь его лилась непринужденно.

В заключение он сказал:

— Так знайте же мою волю! Все, что принадлежит мне, я отдаю народам мира. Отдаю вам и себя самого. Да свершится воля божья. Я буду жить ради вас и умру ради вас!

Он кончил величественным жестом и повернулся. На лице девушки отражалось его собственное воодушевление. Взгляды их встретились. В ее глазах блеснули слезы энтузиазма. Казалось, убежденность одного передавалась другому. Схватившись за руки, они глядели в глаза друг другу в красноречивом молчании.

— Я знала,— прошептала она.— Я знала...

Он не мог говорить и только сжимал ее руки: так огромно было охватившее его чувство.

Человек в желтом незаметно подошел к ним и сказал, что юго-западные районы уже выступили.

— Я не ожидал, что это будет так скоро! — воскликнул он.— Они сделали чудеса. Вы должны поддержать и ободрить их.

Грэхэм выпустил руку Элен и рассеянно взглянул на нее. Потом вспомнил и снова забеспокоился о летных площадках.

— Да,— сказал он.— Это хорошо, очень хорошо.—И, обдумав то, что ему сообщили, добавил: — Скажите же им: «Чисто сделано, Юго-Запад!»

Он снова взглянул на Элен Уоттон. Его лицо отражало внутреннюю борьбу.

— Мы должны захватить летные площадки,— пояснил он.— Если мы этого не сделаем, то они высадят черную полицию. Мы во что бы то ни стало должны помешать им.

Но, произнося эти слова, он понял, что это не то, что он хотел сказать. Он заметил легкое изумление в ее глазах. Она начала что-то говорить, но пронзительный звон заглушил ее голос.

Грэхэм подумал: вероятно, она ждет, что он поведет народ в бой, и он должен это сделать. Он обратился к человеку в желтом, но говорил он только ей, читая ответ в ее глазах.

— Здесь я бездействую,— заявил он.

— Это невозможно! — протестовал человек в желтом.— Вам не место в этой мясорубке. Вы должны быть здесь.

Он подробно объяснил, почему это невозможно, и указал комнату, где Грэхэм должен ждать.

— Мы должны знать, где вы находитесь. Каждую минуту может наступить кризис, и нам понадобится ваше присутствие и ваше решение.

Комната была роскошно отделана, там были установлены новейшие аппараты и разбитое зеркало, которое раньше соединялось с зеркалами Вороньего Гнезда. Грэхэму хотелось, чтобы Элен осталась с ним.

Он живо представлял себе ужасную борьбу, кипевшую среди развалин. Но он ничего не увидит. Он должен ждать в уединении. Только после полудня ему сообщили о сражении, невидимом и неслышном, происходившем в четырех милях от него, у Рохэмптонского аэродрома.

Странная, небывалая, беспорядочная битва, распадавшаяся на сотни тысяч небольших схваток, среди движущихся улиц и каналов, вдали от солнечного света, при блеске электричества. Не обученные военному делу народные массы, отупевшие от подневольного труда, обессиленные двухвековым рабством, сражались с деморализованной, распущенной аристократией. Ни у тех, ни у других не было артиллерии и никакого оружия, кроме небольшого зеленого металлического карабина. По приказанию Острога, когда он действовал против Белого Совета, это оружие было тайно изготовлено и роздано в большом количестве рабочим. Но немногие умели обращаться с ним. Большинство не умело стрелять или же явилось без зарядов. Более беспорядочной стрельбы еще не было в истории войн! Это было сражение неопытных добровольцев, ужасная бойня. Восставшие, вдохновляемые словами и пением революционного гимна, испытывая единодушный порыв, сражались с такими же неопытными противниками, бросались бесчисленными толпами в коридоры улиц, к испорченным лифтам, на галереи, скользкие от крови, в залы, наполненные дымом, под летные площадки и на опыте знакомились, когда отступление было отрезано, с ужасами древних войн. Сверху на ясном небе выделялись фигуры отдельных стрелков на кровле и клубы пара, которые к вечеру сгустились и потемнели. У Острога, по-видимому, не было бомб, и аэропилы сначала не принимали участия в сражении. Ни одно облачко не омрачало сияющей небесной пустыни, которая точно застыла в ожидании аэропланов.

Об их приближении сообщали из разных портов Средиземного моря, а затем с юга Франции. Но о новых пушках, отлитых по приказанию Острога и спрятанных в городе, Грэхэм ничего не узнал, несмотря на все свои старания, так же как и о ходе сражения около летных площадок. Секции рабочих обществ одна за другой извещали о том, что они выступили в поход, и затем исчезали внизу, в лабиринте боя. Что происходило там? Даже самые деятельные вожди отдельных районов ничего не знали об этом. Несмотря на беспрерывное хлопанье дверьми, доклады о ходе сражения, на звон и трескотню приборов. Грэхэм чувствовал себя одиноким и томился бездеятельностью.

Его уединение казалось ему самым странным и неожиданным из всего, что ему пришлось пережить после своего пробуждения. Это походило на пассивное состояние, в какое впадаешь во сне. Грандиозная борьба за мир между ним и Острогом — и эта тихая маленькая комната с приемниками, звонками, всевозможными приборами и разбитым зеркалом!

Вот закрывается дверь, и они с Элен остаются одни, отделенные от этой небывалой мировой бури, бушующей снаружи, и занятые только друг другом! Внезапно распахивается дверь, и входит посланный с докладом, или раздается резкий звонок, точно ураган внезапно распахивает окно в уютном, светлом доме. Их обоих вдруг захватывает лихорадочная напряженность, ярость и упоение борьбой. Они с головой ушли в созерцание этой грандиозной схватки. Даже сами себе они казались нереальными, какими-то бесконечно маленькими. Единственной реальностью были город, который ревел и сотрясался там, внизу, отчаянно защищаясь, и аэропланы, неуклонно стремившиеся к нему через воздушные пространства.

Они почувствовали безграничное доверие друг к другу. Они гордились друг другом и теми великими событиями, участниками которых они были. Сперва он шагал по комнате, гордый своей ролью. Но постепенно в его сознание стала закрадываться мысль о неизбежности поражения. Они уже долгое время оставались одни.

Он переменил тему разговора, стал говорить о себе, о своем удивительном сне, о живости своих воспоминаний, отдаленных, но все же отчетливых, точно предметы, рассматриваемые в перевернутый бинокль, о своих желаниях и заблуждениях, о своей прежней жизни. Она говорила мало, хотя волнение отражалось на ее лице и в голосе; казалось, она понимала его с полуслова. Отогнав воспоминания, он подумал о героизме, который она старалась внушить ему.

— Да,— сказал он,— все вело меня к этой судьбе, к этому великому наследию, о котором я никогда не мечтал!

От разговоров о революционной борьбе они незаметно перешли к вопросу об их личных отношениях. Он начал расспрашивать ее. Она рассказала ему о днях, предшествовавших его пробуждению, о своих девических меч-

тах, о волнении, вызванном его пробуждением. Сообщила об одном трагическом происшествии, обострившем в ней сознание несправедливости и заставившем ее задуматься о страданиях народа.

На несколько минут они забыли о великом бое и всецело отдались своим личным чувствам. Но разом опомнились, как только явились посланные с известием, что флотилия аэропланов пронеслась над Авиньоном. Грэхэм посмотрел на хрустальный диск в углу и убедился в точности этого сообщения. Затем он прошел в географический кабинет, чтобы на карте определить расстояние между Авиньоном, Нью-Араваном и Лондоном. Он быстро произвел вычисления и направился в комнату начальников районов.

Он хотел расспросить их о ходе сражения за аэродромы, но не нашел никого и вернулся к Элен.

Выражение лица его изменилось. Ему пришло в голову, что борьба, пожалуй, наполовину окончена. Войска Острога крепко держатся, и прибытие аэропланов может вызвать панику и погубить все дело. Случайная фраза в сообщении внушила ему мысль о надвигающейся грозной опасности. Эти реющие в воздухе гиганты несут тысячи полудиких негров и готовятся обрушить на город смертельный удар. Энтузиазм его сразу остыл. Грэхэм опять вошел в соседнюю комнату и застал там двух начальников районов. Зал Атласа опустел.

Грэхэму показалось, что они взволнованы, и его охватило мрачное раздумье.

Элен с тревогой взглянула на него, когда он вошел.

— Никаких известий,— сказал он с напускным спокойствием в ответ на ее вопросительный взгляд. Потом добавил: — Или, вернее, дурные известия. Наши дела идут неважно. Мы не продвигаемся вперед, а аэропланы все приближаются!

Пройдясь по комнате, он повернулся к ней и сказал:

— Если мы не захватим летные площадки, то дело кончится скверно. Мы будем разбиты!

— Нет!— воскликнула она.— За нас справедливость, за нас народ. За нас сам бог!

— На стороне Острога дисциплина, точный план... Знаете, что я пережил, когда услышал, что аэропланы

приближаются? Я испытал такое чувство, как будто сражаюсь с какой-то фатальной механической силой.

Она с минуту молчала, потом проговорила:

— Мы поступили правильно.

Он посмотрел на нее с сомнением.

— Мы сделали все, что могли. Но что от нас зависит? Не возмездие ли это за грехи отцов?

— Что вы хотите сказать? — спросила она.

— Эти чернокожие — дикари, они подчиняются только силе, и ими пользуются как силой. Они находились под властью белых в течение двухсот лет, и вот теперь мы несем расплату за это. На белых лежит грех, и вот расплата за него.

— Но рабочие, лондонские бедняки?.. Разве это их вина?..

— Они страдают за чужие грехи. Допускать зло — значит нести за него ответственность.

Она пристально поглядела на него, лицо ее выражало удивление.

Послышался резкий звонок, шум шагов и звук фонографа, передающего послание.

Вошел человек в желтом.

— Ну что? — спросил Грэхэм.

— Они над Виши.

— Куда ушла стража из зала Атласа? — внезапно спросил Грэхэм.

Снова раздался звонок Говорящей машины.

— Мы бы еще могли победить,— сказал человек в желтом, подходя к машине,— если б только знали, куда припрятал Острог пушки. Все зависит от этого. Быть может...

Грэхэм подошел вместе с ним к машине и услышал, что аэропланы достигли Орлеана.

Он вернулся к Элен.

— Ничего нового,— успокаивал он,— ничего нового...

— И мы ничего не можем сделать?

— Ничего!

Он нетерпеливо прошелся по комнате, и его охватил гнев, как это часто с ним случалось.

— Будь проклят этот дьявольски сложный мир со всеми его изобретениями!..— воскликнул он.— Уме-

реть, словно крыса в ловушке, даже не увидев врага! О, если бы одним ударом!..

Он вдруг спохватился и, отвернувшись, сказал:

— Как это глупо! Я просто дикарь!

Он опять прошелся по комнате, потом остановился.

— В конце концов Лондон и Париж — только два города! Восстание же охватило весь умеренный пояс. Что из того, если Лондон погибнет и Париж будет разрушен? Это только эпизоды борьбы.

Снова звонок, и он вышел узнать новости. Вернулся еще более мрачным и сел рядом с нею.

— Конец близок,— сказал он. — Народ борется и погибает десятками тысяч. Окрестности Рохэмптона похожи на выкуренный пчелиный улей. И все они погибли напрасно. Они все еще находятся внизу, под аэродромами. Аэропланы же около Парижа. Даже если б мы одержали победу, все равно не успели бы ею воспользоваться. Пушки, которые могли бы спасти нас, куда-то запрятаны. Запрятаны... Какой ужас, какое безумие — восстать и не иметь оружия! О, хотя бы один аэропил... только один! Я побежден. потому что у меня его нет. Человечество побеждено, и наше дело проиграно! Мое правление, мое безумное правление продлится не дольше этой ночи!.. И это я поднял народ на восстание!..

— Он все равно восстал бы.

— Сомневаюсь. Но я явился и...

— Нет! — вскричала она.— Этого не будет! Если произойдет сражение, если вы умрете... Но этого не может быть, не может быть после стольких лет!..

— Да, мы хотели добра! Но... неужели вы в самом деле верите?..

— Если даже они победят вас, то останутся ваши слова! — воскликнула она.— Ваши слова облетели весь мир, зажгли пламя свободы... Пусть это пламя временно померкнет, никто не может вернуть сказанного слова! Ваше обращение разнесется...

— Но к чему?.. Может быть, и так... Может быть. Вы помните, что я сказал, когда вы мне говорили обо всем этом?.. Ведь прошло всего несколько часов! Я сказал, что у меня нет вашей веры. Впрочем... теперь уже все равно...

— У вас нет моей веры? Что вы хотите сказать?.. Вы жалеете об этом?

— Нет, о нет! — воскликнул он горячо.— Видит бог — нет!

Голос его дрогнул.

— Но... мне кажется... я поступил неосторожно. Я мало знал... я слишком поспешил.

Он молчал. Ему было стыдно своего признания.

— Но зато я узнал вас! Через эту бездну времен я пришел к вам. Возврата назад нет, что сделано, то сделано. Зато вы...

Он молчал, пытливо глядя ей в глаза.

Поступило сообщение, что аэропланы показались над Амьеном.

Она прижала руку к сердцу, и губы ее побелели. Она смотрела перед собой широко раскрытыми глазами, точно видела что-то ужасное. И вдруг выражение лица ее изменилось.

— Но я была искренна! — воскликнула она.— Да, я всегда была искренна! Я любила мир и свободу. Я всегда ненавидела жестокость и насилие.

— Да, да, — согласился он.— Мы сделали то, что должны были сделать. Мы выполнили свой долг! Мы подняли восстание! Но теперь... теперь, когда, быть может, приходит наш последний час, теперь, когда все великое уже сделано...

Он остановился.

Она молчала. Лицо ее побледнело.

Они не слышали криков и беготни, поднявшейся в здании.

Вдруг Элен вздрогнула и стала прислушиваться.

— Что это? — воскликнула она и вскочила; она еще боялась поверить радостной новости.

Грэхэм насторожился. Металлические голоса кричали: «Победа!»

Да, это была победа! Он тоже вскочил, и луч робкой надежды блеснул в его глазах.

В комнату, быстро отдернув портьеры, вбежал человек в желтом, растрепанный и дрожащий от волнения.

— Победа!— кричал он.— Победа! Народ побеждает. Люди Острога отступают.

— Победа? — переспросила Элен. Голос ее прозвучал как-то глухо и резко.

— Что произошло? — спросил Грэхэм.— Говорите скорей. Что?

— Мы вытеснили их из нижних галерей в Норвуде, Стритхэм горит, весь в огне, а Рохэмптон наш... наш!.. И мы захватили один аэропил.

Секунду Грэхэм и Элен стояли молча. Сердца их учащенно бились, и они смотрели друг на друга. На мгновение у Грэхэма мелькнула мечта о владычестве над миром, о любви и счастье. Блеснула и погасла.

Раздался звонок.

Из комнаты начальников районов вышел взволнованный седой человек.

— Все кончено! — крикнул он.— Что из того, что Рохэмптон в наших руках! Аэропланы уже в Булони.

— Ла-Манш! — сказал человек в желтом и быстро сделал подсчет.— Через полчаса...

— В их руках еще три аэродрома,— сказал седой человек.

— А пушки! — воскликнул Грэхэм.

— Мы не можем их расставить за полчаса.

— Значит, они найдены?

— Да, но слишком поздно,— сказал старик.

— Если б можно было задержать их на час! — воскликнул человек в желтом.

— Теперь их уже ничто не остановит,— сказал старик.— У них сто машин в первой эскадрилье.

— Задержать на час? — переспросил Грэхэм.

— Подумать только! — сказал старик.— Ведь пушки у нас в руках. Подумать только! Если бы мы могли расставить их на кровле!

— А сколько времени это займет? — вдруг спросил Грэхэм.

— Не меньше часа.

— Слишком поздно,— твердил старик,— слишком поздно.

— Так ли это? — сказал Грэхэм.— А что, если... На один час!

Внезапно у него блеснула мысль. Он старался говорить спокойно, но лицо его было бледно.

— У нас есть еще один шанс. Вы сказали, что захвачен аэропил...

— На летной площадке в Рохэмптоне, сир.

— Поврежден?

— Нет. Он криво стоит на рельсах; его можно поставить как следует, но у нас нет аэронавта.

Грэхэм посмотрел на обоих начальников, потом на Элен и, помолчав, спросил:

— У нас нет аэронавтов?

— Ни одного.

— Аэропланы неповоротливы по сравнению с аэропилом,— сказал Грэхэм задумчиво.

Вдруг он повернулся к Элен. Он принял решение.

— Я сделаю это.

— Что?

— Пойду на летную площадку, к этому аэропилу.

— Что вы задумали?

— Я ведь тоже аэронавт. Недаром же я потерял время.

Он повернулся к человеку в желтом.

— Пусть поставят аэропил.

Человек в желтом колебался.

— Что вы затеяли? — воскликнула Элен.

— Нужно воспользоваться этим аэропилом.

— Неужели вы хотите?..

— Сразиться с ними в воздухе. Я об этом уже думал. Аэроплан неповоротлив, а смелый человек...

— Но еще не было примера в авиации...— начал человек в желтом.

— Потому что не представлялось случая,— перебил его Грэхэм.— А теперь такой случай представился. Скажите им... передайте мое приказание: пусть поставят аэропил на рельсы.

Старик молча взглянул на человека в желтом, потом кивнул головой и поспешно вышел.

Элен подошла к Грэхэму. Она была бледна.

— Как! Один! Ведь вы погибнете!

— Все может быть. Но если не сделать этого... или заставить другого...

Он замолчал, он не мог говорить и только сделал решительный жест рукой.

Они молча смотрели друг на друга.

— Вы правы,— сказала она тихо,— вы правы. Если это можно сделать... вы должны идти!

Он сделал шаг к ней. Она отступила, и на ее бледном лице отразилась внутренняя борьба.

— Нет! — прошептала она, задыхаясь.—Я не могу больше... Идите!..

Он растерянно протянул к ней руки. Она судорожно сжала их и воскликнула:

— Идите... Идите!..

Он медлил и вдруг все понял. Он заломил руки. У него не хватало слов.

Он быстро пошел к выходу. Человек в желтом бросился к дверям, но Грэхэм опередил его. Он прошел через помещение, где начальник района по телефону передавал приказание поставить аэропил на рельсы.

Человек в желтом нерешительно взглянул на неподвижную Элен и поспешил вслед за Грэхэмом.

Грэхэм не оборачивался и не говорил ни слова, пока не опустился занавес, отделявший зал Атласа от вестибюля. Потом повернулся, его бескровные губы шевельнулись — он отдал краткое приказание.

ГЛАВА XXIV

НАЛЕТ АЭРОПЛАНОВ

Двое рабочих в синей форме лежали среди развалин захваченной Рохэмптонской летной станции, держа карабины в руках и всматриваясь в темневший вдали соседний аэродром — Уимблдон-парк. Время от времени они перебрасывались словами. Говорили они на испорченном английском языке своего класса и эпохи. Стрельба из укреплений приверженцев Острога постепенно стихала и скоро прекратилась. Неприятель почти не показывался. Однако отзвуки сражения, происходившего глубоко внизу, в подземных галереях станции, доносились иногда, смешиваясь с беспорядочной перестрелкой, которую вели революционеры. Один из рабочих рассказывал другому, как он увидел внизу человека, который пробирался, прячась за грудой балок, и уложил его на месте метким выстрелом.

— Еще до сих пор лежит там,— сказал стрелок.— Видишь синее пятно? Там... между балками.

Неподалеку от них лежал навзничь мертвый иностранец. На синей его блузе чернела небольшая круглая дырка от пули, попавшей ему в грудь; по краям дырки тлела материя. Рядом сидел раненый с перевязанной ногой и равнодушно смотрел, как медленно тлеет блуза. Позади них поперек платформы лежал захваченный аэропил.

— Я что-то не вижу его! — сказал другой рабочий, подзадоривая товарища.

Стрелок обиделся и стал громко с ним спорить. Вдруг снизу донеслись крики и шум.

— Что там такое? — воскликнул он, приподнявшись на локте и всматриваясь в площадку лестницы, находившуюся посредине платформы.

Множество людей в синем поднималось по лестнице и густой толпой направлялось к аэропилу.

— Зачем пришли сюда эти дураки? — сердито воскликнул его товарищ.— Толпятся здесь и только мешают стрелять. Что им нужно?

— Ш-ш!.. Они что-то кричат.

Оба прислушались. Толпа окружила аэропил. Три начальника районов в черных мантиях со значками вошли внутрь аэропила и взобрались наверх. Бойцы окружили аппарат, дружно приподняли его и начали устанавливать на рельсы.

Стрелок привстал на одно колено и с удивлением заметил:

— Они ставят его на рельсы... Вот зачем они пришли.

Он вскочил на ноги, его товарищ последовал его примеру.

— Зачем?! — воскликнул он.— Ведь у нас нет аэронавтов!

— А ведь они все-таки готовят его к полету,— сказал другой стрелок.

Он взглянул на свое оружие, на бойцов, сгрудившихся вокруг аэропила, вдруг обернулся к раненому и, передавая ему карабин и пояс с патронами, сказал:

— Побереги это, товарищ!

Через минуту он уже бежал к аэропилу. Добрую четверть часа он трудился, как каторжный, обливаясь

пòтом, крича и подбадривая товарищей, и радостными возгласами вместе с толпой приветствовал окончание работы.

Он узнал то, что уже каждый знал в городе. Правитель, хотя и новичок в летном деле, хочет сам полететь на этой машине и идет сюда, не разрешая никому заменить себя.

«Тот, кто подвергается наибольшей опасности и берет на себя самое тяжкое бремя, тот и есть настоящий правитель!» — вот подлинные слова Правителя.

Стрелок с всклокоченными волосами и мокрым от пота лицом кричал во все горло. Но его крик потонул в реве толпы; издали доносились мощные, все нараставшие звуки революционного гимна.

Все расступились, и он увидел людской поток на лестнице.

— Правитель идет! Правитель идет! — кричала толпа.

Давка вокруг него усиливалась. Стрелок постарался протиснуться поближе к входу в центральный подземный туннель.

— Правитель идет!.. Спящий!.. Хозяин!.. Наш бог и повелитель! — ревела толпа.

Вдруг показались черные мундиры революционной гвардии, и стрелок в первый и последний раз увидел вблизи Грэхэма. Высокий смуглый человек в развевающейся черной мантии, с бледным энергичным лицом и напряженным взглядом. Он, казалось, ничего не видел и не слышал и шел, поглощенный своими мыслями...

Стрелок навсегда запомнил бескровное лицо Грэхэма. Через минуту лицо это скрылось в толпе. Какой-то подросток, весь в слезах, налетел на стрелка, отчаянно протискиваясь к лестнице и крича:

— Очистите дорогу аэропилу!

Резкий звон колокола подал сигнал толпе очистить летную станцию.

Грэхэм подошел к аэропилу, и на него упала тень от наклоненного крыла. Окружающие хотели сопровождать его, но он жестом остановил их. Он припоминал, как надо приводить в движение машину. Колокол звонил все громче и громче, и толпа стала поспеш-

но отступать. Человек в желтом помог ему подняться в машину. Грэхэм взобрался на сиденье аэронавта и предусмотрительно привязал себя. Но что это? Человек в желтом показал ему на два аэропила, взлетевших в южной части города. Очевидно, они поднялись навстречу приближающимся аэропланам.

Самое трудное—это взлететь. Ему что-то кричали, о чем-то спрашивали, предостерегали. Но это только мешало ему. Он хотел сосредоточиться, припомнить свои недавние уроки авиации. Он махнул рукой и увидел, что человек в желтом скользнул между ребрами аэропила и скрылся и что толпа, повинуясь его жесту, подалась назад, за линию стропил.

Несколько секунд он сидел неподвижно, рассматривая рычаги, колесо, включавшее мотор, весь сложный механизм аэропила, который он знал так плохо. Он взглянул на ватерпас; воздушный пузырек находился прямо против него. Тут он вспомнил что-то и потратил несколько секунд на то, чтобы подать машину вперед, пока воздушный пузырек не оказался в центре трубки. Он заметил, что толпа притихла; криков больше не было слышно. Должно быть, она наблюдала за ним. Вдруг пуля ударилась в брус у него над головой. Кто это стреляет? Свободен ли путь? Он встал, чтобы посмотреть, и снова сел.

Внезапно пропеллер завертелся, и машина покатилась вниз по рельсам. Грэхэм схватился за руль и дал машине задний ход, чтобы приподнять нос.

Толпа закричала. Грэхэм почувствовал содрогание машины. Крики сменились молчанием. Ветер ударил в стекло, и земля быстро стала уходить вниз.

Тук, тук, тук! Тук, тук, тук! Он поднимается все выше. Он совершенно спокоен и действует хладнокровно. Он поднял немного нос аэропила, открыл клапан в левом крыле и, описав дугу, взлетел еще выше.

Грэхэм спокойно посмотрел вниз, потом вверх. Один из аэропилов Острога пересекал линию его полета под острым углом, сверху вниз. Крошечные аэронавты, очевидно, наблюдали за Грэхэмом.

Что они затевают? Мысль Грэхэма энергично работала. Он заметил, что один из аэронавтов поднял оружие, очевидно, готовясь стрелять. Почему они хотят по-

мешать ему? Вдруг он понял их тактику и принял решение. Медлить больше нельзя. Он открыл два клапана в левом крыле, сделал круг и, закрыв клапаны, ринулся прямо на врага, защищаясь от выстрелов носовой частью и ветровым щитом. Они свернули в сторону, как будто давая ему дорогу. Он круто поднял аэропил.

Тук, тук, тук — пауза; тук, тук, тук. Он стиснул зубы, лицо его исказилось судорогой. Трах! Он протаранил сверху крыло вражеского аэропила. Крыло, казалось, расширилось от удара, потом медленно скользнуло вниз и скрылось из виду.

Грэхэм почувствовал, что нос аэропила опускается. Он схватился за рычаги, стараясь выровнять машину. Новый толчок — и нос опять круто поднялся кверху. На мгновение ему показалось, что он лежит на спине. Аэропил раскачивался, словно танцуя на месте. Грэхэм налег изо всех сил на рычаги, и наконец ему удалось подать машину вперед. Аэропил поднимался, но уже не так круто.

Передохнув, Грэхэм опять налег на рычаги. Ветер свистел вокруг него. Еще одно усилие — и аэропил выровнялся.

Теперь он мог передохнуть. Он оглянулся, желая узнать, что сталось с его противниками. Повернувшись на секунду спиной к рычагам, начал осматриваться. Сначала ему показалось, что враги его исчезли. Но потом он заметил между двумя аэродромами на востоке провал вроде колодца. Туда что-то быстро падало, точно шестипенсовая монетка.

Сначала он не понял, а потом его охватила дикая радость. Он закричал и стал подниматься все выше, в небо. Тук, тук, тук — пауза; тук, тук, тук.

«А где же другой аэропил? — мелькнуло у него в голове.— Они тоже...»

Он снова осмотрелся, боясь, что эта машина поднялась над ним, но вскоре заметил, что она опустилась на Норвудский аэродром. Очевидно, аэронавты готовились только к стрельбе и не хотели быть протараненными и ринуться вниз головой с высоты двух тысяч ярдов — такая отчаянная храбрость, вероятно, пришлась им не по вкусу. Они уклонились от боя.

Грэхэм покружился на высоте, затем, круто снизившись, направился к западному аэродрому. Тук, тук, тук. Тук, тук, тук... Начало смеркаться. Дым, поднимавшийся над Стритхэмским аэродромом, раньше густой и черный, превратился в столб пламени. Сети движущихся улиц, прозрачные крыши, купола и проходы между зданиями мягко сияли электрическим светом в закатных лучах.

Три аэродрома приверженцев Острога («Уимблдон-парк» был им бесполезен вследствие обстрела из Рохэмптона, а Стритхэм пылал в пожаре) зажгли сигналы для аэропланов.

Пролетая над Рохэмптоном, Грэхэм увидел темневшие внизу толпы людей. До него донеслись радостные крики, и он услышал свист пуль, долетавших из Уимблдона. Поднявшись выше, он полетел над холмами Сэррея.

Подул юго-западный ветер. Грэхэм поднял западное крыло и взвился кверху, в более разреженную атмосферу.

Тук, тук, тук, тук, тук, тук...

Он поднимался все выше и выше под ритмический пульс машины. Земля внизу стала туманной и неясной, а Лондон превратился в карту с огненными точками, в маленькую модель города почти на самом краю горизонта. Юго-западная часть неба блестела сапфиром над темной землей, загорались все новые звезды.

Но что это? На южной стороне, далеко внизу, показались две светящиеся точки, они быстро приближались, затем еще две и, наконец, целая эскадрилья быстро несущихся призраков. Грэхэм начал считать. Их было двадцать четыре. Передовая эскадрилья аэропланов. Сзади виднелась вторая линия.

Грэхэм описал полукруг, всматриваясь в приближающийся воздушный флот. Треугольник гигантских мерцающих призраков летел сравнительно невысоко над землей. Грэхэм быстро вычислил их скорость и повернул колесо, откатывавшее машину вперед. Он нажал на рычаг, и стук машины прекратился. Он начал падать вниз все быстрее и быстрее. Он целил прямо в вершину клина и падал вниз камнем, со свистом рассекая воздух. Через секунду он уже врезался в ведущий аэроплан.

Ни один из чернокожих пассажиров не заметил грозящей опасности и даже не подозревал, что над ними парит коршун, готовый ринуться на них с высоты. Те, кто не страдал от воздушной болезни, вытягивали шею, чтобы лучше рассмотреть беззащитный город, расстилавшийся внизу, в тумане, богатый и блестящий, который «масса Острог» отдал им на разграбление. Белые зубы сверкали, и черные лица лоснились. Они уже слышали о разгроме Парижа и собирались расправиться с «беднягами белыми». И вдруг Грэхэм протаранил аэроплан.

Он метил в корпус аэроплана, но в последний момент у него промелькнула счастливая мысль. Он свернул в сторону и с налета врезался в край правого крыла. Аэропил отбросило назад, и нос его скользнул по гладкой поверхности крыла аэроплана. Грэхэм почувствовал, что огромная машина мчится, увлекая аэропил. Но сразу не понял, что случилось. Потом услыхал тысячеголосый крик и увидел, что его машина балансирует на краю громадного крыла аэроплана и скользит вниз. Взглянув через плечо, он увидел, что корпус аэроплана и противоположное крыло поднимаются кверху. Перед ним промелькнули ряды сидений, испуганные лица, руки, судорожно цепляющиеся за тросы. В крыле были открыты клапаны — очевидно, аэронавт пытался выровнять машину. Второй аэроплан круто взмыл вверх, чтобы избегнуть воздушного водоворота от падения гигантской машины. Широкие крылья взметнулись ввысь. Грэхэм почувствовал, что аэропил высвободился, а чудовищное сооружение, перевернувшись в воздухе, повисло над ним, как стена.

Грэхэм не сразу понял, что пробил крыло аэроплана, и соскользнул с него; он заметил, что падает вниз, быстро приближаясь к земле. Что он сделал? Сердце его стучало, как мотор, и несколько гибельных секунд руки были парализованы, и он не мог двинуть рычагом. Потом он налег на рычаги, чтобы подать машину назад. Поборовшись несколько секунд с тяжестью аппарата, он все же заставил его выровняться и распластаться почти горизонтально. Тогда он пустил мотор.

Он посмотрел вверх и обнаружил, что два аэроплана парят высоко над ним; обернулся назад и увидал,

что эскадрилья разлетелась в разные стороны, а протараненный аэроплан падает носом вниз и вонзается гигантским лезвием в колеса ветряных двигателей.

Он опустил корму и стал снова осматриваться, не заботясь о направлении полета. Он увидал, как раздались лопасти ветряных двигателей и огромная машина, перевернувшись колесами вверх, грохнулась на землю. Крылья расплющились, корпус разбился вдребезги. Тук, тук, тук — пауза!

Вдруг из груды развалин взлетел к небу тонкий язычок белого пламени. Тотчас же Грэхэм заметил, что к нему устремилось второе крылатое чудовище. Он взвился кверху и избежал нападения аэроплана, который со свистом пролетел внизу; образовавшийся вихрь увлек за собой аэропил и едва не перевернул его.

Грэхэм заметил, что три других аэроплана несутся прямо на него. Он понял, что ему необходимо таранить их сверху. Аэропланы, казалось, опасались его и описывали широкие круги. Они пролетали над ним, под ним, справа и слева. Где-то далеко на западе раздался взрыв, и к небу взвилось яркое пламя.

С юга приближалась вторая эскадрилья. Грэхэм поднялся выше. Аэропланы летели под ним, но несколько мгновений Грэхэм сомневался, достаточно ли высоко он взлетел. Затем обрушился на вторую жертву, и черные солдаты видели его приближение.

Огромная машина накренилась и закачалась в воздухе, обезумевшие от страха люди кинулись к корме за оружием. Засвистели пули, и толстое защитное стекло перед сиденьем лопнуло.

Аэроплан замедлил полет и начал снижаться, пытаясь уклониться от удара, но взял слишком низко. Грэхэм вовремя заметил ветряные двигатели на холмах Бромлея, несшиеся к нему навстречу, и, увернувшись, взмыл ввысь. В этот миг менее поворотливый аэроплан налетел на двигатели. Послышался тысячеголосый вой. Огромная машина врезалась в колеса ветряных двигателей и разбилась на куски, как раздавленная раковина. Обломки разлетелись во все стороны. Ослепительное пламя взметнулось в темнеющий небосвод.

— Два! — крикнул Грэхэм, когда услышал грохот взрыва, и снова приготовился таранить.

Теперь его всецело захватила грандиозная борьба. Все сомнения его исчезли; он верил в светлое будущее человечества. Он боролся и был упоен сознанием своей силы. Аэропланы рассеялись в разные стороны, явно избегая его, и порой до него доносились крики их пассажиров. Он наметил третью жертву, ринулся на нее и ударил в крыло. Аэроплан метнулся в сторону и разбился о выступ лондонской стены. После этого столкновения Грэхэм пролетел так низко над потемневшей землей, что заметил даже зайца, в испуге метавшегося по холму. Затем взмыл кверху и пронесся над южной частью Лондона. Небо было пустынно. Только взлетали справа ракеты приверженцев Острога, подававших тревожные сигналы. Где-то на юге пылало несколько аэропланов, потерпевших крушение. К востоку, западу и северу улетали от него аэропланы. Они разлетались во все стороны, им более нельзя было здесь оставаться. Порядок уже нельзя было восстановить, и дальнейшие воздушные операции грозили бы катастрофой.

Грэхэм не сразу поверил, что он оказался победителем. Аэропланы отступали. Да, они отступали, они все уменьшались и уменьшались. Они улетали!

Он пролетел на высоте в двести футов над Рохэмптонским аэродромом. Там чернели толпы народа, и до него донеслись восторженные крики. Но почему в Уимблдонпарке тоже толпы и стоит такой гул? Дым и пламя, взлетавшие над Стритхэмом, заслоняли три остальных аэродрома.

Грэхэм поднялся повыше и описал круг, чтобы посмотреть, что делается на этих аэродромах и в северных кварталах. Сперва из мрака выступили освещенные квадраты Шутерс-хилла, где аэропланы высаживали негров. Затем показался Блэкхиз и выступил из клубов дыма Норвуд. В Блэкхизе не приземлилось ни одного аэроплана, но на платформе стоял аэропил. В Норвуде чернела волнующаяся толпа.

Что случилось? Вдруг он понял. Отчаянная защита летной станции, очевидно, была сломлена, и народ ринулся в подземные пути, ведущие к этим последним твердыням Острога. С северной окраины Лондона донесся торжественный, победный гул, раскатывающийся над городом,— выстрелила пушка.

Губы Грэхэма дрогнули, лицо вспыхнуло, он глубоко вздохнул и крикнул в пустынное небо:

— Они побеждают! Народ побеждает!..

В ответ на его крик грянул второй выстрел. Грэхэм заметил, что находившийся в Блэкхизе аэропил скользнул по платформе и круто поднялся вверх: повернув к югу, он вскоре скрылся.

Грэхэм понял, что это значит: Острог спасается бегством!

Тут он вскрикнул и бросился в погоню. Он быстро поднялся и сверху ринулся на врага. Но аэропил Острога круто взмыл кверху при его приближении, и Грэхэм промахнулся.

Аэропил Острога, как молния, промелькнул перед ним, и Грэхэм пролетел вниз. Неудача разозлила его. Он отвел машину назад и стал круто подыматься, описывая круги. Аэропил Острога летел вперед штопорным полетом. Грэхэм снова поднялся и быстро нагнал его. Аэропил Острога летел медленнее: там сидели двое.

Пролетая мимо, Грэхэм успел разглядеть своих врагов. Лицо аэронавта было спокойно и сосредоточенно, в чертах Острога застыла мрачная решимость. Острог отвернулся и смотрел куда-то в сторону — на юг. Грэхэму стало стыдно за свою неловкость. Внизу он разглядел возвышенность Кройдона. Он взмыл еще выше и вторично опередил своих врагов.

Он оглянулся, и внимание его было отвлечено другим. Восточная станция на Шутерс-хилле вдруг взлетела на воздух в языках пламени и окуталась дымовой завесой. Несколько мгновений она, казалось, висела неподвижно, выбрасывая из своих недр огромные металлические глыбы, затем клубок дыма начал разматываться. Народ взорвал станцию со всеми аэропланами. Снова вспышка пламени и туча дыма—это взлетела Норвудская станция. Вдруг Грэхэм ощутил сотрясение. Волна взрыва ударила в аэропил и отбросила его в сторону. Аэропил стал падать носом вниз и закачался, как бы собираясь перевернуться. Стоя у защитного стекла, Грэхэм изо всех сил налег на рычаг. Волна второго взрыва отшвырнула машину в сторону. Грэхэм вцепился в тросы, между которыми свистел ветер, ударяя вниз. Казалось, аэропил неподвижно повис в воздухе. Тут Грэхэм понял, что он падает.

Да, несомненно, падает. Ему страшно было взглянуть вниз.

Перед ним мгновенно промелькнуло все, что произошло со дня его пробуждения: дни сомнений, дни его власти и, наконец, холодное предательство Острога.

Он погиб, но Лондон спасен. Лондон спасен!

Все показалось ему сном. Кто же он в самом деле? Почему он так крепко держится за тросы? Разве нельзя разжать пальцы? Бесконечный сон сразу оборвется, и он пробудится.

Мысли проносились с быстротой молнии в его голове. Он удивился, почему он не сможет снова увидеть Элен. Какая это нелепость, что он ее не увидит! Да, это, несомненно, сон. Он, конечно, еще увидит ее. Она одна — не сон, а реальность. Он проснется и увидит ее.

И хотя он не смел заглянуть вниз, но чувствовал, что земля уже близко...

1899

Рассказы

СОКРОВИЩЕ В ЛЕСУ

Челнок приближался к берегу, и перед путешественниками открылась бухта. Разрыв в сплошной пене прибоя указывал то место, где в море впадала речка. Течение ее можно было проследить по более густым и темно-зеленым зарослям девственного леса, покрывавшего склон холма. Лес подходил к самому берегу моря. Вдали возвышались горы, туманные, точно облака, и похожие на внезапно замерзшие волны. На море была легкая, почти незаметная зыбь. Небо сверкало.

Человек с самодельным веслом в руках перестал грести.

— *Должно быть, где-то здесь,*— произнес он и, положив весло, указал рукой.

Его товарищ, сидевший на носу челнока, внимательно вглядывался в берег. На коленях у него лежал пожелтевший лист бумаги.

— Поди-ка посмотри, Эванс!— сказал он.

Оба говорили тихо. Губы у них пересохли и шевелились с трудом.

Тот, кого звали Эвансом, пошатываясь, прошел вперед и заглянул через плечо спутника.

Бумага представляла собой грубо набросанную карту. Ее много раз складывали, она выцвела, измялась, была порвана по сгибам, так что приходилось соединять ее куски. На карте с трудом можно было различить очертания бухты, нанесенные почти стершимся карандашом.

— Вот риф,— сказал Эванс,— а здесь лагуна.— Он провел по карте ногтем.— Вот эта кривая, извилистая

линия — река, наконец-то напьемся! А звездочка обозначает место, которое нам нужно.

— Видишь пунктирную линию? — сказал человек с картой.— Она прямая и идет от рифа к этим пальмам. Звездочка стоит как раз там, где линия перерезает реку. Когда войдем в лагуну, надо отметить это место.

— Странно,—сказал Эванс, помолчав,—для чего поставлены вот эти значки? Похоже на план дома или чего-то такого, но никак не пойму, почему эти черточки показывают то одно направление, то другое. А на каком языке тут написано?

— По-китайски,— сказал человек с картой.

— Ну, конечно, он же был китаец,— заметил Эванс.

— Все они были китайцы,— сказал человек с картой.

Оба сидели несколько минут молча, вглядываясь в берег, а челнок медленно плыл вперед по течению. Потом Эванс взглянул на весло.

— Твой черед грести, Хукер,— сказал он.

Хукер, не торопясь, сложил карту, сунул ее в карман, затем осторожно обошел Эванса и принялся грести. Движения его были медленными, как у обессилевшего человека.

Эванс сидел, полузакрыв глаза, и смотрел, как все ближе подступает пенистая коралловая гряда. Солнце теперь было почти в зените, и небо раскалилось, словно печь. Хотя они были близко от сокровища, Эванс не испытывал того возбуждения, которое предвкушал раньше. Напряженная борьба за карту, длительное ночное путешествие от материка в челноке без запаса еды и питья совсем доконали его, как он выразился. Он старался подбодрить себя, старался думать о золотых слитках, о которых говорили китайцы, но мысленно все время видел перед собой пресную воду, журчащую реку и ощущал невыносимую сухость во рту и в горле. Уже слышались ритмичные удары волн о рифы, лаская слух Эванса. Вода билась о борт челнока. При каждом взмахе весла с него падали капли. Эванс задремал.

Он смутно сознавал, что они приближаются к острову, но к этому примешивались странные сновидения. Он снова переживал ту ночь, когда они с Хукером случайно узнали тайну китайцев. Он видел деревья, залитые лунным светом, небольшой костер и темные фигуры трех

китайцев, с одной стороны посеребренные луной, а с другой освещенные пламенем костра. Он слышал, как китайцы разговаривали между собой на ломаном английском языке, потому что все они были уроженцами разных провинций. Хукер первый уловил суть их разговора и посоветовал Эвансу прислушаться. Временами они ничего не могли расслышать, а те обрывки разговора, которые доносились до них, были непонятны. Речь шла о каком-то испанском судне с Филиппин, севшем на мель, и о его сокровищах, спрятанных до лучших времен. Людей с погибшего корабля осталось мало: одни заболели и умерли, кого-то убили в ссоре, наконец, те, кто уцелел, ушли в море на шлюпках, и о них ничего больше не было слышно. А потом Чанг Хи всего лишь год назад попал на остров и случайно наткнулся на слитки золота, пролежавшие там двести лет. Он бросил джонку, на которой приехал, и один с огромным трудом закопал сокровище в новом месте, очень надежном; он особенно подчеркивал надежность этого места,— очевидно, тут он чего-то не договаривал. Теперь ему нужны были помощники, чтобы вернуться на остров и извлечь сокровище. Затем в воздухе замелькала карта, и голоса затихли. Недурная история для ушей двух бродяг-англичан без пенни за душой! А затем Эванс увидел во сне, что он держит Чанг Хи за косу. Чего там, жизнь китайца не так священна, как жизнь европейца! Теперь перед Эвансом возникло хитрое лицо китайца; сперва выражение его было яростным и напряженным, как у внезапно потревоженной змеи, потом оно стало испуганным, жалким и в то же время полным затаенного коварства, а под конец Чанг Хи непонятно и неожиданно усмехнулся. Потом стало очень жутко, как это иногда бывает во сне. Чанг Хи что-то быстро и неясно бормотал, угрожая ему. Эванс видел груды золота, но Чанг Хи мешал ему и боролся с ним, отталкивая его от сокровища. Эванс схватил Чанг Хи за косу; какой большой этот желтолицый и с какой силой он отбивался, усмехаясь... Чанг Хи становился все больше и больше. Вдруг блестящие кучи золота превратились в ревущую печь, а огромный дьявол, удивительно похожий на Чанг Хи, но с большим черным хвостом, стал совать раскаленные уголья в глотку Эванса. Они сильно обжигали. Другой дьявол выкрикивал

его имя: «Эванс, Эванс, не спи, болван!» Или это был голос Хукера?

Эванс очнулся. Они были у самого входа в лагуну.

— Здесь должны быть три пальмы, в одну линию с этими кустами,— сказал Хукер,—смотри-ка. Когда доплывем к зарослям, потом свернем вон к тому кусту и доберемся до места, как только войдем в речку.

Перед ними было устье реки. Увидев реку, Эванс воспрянул духом.

— Поторопись, друг,—воскликнул он,—а то, ей-богу, напьюсь морской воды!

Он сжал зубами руку и, не отрываясь, смотрел на серебряную полосу воды между скалами и зелеными зарослями.

Потом он чуть не с яростью взглянул на Хукера.

— Дай-ка мне весло,—проговорил он.

Они достигли устья. Проплыв немного вверх, Хукер зачерпнул горстью воду, попробовал и выплюнул. Проехав еще немного, он снова попробовал воду.

— Годится,— сказал он, и они стали жадно пить.

— К черту! — внезапно воскликнул Эванс.— Так не напьешься! — Рискуя выпасть из челнока, он перегнулся через его борт и начал пить прямо из реки.

Наконец они напились, ввели челнок в небольшой приток реки и собрались вылезть на берег среди густых зарослей, спускавшихся к самой воде.

— Нам придется продираться сквозь заросли к берегу моря, чтобы найти кустарник и от него прямо идти туда, куда нам нужно,— сказал Эванс.

— Лучше проедем туда на лодке, — предложил Хукер.

Они снова вывели челнок в реку и стали грести к морю, а потом вдоль берега, туда, где рос кустарник. Здесь они остановились, втащили легкий челнок на берег и пошли к лесу; они шли до тех пор, пока лагуна и кустарник не оказались перед ними на одной линии. Эванс захватил с собой из челнока туземную одноконечную кирку с полированным камнем на конце поперечины. Хукер нес весло.

— Теперь прямо вон туда,— сказал он,—будем пробираться сквозь кусты, пока не выйдем к реке. А там поищем!

Они пробивались сквозь густые заросли тростника, гигантских папоротников и молодых деревьев. Сначала идти было трудно, но скоро стало попадаться все больше высоких деревьев с открытыми полянками между ними. Яркий свет солнца почти незаметно сменялся прохладной тенью. Наконец они очутились среди огромных деревьев, сплетавшихся высоко над их головами в зеленый шатер. Со стволов свешивались тускло-белые цветы, от одного дерева к другому перекидывались ползучие растения. Тени сгущались. На земле все чаще встречались бурые пятна мха и лишайников.

По спине Эванса пробежала дрожь.

— Здесь даже как-то холодно после жары на берегу,— сказал он.

— Надеюсь, мы правильно идем,— заметил Хукер.

Далеко впереди в густом мраке они увидели наконец просвет там, где лучи жаркого солнца пронизывали лес. Здесь был густой подлесок и росли яркие цветы. Затем они услыхали шум воды.

— Вот и река. Она, должно быть, близко,— заметил Хукер.

Берега реки густо заросли. Пышные растения, еще не получившие названия, зеленели среди корней высоких деревьев и поднимали к небу свои гигантские веерообразные листья. Было множество цветов, и какие-то ползучие растения с яркой листвой цеплялись за стволы. На поверхности широкой заводи, которую охотники за кладом сначала не заметили, плавали большие овальные листья и бледно-розовые, точно восковые, цветы, напоминавшие водяные лилии. Дальше, где река сворачивала в сторону, она была покрыта пеной и шумела на порогах.

— Ну как? — сказал Эванс.

— Немного отклонились от прямой,— ответил Хукер,— так и следовало ожидать.

Он повернулся и стал всматриваться в прохладную густую тень безмолвного леса.

— Если побродить по берегу вверх и вниз, мы найдем то, что нам нужно.

— Ты говорил...—начал Эванс.

— Он говорил, что там груда камней,— закончил Хукер.

Оба внимательно посмотрели друг на друга.

— Давай для начала поищем немного ниже по течению,— предложил Эванс.

Они пошли вперед медленно, с любопытством оглядываясь по сторонам. Вдруг Эванс остановился.

— Что там за чертовщина? — проговорил он.

Хукер посмотрел туда, куда Эванс указывал пальцем.

— Что-то синее,— заметил он.

Они только что поднялись на пригорок и оттуда увидели какой-то непонятный синий предмет. Хукер почти сразу догадался, что̀ это такое.

Он быстро пошел вперед и увидел мертвое тело с согнутой рукой; она-то и привлекла их внимание. Рука крепко сжимала кирку. Человек оказался китайцем. Он ничком лежал на земле, и по положению тела было ясно, что он мертв.

Хукер и Эванс подошли ближе и молча смотрели на зловещие останки. Труп лежал на открытой поляне под деревьями. Поблизости была китайская лопата, а дальше — разбросанная куча камней и возле нее свежевырытая яма.

— Кто-то здесь уже побывал,— хрипло промолвил Хукер.

Внезапно Эванс начал ругаться и топать ногами.

Хукер побледнел, но ничего не сказал. Он подошел к простертому телу и увидел, что шея мертвеца была красной и распухшей. Распухли также его руки и ноги.

— Фу! — сказал Хукер, резко отвернулся и подошел к яме. Он вскрикнул от удивления.— Болван! Все в порядке! — обратился он к Эвансу, который медленнно шел за ним.— Сокровище здесь!

Он опять взглянул на мертвого китайца, а затем снова на вырытую яму.

Эванс подбежал к яме. Перед ним лежали тускло-желтые бруски, наполовину вытащенные из земли злополучным китайцем. Эванс наклонился над ямой и, расчистив руками землю, торопливо вынул один из тяжелых брусков. При этом какой-то маленький шип уколол его в руку. Он вытащил тоненький шип пальцами и поднял слиток.

— Только золото и свинец могут быть такими тяжелыми,—в радостном волнении сказал он.

Хукер все еще смотрел на тело. Что-то ему было непонятно.

— Он забежал вперед тайком от приятелей,—наконец заметил Хукер,— пришел сюда один, а здесь его укусила ядовитая змея. Интересно, как он нашел это место?

Эванс стоял, держа в руках слиток. Что значил какой-то мертвый китаец?

— Нам придется по частям перетащить все это на материк и на время опять закопать там,— проговорил он,— но как мы дотащим все эти слитки до челнока?

Он снял куртку, разложил ее на земле и бросил на нее два или три слитка. При этом он заметил, что еще один шип впился ему под кожу.

— Больше нам не снести,— сказал он и добавил с неожиданным раздражением: — На что ты там уставился?

Хукер взглянул на него.

— Невыносимо... У него такой вид...— Он кивнул в сторону трупа.— Он так похож...

— Чепуха! — сказал Эванс.— Все китайцы похожи друг на друга.

Хукер смотрел в лицо своему товарищу.

— Во всяком случае, я похороню его, прежде чем притронусь к сокровищу.

— Не валяй дурака, Хукер,— сказал Эванс.— Оставь эту падаль.

Хукер колебался. Он медленно осмотрел бурую землю вокруг.

— Меня это как-то пугает,— проговорил он.

— Вопрос в том,— сказал Эванс,— что делать с этими слитками: снова закопать их где-нибудь здесь или перевезти на челноке через пролив?

Хукер молчал. Тревожным взглядом обводил он высокие стволы деревьев и далекие, залитые солнцем зеленые ветви над головой. Когда глаза его остановились на китайце в синей одежде, он снова вздрогнул.

— Что с тобой, Хукер? — спросил Эванс.— Ты спятил?

— Так или иначе, надо унести отсюда золото,—ответил Хукер.

Он взялся за ворот куртки Эванса, а тот ухватился за полы, и они подняли золото.

— Куда пойдем? — спросил Эванс.— К челноку? Странно,— добавил он, сделав несколько шагов,—у меня все еще болят руки от гребли... Черт побери! Здорово болят. Придется сделать передышку.

Они положили куртку на землю. Лицо у Эванса побледнело, и лоб покрылся мелкими капельками пота.

— Что-то душно здесь, в лесу,— пробормотал он.

С внезапным приступом необъяснимой ярости он закричал:

— Что толку весь день торчать здесь! Слушай-ка, поднимай куртку. Как ты увидел мертвого китайца, так ничего больше не делаешь, только глазеешь по сторонам!

Хукер пристально смотрел в лицо своему компаньону. Он помог поднять куртку со слитками, и они молча пошли дальше. Пройдя шагов сто, Эванс начал задыхаться.

— Что с тобой? — спросил Хукер.

Эванс, спотыкаясь, сделал еще несколько шагов, а затем с проклятием вдруг уронил куртку, так что золото вывалилось. С минуту он стоял, глядя на Хукера, и затем со стоном схватился за горло.

— Не подходи ко мне! — проговорил он, прислонившись к дереву, и более твердым голосом добавил:— Мне сейчас станет легче.

Пальцы его, сжимавшие ствол дерева, разжались, и он стал медленно сползать вниз, пока не рухнул бесформенной массой к подножию дерева. Руки его судорожно сжимались, лицо было искажено болью. Хукер подошел к нему.

— Не трогай меня! Не трогай! — задыхаясь, проговорил Эванс.— Положи золото на куртку.

— Может, помочь тебе? — спросил Хукер.

— Положи золото на куртку!

Когда Хукер поднимал слитки, он почувствовал, как что-то укололо его в большой палец. Он взглянул на руку и увидел тонкий шип дюйма в два длиной.

Эванс вскрикнул и стал кататься по земле.

У Хукера вытянулось лицо. Он смотрел на шип блуждающими глазами. Потом посмотрел на Эванса, который корчился на земле; его тело поминутно сводила судорога. Потом Хукер посмотрел туда, где между стволами деревьев и паутиной ползучих растений в тусклой

серой дымке неясно виднелось тело китайца в синей одежде. Хукер вспомнил черточки в углу плана и сразу понял все.

— Господи, помоги мне! — проговорил он.

Эти ядовитые шипы были в точности похожи на те, которыми даяки стреляют из своих духовых ружей.

Хукер понял теперь, почему Чанг Хи был так уверен, что клад спрятан надежно. Он понял и усмешку Чанг Хи.

— Эванс! — закричал Хукер

Но Эванс лежал безмолвно и неподвижно, только руки и ноги у него временами подергивались в предсмертной судороге. В лесу стояла глубокая тишина.

Тогда Хукер принялся с отчаянием сосать то место на большом пальце, где виднелось крошечное розоватое пятнышко. Он сосал и сосал — он боролся за жизнь. Внезапно он почувствовал тупую боль в руках и плечах, пальцы его с трудом сгибались, и он понял, что сосать не стоит.

Он сразу опустил руку и сел рядом с грудой слитков. Положив подбородок на руки и опершись локтями на колени, он смотрел на все еще вздрагивавшее тело Эванса. В памяти снова возникла усмешка Чанг Хи. Тупая боль теперь подступала к горлу и понемногу усиливалась. Высоко над его головой легкий ветерок шевелил листву, и белые лепестки неведомого цветка, кружась, падали в лесном полумраке.

1895

СТРАННАЯ ОРХИДЕЯ

Покупка орхидей всегда сопряжена с известной долей риска. Перед вами сморщенный бурый корень — во всем остальном полагайтесь на собственное суждение, или на продавца, или на удачу, как вам угодно. Может, растение это обречено на гибель или уже погибло, может, вы сделали вполне солидную покупку, стоящую потраченных денег, а может — и так не раз бывало — перед вашим восхищенным взором медленно, день за днем, начнет разворачиваться нечто невиданное: новое богатство формы, особый изгиб лепестков, более тонкая окраска, необычная мимикрия. Гордость, краса и доходы расцветают вместе на нежном зеленом стебле, и как знать, возможно, и слава. Ибо для нового чуда природы необходимо новое имя, и не естественно ли окрестить цветок именем открывшего его? «Джонсмития»! Что ж, встречаются названия и похуже.

Быть может, надежды на такое открытие и сделали из Уинтера Уэдерберна завсегдатая цветочных распродаж — надежды и, вероятно, еще то обстоятельство, что у него не было в жизни никаких других сколько-нибудь интересных занятий. Это был робкий, одинокий, довольно никчемный человек со средствами, достаточными для безбедного существования, и недостатком духовной энергии, которая заставила бы его искать занятий более определенных. Он мог бы с равным успехом коллекционировать марки или монеты, переводить Горация, переплетать книги или открывать новые

виды диатомеи[1]. Но вышло так, что он занялся выращиванием орхидей, и все его честолюбивые помыслы оказались сосредоточены на маленькой садовой оранжерее.

— Почему-то мне кажется,— сказал он однажды за кофе,— что сегодня со мной непременно что-нибудь случится.— Говорил он медленно — так же, как двигался и думал.

— Ах, ради бога, не говорите об этом! — воскликнула экономка, его кузина. Для нее туманное «что-нибудь случится» всегда означало лишь одно.

— Нет, вы меня неверно поняли. Я не имею в виду ничего неприятного... хотя что я, собственно, имею в виду, я и сам не знаю.

— Сегодня,— продолжал он, помолчав,— у Питерсов распродажа кое-каких растений из Индии и с Андаманских островов. Хочу заглянуть к ним, посмотреть, что у них там хорошего. Как знать, а вдруг я приобрету что-нибудь ценное? Может, это предчувствие.

Он протянул чашку за второй порцией кофе.

— Это растения, собранные тем несчастным молодым человеком, о котором вы мне на днях рассказывали? — спросила экономка, наливая кофе.

— Да,— ответил Уэдерберн и задумался, так и не донеся до рта кусочек поджаренного хлеба.

— Со мной никогда ничего не случается,— заговорил он, продолжая свои мысли вслух.— Почему, хотел бы я знать. С другими происходит все что угодно. Взять хотя бы Харви. Только на прошлой неделе в понедельник он нашел шестипенсовик, в среду все его цыплята заболели вертячкой, в пятницу приехала двоюродная сестра из Австралии, а в субботу он вывихнул ногу. Целый водоворот волнующих событий по сравнению с моей жизнью.

— На вашем месте я предпочла бы поменьше волнений,— сказала экономка.— Не думаю, чтоб они пошли вам на пользу.

— Да, конечно, это беспокойно. Но все же... Вы подумайте, ведь со мной никогда ничего не случается. Когда я еще был мальчуганом, я ни разу не пережил ни одного приключения. Я рос и никогда не влюблялся. Так

---

[1] Диатомея — кремнистая водоросль.

никогда и не женился. Хотел бы я знать, что испытывает человек, когда с ним случается что-нибудь действительно необычное. Этому любителю орхидей было всего тридцать шесть — он был на двадцать лет моложе меня,— когда он умер. А он был дважды женат, один раз разводился, четыре раза болел малярией и один раз сломал себе берцовую кость. Однажды он убил малайца, в другой раз его ранили отравленной стрелой. И в конце концов он погиб в джунглях от пиявок. Все это, разумеется, очень беспокойно, но зато как интересно, за исключением разве только пиявок.

— Все это не пошло ему на пользу, я уверена,— проговорила леди убежденно.

— Да, пожалуй.— Уэдерберн взглянул на часы.— Двадцать три минуты девятого. Я выеду без четверти двенадцать, времени у меня хватит. Я думаю надеть летний пиджак — сегодня достаточно тепло,— серую фетровую шляпу и коричневые ботинки. Дождя, мне кажется...

Он кинул взгляд сперва на безоблачное небо и залитый солнцем сад за окном, затем, с тревогой, на лицо кузины.

— Я считаю, все-таки лучше взять зонтик, раз вы едете в Лондон,— сказала она тоном, не допускающим возражений.— Туда и обратно дорога не очень-то близкая.

Уэдерберн вернулся под вечер в необычном для него взволнованном состоянии. Он совершил покупку. Редко случалось, чтобы он действовал решительно, но на этот раз было именно так.

— Это ванды, а это дендробии и палеонофис,— перечислял он. Глотая суп, он любовно созерцал свои приобретения. Он разложил их перед собой на белоснежной скатерти и, пока обедал, сообщал кузине всяческие о них подробности. По заведенному обычаю каждую свою поездку в Лондон он заново переживал по возвращении, что доставляло удовольствие и ему и его слушательнице.

— Я так и знал, что сегодня что-нибудь произойдет. И вот я купил все это... Некоторые из них — я почему-то положительно убежден в этом, — некоторые из них окажутся замечательными. Ну как будто кто-то сказал мне, что будет именно так, а не иначе. Вот эта,—

он указал на сморщенный корень,— не определена. Не то палеонофис, не то что-то другое. Весьма возможно, что это новый вид или даже новый род. Это как раз последний экземпляр из того, что собрал бедняга Баттен.

— Мне неприятно смотреть на это. У нее отвратительная форма.

— На мой взгляд, она пока лишена всякой формы.

— Ужасно не нравятся мне эти торчащие отростки.

— Завтра они спрячутся в горшке под землей.

— Похоже на паука, притворившегося мертвым.

Уэдерберн улыбался и, склонив голову набок, рассматривал корень.

— Да, признаться, не очень красивый образчик. Но об этих растениях никогда нельзя судить по корню. Может оказаться прекраснейшая орхидея. Сколько дел у меня на завтра! Сегодня вечером я должен обдумать, как мне рассадить все это, а уж завтра примусь за работу.

— Беднягу Баттена нашли в мангровом болоте — не то мертвым, не то умирающим,— вскоре заговорил он опять.— Одна из этих орхидей лежала под ним, примятая его телом. Уже несколько дней перед тем он был болен местной лихорадкой, очевидно, он потерял сознание; эти мангровые болота очень вредны для здоровья. Говорят, болотные пиявки высосали из него всю кровь, всю до единой капли. Может, именно вот эта орхидея, которую он пытался достать, и стоила ему жизни.

— От этого она не кажется мне лучше.

— Пусть жены сетуют, удел мужей трудиться [1],— изрек Уэдерберн с глубочайшей серьезностью.

— Только подумать — умереть без всякого комфорта, в каком-то отвратительном болоте! Лежать в лихорадке, и ничего, только хлородин и хина,— если мужчин предоставить самим себе, они будут питаться одним хлородином и хиной,— и никого поблизости, кроме этих противных туземцев! Я слыхала, что все туземцы Андаманских островов ну просто ужасны, во всяком случае, едва ли можно ждать от них хорошего ухода за больным, раз никто их тому не обучал. И все это лишь для того, чтобы в Англии, кто пожелает, мог купить орхидеи!

— Разумеется, удобств там мало, но некоторые нахо-

[1] «Три рыбака» Чарлза Кингсли (1819—1875).

дят удовольствие в таком образе жизни,— сказал Уэдерберн.— Во всяком случае, туземцы, которые участвовали в экспедиции Баттена, были настолько культурны, что хранили собранные им растения, пока не вернулся его коллега, орнитолог. Хотя, правда, они дали орхидеям завянуть и не смогли объяснить, к какому виду они принадлежат. Именно поэтому эти растения меня так интересуют.

— Именно поэтому они вызывают во мне отвращение. Я не удивлюсь, если окажется, что на них бациллы малярии. Только представить себе — на этих безобразных корешках лежало мертвое тело. Боже мой, мне сначала это не пришло в голову. Нет, заявляю категорически: я больше не в состоянии куска в рот взять.

— Я приму их со стола, если хотите, и переложу на скамейку у окна. Мне их оттуда так же хорошо видно.

В течение последующих дней он действительно с головой ушел в работу — возился в своей оранжерейке с углем, кусочками тикового дерева, мохом и другими таинственными аксессуарами всякого, кто выращивает орхидеи. Он считал эти дни преисполненными событий. По вечерам он рассказывал друзьям о новых орхидеях. И снова и снова говорил о своем предчувствии чего-то необычного.

Несколько ванд и дендробий погибло, несмотря на все заботы, но странная орхидея вскоре начала показывать признаки жизни. Он был в восторге, когда обнаружил это, и тут же потащил свою кузину в оранжерею, не дав ей доварить варенье.

— Это бутон,— пояснял он,— а тут скоро будет множество листьев. А вот эти маленькие отростки — это воздушные корешки.

— Как будто из бурой массы торчат белые пальцы,— сказала экономка.— Нет, они мне не нравятся.

— Почему же?

— Не знаю. Похоже на пальцы, готовые схватить. Я не вольна в своих симпатиях и антипатиях.

— Не могу, конечно, поручиться, но, насколько мне известно, подобных воздушных корешков нет ни у одного вида орхидей. Впрочем, может, это моя фантазия. Посмотрите-ка, на концах они немного сплющены.

— Они мне не нравятся,— повторила экономка и, вздрогнув, отвернулась.— Я понимаю, это глупо с моей стороны, и очень о том сожалею, раз вы-то от них в таком восторге. Но у меня из головы не выходит этот труп.

— Но разве обязательно это то самое растение? Ведь это только мои догадки.

Она пожала плечами.

— Все равно, они мне не нравятся.

Уэдерберна слегка задело такое отвращение к его орхидее. Но это не помешало ему толковать об орхидеях вообще и об этой в частности, как только у него являлась к тому охота.

— Сколько всегда занятного с этими орхидеями,— сказал он как-то,— столько возможностей и неожиданностей. Дарвин изучал их оплодотворение и доказал, что все строение самого обыкновенного цветка орхидеи приспособлено к тому, чтобы насекомые могли переносить пыльцу с растения на растение. Но существует множество уже известных видов орхидей, которые не могут быть оплодотворены таким образом. Например, некоторые из киприпедий — не известно ни одно насекомое, которое могло бы переносить с него пыльцу. А у некоторых орхидей вообще никогда не находили семян.

— Но как же вырастают новые цветы?

— Из усов и клубней и тому подобного. Это легко объяснимо. Непонятно другое: для чего служат цветы? Весьма вероятно,— добавил он,— что моя орхидея окажется в этом отношении совершенно необыкновенной. Если так, я буду ее изучать. Я давно уж собираюсь заняться исследованиями, как Дарвин, но все как-то не находилось времени или что-нибудь мешало. Знаете, листья уже начинают разворачиваться. Мне бы очень хотелось, чтобы вы зашли взглянуть на них.

Но она заявила, что в оранжерее слишком душно, у нее там разбаливается голова. Она видела растение уже два раза,— в последний раз воздушные корешки, к сожалению, напомнили ей щупальца, которые словно бы тянутся к добыче. Они стали преследовать ее во сне: будто растут прямо на глазах и стараются ее схватить. Поэтому она решительно заявила, что больше не хочет смотреть на орхидею, и Уэдерберну пришлось одному восхищаться развернувшимися листьями. Они были обыч-

ного размера, широкие, темно-зеленые и блестящие, покрытые у основания пурпуровыми пятнышками. Ему никогда еще не встречались такие листья. Он поместил орхидею на низкую скамью под термометром, а рядом устроил нехитрое приспособление: на горячие трубы батареи капала из крана вода, и воздух вокруг насыщался парами. Все послеобеденное время Уэдерберн теперь проводил в мечтах о приближающемся цветении странной орхидеи.

И наконец великое событие свершилось. Едва войдя в маленькое, крытое стеклом помещение, он уже знал, что бутон распустился, хотя огромный палеонофис скрывал от него его сокровище. В воздухе носился новый аромат — сильный, необычайно сладкий, заглушавший все остальные запахи в этой душной, наполненной испарениями теплице. Уэдерберн поспешил к орхидее, и — о радость! — на свисающих зеленых ветвях качались три крупных белых цветка, источавших этот одуряющий аромат. Уэдерберн замер от восторга.

Цветы были белые, с золотисто-оранжевыми полосками на лепестках; тяжелый околоцветник изогнулся, и его чудесный голубоватый пурпур смешивался с золотом лепестков. Уэдерберн тотчас понял, что это совершенно новый вид. Но какой нестерпимый запах! Как душно в оранжерее! Цветы поплыли у него перед глазами.

Надо проверить, не слишком ли высока температура. Он шагнул к термометру. Внезапно все закачалось. Кирпичный пол поднялся и опустился. Белые цветы, зеленые листья, вся оранжерея — все накренилось, потом подскочило вверх.

В половине пятого, согласно раз и навсегда заведенному порядку, экономка приготовила чай. Но Уэдерберн к столу не явился.

«Никак не может расстаться со своей противной орхидеей,— подумала она и подождала еще минут десять.— Вдруг у него остановились часы? Надо пойти позвать его».

Она направилась прямо к оранжерее, открыла дверь, окликнула его. Ответа не последовало. Она заметила, что воздух в оранжерее очень спертый и насыщен крепким

ароматом. И тут она увидела что-то, лежащее на кирпичном полу у горячих труб батареи.

С минуту она стояла неподвижно.

Он лежал навзничь у подножия странной орхидеи. Похожие на щупальца воздушные корешки теперь не висели свободно в воздухе,— сблизившись, они образовали как бы клубок серой веревки, концы которой тесно охватили его подбородок, шею и руки.

Сперва она не поняла. Но тут же увидела на его щеке под одним из хищных щупальцев тонкую струйку крови.

Крикнув что-то нечленораздельное, она бросилась к нему и попробовала отодрать похожие на пиявки присоски. Она сломала несколько щупальцев, и из них закапал красный сок.

От одуряющего запаха цветов у нее начала кружиться голова. Как они вцепились в него! Она тянула тугие веревки, а все вокруг плыло, как в тумане. Она чувствовала, что теряет сознание, и понимала, что этого нельзя допустить. Оставив Уэдерберна, она поспешно открыла ближайшую дверь, вдохнула свежий воздух,— и тут ее осенила блестящая мысль. Схватив цветочный горшок, она швырнула его в стекло в конце оранжереи. Затем с новыми силами принялась тащить неподвижное тело Уэдерберна. Горшок со странной орхидеей свалился на пол. С мрачным упорством растение все еще цеплялось за свою жертву. Надрываясь, она тащила к выходу тело вместе с орхидеей. Затем ей пришло в голову отрывать присосавшиеся корешки по одному, и уже через минуту Уэдерберн был свободен. Он был бледен, как полотно, кровь текла у него из многочисленных круглых ранок.

Поденный рабочий, привлеченный звоном бьющегося стекла, подошел как раз в тот момент, когда она окровавленными руками волокла из оранжереи безжизненное тело. На мгновение он представил себе невероятные вещи.

— Скорее воды! — крикнула она, и ее голос рассеял его фантазии. Когда поденщик с необычным для него проворством вернулся, неся воду, он застал экономку всю в слезах; голова Уэдерберна лежала у нее на коленях, она стирала кровь с его лица.

— Что случилось? — спросил Уэдерберн, приоткрыв глаза, и тут же закрыл их снова.

— Бегите живей, скажите Энни, пусть сейчас же идет сюда, а потом за доктором Хэддоном,— сказала она поденщику. И добавила, видя, что тот медлит: — Я все расскажу, как только вы вернетесь.

Вскоре Уэдерберн вновь открыл глаза. Заметив, что его тревожит необычайность его позы, она объяснила:

— Вам стало дурно в оранжерее.

— А орхидея?

— Я пригляжу за ней.

Уэдерберн потерял много крови, но, в общем, особенно не пострадал. Ему дали выпить коньяку с каким-то розовым мясным экстрактом и уложили в постель. Экономка вкратце рассказала доктору Хэддону обо всем, что произошло.

— Сходите в оранжерею и посмотрите сами,— предложила она.

Холодный воздух врывался в открытую дверь, приторный запах почти исчез. Воздушные корешки, разорванные и уже увядшие, валялись среди темных пятен на кирпичном полу. Ствол орхидеи сломался при падении горшка. Края лепестков сморщились и побурели. Доктор наклонился было разглядеть их получше, заметил, что один из воздушных корешков еще слабо шевелится,— и передумал.

На следующее утро странная орхидея все еще лежала там, почерневшая, испускающая запах гнили. От утреннего ветерка дверь поминутно хлопала, и весь выводок орхидей Уэдерберна съежился и завял. Зато сам Уэдерберн, лежа у себя в спальне, ликовал, упиваясь рассказами о своем необыкновенном приключении.

1895

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ С ГЛАЗАМИ ДЭВИДСОНА

Временное душевное расстройство Сиднея Дэвидсона, замечательное само по себе, приобретает еще большее значение, если прислушаться к объяснениям доктора Уэйда. Оно наводит на мысли о самых причудливых возможностях общения между людьми в будущем, о том, что можно будет переноситься на несколько минут на противоположную сторону земного шара и оказываться в поле зрения невидимых нам глаз в те мгновения, когда мы заняты самыми потаенными делами. Мне пришлось быть непосредственно свидетелем припадка, случившегося с Дэвидсоном, и я считаю своей прямой обязанностью изложить свое наблюдение на бумаге.

Говоря, что был ближайшим свидетелем припадка, я имею в виду тот факт, что я оказался первым на месте происшествия. Случилось это в Гарлоу, в Техническом колледже, возле самой Хайгетской арки. Дэвидсон был один в большой лаборатории, я был в малой, там, где весы, и делал кое-какие заметки. Гроза прервала мои занятия. После одного из самых сильных раскатов грома я услыхал в соседней комнате звон разбитого стекла. Я бросил писать, оглянулся и прислушался. В первое мгновение я ничего не слышал. Град оглушительно барабанил по железной крыше. Потом опять раздался шум и звон стекла, на этот раз уже несомненный. Что-то тяжелое упало со стола. Я мигом вскочил и открыл дверь в большую лабораторию.

К своему удивлению, я услышал странный смех и увидел, что Дэвидсон стоит посреди комнаты, шатаясь, со

странным выражением лица. Сначала я подумал, что он пьян. Он не замечал меня. Он хватался за что-то невидимое, словно отстоявшее на ярд от его лица; медленно и как бы колеблясь, он протягивал руку и ловил пустое пространство.

— Куда она девалась? — спрашивал он. Он проводил рукой по лицу, растопырив пальцы.—Великий Скотт!— воскликнул он. Три-четыре года тому назад была в моде такая божба.

Он неловко приподнял одну ногу, как будто ноги у него были приклеены к полу.

— Дэвидсон! — крикнул я.— Что с вами, Дэвидсон?

Он обернулся ко мне и стал искать меня глазами. Он глядел поверх меня, на меня, направо и налево от меня, но, очевидно, не видел меня.

— Волны! — сказал он.— И какая красивая шхуна! Я готов поклясться, что слышал голос Беллоуза. Эй! Эй! — вдруг закричал он громко.

Я подумал, что он дурачится. Но тут я увидел на полу у его ног осколки нашего лучшего электрометра.

— Что с вами, дружище? — спросил я.— Вы разбили электрометр?

— Опять голос Беллоуза,— сказал он.— У меня исчезли руки, но остались друзья. Что-то насчет электрометров. Беллоуз! Где вы? — И он, пошатываясь, быстро направился ко мне.— Вот гадость, мягкое, как масло,— сказал он. Тут он наткнулся на скамью и отпрыгнул.— А вот это совсем не похоже на масло,— заметил он и остановился, покачиваясь.

Мне стало страшно.

— Дэвидсон! — воскликнул я.— Ради бога, что с вами такое?

Он оглянулся по сторонам.

— Готов держать пари, что это Беллоуз. Полно прятаться, Беллоуз. Выходите, будьте мужчиной.

Мне пришло в голову, что он, может быть, внезапно ослеп.

Я обошел вокруг стола и дотронулся до его рукава. Никогда не видел я, чтобы кто-нибудь так вздрагивал! Он отскочил и встал в оборонительную позу. Лицо его исказилось от ужаса.

— Боже! — воскликнул он.— Что это?

— Это я, Беллоуз. Прошу вас, Дэвидсон, перестаньте!

Когда я ответил ему, он подпрыгнул и поглядел — как бы это выразить? — прямо сквозь меня. Он заговорил не со мной, а с собою:

— Здесь днем на открытом берегу спрятаться негде.— Он с растерянным видом оглянулся.— Надо бежать! — Он неожиданно повернулся и с размаху налетел на большой электромагнит — с такой силой, что, как потом обнаружилось, расшиб себе плечо и челюсть. Он отскочил на шаг и, чуть не плача, воскликнул:

— Что со мной?

Потом замер, побелев от ужаса и весь дрожа. Правой рукой он обхватил левую в том месте, которое только что ушиб о магнит.

Тут и меня охватило волнение. Я был страшно испуган.

— Дэвидсон, не волнуйтесь,— сказал я.

При звуке моего голоса он встрепенулся, но уже не так тревожно, как в первый раз. Я повторил свои слова как только мог отчетливо и твердо.

— Беллоуз, это вы? — спросил он.

— Разве вы не видите меня?

Он засмеялся.

— Я не вижу даже самого себя. Черт возьми, куда это нас занесло?

— Мы здесь,— ответил я,— в лаборатории.

— В лаборатории? — машинально повторил он и провел рукой по лбу.— Это прежде я был в лаборатории. До того, как сверкнула молния... Но черт меня побери, если я сейчас в лаборатории!.. Что это там за корабль?

— Нет никакого корабля,— ответил я.— Пожалуйста, опомнитесь, дружище!

— Никакого корабля! — повторил он, но, кажется, тотчас же позабыл мои слова.— Я думаю,— медленно начал он,— что мы оба умерли. Но любопытней всего, что я чувствую себя так, будто тело все же у меня осталось. Должно быть, к этому не сразу привыкаешь. Очевидно, старый корабль разбило молнией. Ловко, не правда ли, Беллоуз?

— Не городите чепуху. Вы целы и невредимы. И ведете себя отвратительно: вот разбили новый электрометр. Не хотел бы я быть на вашем месте, когда вернется Бойс.

Он перевел глаза с меня на диаграммы криогидратов.

— Должно быть, я оглох,— сказал он.— Я вижу дым,— значит, палили из пушки, а я совсем не слыхал выстрела.

Я опять положил руку ему на плечо. На этот раз он отнесся к этому спокойнее.

— Наши тела стали теперь как бы невидимками,— сказал он.— Но смотрите, там шлюпка... огибает мыс... В конце концов это очень похоже на прежнюю жизнь. Только климат другой!

Я стал трясти его за руку.

— Дэвидсон! — закричал я.— Дэвидсон! Проснитесь!

Как раз в эту минуту вошел Бойс. Как только он заговорил, Дэвидсон воскликнул:

— Старина Бойс! Вы тоже умерли? Вот здорово!

Я поспешил объяснить, что Дэвидсон находится в каком-то сомнамбулическом трансе. Бойс сразу заинтересовался. Мы делали все, что могли, чтобы вывести его из этого необычного состояния. Он отвечал на наши вопросы и сам спрашивал, но его внимание поминутно отвлекалось все теми же видениями какого-то берега и корабля. Он все толковáл о какой-то шлюпке, о шлюпбалках, о парусах, раздуваемых ветром. Жуткое чувство вызывали у нас его речи в сумрачной лаборатории. Он был слеп и беспомощен. Пришлось взять его под руки и отвести в комнату к Бойсу. Покуда Бойс беседовал с ним и терпеливо слушал его бредни о корабле, я прошел по коридору и пригласил старика Уэйда посмотреть его. Голос нашего декана как будто отрезвил его, но ненадолго. Дэвидсон спросил, куда девались его руки, и почему он должен передвигаться по пояс в земле. Уэйд долго думал над этим (вы знаете его манеру сдвигать брови), потом тихонько взял его руку и провел ею по кушетке.

— Вот это кушетка,— сказал Уэйд.— Кушетка в комнате профессора Бойса... Набита конским волосом.

Дэвидсон погладил кушетку и, подумав, сказал, что руками он ее чувствует хорошо, но увидеть никак не может.

— Что же вы видите? — спросил Уэйд.

Дэвидсон ответил, что видит только песок и разбитые раковины. Уэйд дал ему пощупать еще несколько предметов; при этом он описывал их и внимательно наблюдал за ним.

— Корабль на горизонте,— ни с того ни с сего промолвил Дэвидсон.

— Оставьте корабль,— сказал Уэйд.— Послушайте, Дэвидсон, вы знаете, что такое галлюцинация?

— Конечно,— сказал Дэвидсон.

— Так имейте в виду: все, что вы видите,— галлюцинация.

— Епископ Беркли,— произнес Дэвидсон.

— Послушайте меня,— сказал Уэйд.— Вы целы и невредимы, и вы в комнате профессора Бойса. Но у вас что-то произошло с глазами. Испортилось зрение. Вы слышите и осязаете, но не видите... Понятно?

— А мне кажется, что я вижу даже слишком много.— Дэвидсон потер глаза кулаками и прибавил: — Ну, еще что?

— Больше ничего. И пусть это вас не беспокоит. Мы с Беллоузом посадим вас в кеб и отвезем домой.

— Погодите.— Дэвидсон задумался.— Давайте я опять сяду, а вы, будьте добры, повторите, что только что сказали.

Уэйд охотно исполнил его просьбу. Дэвидсон закрыл глаза и обхватил голову руками.

— Да,— сказал он,— вы совершенно правы. Вот я закрыл глаза, и вы совершенно правы. Рядом со мной на кушетке сидите вы и Беллоуз. И я опять в Англии. И в комнате темно.

Потом он открыл глаза.

— А там солнце всходит,— сказал он,— и корабельные снасти, и волнующееся море, и летают какие-то птицы. Я никогда не видел так отчетливо. Я на берегу, сижу по самую шею в песке.

Он наклонил голову и закрыл лицо руками. Потом снова открыл глаза.

— Бурное море и солнце! И все-таки я сижу на диване в комнате Бойса... Боже мой! Что со мной?

Так началось у Дэвидсона странное поражение глаз, длившееся целые три недели. Это было хуже всякой слепоты. Он был совершенно беспомощен. Его кормили, как птенца, одевали, водили за руку. Когда он пробовал двигаться сам, он либо падал, либо натыкался на стены и двери. Через день он немного освоился со своим положением; не так волновался, когда слышал наши голоса, не видя нас, и охотно соглашался, что он дома и Уэйд сказал ему правду. Моя сестра — она была невестой Дэвидсона — настояла, чтобы ей разрешили приходить к нему, и часами сидела около него, пока он рассказывал о своей странной бухте. Он удивительно успокаивался, когда держал ее за руку. Он рассказал ей, что, когда мы везли его из колледжа домой — он жил в Хэмпстеде,— ему представлялось, будто мы проезжаем прямо сквозь какой-то песчаный холм; было совершенно темно, пока он сквозь скалы, деревья и самые крепкие преграды снова не вышел на поверхность; а когда его повели наверх, в его комнату, у него закружилась голова, и он испытывал безумный страх, что упадет, потому что подъем по лестнице показался ему восхождением на тридцать или сорок футов над поверхностью его воображаемого острова. Он беспрестанно твердил, что перебьет все яйца. В конце концов пришлось перевести его вниз, в приемную отца, и там уложить на диван.

Он рассказывал, что его остров — довольно глухое и мрачное место и что там очень мало растительности: только голые скалы да жесткий бурьян. Остров кишит пингвинами; их так много, что вся земля кажется белой, и это очень неприятно для глаз. Море часто бушует, раз была даже буря и гроза, и он лежал на диване и вскрикивал при каждой беззвучной вспышке молнии. Изредка на берег выбираются котики. Впрочем, это было только в первые два-три дня. Он говорил, что его очень смешит, что пингвины проходят сквозь него, как по пустому месту, а он лежит посреди этих птиц, нисколько их не пугая.

Я вспоминаю один любопытный эпизод. Ему очень захотелось курить. Мы раскурили и дали ему в руки трубку, причем он чуть не выколол себе глаза. Он не почув-

ствовал никакого вкуса. Я потом заметил, что точно так же бывает и со мной, не знаю, как другие, но я не получаю удовольствия от курения, если не вижу дыма.

Но самые странные видения были у него, когда Уэйд распорядился вывезти его в кресле на свежий воздух. Дэвидсоны взяли напрокат кресло на колесах и приставили к нему своего приживальщика Уиджери, глухого и упрямого человека. У этого Уиджери было довольно своеобразное представление о прогулках на свежем воздухе. Как-то, возвращаясь из ветеринарного госпиталя, моя сестра повстречала их в Кэмдене, около Кингскросса. Уиджери с довольным видом быстро шагал за креслом, а Дэвидсон, видимо, в полном отчаянии, безуспешно пытался привлечь к себе его внимание. Он не удержался и заплакал, когда моя сестра заговорила с ним.

— Дайте мне выбраться из этой проклятой темноты! — взмолился он, сжимая ее руку.— Мне надо уйти отсюда, или я умру...

Он не мог объяснить, что произошло. Сестра решила сейчас же отвезти его домой, и как только они стали подниматься на холм по пути в Хэмпстеду, испуг его прошел. Он сказал, что очень приятно опять видеть звезды, хотя было около полудня и ярко светило солнце.

— Мне казалось, будто меня с непреодолимой силой вдруг стало уносить в море,— рассказывал он мне потом.— Сначала это очень испугало меня... Дело, конечно, было ночью. Это была великолепная ночь.

— Почему же «конечно»? — с удивлением спросил я.

— Конечно,— повторил он.— Когда здесь день, там всегда ночь. Меня несло прямо в море. Оно было спокойно и блестело в лунном сиянии. Только широкая зыбь ходила по воде. Она оказалась еще сильней, когда я попал в нее. Сверху море блестело, как мокрая кожа. Вода вокруг меня поднималась очень медленно — потому что меня несло вкось,— пока не залила мне глаза. Потом я совсем погрузился в воду, и у меня было такое чувство, будто эта кожа лопнула у меня перед глазами и опять срослась. Луна подпрыгнула в небесах и стала зеленой и смутной; какая-то рыба, слегка поблескивая, суетливо заскользила вокруг меня, и я увидел какие-то предметы как бы из блестящего стекла и пронесся сквозь целую чащу водорослей, светившихся маслянистым светом. Так

я спускался вглубь, и луна становилась все более зеленой и темной, а водоросли сияли пурпурно-красным светом. Все это было очень смутно, таинственно, все как бы колебалось. И в то же время я отчетливо слышал, как поскрипывает кресло, на котором меня везут, и мимо проходит народ, и где-то в стороне газетчик выкрикивает экстренный выпуск «Пэл-Мэл».

Я погружался в воду все глубже и глубже. Вокруг меня все стало черным, как чернила; ни один луч не проникал в темноту; и только фосфоресцирующие предметы становились все ярче. Змеистые ветви подводных растений засветились в глубине, как пламя спиртовых горелок; но немного погодя пропали и они. Рыбы подплывали ко мне стаями, глядели на меня, разевая рты, и проплывали мимо меня, в меня и сквозь меня. Я никак не предполагал, что существуют такие странные рыбы. По бокам у них с обеих сторон были огненные полоски, словно проведенные фосфором. Какая-то гадина с извивающимися длинными щупальцами пятилась в воде, как рак.

Потом я увидел, как во тьме на меня медленно ползла масса неясного света, которая вблизи оказалась целым сонмом рыб, шныряющих вокруг какого-то предмета, опускающегося на дно. Меня несло прямо на них, и в самой середине стаи я увидел справа распростершийся надо мной обломок разбитой мачты, а потом — опрокинутый темный корпус корабля и какие-то светящиеся, фосфоресцирующие тела, податливые и гибкие под напором прожорливой стаи. Тут я и стал стараться привлечь к себе внимание Уиджери. Ужас охватил меня. Ух! Мне пришлось бы наехать прямо на эти полуобглоданные... если бы ваша сестра вовремя не подошла ко мне... Беллоуз, они были проедены насквозь и... Ну, да все равно. Ах, это было ужасно!

Три недели находился Дэвидсон в этом странном состоянии. Все это время взор его был обращен к тому, что мы сперва считали плодом его фантазии. Он был слеп ко всему окружающему. Но вот однажды — это было во вторник — я пришел к нему и встретил в передней его отца.

— Он уже видит свой палец, Беллоуз! — в восторге сообщил мне старик, надевая пальто, и слезы показались у него на глазах.— Есть надежда на выздоровление.

Я бросился к Дэвидсону. Он держал перед глазами книжку и слабо смеялся.

— Вот чудеса! — сказал он.— Что-то похожее на пятно.— И он показал пальцем.— Я по-прежнему на скалах; пингвины по-прежнему ковыляют и возятся вокруг; по временам появляется даже кит, и только темнота мешает мне разглядеть его как следует. Но положите что-нибудь вот сюда, и я увижу — плохо, неясно, какими-то клочками, но все-таки увижу,— правда, не предмет, но бледную тень предмета. Я заметил это сегодня утром, когда меня одевали. Как будто в этом фантастическом мире образовалась дыра. Вот, положите свою руку рядом с моей. Нет, не сюда. Ну, конечно, я вижу ее. Ваш большой палец и край манжеты. Ваша рука встала на темнеющем небе, как привидение; и тут же, возле нее, какое-то созвездие в форме креста.

С этого дня Дэвидсон начал выздоравливать. О перемене в своем состоянии он рассказывал очень убедительно. Мир его видений как будто постепенно линял, становился все призрачнее, в нем появлялись какие-то щели и просветы, и Дэвидсон начинал смутно различать сквозь них окружающую действительность. Просветы ширились, их становилось все больше, они сливались, и скоро только несколько пятен заслоняли видимый мир от его глаз. Он мог опять вставать, одеваться и двигаться без посторонней помощи, опять стал есть, читать, курить и вообще вести себя, как нормальный человек. Сперва ему сильно мешала двойственность впечатлений, наползающих одно на другое, как картинки волшебного фонаря, но вскоре он научился отличать призрачные от настоящих.

Сначала это его радовало; казалось, он думал только о том, чтобы окончательно выздороветь, и охотно прибегал для этого к разным упражнениям и укрепляющим средствам. Но когда его странный остров стал таять у него перед глазами, он вдруг очень заинтересовался им. Ему особенно хотелось еще раз погрузиться на морское дно, и он стал проводить целые дни в блужданиях по низко расположенным кварталам Лондона в надежде натолкнуться на тот обломок судна, который он тогда видел. Дневной свет действовал на него так сильно, что уничтожал все являющееся в видениях. Зато ночью, в темной комнате, он опять видел скалы в белых подтеках

и жирных пингвинов, ковыляющих вокруг него. Но и эти видения становились все призрачнее и наконец, вскоре после его женитьбы на моей сестре, совсем исчезли.

Но самое любопытное впереди. Через два года после этой истории я как-то обедал у Дэвидсонов. После обеда к ним пришел один знакомый по фамилии Аткинс. Это был лейтенант королевского флота, человек любознательный и большой говорун. Он был в приятельских отношениях с моим зятем, а через какой-нибудь час подружился и со мной. Оказалось, что он жених двоюродной сестры Дэвидсона, и вышло так, что он вынул небольшой карманный альбом, чтобы показать фотографическую карточку своей невесты.

— Кстати,— сказал он,— вот снимок нашего старого «Фальмара».

Дэвидсон бросил взгляд на карточку. Вдруг он вспыхнул.

— Боже мой! — воскликнул он.— Я готов поклясться...

— В чем? — спросил Аткинс.

— Что уже видел это судно.

— Сомневаюсь. Оно уже шесть лет плавает в южных морях. А до тех пор...

— Однако...— начал Дэвидсон. И, помолчав, продолжал: — Да, это то самое судно, которое я видел. Оно стояло у острова; там была пропасть пингвинов, и оно палило из пушек...

— Господи! — воскликнул Аткинс, узнав подробности его болезни.— Как вы могли это видеть?

И тут слово за словом выяснилось, что в тот самый день, когда Дэвидсона постигло несчастье, английское военное судно «Фальмар» случайно оказалось невдалеке от маленького рифа, к югу от острова Антиподов. Оно спустило шлюпку, чтобы набрать пингвиновых яиц. Шлюпка почему-то замешкалась там, и ее застигла буря. Ей пришлось прождать там всю ночь и вернуться к судну только на рассвете. Аткинс тоже был в лодке, и он подтвердил до мельчайших подробностей все, что сообщил об этом острове и о лодке Дэвидсон. Ни у кого из нас не осталось ни тени сомнения, что Дэвидсон действительно видел это место. Каким-то непонятным образом, покуда он передвигался по Лондону, его взор в точном соответ-

ствии с этим передвигался по поверхности отдаленного острова. Как это происходило, остается тайной.

На этом, собственно, и кончается рассказ о замечательном случае с глазами Дэвидсона. Это, может быть, самый достоверный случай вйдения на расстоянии. Нет никакой возможности объяснить его, если не принять объяснения профессора Уэйда. Но в его теории фигурирует четвертое измерение и целая диссертация о формах пространства. Толковать о каких-то «щелях в пространстве» мне представляется бессмысленным, может быть, оттого, что я совсем не математик. Когда я говорил Уэйду, что как-никак, а место видений Дэвидсона отстоит от нас на восемь тысяч миль, он отвечал, что на листе бумаги две точки могут отстоять одна от другой на ярд и все-таки могут быть слиты в одну, если мы сложим лист вдвое. Может быть, читатель поймет этот довод — мне он недоступен. Его мысль, по-видимому, сводится к тому, что Дэвидсон, очутившись между двумя полюсами большого электромагнита, получил необычайное сотрясение сетчатой оболочки глаз благодаря внезапной перемене поля силы при ударе молнии.

Из этого он выводит, что тело может жить в одном месте земного шара, а зрение бродить в другом. Он даже делал какие-то опыты в подтверждение своих взглядов, но все, чего ему удалось пока достигнуть,— это лишить зрения нескольких собак. Как мне известно, это единственный результат его опытов. Впрочем, я не видел его уже несколько недель: за последнее время у меня было столько работы по оборудованию института, что я никак не мог выбрать время заглянуть к нему. Но вся его теория в целом кажется мне фантастической. Между тем факты, относящиеся к случаю с Дэвидсоном, ничуть не фантастичны, и я могу поручиться за точность каждой подробности своего рассказа.

1895.

В ОБСЕРВАТОРИИ АВУ

Обсерватория Аву на острове Борнео стоит на вершине горы. К северу от нее поднимается потухший вулкан, черный ночью, на фоне безбрежной синевы неба. От небольшого круглого здания с грибовидным куполом склоны круто обрываются вниз к мрачным тайнам тропического леса. Ярдах в пятидесяти от обсерватории находится домик, где живут главный астроном и его помощник, а немного поодаль — хижины их туземных слуг.

Тэдди, начальник обсерватории, болел лихорадкой и не выходил из дому. Его помощник Вудхауз постоял немного, любуясь тропической ночью, прежде чем приступить к своей одинокой вахте. А ночь выдалась на редкость тихая. Время от времени в хижинах туземцев слышались голоса и смех или из таинственной глубины леса доносился крик какого-нибудь неведомого зверя. Словно призраки, появлялись из мрака ночные насекомые и порхали вокруг фонаря. Вудхауз, может быть, думал о том, как много неизвестного еще таится в черной чаще там, внизу, ибо для естествоиспытателя девственные леса Борнео—до сих пор страна чудес, полная удивительных загадок и едва намечающихся открытий. Желтый огонь фонаря, который он держал в руке, спорил с бесконечной гаммой цветов, от лиловато-голубого до черного, в которые был окрашен ландшафт. Лицо и руки Вудхауза были смазаны мазью, предохраняющей от укусов москитов.

Даже в наши дни, когда научились фотографировать небо, нелегко работать в обсерватории временного типа,

оборудованной только телескопом и самыми примитивными приборами, ибо приходится вести наблюдения в неудобной позе и подолгу не двигаться. Вудхауз вздохнул, когда подумал о предстоящей ему утомительной ночи, потянулся и вошел в обсерваторию.

Читатель, весьма возможно, знаком с устройством обыкновенной астрономической обсерватории. Здание строится в форме цилиндра с очень легкой полукруглой крышей, которую можно вращать изнутри. В центре на каменной подставке стоит телескоп, а часовой механизм, компенсирующий вращение земного шара, позволяет не выпускать из поля зрения намеченную к наблюдению звезду. Помимо этого, у основания телескопа имеется целая система колес и винтов, с помощью которых астроном его регулирует. В подвижной крыше, разумеется, есть прорез, перемещающийся при обозрении неба вместе с объективом телескопа. Наблюдатель сидит или лежит на наклонной деревянной скамье, которую он может откатывать в любое место в зависимости от положения телескопа. Чтобы наблюдаемые звезды казались ярче, в обсерватории должно быть темно, насколько это возможно.

Когда Вудхауз вошел в круглое здание, пламя фонаря ярко разгорелось, и окружающий мрак отступил в черные тени позади огромного телескопа, а потом, когда пламя начало слабеть, снова разлился по всему помещению. Через прорез в крыше виднелась бездонная прозрачная синева неба, в которой шесть звезд сияли тропическим блеском, и их сияние роняло бледный отсвет на черную трубу телескопа. Вудхауз переместил крышу; перейдя к телескопу, он повернул сначала одно, затем другое колесо, и огромный цилиндр медленно качнулся и занял новое положение. Потом он посмотрел в искатель, маленький подсобный телескоп, еще немного сдвинул крышу, сделал кое-какие приготовления и пустил часовой механизм. Он снял куртку, потому что ночь была очень жаркой, и откатил на место неудобную скамейку, к которой был прикован на ближайшие четыре часа. Вздохнув, он покорно приступил к наблюдению над тайнами пространства.

В обсерватории стало тихо, огонь в фонаре постепенно меркнул. Далеко в лесу какой-то зверь порою рычал

от страха или боли или звал свою самку, а у хижин переговаривались слуги-малайцы. Вот один из них затянул странную песню, которую время от времени подхватывали остальные. Вскоре все они, по-видимому, улеглись спать, потому что больше никаких звуков оттуда не долетало, и шепчущая тишина ночи становилась все более и более глубокой.

Мерно тикал часовой механизм. Москит назойливо гудел, исследуя все уголки помещения, и загудел еще злее, когда налетел на покрытое мазью лицо Вудхауза. Потом погас фонарь, и обсерватория погрузилась во мрак.

Телескоп медленно передвигался, и Вудхаузу пришлось изменить позу, когда сидеть стало совсем уже неудобно.

Он наблюдал за небольшой группой звезд в Млечном Пути, в одной из которых его начальник заметил или вообразил странную игру цвета. Это не входило в работу, для которой обсерватория была предназначена, и, очевидно, именно потому Вудхауз испытывал глубокий интерес. Он, должно быть, отрешился от всего земного. Все его внимание было направлено на огромный синий круг в поле телескопа — круг, усеянный, как казалось, неисчислимым множеством звезд и сверкающий в своей черной оправе. Ему чудилось, что он стал бестелесным, словно сам парил в эфире. Бесконечно далеко было бледно-красное пятнышко, за которым он наблюдал.

Вдруг звезды скрылись. На миг их заслонило что-то черное, потом они появились снова.

— Вот странно,— сказал Вудхауз.— Птица какая, что ли?

Явление повторилось, и тотчас же огромная труба качнулась, как от сильного толчка. Потом в куполе обсерватории раздался ряд громовых ударов. Звезды словно смело в сторону, когда телескоп, который не был закреплен, сдвинулся с прореза в крыше.

— Великий боже! — воскликнул Вудхауз.— Что здесь происходит?

Казалось, какое-то огромное черное тело, хлопая подобием крыльев, барахтается в прорезе. Через мгновение отверстие в крыше снова очистилось, и светлый туман Млечного Пути засиял тепло и ярко.

Внутренняя поверхность крыши была совершенно черной, и только какое-то царапанье выдавало присутствие неизвестного существа.

Вудхауз поднялся со скамейки. От неожиданности его бросило в пот, и он весь дрожал. Где это существо, кто бы оно ни было, здесь или снаружи? Во всяком случае, ясно: оно очень большое. Что-то пронеслось мимо прореза, и телескоп качнулся. Вудхауз вздрогнул и поднял руку. Значит, оно в обсерватории, здесь, с ним! Оно, должно быть, уцепилось за крышу. Что же это, черт возьми? И видит ли оно в темноте?

С минуту он стоял в полном оцепенении. Зверь, кто бы он там ни был, царапался с внутренней стороны купола, потом что-то захлопало крылом почти у самого лица Вудхауза, и он увидел мимолетный отблеск звездного света на шкуре, подобной промасленной шагреневой коже. Сильным ударом со столика сбросило графин.

Ощущение, что какое-то существо, похожее на птицу, летает в нескольких ярдах от его лица, было чрезвычайно неприятно Вудхаузу. Когда к нему вернулась способность соображать, он решил, что это, видимо, какая-нибудь ночная птица или огромная летучая мышь. Как бы то ни было, он должен увидеть, что это такое; достав из кармана спичку, он чиркнул ею о подставку телескопа. Протянулась дымящаяся полоска фосфорического света, спичка на мгновение вспыхнула, и он заметил взмах огромного крыла, глянец серо-коричневой шерсти, и в ту же минуту на его лицо обрушился удар, и спичку вышибло из руки. Зверь метил Вудхаузу в голову, когти рванули его щеку. Он пошатнулся и упал, послышался звон разлетевшегося вдребезги фонаря. Последовал новый удар. Вудхауз был оглушен и чувствовал, как по щеке у него течет теплая кровь. Инстинктивно он понял, что в опасности глаза; желая защитить их, он перевернулся лицом вниз и сделал попытку уползти под телескоп.

Теперь он получил удар в спину и почувствовал, как разорвалась рубашка, а потом неведомое существо ударилось о крышу обсерватории. Он протиснулся, насколько мог, глубже между деревянной скамейкой и трубой прибора, так что незащищенными оказались главным образом ноги. Ими он сможет по крайней мере лягнуть.

Он все еще не отдавал себе отчета в происходящем. Странное существо металось в темноте и вдруг вцепилось в телескоп, телескоп закачался, загрохотал приводной механизм. Один раз оно захлопало крыльями совсем рядом, и он, не помня себя, нанес удар и почувствовал под ногой мягкое тело. Теперь он был ужасно перепуган. Оно, очевидно, очень большое, если так качнуло телескоп. На миг он увидел контур головы, черной в звездном свете, с остроконечными торчащими ушами и гребнем между ними. Она показалась ему величиной с голову большой собаки. Тут он стал что есть силы звать на помощь.

Тогда тварь напала на него снова. В эту минуту его рука нащупала что-то рядом на полу. Он лягнул наугад, и в следующее мгновение в его лодыжку впились острые зубы. Он снова закричал и попробовал освободить ногу, отчаянно брыкаясь другой. Потом он сообразил, что под рукой у него разбитый графин, и, схватив его, приподнялся, пошарил во мраке и поймал бархатистое ухо, напоминавшее ухо большой кошки. Он сжал в руке горлышко графина и обрушил сильный удар на голову странного зверя. Он повторил удар и потом стал колоть и тыкать обломанным краем графина туда, где, как ему казалось, была морда.

Маленькие зубы разжались. Вудхауз высвободил ногу и сильно лягнул ею. Его затошнило, когда под каблуком у него хрустнули кости. Он почувствовал зубы зверя у себя на руке и ударил повыше, туда, где, по его расчетам, была морда; удар пришелся по мокрой шерсти.

Наступила передышка, потом он услышал царапанье когтей и звук волочащегося по полу тяжелого тела. Потом все смолкло, только слышалось, как порывисто дышал Вудхауз и зверь зализывал раны. Все было черно, кроме квадрата синего неба со сверкающими пылинками звезд, под которым теперь силуэтом обрисовывался край трубы телескопа. Ожидание тянулось нескончаемо долго.

Неужели оно нападет снова? Вудхауз пошарил в кармане брюк и нашел еще одну спичку. Он попробовал зажечь ее, но пол был мокрый, и она зашипела и погасла. Он выругался. Было непонятно, где находится дверь. В пылу битвы он совсем потерял ориентацию. Неведомый зверь, встревоженный вспышкой света, заше-

велился снова. «Тайм!» — крикнул Вудхауз в порыве внезапного веселья, но зверь не напал на него. «Должно быть, я ранил его разбитым графином»,— подумал он и почувствовал тупую боль в ноге. Вероятно, идет кровь. Интересно, удержится ли он на ногах, если встанет. Ночь была удивительно тихой. Не доносилось ни малейшего звука. Эти сонные болваны не слышали ни хлопанья крыльев о крышу, ни его криков, незачем кричать понапрасну. Чудовище забило крыльями, и это заставило его принять оборонительное положение. Он ударился локтем о скамейку, и она с грохотом опрокинулась. Он выругал сначала скамейку, а потом окружающий мрак.

Внезапно квадрат звездного света словно закачался из стороны в сторону. Что он, теряет сознание? Только этого не хватало! Он сжал кулаки и стиснул зубы, стараясь овладеть собой. Где же в конце концов дверь? Ему пришло в голову, что он мог бы определить это по звездам, видимым в прорез крыши. Звезды, которые он увидел, находились в созвездии Стрельца и к юго-востоку от него,—значит, дверь должна быть на севере. Или это будет северо-запад? Он напряженно думал. Если бы удалось открыть дверь, он мог бы убежать. Очень возможно, что эта тварь ранена. Ждать больше стало невмоготу.

— Вот что! — сказал Вудхауз.— Если ты не нападаешь, я сам нападу на тебя.

Тут оно стало карабкаться по стене обсерватории, и он увидел, как черная тень постепенно закрывает прорез. Что оно, удирает? Он забыл о двери, прислушиваясь, как шатается и скрипит купол. Теперь он почему-то не испытывал больше ни страха, ни возбуждения. Им овладела какая-то странная слабость. Резко очерченный квадрат света с пересекающим его черным силуэтом становился все меньше и меньше. Это казалось удивительным. Вудхауз чувствовал сильную жажду, но не собирался достать чего-нибудь попить. Ему казалось, что он проваливается в какую-то бесконечно длинную трубу.

Он почувствовал, что ему обжигает горло, и до его сознания дошло, что уже совсем светло и один из слугдаяков как-то странно смотрит на него. Потом над ним очутилось перевернутое лицо Тэдди. Чудак этот Тэдди, как это он так ходит? Сознание стало проясняться, и он

понял, что голова его лежит у Тэдди на коленях и тот вливает ему в рот брэнди. А потом он увидел трубу телескопа, всю измазанную красным. Он начал вспоминать.

— Ну и беспорядок вы устроили в обсерватории,— сказал Тэдди.

Мальчик-даяк сбивал желток с брэнди, Вудхауз проглотил эту смесь и приподнялся. Он почувствовал острую боль. У него были забинтованы нога и рука и половина лица. Осколки стекла, запятнанные красным, валялись на полу, скамейка опрокинулась, и у противоположной стены виднелась темная лужица. Дверь была растворена, и он увидел серую вершину горы на фоне ослепительно голубого неба.

— Фу! — сказал Вудхауз.— Кто это здесь резал телят? Уведите меня отсюда.

Потом он вспомнил страшного зверя и свою борьбу с ним.

— Что это было? — сказал он Тэдди.— Что это за тварь, с которой я дрался?

— Вам лучше знать,— сказал Тэдди.— Но не думайте об этом сейчас. Дать еще попить?

Тэдди, однако, очень хотелось поскорее все узнать, и ему пришлось выдержать большую борьбу с самим собой, чтобы выполнить свое намерение оставить Вудхауза в покое, уложить его в постель и дать ему выспаться после дозы мясного экстракта, который Тэдди считал для него полезным. Потом они вместе обсудили ночное происшествие.

— Больше всего,— сказал Вудхауз,— оно было похоже на огромную летучую мышь. У него короткие остроконечные уши, мягкая шерсть и перепончатые крылья. Зубы у него небольшие, но дьявольски острые, челюсть, однако, вряд ли особенно сильная, иначе оно прокусило бы мне ногу.

— Оно почти так и есть,— сказал Тэдди.

— Насколько я понял, оно довольно ловко пускает в ход когти. Вот, кажется, и все, что мне известно об этом звере. Мой разговор с ним был хоть и интимным, если можно так выразиться, но отнюдь не откровенным.

— Даяки толкуют что-то о большом колуго, клангутанге, что бы это ни означало. Он редко нападает на человека, но вы, наверно, его раздразнили. Они говорят,

что бывает большой колуго и маленький колуго, и еще какой-то, с непонятным названием. Все они летают ночью. Мне известно, что в этих местах водятся летающие крысы и летающие лемуры, но они не такие крупные.

— Есть многое на небе и земле,— сказал Вудхауз, и Тэдди вздохнул, услышав эту цитату,— и в частности в лесах Борнео, что и во сне твоей учености не снилось. Впрочем, если фауна Борнео вздумает обрушить на меня еще какую-либо неожиданность, я предпочел бы, чтобы она сделала это не ночью, когда я работаю в обсерватории совсем один.

1895

БОГ ДИНАМО

Главный механик, обслуживавший в Кемберуэлле три динамо-машины, которые с жужжанием и грохотом подавали ток электрической железной дороге, был родом из Йоркшира, и звали его Джеймс Холройд. Этот рыжий тупой битюг с кривыми зубами был опытным электриком, но горьким пьяницей. Он сомневался в существовании Верховного божества, но верил в цикл Карно [1], читывал Шекспира и считал, что тот слабо разбирается в химии. Его помощник был родом откуда-то с Востока, и звали его Азума-зи. Впрочем, Холройд звал его Пу-ба. Холройд вообще предпочитал работать с неграми: они безропотно сносили его постоянные пинки и не совались к механизмам, чтобы узнать, как они действуют. Холройд так никогда и не понял, какие неожиданные повороты могут произойти в сознании негра, столкнувшегося с электричеством — этим венцом современной цивилизации; хотя в конце концов главному механику все же пришлось это узнать.

Этнография казалась бессильной для определения расовой принадлежности Азума-зи. Пожалуй, он больше всего приближался к негроидам, хотя волосы его были скорее волнистыми, чем курчавыми, а переносица вполне заметна. Да и кожа была, пожалуй, коричневой, а не черной, и белки глаз отливали желтизной. Широкие скулы и узкий подбородок придавали его лицу ка-

---

[1] Цикл Карно — обратимый круговой процесс, представляющий идеальный рабочий цикл тепловой машины.

кое-то выражение вероломства. Голова, широкая сзади, переходила в низкий узкий лоб, словно его мозг был повернут в обратную сторону по сравнению с мозгом европейца. Как ни мал он был ростом, запас его английских слов был еще меньше. Разговаривая, он издавал массу странных звуков, совершенно бессмысленных для собеседника, а редкие членораздельные слова его были замысловаты и напыщенны. Холройд пытался очистить от скверны его языческие верования и часто под пьяную руку читал ему лекции о вреде суеверий и поносил миссионеров. Однако Азума-зи предпочитал не вступать в споры о своих богах, хоть и получал за это пинка.

Азума-зи, едва прикрытый куском белой ткани—чего было явно маловато,— явился из Стрейтс Сеттлментс и высадился в лондонском порту прямо из кочегарки парохода «Лорд Клайв». С детства он слышал о величии и богатстве Лондона, где все женщины белы и светловолосы и даже нищие на улицах белые. И вот, позванивая в карманах только что заработанными монетами, он прибыл сюда, чтобы поклониться храму цивилизации. В день его приезда стояла гнетущая погода: с бурого неба на грязные улицы сыпался мелкий, истерзанный ветром дождь; Азума-зи смело кинулся в омут развлечений, но очень скоро очутился вновь на улице, больной, без гроша в кармане теперь уже европейского платья — бессловесное животное, если не считать скудного запаса самых необходимых слов; он был низвергнут из рая, чтобы гнуть спину на Холройда и переносить его издевательства в машинном зале электростанции Кемберуэлла. А для Джеймса Холройда это было самое любимое занятие.

В Кемберуэлле стояли три динамо с моторами. Те два, что находились здесь с самого начала, были невелики, но недавно установили еще одно — побольше. Маленькие машины не слишком шумели — ремни их, жужжа, бежали по шкивам, щетки гудели и искрили, и воздух со свистом вихрился между полюсами: у-у-у, у-у-у. Крепление одной из машин ослабло, она вибрировала, и пол в зале непрестанно дрожал. Но все эти звуки тонули в рокоте большого динамо, они поглощались могучим биением его железного сердца, в такт которому гудели все

металлические части машины. У посетителя голова начинала идти кругом от непрерывной пульсации моторов, от вращения гигантских колес, от бега шариковых клапанов, внезапных выхлопов пара и прежде всего от низкого монотонного воя большого динамо. Механику этот последний звук указывал на неисправность машины, но Азума-зи считал его признаком могучей и гордой силы чудовища. Я хотел бы, если бы было возможно, чтобы грохот машинного зала непрерывно звучал в ушах читателя, чтобы наш рассказ шел под аккомпанемент гула машин. Это был ровный поток оглушительных шумов, из которых ухо выхватывало то один звук, то другой; прерывистый храп, сопение, вздохи паровых двигателей, чмоканье и хлопки снующих поршней, глухое содрогание воздуха под ударами спиц гигантских маховиков, щелканье то натягивающихся, то ослабевающих ремней, визгливый клекот малых машин, и над всем этим — порой неразличимый для усталого уха, но потом исподволь снова овладевавший сознанием—тромбонный вой большого динамо. Пол непрестанно дрожал и сотрясался под ногами. Это было странное, беспокойное место; не удивительно, что и мысли не текли здесь плавно и привычно, но судорожно дергались какими-то нелепыми зигзагами.

И все три месяца, пока длилась стачка механиков, предатель Холройд — человек с черной душой — и простой чернокожий Азума-зи никуда не отлучались из этого мира вихрей и содроганий; они даже спали и ели в маленькой деревянной пристройке между машинным залом и воротами.

Вскоре после появления Азума-зи Холройд прочел ему лекцию о своем большом динамо. Ему пришлось кричать, чтобы негр услышал его сквозь грохот и рев машин.

— Взгляни-ка! — кричал Холройд. — Куда до него твоим языческим богам!

И Азума-зи глядел. Вначале слов нельзя было разобрать, а потом он услышал:

— ...может убить сто человек. Намного мощнее других машин,— говорил Холройд.— Это уже что-то вроде бога.

Холройд гордился своим большим динамо и так расписывал его мощь и силу, что в конце концов эти расска-

зы, подкрепленные постоянным гулом и сумятицей, вызвали в кудрявой черной голове Азума-зи самый неожиданный и странный ход мыслей. Холройд наглядно объяснил с десяток способов, которыми машина может убить человека, а однажды заставил Азума-зи испытать легкий удар током, чтобы тот понял, какая в ней таится сила. С тех пор в минуты передышки от работы — тяжкой работы, так как он трудился и за себя и за Холройда — Азума-зи садился и неотрывно смотрел на большое динамо.

Щетки время от времени искрили и выплевывали голубые язычки — тогда Холройд чертыхался, но в остальное время машина работала ровно и ритмично, словно дышала. Приводной ремень скрипел по оси, а где-то сзади всегда раздавалось самодовольное уханье поршня. Динамо было живым существом; с утра до ночи оно дышало в этом большом, просторном зале, а они с Холройдом заботились о нем; оно не было узником или рабом, толкающим корабли, как другие знакомые ему двигатели — жалкие пленники мудрого британца; это была царственная машина, властвовавшая над всеми остальными. Азума-зи про себя называл большую машину Богом Динамо, маленькие он презирал. Они часто капризничали и ломались, а большое работало без перебоев. Какое оно огромное! Как ровны и легки все его движения! В нем больше величия и спокойствия, чем во всех статуях Будды, которые он видел в Рангуне,— те боги неподвижны, а машина живет. Без устали крутятся огромные черные катушки, кольца, не останавливаясь, бегут под щетками, и все покрывает басовое гудение главного якоря. Все это как-то волновало и будоражило Азума-зи.

Азума-зи не любил работать. Стоило Холройду отвернуться, чтобы уговорить сторожа принести еще виски, как Азума-зи садился и впивался взглядом в Бога Динамо, хотя его место было вовсе не здесь, а у топки, за двигателями; и ведь если Холройд заставал негра сидящим без дела, он бил его куском толстой медной проволоки. Иногда Азума-зи подходил совсем близко к гиганту и смотрел на огромный кожаный привод, бегущий над головой. На ремне чернела большая заплата, которая тоже вертелась вместе с приводом, и

в вечном грохоте и сутолоке Азума-зи почему-то нравилось следить, как она возвращается снова и снова. И в такт этому круговому ритму странные мысли начинали кружиться в мозгу Азума-зи.

Ученые говорят, что дикари наделяют душой камни и деревья,— а в машине куда больше жизни, чем в камне или в дереве. Ведь Азума-зи все еще оставался дикарем; цивилизация наложила на него отпечаток не более прочный, чем ткань его грошового костюма или слой угольной пыли на покрытом синяками лице. Его отец поклонялся упавшему метеориту, и, может быть, кровь его далеких предков окропляла путь колесницы Джаггернаута.

Он пользовался всяким случаем, чтобы коснуться большого динамо: оно неудержимо влекло его к себе. Он чистил и протирал его до тех пор, пока металлические части не начинали ослепительно сверкать. При этом его охватывало мистическое чувство служения. Он подходил и ласково трогал руками вращающиеся катушки. Боги, которым он поклонялся, были ведь так далеко. А в Лондоне люди прятали своих богов.

Постепенно его смутные ощущения стали более четкими, оформились в мысли и в конце концов воплотились в действия. Однажды утром, войдя в грохочущий зал, он низко склонился перед Богом Динамо, а когда Холройд отлучился, — подошел и шепнул гремящей машине, что он ее раб и молит сжалиться над ним и спасти от Холройда. И в этот миг редкий луч солнца проник сквозь открытую арку содрогающегося машинного зала, и ревущий, крутящийся Бог Динамо весь засветился бледным золотом. И Азума-зи понял, что его служение угодно богу. Теперь он уже не чувствовал себя одиноким, а ведь он был так одинок в Лондоне. С тех пор, даже если его работа кончалась, что бывало не часто, он не спешил уйти из машинного зала.

В следующий же раз, когда Холройд дурно обошелся с ним, Азума-зи подошел к Богу Динамо и шепнул: «Ты видишь, о господин!» — и машина словно ответила ему сердитым рычанием. С этой минуты ему начало казаться, что стоит Холройду подойти к динамо, как в реве бога появляются угрожающие нотки. «Мой господин ждет своего часа,— сказал себе Азума-зи,— но глу-

пец еще не преступил меру своего зла». И он надеялся и тоже ждал часа расплаты.

Однажды пробило катушку; Холройд осматривал место поломки — дело было после обеда,— и его случайно тряхнуло током; Азума-зи, стоявший за мотором, видел, как механик подпрыгнул и обругал неисправную катушку.

— Он предупрежден,— сказал про себя Азума-зи.— Но мой господин слишком терпелив.

Вначале Холройд хотел было растолковать «черномазому», как работает динамо, чтобы тот мог хоть изредка заменять его в машинном зале. Но когда он заметил, что Азума-зи так и липнет к гиганту, это показалось ему подозрительным. Он смутно чувствовал, что помощник что-то замышляет, и, решив, что тот переложил масла для смазки катушек и случайно стер полировку, крикнул зычным голосом, перекрывая шум:

— Эй, Пу-ба, посмей только еще раз сунуться к большому динамо! Шкуру спущу!

Кроме того, именно потому, что Азума-зи нравилось быть около большой машины, механик считал, что надо держать его от нее подальше.

Азума-зи повиновался, но позже был пойман на месте преступления, когда кланялся Богу Динамо. Холройд скрутил ему назад руку и пнул ногой, как только негр повернулся, чтобы уйти. И когда потом Азума-зи стоял за мотором и со злобой смотрел в спину ненавистного механика, ему показалось, что машина гудит как-то по-новому и словно изрыгает угрозы на его родном языке.

Никто толком не знает, что такое безумие. Но мне кажется, что в то время Азума-зи был безумен. В непрестанном грохоте и вихре машинного зала его ничтожные познания и огромный запас суеверного воображения смешались и превратились в нечто очень близкое к сумасшествию. Именно так возникла в его мозгу идея принести Холройда в жертву фетишу Динамо,— и идея эта наполнила его душу странным трепетным ликованием.

В ту ночь двое мужчин и их черные тени были единственными обитателями машинного зала. Большая дуговая лампа, освещавшая зал, мигала и отбрасывала

неверные багровые блики. Позади машин лежали черные тени. Регуляторы двигателей, вращаясь, то выскакивали на свет, то скрывались в тени, поршни стучали гулко и ровно. Мир, видимый сквозь открытую стену зала, казался туманным и невероятно далеким. Там царила полная тишина, ибо грохот машин заглушал все внешние звуки. Вдалеке маячил черный забор двора, за которым тянулись серые призрачные дома, а наверху в темно-синем небе мерцали бледные звезды. Внезапно Азума-зи пересек середину зала под бегущими кожаными приводами и вошел в тень большого динамо. Щелк! — и якорь завертелся быстрее.

— Какого черта ты полез к рубильнику! — заорал Холройд.— Сколько раз я говорил...

Но тут он увидел глаза Азума-зи, который вышел из тени и двинулся на него.

Миг — и перед большим динамо завязалась отчаянная схватка.

— Ах ты, болван черномазый! — выдохнул механик, когда коричневая рука схватила его за горло.— Смотри, напорешься на контактные кольца!

В следующую секунду он очутился на полу и почувствовал, что Азума-зи тащит его назад к Богу Динамо. Инстинктивно он выпустил врага из рук, желая спастись от машины...

Рассыльный, который стремглав прибежал со станции, чтобы узнать, что случилось в машинном зале, встретил Азума-зи у ворот, около сторожки. Азума-зи бессвязно пытался что-то объяснить, но рассыльный так ничего и не разобрал и поспешил в машинный зал. Динамо с грохотом работали, и с виду все было на месте, только в воздухе стоял характерный запах паленого волоса. А затем он вдруг заметил на передней поверхности большого динамо массу какого-то странного сморщенного вещества и, приглядевшись, узнал исковерканные останки Холройда.

На мгновение рассыльный остановился в замешательстве. Затем увидел лицо и судорожно закрыл глаза. Так, с закрытыми глазами, чтобы снова невзначай не увидеть механика, он повернулся на каблуках и выбежал из зала за помощью.

Когда Азума-зи увидел, как умирает Холройд в объятиях Великого Динамо, он сначала чуть-чуть испугался — что с ним теперь будет? Но в то же время он испытывал странное ликование — конечно, это была на нем милость Бога Динамо. И к тому времени, когда пришел человек со станции, он уже придумал, как вести себя, а главный инженер, прибежавший на место катастрофы, естественно, ухватился за мысль о самоубийстве. Инженер и не заметил бы Азума-зи, если бы не надо было задать негру несколько вопросов. Видел ли Азума-зи, как Холройд покончил с собой? Нет, Азума-зи ничего не мог видеть: он стоял у котла топки двигателя, пока не услышал, что у динамо изменился звук. Допрос был коротким: ведь никому и в голову не приходило подозревать его.

Исковерканные останки Холройда, снятые электриком с машины, были поспешно прикрыты закапанной кофе скатертью. Кто-то догадался привести врача. Главный инженер больше всего был озабочен тем, как бы поскорее пустить в ход динамо, ибо семь-восемь поездов уже простаивали в темных туннелях электрической железной дороги. Азума-зи отвечал — впопад или невпопад — на вопросы всех, кто по долгу службы или просто из любопытства заходил в машинный зал; наконец инженер отослал его обратно к топке.

На улице, у ворот, конечно, уже собралась толпа: лондонские зеваки почему-то всегда толкутся по нескольку дней на месте происшествия; двум или трем репортерам удалось как-то проникнуть внутрь машинного зала, и один даже добрался до Азума-зи. Но главный инженер — сам журналист-любитель — выпроводил их вон.

Вскоре тело увезли, и возбуждение улеглось. Азума-зи тихо стоял у своей топки, и в мерцании раскаленных углей ему снова и снова мерещилась фигура человека, который сначала яростно извивался, стараясь вырваться, а потом затих. Через час после убийства машинный зал выглядел для случайного посетителя так, словно здесь ничего не случилось. Стоя у топки, негр видел, что Бог Динамо по-прежнему вращается рядом со своими младшими братьями; стучат колеса, и пар в цилиндрах ухает точно так же, как это было весь вечер. Ведь с точки зрения физики инцидент был совершенно незначитель-

ным — произошло всего лишь временное отклонение потока электронов. Только теперь вместо коренастой тени Холройда в узкой полосе света на сотрясающемся полу, под бегущими приводами, двигалась стройная фигура и длинная тень главного инженера.

— Разве я не услужил своему господину? — чуть слышно спросил Азума-зи, невидимый в темном углу, и в ответ ему голос большого динамо зазвучал ясно и звучно. И когда он глядел на большой вращающийся механизм, им вновь овладело странное, болезненное возбуждение, исчезнувшее было со смертью Холройда.

Азума-зи никогда не видел, чтобы человека убивали так быстро и безжалостно. Большая гудящая машина уничтожила свою жертву, ни на секунду не прервав ровного движения. Воистину это был могущественный бог.

Ничего не подозревающий инженер стоял к нему спиной и царапал что-то на листке бумаги. Тень его лежала у ног гигантской машины.

Может быть, Бог Динамо все еще голоден? Его раб готов служить ему.

Азума-зи, крадучись, сделал шаг вперед; потом остановился. Инженер перестал писать, прошел в конец зала и начал осматривать щетки крайнего динамо.

Азума-зи, казалось, не мог решиться... Потом неслышно скользнул в тень, к рубильнику, и там замер. Вскоре послышались шаги возвращающегося инженера. Он остановился на прежнем месте, не подозревая, что в десяти шагах прячется сжавшийся в комок убийца. Большое динамо вдруг зашипело, и тут Азума-зи прыгнул на него из темноты.

Инженер почувствовал, что кто-то обхватил его сзади и тащит к большому динамо. Брыкаясь, он вцепился в голову негра и с силой потянул ее вниз; сжимавшие его руки разжались, и ему удалось отскочить от машины. Но Азума-зи снова схватил его и уперся ему в грудь курчавой головой; они топтались на месте, качаясь и тяжело дыша, и борьба эта, казалось, длилась целую вечность. Но вот инженеру удалось впиться зубами в черное ухо — он в бешенстве укусил негра. Азума-зи хрипло взвизгнул.

Они покатились по полу, и негру — «ценой уха?» — мелькнуло в голове у инженера — удалось вырваться из

зубов врага, и теперь он начал его душить. Инженер беспомощно хватал руками воздух и тщетно пытался ударить Азума-зи ногой, как вдруг снаружи послышался спасительный звук чьих-то быстрых шагов. В один миг Азума-зи вскочил и кинулся к большому динамо. К вою машины по-прежнему примешивалось шипение. Вошедший служащий компании в ужасе смотрел, как Азума-зи схватился руками за оголенные провода, тело его судорожно дернулось, и он повис неподвижно, с исказившимся лицом.

— Какое счастье, что вы вошли именно сейчас!—сказал инженер, все еще не в силах подняться с пола.

Он взглянул на содрогающееся тело.

— Страшная смерть, зато быстрая.

Чиновник все никак не мог оторвать глаз от трупа. Он был не из тех, кто сразу понимает, что произошло.

Наступило молчание.

Инженер встал на ноги, его шатало. Он медленно оттянул пальцем воротник рубашки и повертел головой.

— Бедный Холройд. Теперь я понимаю.

Затем почти автоматически подошел к рубильнику и перевел энергию снова на снабжение железной дороги. Когда он это сделал, прилипшее тело отделилось от машины и упало лицом вниз. Динамо опять гудело зычно и чисто, и якорь быстро рассекал воздух.

Так бесславно закончилось поклонение Божеству Динамо — вероятно, самое недолговечное из всех людских верований. Но даже это божество могло похвастаться одним мучеником и одним человеческим жертвоприношением.

1895

ТОРЖЕСТВО ЧУЧЕЛЬНИКА

Вот несколько секретов ремесла чучельника. Мне поведал их он сам, когда был в приподнятом настроении. Он рассказал мне эти секреты между первым и четвертым стаканами виски, когда человек еще понимает, что говорит, но уже говорит лишнее. Мы сидели вдвоем в его каморке, которая служила одновременно библиотекой, гостиной и столовой; один угол был скрыт от глаз дешевой бисерной занавеской, но зловоние, доносившееся оттуда, безошибочно указывало, что именно там чучельник и занимается своим ремеслом.

Он сидел на складном стуле, задрав ноги в изодранных ковровых шлепанцах на каминную доску, где лежала куча стеклянных глаз, и время от времени растирал пяткой упрямые кусочки угля. Между прочим — хотя это и не имеет отношения к рассказу о его триумфах,— штаны на нем были из отвратительной желтой клетчатой материи, модной еще в те времена, когда наши отцы носили бакенбарды, а матери ходили в кринолинах. Он был черноволос и розовощек, с огненно-карими глазами, куртка его представляла собой лоснящийся слой грязи на вельветиновой основе. На фарфоровой трубке красовались три грации; очки вечно сидели так криво, что левый глаз смотрел на собеседника поверх оправы прямо в упор, маленький и зоркий, а правый, сильно увеличенный и кроткий, лишь смутно виднелся сквозь стекло.

Вот что он мне поведал:

— Нет на свете человека, Беллоуз, который был бы таким искусником, как я. Такой еще не родился. Я де-

лал слонов и бабочек, и, смею вас уверить, животные от этого только выигрывают и выглядят куда лучше, чем живые. Случалось набивать и чучела людей, только все больше орнитологов-любителей. Хотя один раз довелось сработать и чучело негра.

Нет, законом это не воспрещается. Я растопырил ему пальцы, и получилась отличная вешалка для шляп. Только этот дурак Хомерсби как-то ночью затеял с ним драку и испортил его. Это было давно, вас еще и на свете не было. Трудно доставать кожу, а то бы я сделал еще одного.

Неприятно? Отчего же? По-моему, набивка чучел — дело с будущим, не хуже кремации или погребения. Ведь при этом вы можете окружить себя дорогими сердцу покойниками. А такие фигурки, расставленные по всему дому, заменят любую компанию и обходятся куда дешевле. Можно даже снабдить их часовыми механизмами, и тогда они могут пригодиться в хозяйстве.

Конечно, придется их полировать, но вовсе не обязательно, чтобы лысины блестели ярче, чем иные натуральные. Например, как у старика Манингтри. И уж, во всяком случае, с чучелами родственников можно разговаривать, не опасаясь, что они тебя будут перебивать — даже тетки. Уверяю вас, набивка чучел имеет огромное будущее. Ну, и опять же ископаемые...

Он внезапно умолк.

— Нет, этого я вам, пожалуй, не скажу.— Он задумчиво пососал трубку.— Спасибо, не откажусь. Только поменьше воды.

Ну, понятно, все, что я говорю,— строго между нами. Вы, верно, знаете, я ведь уже сделал несколько дронтов и одну большую гагарку? Нет? Да что вы! Сразу видно, дружище, в нашем деле вы только любитель. Да ведь половина всех больших гагарок на свете такие же подлинные, как платок святой Вероники или плащ Иоанна Крестителя. Мы делаем этих птичек из перьев чомги и из другого подходящего материала. И яйца большой гагарки тоже делаем!

— Что вы говорите!

— Конечно. Их изготовляют из самого тонкого фарфора. И скажу прямо, это дело стоящее. Можно выру-

чить... Да вот, только на днях за одно заплатили триста фунтов. Мне-то кажется, что яйцо и вправду было подлинное, а там, кто его знает, никогда нельзя быть уверенным. Работа тонкая, а как кончишь, надо обязательно присыпать сверху пылью: ведь никто из владельцев ни за что не рискнет протереть тряпкой свое сокровище. В этом-то вся и штука! Пусть даже яйцо ему подозрительно, он не станет разглядывать его слишком пристально. Уж очень это хрупкий капитал!

А вы и не знали, до каких высот поднимается искусство набивки чучел? Ну, это еще что, мой мальчик! (Я могу потягаться и с самой Природой.) Одна из самых что ни на есть больших гагарок — самая подлинная! — сделана вот этими руками.

Ну, уж нет. Изучите-ка орнитологию и тогда извольте отличить ее сами. Да я вам больше скажу: ко мне даже обращался синдикат торговцев птицей — сделайте, мол, несколько штук гагарок, чтобы посадить на виду в неисследованных шхерах к северу от Исландии. Может, я этим и займусь как-нибудь на досуге. А сейчас мне не до того — занят одним дельцем. Слыхали о динорисе?

Это большая новозеландская птица, из тех, что теперь уже вымерли. В просторечии ее так и называют «моа», что значит «вымершая»: моа больше не существует. Поняли? Так вот, там у них сохранились ее кости, да где-то в болоте нашли еще кое-что: перья, высохшие кусочки кожи. Я и хочу — скажу вам откровенно — сделать поддельное чучело этой самой моа. У меня есть на примете один парень, который заявит, будто нашел ее в каком-то высохшем болоте и сразу же на месте набил чучело — вроде побоялся, что иначе она рассыплется в прах. Оперение у нее, правда, совсем особенное, но я знаю способ очень просто и так славно распушать кусочки подпаленных страусовых перьев... Да, да, это от них тот странный запах, что вы заметили. Без микроскопа подделку не обнаружить, но вряд ли они решатся ради проверки ломать ценный экземпляр.

Вот таким образом и я тоже понемножку толкаю науку вперед. Но это все лишь простое подражание Природе. Было время, когда мне удалось достигнуть большего... Я переплюнул Природу.

Он снял ноги с каминной доски и с доверительным видом наклонился ко мне.

— Я сам создавал птиц,— сказал он шепотом.— Совершенно новые виды. Улучшенные. Не похожие ни на одну из существующих...

Многозначительно помолчав, он снова задрал ноги.

— Так сказать... несколько обогатил вселенную. Некоторые из моих птичек сделаны вроде новых видов колибри — прелестные малютки! — а другие — просто черт знает что. И самая чудная, на мой взгляд,— это Anomalopteryx Jejuna. Jejunus-a-um означает «пустая»; она названа так потому, что в ней и в самом деле ничего не было: внутри совершенно пусто, если не считать набивки. Эта птица теперь у старика Джаверса, и он, ей-богу, гордится ею ничуть не меньше меня самого. Это настоящий шедевр, Беллоуз. В ней есть милая неуклюжесть пеликана, дурацкое самодовольство попугая, грациозная несуразность фламинго и контрастная вспышка красок оранжевой утки. Вот она какова, эта птица! Я собрал ее из скелетов аиста и тукана и из вороха самых разных перьев. Для настоящего художника, Беллоуз, такая работа — чистое наслаждение...

Как я до этого додумался? Да очень просто, как всегда бывает с великими открытиями. Один юный гений, из тех, что пописывают научные статейки в газетах, достал где-то немецкий трактат о новозеландских птицах и при помощи словаря да природной смекалки перевел оттуда кусок; а так как смекалки-то, видно, не хватило, то он и перепутал поныне живущую птицу аптерикса с вымершим аномаль-оптериксом; он там расписал, что птица пяти футов вышиной, что водится она в джунглях Норс Айленда, что это-де боязливое, редко встречающееся пернатое, которое трудно поймать, и так далее и тому подобное.

Джаверс, на редкость невежественный человек даже для коллекционера, прочитал эту заметочку и поклялся, что любой ценой добудет такую штуковину. И начал осаждать продавцов запросами. Теперь поглядите, чего можно добиться упорством и силой воли. Коллекционер клянется, что получит экземпляр птицы, которой в природе нет, никогда не было и которая от одного стыда за свою чудовищную нелепость ни за что бы не появи-

лась на свет, если бы это от нее зависело. И он таки добился своего. Он ее заполучил!

А не выпить ли еще виски, Беллоуз? — прервал себя чучельник, которого минутные размышления о непостижимой напористости и о складе ума коллекционеров отвлекли было от главной темы. И, наполнив стаканы, он продолжал рассказывать, как однажды смастерил чучело прелестной русалки и как странствующий проповедник, у которого она отбила всю паству, уничтожил ее, заявив, что это — идолопоклонство и даже кое-что похуже. К сожалению, разговор заинтересованных сторон — творца, будущего владельца русалки и его гонителя — принял характер совершенно непечатный, и посему я не решаюсь предать гласности это забавное происшествие.

Читатель, незнакомый с темными делами коллекционеров, склонен будет, наверное, усомниться в правдивости рассказов моего чучельника; но что касается яиц большой гагарки и чучел несуществующих птиц, то подтверждение его словам я нашел у известных орнитологов. А статейка о новозеландской птице действительно появилась в одной утренней газете безупречной репутации. Чучельник сохранил этот номер и показал его мне.

1895

ПОТЕРЯННОЕ НАСЛЕДСТВО

— Моего дядю,— сказал человек со стеклянным глазом,— можно было бы назвать восьмушкой миллионера. У него было около ста двадцати тысяч. Не меньше. И все свое состояние он оставил мне.

Я взглянул на засаленный рукав его пиджака, потом на потрепанный воротничок.

— Все до последнего пенни,— продолжал человек со стеклянным глазом, и я заметил, что здоровый зрачок глянул на меня чуть-чуть обиженно.

— Мне вот ни разу не довелось так нежданно-негаданно получить наследство,— с наигранной завистью сказал я, пытаясь подладиться к нему.

— Но ведь наследство не всегда приносит счастье,— вздохнув, заметил он и с истинно философской покорностью судьбе погрузил свой красный нос и жесткие усы в пивную кружку.

— Бывает...— подхватил я.

— Видите ли, он был сочинителем и написал уйму книг.

— Вот как!

— В том-то и беда.— Он взглянул на меня зрячим глазом, желая удостовериться, понял ли я его замечание, затем посмотрел в сторону и извлек зубочистку.

— Видите ли,— заговорил он после небольшой паузы, причмокнув губами,— дело было так. Он доводился мне дядей, дядей по матери. И была у него — как бы это сказать? — слабость — любил он писать назидательные книги. Слабость — даже не то слово, скорее мания. Он был библиотекарем в политехникуме, и как

только к нему привалили деньги, весь отдался своей страсти. Поразительно! Непостижимо! На человека, которому уже стукнуло тридцать семь лет, ни с того ни с сего свалилась изрядная куча золота, и он ни разу не кутнул — ни единого раза. Всякий подумал бы, что парень как-никак приоденется — ну, скажем, закажет дюжины две брюк у модного портного,— ничего подобного! Верите ли, он до самой своей смерти не обзавелся даже золотыми часами. Вот и выходит, что некоторым богатство только во вред. Единственное, что он делал, это снял дом и распорядился доставить туда добрых пять тонн книг, а также чернил и бумаги, после чего со всем пылом принялся писать назидательные сочинения. У меня это не укладывается в голове. Но он поступил именно так.

Деньги достались ему — что тоже довольно-таки любопытно — ни с того ни с сего от дяди, когда ему стукнуло тридцать семь. Случилось так, что, кроме моей матери, у него не осталось на всем белом свете других родственников, только один троюродный брат. А я был у матери один. Вы еще не запутались? У троюродного брата тоже был сын, но он немножко поторопился представить его дяде. Этот его сыночек был довольно-таки избалованным ребенком и, как только увидел моего дядюшку, тотчас же завопил: «Прогоните его! Прогоните!» Ну и, конечно, все себе испортил. Вы понимаете, это было мне просто на руку, не так ли? И моя мать, женщина здравомыслящая и предусмотрительная, еще задолго до дяди решила для себя этот вопрос.

Насколько мне помнится, этот мой дядюшка был презабавный малый. И совсем не удивительно, что ребенок испугался. Волосы у него были черные, прямые и жесткие, точно у кукол, что продают у нас японцы, и они торчали венчиком вокруг голой макушки, на бледном лице за стеклами очков бегали большие темно-серые глаза. Он уделял много внимания своей одежде и носил широченное пальто и фетровую шляпу с полями невероятных размеров. Смею вас уверить, он был похож на подозрительного попрошайку. Дома он ходил, как правило, в грязном халате из красной фланели, а на голове красовалась черная ермолка. Эта ермолка придавала ему сходство с портретами всяких знаменитостей.

Дядюшка без конца переезжал с места на место вместе со своим стулом, принадлежавшим некогда Сэвежду Лэндору, и двумя письменными столами, один из которых, как уверял продавец, был собственностью Карлейля, а другой — Шелли. Он таскал с собой и портативную справочную библиотечку, по его словам, самую полную в Англии,— получался целый караван, который то направлялся в Даун, в те места, где жил Дарвин, то двигался к Рейгейту, где жил Мередит, потом — в Хэсльмер, потом ненадолго в Челси, а затем снова возвращался в Хэмпстед.

Дядя знал, что в хозяйстве у него не все в порядке, но не подозревал, что и его собственные мозги были не совсем в порядке. То был плох воздух, то вода, то слишком высоко над уровнем моря, то еще какая-нибудь чепуха. «Многое зависит от окружающей обстановки,— говорил, бывало, он и испытующе смотрел на вас: уж не смеетесь ли вы над ним исподтишка? — Для такого впечатлительного человека, как я, очень много значит окружающая обстановка».

Как его звали? Вряд ли его фамилия скажет вам что-нибудь. Он не написал ни одной вещи, которую можно было бы одолеть,— ни единой. Прочесть эту галиматью было свыше человеческих сил. Дядя говорил, что мечтает стать великим учителем человечества, но, по правде сказать, он сам не знал, чему будет поучать. Поэтому он занимался высокопарной болтовней, рассуждая о правде и справедливости, о духе истории и так далее. Он строчил книгу за книгой и издавал их на собственные средства. У него, знаете ли, и в самом деле мозги были набекрень, послушали бы вы, как он напускался на критиков, и не потому, что они задевали его,— это бы еще ничего,— но как раз потому, что они его просто не замечали.

— В чем нуждаются народы? — вопрошал он, бывало, простирая вперед свою тощую руку со скрюченными пальцами.— Разумеется, в наставлении, в руководстве! Они блуждают по холмам, как овцы, лишенные пастыря. В мире война и слухи о войне, в стране нашей дух разногласия, нигилизм, вивисекция, прививки, пьянство, бедность, нужда, опасные соблазны социализма, произвол хищного капитала! Ты видишь эти тучи, Тед?

(Меня зовут Тед.) Ты видишь, как сгущаются над страной тучи? А там на горизонте—желтая опасность!— Его всегда тревожили события в Азии, призраки социализма и тому подобное. Тут он поднимал указующий перст, глаза загорались огнем, ермолка сползала набок, и он бормотал:

— Но я начеку. Чего я хочу? Руководить народами. Народами! Говорю без лишней скромности, Тед, я бы с этим справился. Я могу ими руководить — да что там говорить! Я приведу их к тихой пристани, в страну справедливости, «текущую медом и млеком».

Вот в таком духе он и разглагольствовал. Восторженная, бессвязная болтовня о народах, о справедливости и тому подобном. Настоящий винегрет из библейских изречений и брани. С четырнадцати до двадцати трех лет — пока я мог еще набираться ума — моя мать, умыв меня и тщательно расчесав мне волосы на прямой пробор (это она делала, разумеется, пока я еще был маленьким), таскала меня раз или два в неделю к этому сумасшедшему болтуну слушать его излияния по поводу того, что он вычитал в утренних газетах. При этом он изо всех сил старался подражать Карлейлю, а я, следуя наставлениям мамаши, сидел с умным видом, притворяясь, что меня все это страшно занимает.

В дальнейшем я, бывало, сам заглядывал к нему, не ради наследства, а просто так. Кроме меня, его никто не навещал. Мне думается, он писал всем мало-мальски известным людям, прилагая к своим письмам одну-две книги собственного сочинения, с приглашением приехать и побеседовать с ним о благе всех народов мира; но ему мало кто отвечал, и никто ни разу не приехал. Когда служанка открывала вам дверь — страшная она была плутовка, эта служанка,— вы могли увидеть в гостиной груды писем, готовые к отправке, в том числе письма, адресованные князю Бисмарку, президенту Соединенных Штатов и тому подобным личностям. Вы поднимались по лестнице, проходили по затянутому паутиной коридору — экономка пила, как лошадь, и коридоры в дядиной квартире всегда были полны паутины — и вот вы в его кабинете. Повсюду кучи беспорядочно сваленных книг, на полу клочки бумаги, телеграммы и газеты, на столе и на камине чашки с остатками ко-

фе и недоеденные гренки, и среди всего этого его сгорбленная спина и волосы, торчащие из-под ермолки над воротником халата.

— Минуточку! — бросал он через плечо.— Одну минуточку! Как бы это получше выразиться? Вот-вот это самое слово — взаимосвязь! Ну, что, Тед,— говорил он, поворачиваясь в своем вертящемся кресле,— как поживает Молодая Англия? (Так он в шутку называл меня.)

Да, вот каков был мой дядя, и вот как он разговаривал, во всяком случае, со мной. Вообще-то он был довольно молчалив и застенчив. Он не ограничивался разговорами, но давал мне и свои книги — каждая страниц этак на шестьсот—с громкими заглавиями вроде «Община крикунов», «Чудовище фанатизма», «Суровые испытания и дуршлаги». Все это было очень смело, но избито. В предпоследний раз, что я его видел, дядя дал мне книгу. Уже тогда он чувствовал себя плохо и пал духом. Рука его дрожала. Все это, понятно, не ускользнуло от моего внимания, ибо для меня, разумеется, все эти незначительные симптомы были важны.

— Моя последняя книга, Тед, — сказал он. — Последняя книга, мой мальчик, мой последний призыв к ожесточившимся и невнемлющим народам.

И будь я проклят, если по его морщинистой желтой щеке не скатилась слеза. В последнее время он частенько плакал: ведь конец был уже близок, а он успел написать всего лишь пятьдесят три бредовые книги!

— Иногда мне кажется, Тед...— начал он и смолк.— Может быть, я был слишком горяч, слишком нетерпим к этому своевольному поколению. Пожалуй, нужно было побольше мягкости и поменьше слепящего света. Порой мне казалось, что я могу увлечь их... Но я, Тед, я сделал все, что было в моих силах...

И тут, в порыве откровенности, он первый раз в жизни признал себя побежденным. Это доказывало, что он был серьезно болен. С минуту он о чем-то думал, потом заговорил спокойно и тихо, так же разумно и трезво, как я сейчас с вами.

— Я был сущим глупцом, Тед,— сказал он,— всю свою жизнь я молол чепуху. И один господь, который читает в сердцах, знает, что мною руководило,— быть может, это было только тщеславие. Я сам не могу ра-

зобраться, Тед. Но он, он знает, что если я поступал глупо и был тщеславен, то в душе, в душе я...

Так говорил он, твердя все одно и то же, но внезапно умолк и протянул мне дрожащей рукой книгу. Тут в глазах у него зажегся прежний огонь. Я запомнил все до малейших подробностей, потому что, вернувшись домой, изобразил все это моей старушке матери, чтобы немножко развеселить ее.

— Возьми эту книгу и прочти ее,— сказал он.— Это мое последнее слово, последнее слово. Я завещал все свое состояние тебе, Тед. Постарайся употребить его с большей пользой, чем это удалось мне.— Тут он упал на подушки и закашлялся.

Помню, как я, вне себя от радости, возвращался домой. А в следующий раз, зайдя к нему, я застал его в постели. Пьяная экономка была внизу, и, прежде чем войти к дяде, я немного подурачился в коридоре со служанкой — я ведь был тогда молод. Он быстро угасал. Но тщеславие все еще снедало его.

— Ты прочел? — прошептал дядя.

— Читал всю ночь напролет,— сказал я, наклоняясь к его уху, чтобы подбодрить его.— Ваше последнее произведение,— продолжал я и, вспомнив какие-то стихи, добавил: — «отважной мысли взлет!»

Он тихо улыбнулся мне и попытался пожать руку, совсем слабо, как женщина, но так и не смог.

—«Отважной мысли взлет!» — повторил я, видя, что ему это приятно. Он не ответил. За дверью послышалось хихиканье служанки — мы ведь с ней иногда беззлобно прохаживались на его счет. Я взглянул дяде в лицо: глаза были закрыты, и вид у него был такой, словно кто-то двинул его кулаком по носу. Но он улыбался. Как странно, он был мертв, но улыбка торжества озаряла лицо лежавшего передо мной человека, потерпевшего в жизни полный крах.

Так и скончался мой дядя. Вы, конечно, понимаете, что мы с мамашей позаботились устроить ему приличные похороны. Затем, естественно, начались поиски завещания. Сперва мы действовали вполне пристойно, но к вечеру уже обдирали обивку со стульев, выламывали филенки письменных столов и простукивали стены, каждую минуту ожидая появления остальных

родственников От экономки мы узнали, что она действительно заверяла, в качестве свидетеля, завещание, — совсем небольшое, сказала она, на листке почтовой бумаги, не далее как месяц тому назад. Другим свидетелем был садовник, слово в слово подтвердивший все сказанное ею. Но будь я проклят, если нам удалось обнаружить это или какое-нибудь другое завещание. Моя матушка не скупилась на проклятия, и, должно быть, дядюшка не раз перевернулся в гробу.

Наконец адвокат из Рейгейта огорошил нас завещанием, которое было сделано дядей много лет тому назад, после небольшой ссоры с моей мамашей. И на мою беду, другого завещания так и не удалось найти. По этому завещанию все до последнего пенни досталось сыночку троюродного брата дядюшки, тому самому, что закричал тогда: «Прогоните его!» — и уж, конечно, он ни единого дня не смог бы выслушивать, как я, дядюшкину болтовню!

Человек со стеклянным глазом замолчал.

— Кажется, вы говорили...— начал было я.

— Одну минутку,— прервал меня он.— Мне много лет пришлось дожидаться развязки,— до самого сегодняшнего утра, а ведь я был заинтересован во всей этой истории побольше вашего. Имейте же и вы немного терпения. Завещание оформили, этот малый получил наследство и, едва ему исполнился двадцать один год, принялся транжирить деньги. Уж он, будьте уверены, сумел все промотать! Он по любому поводу бился об заклад, кутил, швырял деньгами направо и налево. У меня все внутри переворачивается, как подумаю, какую жизнь он вел! Ему еще не было тридцати, когда он спустил все до последнего пенни, и кончил тем, что попал в долговую тюрьму. Он сидит там уже три года...

Ну, конечно, мне пришлось туго, ведь я — вы понимаете сами — умел делать только *одно* — выклянчивать наследство, все мои планы, так сказать, ждали своего осуществления, когда старикан скончался. Я пережил хорошие и плохие времена. Сейчас я как раз на мели. По правде сказать, я порядком нуждаюсь. И вот нынче утром я шарил по комнате, выискивая, что бы еще можно было продать,— и все эти подаренные мне тома, которых никто не купит, даже чтобы завернуть масло, действова-

ли мне на нервы. Я обещал дяде никогда не расставаться с его книгами, и сдержать это обещание было легче легкого. С досады я швырнул в них башмаком, и книги рассыпались по комнате. Один том от удара подлетел кверху, описав в воздухе дугу. И из него выскользнуло — что бы вы думали? — завещание! Он своими руками отдал мне его в том самом, последнем томе.

Мой собеседник сложил на столе руки и печально взглянул здоровым глазом на свою пустую кружку, затем, тихо покачав головой, тихонько добавил:

— Я ни разу не раскрыл этой книги, даже не разрезал листы.— Тут он с горькой усмешкой посмотрел на меня, ища сочувствия.— Подумайте только! Запрятать его туда! А? В такое место!

С рассеянным видом он стал вылавливать из лужицы пива дохлую муху.

— Вот вам пример авторского тщеславия,— сказал он, посмотрев мне в лицо.— С его стороны это совсем не было злой шуткой. У него были самые лучшие побуждения. Он всерьез думал, что я и впрямь прочту дома его окаянную книгу от корки до корки. Но это также доказывает,— тут его взгляд снова обратился на кружку,— как плохо мы, несчастные создания, понимаем друг друга.

Но нельзя было не понять явного желания еще выпить, сквозившего в его взгляде. Он принял угощение с плохо разыгранным удивлением и сказал непринужденным тоном, что если уж я так настаиваю, то он, пожалуй, не прочь.

1897

В БЕЗДНЕ

Лейтенант стоял перед стальным шаром и жевал сосновую щепочку.

— Что вы думаете об этом, Стивенс? — спросил он.

— Это, пожалуй, идея,— протянул Стивенс далеко не уверенным тоном.

— По-моему, шар должен расплющиться в лепешку,— сказал лейтенант.

— Он, кажется, рассчитал все довольно точно,— произнес Стивенс все еще бесстрастно.

— Но подумайте об атмосферном давлении,— продолжал лейтенант.— На поверхности воды оно не слишком велико: четырнадцать футов на квадратный дюйм; на глубине тридцати футов — вдвое больше; на глубине шестидесяти — втрое; на глубине девяноста — вчетверо; на глубине девятисот — в сорок раз; на глубине пяти тысяч трехсот, то есть мили, это будет двести сорок раз по четырнадцати футов; значит — сейчас подсчитаем,— тридцать английских центнеров, или полторы тонны, Стивенс; полторы тонны на квадратный дюйм! А глубина океана здесь, где он хочет спускаться, пять миль. Это значит — семь с половиной тонн.

— Звучит страшно,— произнес Стивенс,— но это на диво толстая сталь.

Лейтенант не ответил и снова взялся за свою щепочку. Предметом их беседы был огромный стальной шар, около девяти футов в диаметре, похожий на ядро какой-нибудь титанической пушки. Он был заботливо установлен в огромном гнезде, сделанном в корпусе корабля, а гигантские перекладины, по которым его долж-

ны были спустить за борт, возбуждали любопытство всех заправских моряков, каким довелось увидеть его между Лондонским портом и тропиком Козерога. В двух местах в стальной стенке шара, один под другим, были прорезаны круглые люки со стеклами чудовищной толщины, и одно из них, вставленное в прочную стальную раму, было завинчено не до конца. В то утро оба моряка впервые заглянули в шар. Он был весь выстлан внутри наполненными воздухом подушками, между которыми находились кнопки для управления несложным механизмом. Мягкой обивкой было покрыто все, даже аппарат Майерса, который должен был поглощать углекислоту и снабжать кислородом человека, когда он влезет через люк внутрь шара и люк будет завинчен. Внутренняя поверхность шара была обита столь тщательно, что им можно было бы выстрелить из пушки без малейшего риска для находящегося внутри человека. И эти предосторожности были необходимы, так как вскоре в него должен был влезть человек, и тогда люки накрепко завинтят, шар спустят за борт, и он начнет погружаться все глубже и глубже, на глубину пяти миль, как и сказал лейтенант. Эта мысль не давала ему покоя, за столом он только об этом и говорил и успел всем надоесть; пользуясь тем, что Стивенс — новый человек на корабле, он снова и снова возвращался к этой теме.

— Мне кажется,— заявил лейтенант,— что это стекло попросту прогнется внутрь, выпятится и лопнет под таким давлением. Дабрэ добивался того, что под большим давлением горные породы становились текучими, как вода. И попомните мои слова...

— Если стекло лопнет, — спросил Стивенс, — что тогда?

— Вода ворвется в шар, как струя расплавленного железа. Приходилось ли вам когда-нибудь испытывать на себе действие водяной струи, которую подвергли большому давлению? Она бьет, как пуля. Она расплющит его. Она хлынет ему в горло и в легкие, ударит ему в уши...

— Какое у вас богатое воображение! — перебил его Стивенс, ярко представивший себе всю картину.

— Это просто описание того, что неизбежно должно произойти,— возразил лейтенант.

— Ну, а шар?

— Шар выпустит несколько пузырьков и преспокойно уляжется на веки вечные на илистом дне, и в нем будет бедный Эльстед, размазанный по своим лопнувшим подушкам, как масло по хлебу.— Он повторил эту фразу, словно она очень понравилась ему.— Как масло по хлебу.

— Любуетесь игрушкой? — раздался чей-то голос. Позади них стоял Эльстед, одетый с иголочки, в белом костюме, с папиросой в зубах; глаза его улыбались из-под широкополой шляпы.— Что это вы там говорили насчет хлеба с маслом, Уэйбридж? Ворчите, как всегда, на слишком низкие оклады морских офицеров? Ну, теперь еще несколько часов, и я отправляюсь в путь. Сегодня нужно установить тали. Это чистое небо и легкая зыбь — как раз то, что нужно, чтобы сбросить за борт десяток тонн свинца и железа, не правда ли?

— Для вас это не так уж важно, — заметил Уэйбридж.

— Конечно. На глубине семидесяти — восьмидесяти футов, а я там буду секунд через десять, вода совершенно неподвижна, хотя бы наверху ветер охрип от воя и волны вздымались к облакам. Нет. Там, внизу...

Он двинулся к борту, и оба его собеседника последовали за ним. Все трое облокотились о поручни и стали пристально глядеть в желто-зеленую воду.

— ...покой,— докончил свою мысль Эльстед.

Через некоторое время Уэйбридж спросил:

— Вы абсолютно уверены, что часовой механизм будет исправно работать?

— Я его испытывал тридцать раз,— ответил Эльстед.— Он обязан исправно работать.

— Ну, а если не будет?

— Почему же не будет?

— А я,— сказал Уэйбридж,— не согласился бы спуститься в этой проклятой махине, дайте мне хоть двадцать тысяч фунтов.

— Вы, я вижу, шутник,— проговорил Эльстед и невозмутимо плюнул за борт.

— Мне еще не совсем ясно, как вы будете управлять этой штукой,— сказал Стивенс.

— Первым делом я влезу в шар, и люк завинтят,— ответил Эльстед.— И когда я трижды включу и выключу свет, чтобы показать, что все в порядке, меня поднимут над кормой вот этим краном. Под шаром, как видите, находятся большие свинцовые грузила, и на верхнем — вал, на нем намотано шестьсот футов прочного каната; это все, чем грузила соединяются с шаром, если не считать талей, которые будут перерезаны, когда шар спустят. Мы предпочли канат проволочному кабелю, так как его легче обрезать и он лучше всплывает, а это весьма важно, как вы увидите. В каждом из этих свинцовых грузил есть отверстие, и сквозь него пропущена железная штанга, выступающая с обеих сторон на шесть футов. Если по этой штанге ударить снизу, она толкнет рычаг и приведет в движение часовой механизм рядом с валом, на который намотан канат. Очень хорошо. Вся эта штука медленно спущена на воду, и тали перерезаны. Шар плывет, потому что он наполнен воздухом и, следовательно, легче воды, но свинцовые грузила падают прямо вниз, и канат разматывается. Когда он весь размотается, шар тоже начнет погружаться, притягиваемый канатом.

— Но зачем нужен канат? — спросил Стивенс.— Почему не прикрепить грузила прямо к шару?

— Чтобы он не разбился там, внизу. Ведь он будет опускаться все быстрее и наконец достигнет ужасающей скорости. Не будь каната, он разлетелся бы вдребезги, ударившись о дно. Но грузила упадут на дно первыми, и тотчас же скажется плавучесть шара. Он будет погружаться все медленней, потом остановится, а затем снова начнет всплывать. Тогда-то и заработает часовой механизм. Как только грузила стукнутся о дно океана, штанга получит толчок снизу и пустит в ход часовой механизм, и канат начнет снова наматываться на вал. Меня притянет к морскому дну. Там я пробуду с полчаса; электрический свет будет включен, и я смогу производить наблюдения. Потом часовой механизм освободит нож с пружиной, канат будет перерезан, и я стремительно всплыву вверх, как пузырек газа в содовой воде. Сам канат поможет мне всплыть.

— А что, если вы ударитесь при этом о какой-нибудь корабль? — спросил Уэйбридж.

— Я буду подниматься с такой скоростью, что пронесусь сквозь него, как пушечное ядро,— ответил Эльстед.— Об этом не беспокойтесь.

— А предположим, какое-нибудь проворное ракообразное животное заберется в ваш часовой механизм?..

— Это будет для меня настоятельным приглашением остаться там подольше,— сказал Эльстед, повернувшись спиной к воде и глядя на шар.

Эльстеда опустили за борт около одиннадцати часов. День был безмятежно тихий и ясный, горизонт тонул в дымке. Электрический свет в верхнем люке весело мигнул три раза. Тогда шар начали медленно спускать на воду, и один из матросов, вися на кормовых цепях, приготовился перерезать канат, связывавший свинцовые грузила с шаром. Шар, казавшийся на палубе таким большим, под кормой выглядел совсем крохотным. Он слегка покачивался, и два его темных люка, приходившихся сверху, были совсем как глаза, в изумлении обращенные на людей, столпившихся у поручней.

— Интересно знать, нравится ли Эльстеду качка? — сказал кто-то.

— Готово? — спросил нараспев капитан.

— Готово, сэр.

— Так пускай!

Тали мгновенно были перерезаны, и большая волна перекатилась через шар, сразу ставший до смешного беспомощным. Кто-то махнул платком, кто-то неуверенно прокричал «Браво!», какой-то мичман медленно считал: «Восемь, девять, десять!» Шар качнулся еще раз, потом он дернулся, подняв фонтан брызг, и выровнялся.

Секунду он казался неподвижным, потом быстро уменьшился, затем вода сомкнулась над ним, и он стал смутно виден сквозь нее, увеличенный преломлением лучей. Прежде чем успели сосчитать до трех, он исчез из виду. Где-то далеко внизу, в воде, мелькнул белый огонек, превратился в искру и погас. И осталась только чернеющая водяная глубь, откуда всплывала акула.

Внезапно винт крейсера заработал, вода заволнова-

лась, акула исчезла в зыби, и поток пены хлынул по хрустальной глади, поглотившей Эльстеда.

— В чем дело? — спросил один матрос другого.

— Отходим на несколько миль, чтобы он не стукнул нас, когда выскочит,— ответил второй матрос.

Корабль медленно отошел на некоторое расстояние и снова остановился. Почти все свободные от работ продолжали наблюдать за мерно колыхавшимися волнами, в которые погрузился шар. В течение ближайшего получаса только и было разговоров, что об Эльстеде. Декабрьское солнце стояло уже высоко, и было очень жарко.

— Ему будет холодно там, внизу,— сказал Уэйбридж.— Говорят, на известной глубине температура глубины морской воды всегда близка к точке замерзания.

— Где он вынырнет? — спросил Стивенс.— Я что-то потерял направление.

— Вот в этой точке,— ответил капитан, гордившийся своим всеведением. Он уверенно указал пальцем на юго-восток.— И, по-моему, ему пора бы уже возвращаться,— добавил он.— Он пробыл под водой тридцать пять минут.

— Сколько времени нужно, чтобы достигнуть дна океана? — спросил Стивенс.

— При глубине в пять миль, учитывая ускорение, равное двум футам в секунду, это займет приблизительно три четверти минуты.

— Тогда он запаздывает,— заметил Уэйбридж.

— Похоже на то,— ответил капитан.— Я думаю, что несколько минут должно занять наматывание каната.

— Да, я упустил это из виду,— сказал Уэйбридж с видимым облегчением.

И началось томительное ожидание. Медленно проползла минута, но шар не показывался. Прошла другая, но ничто не нарушало маслянистой поверхности воды. Матросы наперебой объясняли друг другу, что канат будет наматываться довольно долго. Снасти были усеяны людьми.

— Поднимайся, Эльстед!—нетерпеливо крикнул старый матрос с волосатой грудью, остальные подхватили его крик, словно перед поднятием занавеса в театре.

Капитан метнул на них гневный взгляд.

— Правда, если ускорение меньше двух футов,— сказал он,— то шар может и задержаться. У нас нет абсолютной уверенности, что цифры правильны. Я не так уж рабски верю в вычисления.

Стивенс кивнул. Минуту-другую на мостике молчали. Потом Стивенс щелкнул крышкой часов.

Двадцать одну минуту спустя, когда солнце достигло зенита, они все еще ждали, что шар выплывет, и никто не решался даже шепнуть, что надежды больше нет. Уэйбридж первый высказал эту мысль. Он заговорил, когда отбивали восемь склянок.

— Я с самого начала сомневался в прочности стекла,— неожиданно сказал он Стивенсу.

— Господи! — вырвалось у Стивенса.— Неужели вы думаете...

— Гм! — многозначительно промычал Уэйбридж.

— Я и сам не очень верю в вычисления,— с сомнением произнес капитан,— так что не совсем еще потерял надежду.

И в полночь пароход все кружил вокруг того места, где погрузился шар, а белый луч прожектора шарил по волнам, то замирая на месте, то снова жадно протягиваясь вперед над водной пустыней, смутно мерцающей под звездами.

— Если люк не лопнул и не раздавил его,— сказал Уэйбридж,— так это еще хуже, тогда, значит, испортился часовой механизм, и он сейчас жив где-то там внизу, в пяти милях от нас, в темноте и холоде, запертый в этом своем пузыре, там, куда еще не проникал луч света, куда еще не заглядывал человек с того дня, как были сотворены воды. У него нет пищи, он мучается от голода и жажды и с ужасом думает о том, умрет ли он от голода или задохнется. Что же с ним будет? Аппарат Майерса, вероятно, скоро перестанет действовать. Сколько времени он может работать?

— Боже ты мой!—воскликнул он.—Какие же мы крохотные существа! Какие дерзкие бесенята! Там, внизу, целые мили воды, ничего, кроме воды, и вокруг нас безбрежный простор, а над нами небо... Бездны!

Он протянул вперед руки, и в тот же миг белый лучик беззвучно скользнул по небу, замедлил ход, остановился, стал неподвижной точкой, словно в небе появи-

лась новая звезда. Потом он соскользнул вниз и затерялся среди колеблющихся отражений звезд, в белой дымке морского свечения.

При виде этого Уэйбридж так и замер с протянутой рукой и открытым ртом. Он закрыл рот, опять открыл его и от нетерпения замахал руками. Потом он повернулся, крикнул первому вахтенному: «Эльстед показался!» — и бросился к прожектору.

— Я видел шар! — кричал он.— Там, по правому борту! Свет у него включен, и он только что выскочил из воды. Наведите туда прожектор. Мы должны увидеть его, когда он будет качаться на волнах.

Но им удалось найти исследователя только на рассвете. Они чуть не наткнулись на шар. Кран повернули, и сидевшие в шлюпке матросы прикрепили шар к цепи. Когда он был поднят на палубу, люк отвинтили, и несколько человек заглянули внутрь шара, где царила темнота. (Электрическая лампа предназначалась для освещения воды вокруг шара и была полностью изолирована от главной камеры.)

Внутри шара было очень жарко, и резина по краям люка размягчилась. На нетерпеливые вопросы не последовало ответа, в камере все было тихо. Эльстед лежал неподвижно, скорчившись на дне. Судовой врач вполз внутрь и, подняв Эльстеда, передал его матросам. В первый момент нельзя было сказать, жив он или умер. Лицо его в желтом свете корабельных ламп блестело от пота. Его снесли в каюту.

Скоро выяснилось, что он жив, но находится в состоянии полного нервного истощения и к тому же весь в синяках от тяжелых ушибов. Ему пришлось пролежать неподвижно несколько дней. Прошла неделя, прежде чем он смог рассказать о своих приключениях.

Едва он обрел дар речи, как заявил, что намерен опять спуститься на дно.

— Необходимо изменить конструкцию шара,— сказал он,— чтобы можно было в случае надобности оборвать канат, вот и все.

Он испытал поразительнейшее приключение.

— Вы думали, что я не найду там ничего, кроме ила,— сказал он.— Вы смеялись над моими исследованиями, а я открыл новый мир!

Он рассказывал бессвязно, то и дело забегая вперед, так что невозможно передать этот рассказ его собственными словами. Но мы попытаемся изложить здесь все им пережитое.

Сначала было очень скверно. Пока разматывался канат, шар все время бросало из стороны в сторону. Эльстед чувствовал себя, как лягушка, посаженная в футбольный мяч. Он не видел ничего, кроме крана и неба над головой да по временам — людей, стоявших у борта. Невозможно было угадать, куда кувыркнется шар. Ноги у Эльстеда вдруг поднимались кверху, и он пробовал шагнуть, но тут же летел вниз головой, а потом катался, ударяясь о стенки. Аппарат какой-нибудь другой формы был бы удобнее шара, но не выдержал бы огромного давления в морских глубинах.

Внезапно качка прекратилась, шар выровнялся, и, поднявшись, Эльстед увидел вокруг зеленовато-голубую воду, слабый свет, струящийся сверху, и стайку каких-то крохотных плавающих существ, стремившихся, как ему показалось, к свету. Пока он смотрел, становилось все темнее и темнее, и вода вверху стала темной, как полуночное небо, только зеленее, а внизу — совсем черной. А маленькие прозрачные существа начали слабо светиться и мелькали мимо окна зеленоватыми змейками.

А ощущение падения! Ему вспомнился первый момент спуска в лифте, только ощущение было более длительным. Попробуйте представить себе, что это такое! Тогда и только тогда Эльстед раскаялся в своей затее. Он увидел в совершенно новом свете грозившую ему опасность. Он подумал о больших каракатицах, обитающих, как известно, в средних слоях воды, об этих тварях, которых иногда находят полупереваренными в желудке кита, а порой они плавают по воде, дохлые и объеденные рыбами. Что, если такое чудище схватится за канат и не отпустит?

А действительно ли хорошо проверен часовой механизм? Но хотел ли он сейчас падать дальше или возвращаться наверх — не имело ровно никакого значения.

За пятьдесят секунд снаружи стало темно, как ночью, только луч его лампы то и дело ловил какую-нибудь рыбу или тонущий предмет, но он не успевал раз-

глядеть, что именно. Один раз ему показалось, что он видит акулу. А потом шар начал нагреваться от трения о воду. Эта опасность была в свое время упущена из виду.

Сначала Эльстед заметил, что вспотел, а потом услышал под ногами шипение, становившееся все громче, и увидел за окном множество мелких, очень мелких пузырьков, веером взлетавших кверху. Пар! Он пощупал окно — оно было горячее. Он включил слабую лампочку, освещающую внутренность шара, взглянул на обитые войлоком часы рядом с кнопками и увидел, что опускается уже две минуты. Ему пришло в голову, что стекло в люке может лопнуть от разности температур; он знал, что температура воды на дне близка к нулю.

Потом пол шара словно прижало к его ногам, рой пузырьков снаружи стал редеть, а шипение уменьшилось. Шар слегка закачался. Стекло не лопнуло, не прогнулось, и он понял, что опасности, связанные с погружением, во всяком случае, позади.

Еще через минуту он будет на дне. Он подумал о Стивенсе, и Уэйбридже, и обо всех оставшихся на корабле, отделенных от него пятимильной толщиной воды, более удаленных от него, чем самые высокие облака от земли. Он представил себе, как они медленно крейсируют там, наверху, и смотрят вниз, и гадают, что с ним.

Он взглянул в окно. Пузырьков больше не было, и шипение прекратилось. Снаружи была плотная чернота, как черный бархат, и только там, где воду пронизывал луч света лампы, можно было различить, что она желто-зеленого цвета. Потом мимо окна гуськом проплыли три каких-то создания — он мог различить лишь огненные контуры. Были ли они маленькими или только казались такими на расстоянии, он не мог бы сказать.

Они были очерчены голубоватым светом, почти таким же ярким, как огни рыбачьей лодки, и казалось, что этот свет дымится, и световые пятнышки тянулись вдоль всего тела этих тварей, словно иллюминаторы корабля. Их фосфоресценция, казалось, ослабевала по мере приближения к освещенному окну шара, и скоро Эльстед разглядел, что это рыбки какой-то странной породы — с огромной головой, большими глазами и постепен-

но суживающимся телом. Глаза их были обращены к нему, и он решил, что они сопровождали его при спуске. По-видимому, их привлекал свет.

Их становилось все больше. Спускаясь, он заметил, что вода светлеет и что в луче света кружатся мелкие пятнышки, как мошки на солнце. Это были, вероятно, частицы ила и тины, поднявшиеся со дна при падении свинцовых грузил.

Достигнув дна, он оказался в густом белом тумане, в который луч его лампы проникал всего на пять-шесть ярдов, и прошло несколько минут, прежде чем эта муть немного осела. Тогда при свете своей лампы и в неверном мерцании далекой стаи рыб он разглядел под плотным покровом черной воды волнистые линии серовато-белого илистого дна и спутанные кусты морских лилий, жадно шевеливших своими щупальцами.

Дальше виднелись изящные, прозрачные контуры гигантских губок. По дну было разбросано множество колючих, приплюснутых пучков, ярко-лиловых и черных,— возможно, какая-то разновидность морского ежа, — а через полосу света медленно, оставляя за собой глубокие борозды, проползали маленькие существа, одни большеглазые, другие слепые, чем-то напоминавшие омаров и мокриц.

Вдруг рой мелких рыбок свернул со своего пути и налетел на него, как стая воробьев. Они промелькнули, подобные мерцающим снежинкам, и тогда он увидел, что к шару приближается какое-то более крупное существо.

Сначала он лишь смутно различал медленно движущуюся фигуру, отдаленно напоминавшую человека, потом оно вошло в полосу света и остановилось, зажмурив глаза. Эльстед смотрел на него в полном изумлении.

Это было странное позвоночное животное. Его темно-лиловая голова смутно напоминала голову хамелеона, но у него был такой высокий лоб и такой огромный череп, каких не бывает у пресмыкающихся; вертикальная постановка головы придавала ему поразительное сходство с человеком.

Два больших выпуклых глаза выдавались из орбит, как у хамелеона, а под узкими ноздрями был огромный, с жесткими губами, лягушачий рот. На месте ушей были широкие жаберные отверстия, и из них тянулись ветвистые кустики кораллово-красных нитей, похожие на древовидные жабры молодых скатов и акул.

Но самым удивительным было не это, почти человеческое, лицо. Неведомое существо было двуногим; его почти шаровидное тело опиралось на треножник, состоявший из двух лягушачьих лап и длинного, толстого хвоста, а передние конечности — такая же карикатура на человеческие руки, как лапки лягушки,— держали длинное костяное древко с медным наконечником. Существо было двухцветным: голова, руки и ноги лиловые, а кожа, висевшая свободно, как одежда,— жемчужно-серая. И оно стояло неподвижно, ослепленное светом.

Наконец этот неведомый обитатель глубин заморгал, открыл глаза и, затенив их свободной рукой, открыл рот и испустил громкий, почти членораздельный крик, проникший даже сквозь стальные стенки и мягкую обивку шара. Как можно кричать, не имея легких, Эльстед не пытался объяснить. Затем это существо двинулось прочь из полосы света в таинственный мрак, и Эльстед скорее почувствовал, чем увидел, что оно направляется к нему. Решив, что его привлекает свет, Эльстед выключил ток. В следующий момент что-то мягкое ткнулось о сталь, и шар покачнулся.

Потом крик повторился, и ему, казалось, ответило отдаленное эхо. Последовал еще один толчок, и шар закачался, ударяясь о вал, на который был намотан канат. Стоя в темноте, Эльстед вглядывался в вечную ночь бездны и через некоторое время увидел вдали другие, слабо фосфоресцирующие человекоподобные фигуры, спешившие к нему.

Едва сознавая, что делает, он стал шарить рукой по стене своей качающейся темницы, ища выключатель наружной лампы, и нечаянно включил свою собственную лампочку в ее мягкой нише. Шар дернулся, и Эльстед упал; он слышал крики, словно выражавшие удивление, и, поднявшись на ноги, увидел две пары

глаз на стебельках, глядевших в нижнее окно и отражавших свет.

В следующий момент невидимые руки яростно заколотили по стальной оболочке шара, и он услышал страшный в его положении звук — сильные удары по металлической оболочке часового механизма. Тут он не на шутку струхнул: ведь если этим странным тварям удастся повредить механизм, ему уже не выбраться отсюда. Едва подумав это, он почувствовал, что шар дернуло, и пол с силой прижался к его ногам. Он выключил лампочку, освещавшую внутренность шара, и зажег яркий луч большой верхней лампы. Морское дно и человекоподобные создания исчезли, несколько рыб, гнавшихся друг за другом, мелькнули за окном.

Эльстед сразу подумал, что эти странные обитатели морских глубин оборвали канат и что он ускользает от них. Он поднимался все быстрее и быстрее, а потом шар разом остановился, и Эльстед ударился головой о мягкий потолок своей темницы. С полминуты он ничего не мог сообразить от удивления.

Потом он почувствовал слабое вращение и покачивание, и ему показалось, что шар тащат куда-то в сторону. Скорчившись у окна, он сумел повернуть шар люками вниз, но увидел только слабый луч лампы, устремленный в пустоту и мрак. Ему пришло в голову, что он увидит больше, если выключит лампу и даст глазам привыкнуть к темноте.

Он оказался прав. Через несколько минут бархатный мрак превратился в прозрачную мглу, и тогда, далекие, туманные, как зодиакальный свет летним вечером в Англии, ему стали видны движущиеся внизу фигуры. Он догадался, что неведомые создания отрезали канат и теперь движутся по морскому дну и тащат его за собой.

А потом он начал различать вдалеке, над волнистой подводной равниной бледное зарево, простиравшееся вправо и влево, насколько позволяло ему видеть маленькое окно. В ту сторону и тащили шар, как рабочие тащат аэростат с поля в город. Он двигался очень медленно, и очень медленно бледное сияние принимало более четкие очертания.

Было около пяти часов, когда Эльстед очутился над световой зоной и смог различить что-то вроде лиц, домов,

сгруппированных вокруг большого здания без крыши, напоминавшего развалины какого-то старинного аббатства. Под ним словно была развернута карта. Все дома представляли собою стены без крыш, и так как их материалом, как он увидел позже, были фосфоресцирующие кости, то казалось, что они созданы из затонувших лунных лучей.

В промежутках между этими странными зданиями простирали свои щупальца колышущиеся древовидные криноиды, а высокие, стройные губки поднимались, как блестящие стеклянные минареты и лилии, из светящейся мглы города. На открытых площадях он заметил неясное движение, словно там толпился народ, но он был слишком далеко, чтобы разглядеть в этих толпах отдельных людей.

Потом его стали медленно притягивать вниз, и постепенно он смог разглядеть город более подробно. Он увидел, что ряды призрачных зданий окаймлены какими-то круглыми предметами, а потом различил на больших открытых площадях несколько возвышений, похожих на затянутые илом корпуса кораблей.

Медленно и неуклонно его тащили вниз, и предметы под ним становились ярче, яснее, отчетливее. Он заметил, что его тянут к большому зданию в середине города, и время от времени пристально всматривался в группу человекоподобных созданий, вцепившихся в канат. Он с удивлением увидел, что снасти одного из кораблей, составлявших такую замечательную черту этого города, усеяны жестикулирующими, глядящими на него существами, а потом стены большого здания бесшумно выросли вокруг него и скрыли город.

И что это были за стены — из пропитанных водою балок, спутанного кабеля, из кусков железа и меди, из человеческих костей и черепов! Черепа были расположены по всему зданию — зигзагами, спиралями и причудливыми узорами. Множество мелких серебристых рыбок, играя, прятались в них и выплывали из глазных впадин.

Внезапно до слуха Эльстеда долетели слабые крики и звуки, напоминавшие громкий зов охотничьего рога. И все это сменилось каким-то диковинным пением. Погружаясь, шар проплывал мимо огромных стрельчатых

окон, через которые Эльстед смутно увидел группы этих невиданных, похожих на призраки существ, смотревших на него, и наконец опустился на некое подобие алтаря, стоявшего посреди здания. Теперь Эльстед снова мог ясно рассмотреть этих странных обитателей бездны. К своему изумлению, он увидел, что они простираются ниц перед его шаром,— все, кроме одного, одетого в своеобразное облачение из крупной чешуи, с блестящей диадемой на голове; тот стоял неподвижно и то открывал, то закрывал свой лягушачий рот, словно управляя хором.

Эльстеду пришла фантазия снова включить свою лампочку, так что он стал видим для всех этих жителей бездны, а сами они исчезли во мраке. Мгновенно пение сменилось криками, и Эльстед, стремясь снова увидеть диковинные создания, выключил свет и исчез у них из глаз. Но сначала он был слишком ослеплен, чтобы разобрать, что они делают, а когда наконец он снова увидел их, они опять стояли на коленях. И так они поклонялись ему без перерыва в течение трех часов.

Эльстед очень подробно рассказывал об этом удивительном городе и его обитателях, об этом городе вечной ночи, где никогда не видели солнца, луны или звезд, зеленой растительности и живых, дышащих воздухом существ, где не знают ни огня, ни света, кроме фосфорического свечения живых тварей.

Как ни поразителен его рассказ, еще поразительнее то, что такие крупные ученые, как Адамс и Дженкинс, не нашли в нем ничего невероятного. Они вполне допускают гипотезу, что на дне глубочайших морей живут разумные, снабженные жабрами позвоночные, о которых мы ничего не знаем,— существа, привыкшие к низкой температуре и огромному давлению и такие плотные, что они не могут всплыть ни живыми, ни мертвыми,— такие же потомки великой Териоморфы века Нового Красного Песчаника, как и мы сами.

Мы, однако, должны быть известны им как странные существа-метеоры, которые время от времени падают мертвыми из таинственного мрака их водяных небес. И не только мы, но и наши суда, наши металлы, наши

вещи сыплются на них из мрака. Иногда тонущие предметы калечат и убивают их, словно по приговору некиих незримых высших сил; а иногда падают предметы крайне редкие, или полезные, или своей формой вдохновляющие их на собственное творчество. Быть может, их поведение при виде живого человека станет нам более понятным, если представить себе, как восприняли бы дикари появление среди них сверкающего, слетевшего с неба существа.

Понемногу Эльстед, вероятно, рассказал офицерам «Птармигана» все подробности своего странного двенадцатичасового пребывания в бездне. Достоверно также, что он хотел записать это, но так и не записал. И нам, к сожалению, пришлось собирать разноречивые обрывки его истории, слушая рассказы капитана Симмонса, Уэйбриджа, Стивенса, Линдли и других.

Мы видим все это смутно, как бы урывками: огромное призрачное здание, преклоненных поющих людей с темными головами хамелеонов, в слабо светящихся одеждах, и Эльстеда, снова включившего свет, тщетно старающегося внушить им, что нужно оборвать канат, на котором держится шар. Время шло, и Эльстед, взглянув на часы, с ужасом увидел, что кислорода ему хватит только на четыре часа. Но пение в его честь продолжалось неумолимо, как песнь, славящая приближение его смерти.

Каким образом он освободился, Эльстед и сам не знал, но, судя по обрывку, висевшему на шаре, канат перетерся о край алтаря. Шар внезапно качнулся, и Эльстед взвился кверху, прочь из мира этих существ, как какой-нибудь небожитель, облаченный в эфирное одеяние, воспарил бы сквозь нашу земную атмосферу обратно в свой родной эфир. Он, должно быть, исчез у них из виду, как пузырь водорода, поднявшийся в воздух. Вероятно, это вознесение сильно удивило их.

Шар ринулся кверху с еще большей скоростью, чем когда стремился вниз, увлекаемый свинцовыми грузилами. Он очень разогрелся. Он взлетел люками кверху, и Эльстед помнил поток пузырьков, пенившийся у окна. Потом у него в мозгу словно завертелось огромное колесо, мягкие стенки стали вращаться вокруг него, и он по-

терял сознание. Дальше он помнил только, как очнулся у себя в каюте и услышал голос доктора.

Такова суть необычайной истории, урывками рассказанной Эльстедом офицерам на борту «Птармигана». Он обещал записать все это позже. Теперь же он только и думал, что об усовершенствовании своего аппарата, что и было сделано в Рио.

Остается лишь сказать, что 2 февраля 1896 года он вторично совершил спуск в бездну. Что произошло с ним, мы, вероятно, никогда не узнаем. Он не вернулся. «Птармиган» в течение двух недель крейсировал вокруг места, где он погрузился, тщетно разыскивая его. Потом корабль вернулся в Рио, и друзей Эльстеда известили телеграммой о его гибели. Таково положение дел в настоящее время. Но я не сомневаюсь, что будут предприняты новые попытки проверить этот диковинный рассказ о неведомых доселе городах в глубинах океана.

1897

ИСТОРИЯ ПОКОЙНОГО МИСТЕРА ЭЛВЕШЕМА

Я пишу эту историю, не рассчитывая, что мне поверят. Мое единственное желание — спасти следующую жертву, если это возможно. Мое несчастье, быть может, послужит кому-нибудь на пользу. Я знаю, что мое положение безнадежно, и теперь в какой-то мере готов встретить свою судьбу.

Зовут меня Эдвард Джордж Иден. Я родился в Трентеме в Стаффордшире, где отец занимался садоводством. Мать умерла, когда мне было три года, а отец — когда мне было пять. Мой дядя Джордж Иден усыновил меня и воспитал, как родного сына. Он был человек одинокий, самоучка, и его знали в Бирмингеме как предприимчивого журналиста. Он дал мне превосходное образование и всегда разжигал во мне желание добиться успеха в обществе. Четыре года назад он умер, оставив мне все свое состояние, что после оплаты счетов составило пятьсот фунтов стерлингов. Мне было тогда восемнадцать лет. В своем завещании дядя советовал мне потратить деньги на завершение образования. Я уже избрал специальность врача и благодаря посмертному великодушию дяди и моим собственным успехам в конкурсе на стипендию стал студентом медицинского факультета Лондонского университета. В то время, когда

начинается моя история, я жил в доме № 11-а по Университетской улице, в убогой комнатке верхнего этажа с окнами на задний двор. В ней вечно был сквозняк. Это была моя единственная комната, потому что я старался экономить каждый шиллинг.

Я нес в мастерскую на Тоттенхем-Корт-роуд башмаки в починку и тут впервые встретил старичка с желтым лицом. С этим-то человеком и сплелась так тесно моя жизнь. Когда я выходил из дому, он стоял у тротуара и в нерешительности разглядывал номер над дверью. Его глаза — тускло-серые, с красноватыми веками — остановились на мне, и тотчас же на его сморщенном лице появилось любезное выражение.

— Вы вышли вовремя,— сказал он.— Я забыл номер вашего дома. Здравствуйте, мистер Иден!

Меня несколько удивило такое обращение, потому что я никогда прежде и в глаза не видел этого человека, к тому же я чувствовал себя неловко, потому что под мышкой у меня были старые ботинки. Он заметил, что я не очень-то обрадован.

— Думаете, что это за черт такой, а? Я ваш друг, уверяю вас. Я видел вас прежде, хотя вы никогда не видели меня. Где бы нам поговорить?

Я колебался. Мне не хотелось, чтобы незнакомый человек заметил все убожество моей комнаты.

— Может быть, пройдемся по улице? — сказал я.— К сожалению, я сейчас не могу...— И я пояснил жестом.

— Что ж, хорошо,— согласился он, оглядываясь по сторонам.— По улице? Куда же мы пойдем?

Я сунул ботинки за дверь.

— Послушайте,— отрывисто проговорил старичок,— это дело, в сущности, моя фантазия; давайте позавтракаем где-нибудь вместе, мистер Иден. Я человек старый, очень старый и не умею кратко излагать свои мысли, к тому же голос у меня слабый, и шум уличного движения...

Уговаривая меня, он положил мне на плечо худую, слегка дрожавшую руку.

Я был молод, и пожилой человек имел право угостить меня завтраком, но в то же время это неожиданное приглашение нисколько меня не обрадовало.

— Я предпочел бы...— начал я.

— Но мы сделаем то, что предпочел бы я,— перебил старик и взял меня под руку.— Мои седины ведь заслуживают некоторого уважения.

Мне пришлось согласиться и пойти с ним.

Он повел меня в ресторан Блавитского. Я шел медленно, приноравливаясь к его шагам. Во время завтрака, самого вкусного в моей жизни, мой спутник не отвечал на вопросы, но я мог лучше разглядеть его. У него было чисто выбритое, худое, морщинистое лицо, сморщенные губы, за которыми виднелись два ряда вставных зубов, седые волосы были редкие и довольно длинные. Мне казалось, что он маленького роста — впрочем, мне почти все люди казались маленькими. Он сильно сутулился. Наблюдая за ним, я не мог не заметить, что он тоже изучает меня. Глаза его, в которых мелькало какое-то странное, жадное внимание, перебегали с моих широких плеч на загорелые руки и затем на мое веснушчатое лицо.

— А сейчас,— сказал он, когда мы закурили,— я изложу вам свое дело. Должен вам сказать, что я человек старый, очень старый.— Он помолчал.— Случилось так, что у меня есть деньги, и теперь мне придется кому-то завещать их, но у меня нет детей, и мне некому оставить наследство.

У меня мелькнула мысль, что старик, изображая откровенность, хочет сыграть со мной какую-то шутку, и я решил быть настороже, чтобы мои пятьсот фунтов не уплыли от меня.

Старик продолжал распространяться о своем одиночестве и жаловался, что ему трудно найти достойного наследника.

— Я взвешивал разные варианты,— сказал он.— Думал завещать деньги приютам, благотворительным учреждениям, библиотекам, назначить стипендии и, нако-

нец, принял решение.— Глаза его остановились на моем лице.— Я решил найти молодого человека, честолюбивого, честного, бедного, здорового телом и духом, и, короче говоря, сделать его своим наследником, дать ему все, что имею. — Он повторил: — Дать ему все, что имею. Так, чтобы он внезапно избавился от всех своих забот и мог бороться за успех в той области, какую он сам себе изберет, располагая свободой и независимостью.

Я старался сделать вид, что совершенно не заинтересован, и, явно лицемеря, проговорил:

— Вы хотите моего совета, может быть, моих профессиональных услуг, чтобы найти такого человека?

Мой собеседник улыбнулся и взглянул на меня сквозь дым папиросы, а я рассмеялся, видя, что он, не говоря ни слова, разоблачил мою притворную скромность.

— Какую блестящую карьеру мог бы сделать этот человек! — воскликнул старик.— Я с завистью думаю, что вот я накопил такое богатство, а тратить его будет другой... Но я, конечно, поставлю условия; моему наследнику придется принести кое-какие жертвы. Например, он должен принять мое имя. Нельзя же получить все и ничего не дать взамен. Прежде чем оставить ему свое состояние, я должен узнать все подробности его жизни. Он обязательно должен быть здоровым человеком. Я должен знать его наследственность, как умерли его родители, а также его бабушки и деды, я должен иметь точное представление о его нравственности...

Я уже мысленно поздравлял себя, но эти слова несколько умерили мою радость...

— Правильно ли я понял, — начал я, — что именно я...

— Да,— раздраженно перебил он,— вы, вы!

Я не ответил ни слова. Мое воображение разыгралось, и даже врожденный скептицизм не в силах был его унять. В душе у меня не было ни тени благодарности, я не знал, что̀ сказать и ка̀к сказать.

— Но почему вы выбрали именно меня? — наконец выговорил я.

Он объяснил, что слышал обо мне от профессора Хазлера, который отзывался обо мне как о человеке исключительно здоровом и здравомыслящем, а старик хотел оставить свое состояние тому, в ком, насколько это возможно, сочетаются идеальное здоровье и душевная чистота.

Такова была моя первая встреча со старичком. Он держал в тайне все, что касалось его самого. Он заявил, что пока не желает называть своего имени, и, после того как я ответил на кое-какие его вопросы, расстался со мной в вестибюле ресторана Блавитского. Я заметил, что, расплачиваясь за завтрак, он вытащил целую горсть золотых монет. Мне показалось странным, что он так настойчиво требует, чтобы его наследник был физически здоров.

Мы договорились, что я в тот же день подам в местную страховую компанию заявление с просьбой застраховать мою жизнь на очень крупную сумму. Врачи этой компании мучили меня целую неделю и подвергли всестороннему медицинскому обследованию. Однако и это не удовлетворило старика, и он потребовал, чтобы меня осмотрел еще знаменитый доктор Хендерсон. Только в пятницу перед троицей старик наконец принял решение. Он пришел ко мне довольно поздно вечером — было около девяти часов — и оторвал меня от зубрежки химических формул. Я готовился к экзамену. Он стоял в передней под тусклой газовой лампой, бросавшей на его лицо причудливые тени. Мне показалось, что он еще больше сгорбился и щеки его впали.

От волнения у него дрожал голос.

— Я удовлетворен, мистер Иден,— начал он,— вполне, вполне удовлетворен. В нынешний знаменательный вечер вы должны пообедать со мной и отпраздновать вашу удачу.— Приступ кашля прервал его.— Недолго придется вам дожидаться наследства,— проговорил он, вы-

тирая губы платком и сжав мою руку своей длинной, худой рукой.— Вам, безусловно, не очень долго придется дожидаться.

Мы вышли на улицу и окликнули кеб. Я живо помню этот вечер: кеб, кативший быстро, ровно, контраст газовых ламп и электрического освещения, толпы на улицах, ресторан на Риджент-стрит, в который мы вошли, и роскошный обед. Сначала меня смущали взгляды, которые безукоризненно одетый официант бросал на мой простой костюм, затем я не знал, что делать с косточками маслин, но когда шампанское согрело кровь, я почувствовал себя непринужденно. Вначале старик говорил о себе. Еще в кебе он назвал себя. Это был Эгберт Элвещем, знаменитый философ, имя которого было мне известно еще на школьной скамье. Мне казалось невероятным, что человек, ум которого волновал меня, когда я был еще школьником, этот великий мыслитель вдруг оказался знакомым дряхлым старичком. Вероятно, всякий молодой человек, внезапно очутившись в обществе знаменитости, чувствует некоторое разочарование.

Теперь старик говорил о будущем, которое откроется передо мной, когда порвутся слабые нити, связывающие его с жизнью, говорил о своих домах, денежных вкладах, авторских гонорарах. Я и не предполагал, что философы могут быть так богаты. А он не без зависти смотрел, как я ем и пью.

— Сколько в вас жизненной силы! — сказал он и добавил со вздохом (мне показалось, что это был вздох облегчения): — Теперь недолго ждать!

— Да,— ответил я, чувствуя, что голова у меня кружится от шампанского,— может быть, у меня есть будущее, и благодаря вам ему можно позавидовать. Я буду теперь иметь честь носить ваше имя, зато у вас есть прошлое, такое прошлое, которое стоит моего будущего!

Он покачал головой и улыбнулся, приняв мое лестное восхищение как бы с некоторой грустью.

— Будущее! — повторил он.— А променяли бы вы его на мое прошлое?

К нам подошел официант с ликерами.

— Пожалуй, вы охотно примете мое имя, мое положение,— продолжал старик,— но согласились ли бы вы добровольно взять на себя мои годы?

— Вместе с вашими достоинствами,— любезно ответил я.

Он опять улыбнулся.

— Кюммель, две порции,— сказал мистер Элвешем официанту и занялся бумажным пакетиком, который достал из кармана.

— Это время дня,— произнес старик,— этот послеобеденный час — час, когда можно развлекаться пустяками. Вот маленький образчик моей мудрости. Это нигде не опубликовано.

Дрожащими желтыми пальцами он развернул пакетик: в нем был порошок розоватого цвета.

— Вот...— сказал старик.— Впрочем, сами догадайтесь, что это такое. Насыпьте порошку в рюмку, и кюммель превратится для вас в райский напиток.

Его глаза ловили мой взгляд, в их выражении было что-то загадочное.

Меня неприятно поразило, что этот великий ученый может заниматься приправами к напиткам, но я сделал вид, что очень заинтересован этой его слабостью,— я был достаточно пьян, чтобы подличать.

Мистер Элвешем всыпал половину порошка в свою рюмку, а половину — в мою. Затем вдруг поднялся и с подчеркнутым достоинством протянул мне руку. Я тоже протянул руку, и мы чокнулись.

— За скорое получение наследства,— сказал старик, поднося рюмку к губам.

— Нет, нет,— поспешно ответил я,— только не за это.

Он остановился с рюмкой у рта и пристально заглянул мне в глаза.

— За долгую жизнь,— сказал я.

Он помедлил.

— За долгую жизнь! — с внезапным взрывом смеха отозвался он, и, глядя друг на друга, мы выпили ликер.

Пока я пил, старик продолжал смотреть мне прямо в глаза, а я испытывал какое-то удивительно странное чувство. С первого же глотка в голове началась страшная путаница. Мне казалось, что я физически ощущаю, как что-то шевелится в моем черепе, а уши наполнились невообразимым гулом. Я не чувствовал вкуса ликера, не замечал, как его ароматная сладость скользила мне в горло. Я видел только напряженный, жгучий взгляд серых глаз, устремленных на меня. Мне казалось, что страшное головокружение и грохот в ушах продолжались бесконечно долго. Где-то в глубине сознания мелькали и тотчас исчезали какие-то неясные воспоминания о полузабытых событиях.

Наконец старик прервал молчание. С внезапным вздохом облегчения он поставил рюмку на стол.

— Ну как? — спросил он.

— Чудесно,— ответил я, хотя и не почувствовал вкуса ликера.

Голова у меня кружилась. Я сел. В мыслях был хаос. Потом сознание прояснилось, но я видел все каким-то искаженным, точно в вогнутом зеркале. Манеры моего компаньона изменились, они стали нервными и торопливыми. Он вытащил часы и с гримасой взглянул на них.

— Семь минут двенадцатого! — воскликнул он.— А сегодня я должен... одиннадцать двадцать пять... на вокзале Ватерлоо... Мне нужно идти.

Мистер Элвешем уплатил по счету и стал с трудом надевать пальто. На помощь нам пришли официанты. Еще минута, и он сидел в кебе, а я прощался с ним, все еще испытывая нелепое чувство: все вокруг стало маленьким и четким, точно я... как бы это объяснить? — точно я смотрел сквозь перевернутый бинокль.

Мистер Элвешем приложил руку ко лбу.

— Этот напиток...— сказал он.— Не надо было его

вам давать! Завтра у вас голова будет раскалываться. Подождите, вот! — Он дал мне плоский конвертик, в каких обычно выдают порошки в аптеках.— Перед сном примите этот порошок. Тот, первый, был наркотик. Только запомните: примите его перед самым сном. Он проясняет голову. Вот и все. Дайте еще раз вашу руку, наследник.

Я сжал дрожавшую руку старика.

— До свидания,— сказал он, и по выражению его глаз я понял, что и на него подействовал этот напиток, свихнувший мне мозги.

Вдруг, вспомнив что-то, он принялся шарить в кармане пиджака и вытащил еще один пакет, на этот раз цилиндрической формы, по размерам и очертаниям напоминавший мыльную палочку для бритья.

— Вот, — сказал он, — чуть не забыл, возьмите, но не открывайте, пока я не приду к вам завтра.

Пакет был такой тяжелый, что я его едва не уронил.

— Ладно, — пробормотал я, а он улыбнулся мне, показав вставные зубы.

Кучер взмахнул кнутом над дремавшей лошадью.

Пакет, который дал мне Элвешем, был белый с красными печатями с обеих сторон и посередине.

«Если это не деньги, — подумал я, — то это — платина или свинец».

Я с величайшими предосторожностями засунул пакет в карман и, чувствуя по-прежнему сильное головокружение, пошел домой сквозь толпу гуляющих по Ридджент-стрит, потом свернул в темные, задние улицы за Портленд-роуд. Я живо помню всю странность своих ощущений. Я настолько сохранил ясность мысли, что замечал свое необычайное психическое состояние и спрашивал себя, не подсыпал ли он мне опиума, с действием которого я практически был совершенно незнаком.

Мне очень трудно сейчас описать все особенности моего состояния; пожалуй, его можно было бы назвать раз-

двоением личности. Идя по Риджент-стрит, я не мог отделаться от странной мысли, что нахожусь на вокзале Ватерлоо, и мне даже хотелось взобраться на крыльцо Политехнического института, будто на подножку вагона. Я протер глаза и убедился, что нахожусь на Риджент-стрит. Как бы мне это объяснить? Вот вы видите искусного актера, он спокойно смотрит на вас; гримаса — и это совсем другой человек! Не найдете ли вы слишком невероятным, если я скажу, что мне казалось, будто Риджент-стрит вела себя в ту минуту так, как этот актер? Потом, когда я убедился, что это все же Риджент-стрит, меня стали сбивать с толку какие-то фантастические воспоминания. «Тридцать лет назад, — думал я, — я поссорился здесь с моим братом». Я тотчас расхохотался, к удивлению и удовольствию компании ночных бродяг. Тридцать лет назад меня еще не было на свете, и никогда у меня не было брата. Порошок, несомненно, лишал людей рассудка, потому что я продолжал глубоко сожалеть о своем погибшем брате. На Портленд-роуд мое безумие приняло несколько иной характер. Я стал вспоминать магазины, которые когда-то тут находились, и сравнивать улицу в ее нынешнем виде с той, какой она была раньше. Вполне понятно, что после ликера мои мысли стали путаными и тревожными, но я недоумевал, откуда явились эти удивительно живые фантасмагорические воспоминания; и не только те воспоминания, которые заползли мне в голову, но и те, которые от меня ускользали. Я остановился у магазина живой природы Стивенса и стал напрягать память, чтобы вспомнить, какое отношение имел ко мне владелец этой лавки. Мимо прошел автобус — для меня он грохотал, как поезд. Мне казалось, что я далеко-далеко и погружаюсь в темную яму в поисках воспоминаний.

— Ах да, конечно, — сказал я себе. — Стивенс обещал дать мне завтра трех лягушек. Странно, что я об этом забыл.

Показывают ли сейчас детям туманные картины?

Я помню картины, на которых появлялся ландшафт, сначала как туманный призрак, потом он становился отчетливее, пока его не вытеснял другой. Вот так же, мне казалось, призрачные новые ощущения борются во мне со старыми, привычными.

Я шел по Юстон-роуд и Тоттенхем-Корт-роуд, встревоженный, немного испуганный и почти не замечая, что иду необычным путем, потому что обыкновенно пробирался через целую сеть боковых улиц и переулков. Я свернул на Университетскую улицу, и тут выяснилось, что я забыл номер своего дома. Только ценой страшного напряжения памяти я вспомнил номер 11-а, но и то у меня было такое чувство, будто мне этот номер кто-то подсказал, но кто — я забыл. Я старался привести в порядок свои мысли, вспоминая подробности обеда, но никакими силами не мог представить себе лицо своего компаньона, — я видел только неясные очертания, как видишь отражение собственного лица в стекле, сквозь которое смотришь. Однако вместо мистера Элвешема я, как это ни странно, узнавал себя самого, сидящего за столом, румяного от вина, с блестящими глазами, болтливого.

«Надо будет принять второй порошок,— подумал я,— это становится невыносимым».

Я принялся искать свечу и спички в той части передней, где они никогда не лежали, а потом долго соображал, на какой площадке моя комната.

«Я пьян,— подумал я,— тут нет никакого сомнения».

И, как бы в подтверждение этого, я без всякой причины начал спотыкаться на каждой ступеньке лестницы.

На первый взгляд моя комната показалась мне незнакомой.

— Что за чепуха! — пробормотал я, оглядываясь вокруг. Усилием воли мне как будто удалось вернуть себе сознание действительности, и странная фантасмагория сменилась знакомыми предметами. Вот старое зеркало,

за раму засунуты мои записки о свойствах белков. На полу валяется мой будничный костюм. Но все-таки все это было как-то нереально. У меня все время было дурацкое ощущение, будто я сижу в вагоне, поезд только что остановился на незнакомой станции и я выглядываю в окно. Я изо всех сил сжал спинку кровати, чтобы прийти в себя. «Может, это ясновидение,— подумал я,— надо будет написать в общество психиатров».

Я положил на туалетный столик пакет, который мне дал мистер Элвешем, сел на кровать и стал снимать ботинки. Чувство у меня было такое, будто картина моих ощущений наложена на другую картину и эта вторая картина все время старается проступить сквозь первую.

— К черту! — воскликнул я.— Что я, спятил или действительно нахожусь сразу в двух местах?

Наполовину раздевшись, я высыпал порошок мистера Элвешема в стакан. Вода зашипела и приняла флюоресцирующую янтарную окраску. Я выпил эту воду. Не успел я лечь, как мысли мои успокоились. Голова коснулась подушки, и я, по-видимому, сразу заснул.

Я проснулся внезапно от сна, в котором мне грезились какие-то странные животные. Я лежал на спине. Вероятно, всем знакомы эти гнетущие сновидения; проснувшись, человек избавляется от них, но они все же оставляют какое-то тягостное впечатление. Во рту у меня был странный вкус, во всех членах усталость, ощущение физического неудобства. Я лежал неподвижно, не поднимая головы от подушки, ожидая, что чувство отчужденности и ужаса развеется и тогда мне, может быть, удастся снова заснуть, но вместо этого оно только росло. Вначале я не замечал вокруг себя ничего необычного. Комната была освещена очень слабо, настолько слабо, что в ней было почти совсем темно, и мебель проступала в виде совершенно темных пятен. Я пристально смотрел перед собой, насколько позволяло одеяло, натянутое до самых глаз. Мне пришло в го-

лову, что кто-то забрался в комнату и украл мой пакет с деньгами. Но затем я полежал, ровно дыша, чтобы вновь вызвать сон, и понял, что это — только мое воображение. Тем не менее я беспокоился, я был уверен: что-то случилось. Я оторвал голову от подушки и всмотрелся в темноту. Сначала я не мог понять, в чем дело. Я вглядывался в окружавшие меня темные предметы, по большей или меньшей густоте мрака угадывал, где должны быть окна с задернутыми шторами, стол, камин, книжные полки и так далее. Потом что-то в окружавших меня темных вещах стало казаться мне необычным. Может быть, кровать повернута не так, как раньше. Там, где должны были быть книжные полки, туманно белело что-то, на них не похожее. Не могло это быть также и моей рубашкой, брошенной на стул: она была много меньше.

Преодолевая ребяческий страх, я сбросил одеяло и спустил ноги. Они не достали до полу, как бывало всегда, когда я садился на своей низкой кровати, а повисли, едва достигая края матраца. Я подвинулся и сел на самый край кровати. Рядом с ней на сломанном стуле должны были быть свеча и спички. Протянув руку и ничего не нащупав, я принялся шарить вокруг себя. Рука попала на какую-то тяжелую ткань, мягкую и плотную, которая зашуршала под пальцами. Я ухватился за нее и потянул. Оказалось, что это полог над изголовьем.

Теперь я окончательно проснулся и понял, что нахожусь в незнакомой комнате. Я был озадачен и постарался припомнить все, что случилось вечером. Как ни странно, оказалось, что я помню все совершенно ясно: обед, порошок, сначала один, потом другой, мои сомнения насчет того, пьян я или нет, медлительность, с которой я раздевался, прохладную подушку, которой я касался лицом. Вдруг я стал сомневаться: было ли это вчера или позавчера? Как бы то ни было, комната была чужой, и я не мог понять, как я в ней очутился.

Туманный, бледный предмет, который я видел раньше, становился все светлее, и теперь я понял, что это окно, а перед ним овальное зеркало, на которое падали слабые лучи света, проникавшие сквозь шторы.

Я встал, и меня поразило, что я чувствую такую слабость и неуверенность. Я медленно пошел к окну, протянув руки, но все-таки наткнулся по дороге на стул и ушиб колено. Обошел зеркало. Оно оказалось очень большим, с красивыми бронзовыми канделябрами по бокам. Я стал ощупью искать шнурок от шторы, не нашел его, но случайно схватил кисточку, и штора, щелкнув пружиной, поднялась.

Передо мной был абсолютно незнакомый вид. Небо было затянуто, и сквозь густую серую толщу облаков едва пробивались слабые лучи рассвета. На самом горизонте облака были окаймлены кроваво-красной полосой. Ниже все было темным и неясным. Вдали — холмы в дымке, туманная масса домов со шпилями, чернильные пятна деревьев, а под окном — кружево темных кустарников и бледно-серые дорожки. Все это было так чуждо, что на минуту я подумал: не сплю ли я еще? Я ощупал туалетный столик. Он был из полированного дерева, на нем стояли хрустальные флаконы и лежала головная щетка. На блюдечке лежал какой-то странный предмет, подковообразный на ощупь, с гладкими твердыми выступами. Я не мог найти ни свечи, ни спичек.

Снова я обвел глазами комнату. Теперь, при поднятых шторах, призрачные силуэты вещей выступали из темноты: огромная кровать с пологом и камин за нею, с большой белой полкой, поблескивавшей мрамором.

Прислонившись к туалетному столику, я закрыл глаза, потом снова открыл, стараясь сосредоточиться. Все вокруг было вполне реальным; это не было сновидением. Я готов был вообразить, что от выпитого вчера странного напитка в памяти у меня образовался какой-

то пробел. Может быть, думал я, меня уже ввели во владение наследством, а я потом вдруг забыл обо всем и не помню, что случилось после того, как я узнал о своей удаче? Может быть, если я подожду немножко, мои мысли прояснятся? Между тем воспоминания об обеде со стариком Элвешемом были необыкновенно живыми и свежими: шампанское, услужливые официанты, порошок, напиток... Я был готов дать голову на отсечение, что все это было лишь несколько часов назад!

Затем произошло нечто совершенно обыкновенное и вместе с тем столь ужасное, что я до сих пор содрогаюсь при одном воспоминании об этой минуте. Я заговорил вслух.

— Как же, чер́т возьми, я сюда попал? — сказал я.

Но голос был не мой!

Это был не мой голос, это был тонкий голос, артикуляция была неясной, и резонанс совсем не такой, как у меня. Чтобы успокоиться, я схватился одной рукой за другую — рука была костлявая, кожа старчески дряблая.

— Но ведь это же сон,— проговорил я ужасным голосом, который непонятно как поселился в моем горле,— ведь это сон!

Быстро, почти инстинктивно, я сунул в рот пальцы. Зубы мои исчезли. Пальцы нащупали мягкую поверхность сморщенных десен. У меня закружилась голова от ужаса и отвращения.

Я почувствовал безудержное желание увидеть свое лицо, сразу же убедиться в той страшной, кошмарной перемене, которая произошла со мной. Неверной походкой я пошел к камину за спичками и стал шарить на полке. В это время из моего горла вырвался лающий кашель, и я запахнул толстую фланелевую ночную рубашку, которая, как оказалось, была на мне надета. На камине спичек не было. Я вдруг почувствовал, что руки и ноги у меня окоченели от холода. Кашляя и шмыгая носом (возможно, что при этом я немножко и стонал), я заковылял к кровати.

— Ведь это же сон,— бормотал я, забираясь в постель,— сон!

Я сам чувствовал, что говорю это по старческой привычке повторять одно и то же.

Я натянул одеяло на плечи, на голову, засунул под подушку свои морщинистые руки и решил успокоиться и заснуть. Несомненно, все это только сон. Утром он развеется, и я проснусь сильным, энергичным, ко мне вернется молодость и жажда знаний. Я закрыл глаза, стал дышать равномерно и, убедившись, что сон не идет ко мне, принялся медленно вычислять степени числа три.

А то, чего я так жаждал, не приходило. Я не мог заснуть и все больше убеждался, что во мне действительно произошла страшная перемена. Потом я заметил, что лежу с широко открытыми глазами, забыв про свои вычисления, и ощупываю худыми пальцами беззубые десны. Я действительно внезапно и неожиданно превратился в старика. Каким-то необъяснимым путем я проскочил через всю свою жизнь до самой старости, каким-то образом у меня украли лучшую часть моей жизни, мою любовь, борьбу, силы и надежды. Я зарылся в подушку и старался убедить себя, что, может быть, все это галлюцинация.

Медленно, но неуклонно приближалось утро. Наконец отчаявшись заснуть, я сел на кровати и огляделся вокруг. Холодный рассвет проник через окно, и видна была вся комната. Она была просторна и хорошо обставлена — лучше, чем все другие комнаты, в которых мне раньше приходилось спать. На маленьком столике в нише виднелись свеча и спички. Я сбросил одеяло и, дрожа от сырости раннего летнего утра, встал и зажег свечу. Затем, дрожа так сильно, что гасильник для свечи подпрыгивал на своем шпиле, я, шатаясь, подошел к зеркалу и увидел... лицо Элвешема! Хотя в душе я уже этого ожидал, тем не менее впечатление было ужасным. Мистер Элвешем всегда казался мне физически слабым и жалким, но сейчас, когда он был одет только в грубую

фланелевую ночную рубашку, которая распахнулась на груди и открыла тощую шею, сейчас, когда я сам стал Элвешемом, я не берусь описать, каким жалким и дряхлым он мне показался. Впалые щеки, растрепавшаяся прядь грязных седых волос, тусклые, слезящиеся глаза, дрожащие морщинистые губы. Вы, кому душой и телом столько лет, сколько вам и должно быть, не можете представить себе, что̀ означало для меня это дьявольское заточение в чужом теле. Быть молодым, полным желаний и сил и оказаться замурованным и раздавленным в этой трясущейся развалине!..

Но я отвлекся от своего рассказа. На некоторое время я, должно быть, совершенно потерял голову, когда убедился, что со мной произошло такое превращение. Было уже совсем светло, когда я настолько пришел в себя, что мог думать. Каким-то необъяснимым образом я изменился, хотя, как это могло случиться, если не волшебством, я не могу сказать. Теперь, когда я думал об этом, я понял, как дьявольски умен был Элвешем. Было ясно, что точно так же, как я оказался в его теле, он завладел моим телом, а следовательно, моей силой и моим будущим. Но как доказать это? Сейчас, когда я думал обо всем, это превращение казалось мне самому настолько невероятным, что голова моя пошла кругом, я должен был ущипнуть себя, ощупать свои беззубые десны, посмотреться в зеркало и потрогать окружавшие меня предметы, чтобы быть в состоянии здраво смотреть на совершившееся. Или вся наша жизнь лишь галлюцинация? Стал ли я в самом деле Элвешемом, а он мною? Может быть, я только во сне видел Идена? Был ли вообще на свете Иден? Но если бы я был Элвешемом, я должен был бы помнить, что я делал прошлым утром, как назывался город, в котором я жил, что происходило до того, как началось мое сновидение. Я боролся с этими вопросами. Мне вспомнилось странное раздвоение моих воспоминаний накануне вечером. Но теперь ум мой был ясен. Я не мог вызвать и тени каких-нибудь воспоминаний, не имевших отношения к Идену.

— Вот так сходят с ума! — воскликнул я визгливым голосом.

Я с трудом поднялся на ноги и потащил свое ослабевшее и отяжелевшее тело к умывальнику. Там я окунул седую голову в таз с холодной водой. Вытираясь полотенцем, я снова пытался думать о себе как об Элвешеме, но это было бесполезно. Не было никакого сомнения в том, что я Иден, а не Элвешем, но Иден в теле Элвешема.

Если бы я был человеком другого века, я, может быть, покорился бы судьбе, считая себя зачарованным. Но в наше время скептицизма не очень-то верят в чудеса. Со мной проделали какой-то психологический трюк. То, что могли сделать порошок и пристальный взгляд, могут переделать другой порошок и другой пристальный взгляд или какое-нибудь средство в этом роде. И раньше случалось, что люди теряли память, но чтобы они могли меняться телами, как зонтиками!.. Я рассмеялся. Увы! Это был не прежний здоровый смех, а хриплое, старческое хихиканье. Я представил себе, как старик Элвешем смеется над моим положением, и меня обуял приступ необычной для меня ярости. Я начал быстро одеваться в ту одежду, которая валялась на полу, и только когда был уже совершенно одет, понял, что это была фрачная пара. Я открыл шкаф и нашел там одежду для каждого дня — клетчатые брюки и старомодный халат. Я надел на свою почтенную голову почтенную домашнюю шапочку и, слегка покашливая от всех этих усилий, вышел, ковыляя, на площадку лестницы.

Было приблизительно без четверти шесть, шторы были опущены, и дом погружен в тишину. Площадка была просторная, широкая, покрытая богатыми коврами, лестница вела вниз, в темный холл. Дверь напротив той, из которой я вышел, была приоткрыта, и я увидел письменный стол, вращающуюся книжную этажерку, спинку кресла у стола и полки с рядами томов в роскошных переплетах.

— Мой кабинет,— пробормотал я и пошел туда че-

рез площадку. При звуках моего голоса у меня мелькнула новая мысль, и, вернувшись в спальню, я надел вставные челюсти, которые легко сели на привычное место.

— Так-то лучше,— сказал я, пожевал челюстями и снова пошел в кабинет.

Ящики бюро были заперты. Откидной верх был тоже заперт. Ни в кабинете, ни в карманах брюк я не нашел никакого признака ключей. Тогда я снова поплелся в спальню и обследовал сначала карманы того костюма, который валялся на полу, а затем карманы всей одежды, какую я только мог найти. Я был в большом нетерпении, и если бы кто-нибудь вошел в комнату после того, как я кончил ее обследовать, он подумал бы, что в ней побывали грабители. Я не нашел ни ключей, ни единой монеты, ни клочка бумаги, кроме счета за вчерашний обед.

Меня внезапно охватила странная усталость. Я сел и уставился на разбросанные вокруг костюмы с вывороченными карманами. Бешенство мое улеглось. С каждой минутой я все яснее начинал понимать поразительную предусмотрительность моего противника, и все яснее становилась для меня безнадежность моего положения.

Я с усилием поднялся и снова поторопился вернуться в кабинет. На лестнице я увидел служанку, подымавшую шторы. По-видимому, выражение моего лица поразило ее, и она с удивлением посмотрела на меня. Я закрыл за собой дверь кабинета и, схватив кочергу, набросился на стол, пытаясь взломать ящики. Так меня и застали слуги. Стекло на столе было разбито, замок сломан, письма из ящичков бюро разбросаны по полу. В своем старческом бешенстве я раскидал перья и опрокинул чернильницу. Кроме того, большая ваза, стоявшая на камине, упала и разбилась, я сам не знаю как. Я не нашел ни денег, ни чековой книжки и никаких указаний, которые могли бы помочь мне вернуть мое тело в прежнем виде. Я отчаянно колотил по ящикам

стола, когда в кабинет вторглись дворецкий и две служанки.

Такова без всяких прикрас история моего превращения. Никто не верит моим фантастическим уверениям. Со мной обращаются как с сумасшедшим и даже сейчас за мной присматривают. Между тем я человек нормальный, абсолютно нормальный, и, чтобы доказать это, я сел за письменный стол и записал очень подробно все, что со мной случилось. Я взываю к читателю. Пусть он скажет, есть ли в стиле или ходе изложения истории, которую он только что прочел, какие-нибудь признаки безумия. Я молодой человек, заключенный в тело старика, но никто не верит этому бесспорному факту. Естественно, я кажусь сумасшедшим тем, кто не верит мне; естественно, я не знаю, как зовут моих секретарей, не знаю навещающих меня врачей, своих слуг и соседей, не знаю названия города, в котором очутился, и где он находится. Естественно, я не знаю расположения комнат в своем собственном доме и терплю множество неудобств всякого рода. Естественно, я задаю очень странные вопросы. Естественно, что иногда я плачу, кричу и у меня бывают приступы отчаяния. У меня нет ни денег, ни чековой книжки. Банк не признал бы моей подписи, потому что, я полагаю, у меня все еще почерк Идена, несколько изменившийся вследствие ослабления мускулов. Окружающие меня люди не позволят мне самому пойти в банк; да, кажется, в этом городе и нет банка, а мой текущий счет находится в каком-то районе Лондона. Кажется, Элвешем скрывал от всех домашних имя своего поверенного, но я ничего не знаю толком. Несомненно, Элвешем глубоко изучал психологию и психиатрию, и мои рассказы о себе только подтверждают предположение окружающих, что я сошел с ума от чрезмерного увлечения проблемами душевных расстройств. А еще говорят о тождестве личности!

Два дня назад я был здоровым юношей, перед которым была открыта вся жизнь, а теперь я озлобленный старик, неопрятный, несчастный, полный отчаяния. Я

брожу по огромному роскошному чужому дому, а все вокруг следят за мной, боятся и избегают меня, как безумца. Между тем в Лондоне Элвешем начинает жизнь заново в здоровом молодом теле и с мудростью и знаниями, накопленными за семь десятков лет!

Он украл у меня жизнь!

Я не знаю точно, как это произошло.

В кабинете я нашел множество рукописных записей, относящихся главным образом к психологии памяти, кое-что зашифровано значками, совершенно непонятными для меня. Некоторые записи указывают на то, что Элвешем интересовался также философией математики.

Как мог произойти такой обмен, остается за пределами моего разумения. Всю свою сознательную жизнь я был материалистом, но здесь — ясный случай отделения духа от тела.

Я хочу испытать одно отчаянное средство. Сейчас я допишу свою историю, а потом прибегну к нему. Утром с помощью ножа, который я припрятал за завтраком, мне удалось взломать секретный ящик в бюро — заметить этот ящик было не очень трудно. Я не нашел там ничего, кроме маленького стеклянного флакончика зеленого цвета с белым порошком. На горлышке этикетка. На ней написано только одно слово: «Освобождение». Может быть, и вероятнее всего, это яд. Мне понятно, что Элвешем подсунул мне яд, я был бы даже уверен, что он хотел избавиться таким образом от единственного свидетеля, если бы флакончик не был так тщательно припрятан. Этот человек фактически разрешил проблему бессмертия. Если не произойдет какой-нибудь случайности, он будет жить в моем теле, пока оно не состарится, а затем сбросит его и отнимет молодость и силу у новой жертвы. Если вспомнить его бессердечие, страшно подумать, как он будет накапливать все больше опыта, который... Как давно он уже переходит из одного тела в другое?..

Но я устал писать. Порошок, оказывается, легко растворяется в воде. Вкус у него не неприятен.

Такова история, найденная на столе мистера Элвешема. Его мертвое тело лежало между письменным столом и креслом, последнее было резко отодвинуто в сторону, по-видимому, в предсмертных конвульсиях. История написана карандашом, размашистым почерком, совсем не похожим на обычный мелкий почерк Элвешема.

Остается добавить еще два любопытных факта: несомненно, между Иденом и Элвешемом была какая-то связь, поскольку все состояние Элвешема было завещано этому молодому человеку. Но он не получил наследства. В то время, когда Элвешем покончил с собой, Иден, как это ни странно, был уже мертв. Сутками раньше на людном перекрестке Хауэр-стрит и Юстон-роуд его сбил кеб, и он тотчас же скончался. Так что единственный человек, который мог бы пролить свет на эту фантастическую историю, ничего нам не скажет.

1897

МОРСКИЕ ПИРАТЫ

1

До необычайного происшествия в Сидмауте особый вид Haploteuthis ferox был описан в науке только в самых общих чертах, на основании полупереваренных щупалец, добытых близ Азорских островов, да изуродованного тела, исклеванного птицами и изъеденного рыбами, которое было найдено в начале 1896 года мистером Дженнингсом у мыса Лендсэнд.

И действительно, ни в одной области зоологии мы не бродим в такой темноте, как в той, которая изучает глубоководных кефалоподов. Только случайность, например, привела к открытию князя Монакского, нашедшего летом 1895 года около дюжины новых форм. Добыча включала и вышеупомянутые щупальца. Это произошло совершенно неожиданно. Китоловы убили за Тэрсейрой кашалота; в предсмертных судорогах он бросился прямо на яхту князя, но, не рассчитав сил, перекатился через нее и издох в двадцати ярдах от руля. Во время агонии он выбросил большое количество каких-то крупных предметов. Князь, смутно разобрав, что это нечто ему незнакомое и, по-видимому, интересное, сумел благодаря своей находчивости вытащить их из воды, прежде чем они затонули. Он приказал привести в движение винты и заставил эти предметы вертеться в созданных таким образом водоворотах. Тем временем быстро спустили шлюпку. Так вот эти куски и оказались целыми кефалоподами и частями их. Некоторые экземпляры достигали гигантских

размеров, и почти все были совершенно неизвестны науке!

По-видимому, эти большие и проворные твари, населяющие средние глубины моря, навсегда останутся неизвестными нам; держась под водой, они неуловимы для сетей и могут попасть к нам в руки только в результате какого-нибудь редкого, непредвиденного происшествия вроде вышеуказанного. Что касается Haploteuthis ferox, например, мы до сих пор ничего не знаем о них, так же как о местах рождения сельдей или морских путях лосося. Зоологи так и не могут объяснить их неожиданное появление у наших берегов. Возможно, что голод поднял их из глубины. Но, может быть, лучше не вдаваться в разные гадательные рассуждения и прямо приступить к нашему рассказу.

Первым человеческим существом, увидевшим своими глазами живого Haploteuthis ferox, точнее, первым человеческим существом, оставшимся в живых, увидев его,— так как теперь едва ли можно сомневаться, что волна несчастных случаев с купальщиками и катающимися в лодках, пронесшаяся вдоль побережья Корнуэллса и Дэвона в начале мая, была вызвана именно этой причиной,— был удалившийся от дел чайный торговец по фамилии Физон, проживавший в пансионе в Сидмауте. Это произошло днем, когда он гулял по тропинке вдоль скал между Сидмаутом и бухтой Ладрам. Скалы здесь очень обрывистые, но в одном месте в их красной поверхности вырублен ступенчатый спуск. Мистер Физон находился как раз возле этого места, когда внимание его привлекла шевелившаяся масса, которую он сначала принял за стаю птиц, дерущихся из-за какой-то добычи, казавшейся на солнце розовато-белой. Было время отлива, и масса эта, находившаяся довольно далеко, отделялась еще широкой полосой скалистых рифов, покрытых темными морскими водорослями и местами перерезанных серебристыми лужами. Нужно добавить, что мистера Физона ослеплял блеск расстилавшегося вдали моря.

Посмотрев через минуту еще раз в ту сторону, он заметил, что ошибся: над грудой кружилось множество птиц, главным образом галок и чаек; белые крылья чаек сверкали в солнечных лучах, и птицы казались крошечными по сравнению с лежавшей внизу массой. Любопыт-

ство мистера Физона, конечно, еще более возросло именно потому, что его первое впечатление оказалось ошибочным.

Так как мистер Физон гулял лишь для собственного удовольствия, вполне естественно, что он вместо того, чтобы идти к бухте Ладрам, решил посмотреть на загадочную массу. Он подумал, что это, может быть, какая-нибудь большая рыба, случайно выброшенная на берег и бьющаяся на песке. И вот он стал поспешно спускаться по крутой, длинной лестнице, останавливаясь приблизительно через каждые тридцать футов, чтобы перевести дыхание и взглянуть на таинственный предмет.

Спустившись к подножию скалы, Физон оказался, конечно, ближе к заинтересовавшему его предмету; но теперь, на фоне пылающего неба, эта масса казалась темной и неясной. То, что выглядело розоватым, заслонили груды покрытых водорослями валунов. Все-таки мистер Физон рассмотрел, что масса состоит из семи округленных тел — не то отдельных, не то соединенных в одно целое,— и заметил, что птицы все время кричат, облетая массу, но, видимо, боятся приблизиться к ней.

Мистер Физон, увлекаемый любопытством, начал пробираться по источенным волнами скалам. Убедившись, что они очень скользкие от густого слоя морских водорослей, он остановился, снял ботинки и засучил брюки выше колен. Он сделал это, конечно, для того, чтобы не поскользнуться и не упасть в лужу; кроме того, он, может быть, просто воспользовался предлогом хоть на минуту вернуться к ощущениям детства, так поступили бы на его месте многие. Во всяком случае, несомненно, что это спасло ему жизнь.

Он приблизился к своей цели с той уверенностью, которую полная безопасность здешних мест внушает их обитателям. Круглые тела двигались взад и вперед. Только поднявшись на груду валунов, о которых я упоминал, он понял страшный смысл своего открытия. Это застигло его врасплох.

Когда он показался на гребне, округлые тела распались, и стал виден розовый предмет: оказалось, что это наполовину съеденное человеческое тело, мужчины или женщины, он не мог определить. А округлые тела

были неведомыми, чудовищными тварями, по форме немного напоминающими осьминога с очень гибкими и длинными щупальцами, извивающимися на песке. Шкура их неприятно блестела, как лакированная кожа. Изгиб окруженного щупальцами рта, странный нарост надо ртом и большие осмысленные глаза придавали этим существам какое-то уродливое сходство с лицом человека. Туловища их по величине напоминали крупную свинью; щупальца, как ему показалось, были длиной в несколько футов. Он полагает, что чудовищ было по меньшей мере семь или восемь. В двенадцати ярдах позади них, в пене прилива, из моря выползали еще два.

Они лежали, распластавшись на камнях, и глаза их уставились на Физона со злобным любопытством. Но, по-видимому, мистер Физон не испугался и даже не понял, что он подвергается опасности. Он не был испуган, по-видимому, потому, что движения чудовищ были вялыми. Но, конечно, он был потрясен и вознегодовал, увидев, что эти отвратительные твари пожирают человеческое тело. Он подумал, что им попался утопленник. Чтобы отогнать их, мистер Физон закричал. Увидев, что это на них не действует, он поднял большой камень и запустил им в одно из чудовищ. И вот эти чудовища, расправляя щупальца, медленно двинулись к нему. Они осторожно ползли, обмениваясь друг с другом тихими, мурлыкающими звуками.

Тут только мистер Физон понял, что ему угрожает, и побежал назад. Пробежав двадцать ярдов, он остановился и оглянулся. Он был уверен, что чудовища очень неповоротливы. Но — увы! — щупальца переднего уже цеплялись за скалистый гребень, на котором он только что стоял!

Увидев это, он опять закричал — теперь уже от страха — и пустился бежать. Он перескакивал через камни, скользил, перебирался вброд по пересеченному водой пространству, отделяющему его от берега. Высокие красные утесы вдруг отодвинулись страшно далеко, и двое рабочих, занятых исправлением ступенек спуска и не подозревавших о беге, в котором ставкой была человеческая жизнь, казались ему существами из другого мира. Он слышал, как чудовища плескались в луже чуть ли не в десяти шагах от него. Один раз он поскользнулся и упал.

Чудовища преследовали Физона до самого подножия скал и отступили тогда, когда у их основания к нему присоединились рабочие. Втроем они забросали чудовищ камнями, а потом поспешили в Сидмаут, чтобы заручиться помощью и лодками и вырвать оскверненное тело из щупалец этих гнусных тварей.

2

Не удовольствовавшись своим первым опытом, мистер Физон тоже отправился в лодке, чтобы точно указать место приключения.

Прилив уже начался, и пришлось сделать довольно большой круг, чтобы добраться до места. Когда они наконец добрались, истерзанное тело уже исчезло. Вода прибывала, затопляя одну за другой груды тинистых камней. И четверо в лодке — рабочие, лодочник и мистер Физон — стали смотреть уже не на берег, а на воду под килем.

Сначала им удалось различить в воде только очень немногое: темную и густую чащу водорослей ламинария, в которой изредка мелькала рыба. Они искали приключений и поэтому громко выражали свое разочарование. Но вскоре они увидели одно из чудовищ. Оно уплывало в открытое море, передвигаясь странным круговым движением, которое чем-то напоминало мистеру Физону качание привязанного аэростата. Колеблющиеся ленты водорослей заволновались, разделились, и три новых чудовища показались в темноте, отчаянно борясь друг с другом из-за чего-то: может быть, из-за утопленника. Через минуту бесчисленные зеленовато-оливковые ленты водорослей снова сомкнулись над барахтающейся грудой.

Увидев это, все четверо в волнении начали бить веслами по воде и кричать. Тотчас же они заметили суетливое движение в водорослях и отъехали немного, чтобы лучше разглядеть, что это такое. Как только волнение улеглось, они увидели, что все дно между водорослями словно усеяно глазами.

— Уроды проклятые! — крикнул один из рабочих.— Да их тут целые дюжины!

Тотчас же чудовища начали подниматься на поверхность. Мистер Физон впоследствии описал автору этих

строк поразительную картину появления чудовищ из колеблющейся заросли ламинарий. Ему казалось тогда, что это длилось довольно долго, но, вероятно, на самом деле все произошло в несколько секунд. Сперва появились одни глаза, потом показались щупальца, которые вытягивались то там, то здесь, раздвигая чащу водорослей. Потом странные существа начали увеличиваться в размере, пока наконец дна не стало видно за их переплетающимися телами и концы щупалец не показались над волнующейся поверхностью воды.

Одна из тварей дерзко всплыла у самой лодки и, цепляясь за нее тремя из своих заканчивающихся присосами щупалец, перебросила четыре остальные через борт, как будто намереваясь не то перевернуть лодку, не то забраться в нее. Мистер Физон тотчас же схватил багор и, яростно колотя им по мягким щупальцам твари, заставил ее опустить их. Тут он получил удар в спину, чуть не сваливший его за борт: дело в том, что лодочнику пришлось пустить в ход весло, чтобы отразить такое же нападение с другой стороны лодки. Твари отступили и погрузились в воду.

— Лучше уберемся отсюда,— сказал мистер Физон, дрожа всем телом.

Он сел у руля, а лодочник и один из рабочих взялись за весла. Второй рабочий стоял на носу с багром, готовый отразить новое нападение щупалец. Все молчали. Мистер Физон выразил общее желание. Притихшие и испуганные, побледневшие, они теперь думали только о том, как бы выбраться из ужасной ловушки, в которую так легкомысленно забрались.

Но только весла погрузились в воду, как темные, гибкие, извивающиеся канаты связали их движения и обвились вокруг руля, а у бортов лодки, поднимаясь петлеобразными движениями, снова показались присосы. Люди налегли на весла и рванули изо всех сил, но без результата: так застревает лодка в плавучих массах водорослей.

— Помогите! — крикнул лодочник, и мистер Физон со вторым рабочим бросились к нему, чтобы помочь ему вытащить весло.

В это время человек с багром — его звали, кажется, Ивэн — с проклятием вскочил и, нагнувшись над бор-

том, стал, насколько это ему удавалось, наносить удары по кольцу щупалец, которые сомкнулись вокруг подводной части лодки. Оба гребца тоже вскочили, чтобы найти лучшую точку опоры и вытащить весла. Лодочник передал свое весло мистеру Физону, и тот изо всех сил принялся тащить его. А сам лодочник, открыв большой складной нож и тоже наклонившись над бортом, начал рубить обвившиеся вокруг весла скользкие присосы.

Мистер Физон, шатаясь от судорожных толчков лодки, стиснув зубы, задыхаясь, с надувшимися от напряжения жилами на руках, вдруг посмотрел на море. Неподалеку от них по мощным валам надвигающегося прилива прямо к ним плыла большая лодка. Мистер Физон заметил трех женщин и ребенка; лодочник был на веслах, а малыш в соломенной шляпе с розовой лентой стоял на корме и весело их приветствовал. Сначала мистер Физон думал, конечно, только о том, чтобы позвать на помощь; потом он подумал о ребенке. Он тотчас же опустил весло, отчаянным движением вскинул руки и крикнул сидящим в лодке, чтобы они скорей отъезжали «ради бога». Мистер Физон даже не подозревал, что поступок его при подобных обстоятельствах был не чужд героизма и свидетельствует о его скромности и мужестве. Весло, которое он отпустил, сразу скрылось под водой и вскоре всплыло в двадцати ярдах от них.

В ту минуту мистер Физон почувствовал, что лодка сильно закачалась, и хриплый вопль лодочника Хилла заставил его забыть о другой лодке. Мистер Физон обернулся и увидел, что Хилл с искаженным от ужаса лицом корчится у передней уключины, правая рука его погружена в воду за бортом и кто-то тянет ее вниз. Он издавал только резкие короткие крики: «О-о-о!» Мистер Физон думает, что Хилл был захвачен щупальцами, когда рубил их под водой. Теперь, конечно, совершенно невозможно установить, как было на самом деле. Лодка до того накренилась, что борт почти касался воды. Ивэн и второй рабочий багром и веслом били по воде справа и слева от погруженной руки Хилла. Физон инстинктивно стал так, чтобы выровнять лодку.

Тогда Хилл, дюжий, здоровый человек, сделал отчаянное усилие и почти встал на ноги. Он вытащил руку из воды. Она была опутана сложным сплетением корич-

невых канатов. Глаза ухватившего его чудовища, глядя прямо и решительно, на мгновение показались на поверхности. Лодка кренилась все больше и больше, и вдруг коричневато-зеленая вода хлынула через борт. Хилл поскользнулся и упал на борт; рука его с вцепившимися в нее щупальцами опять погрузилась в воду. Падая, Хилл перевернулся и ударил сапогом по колену мистера Физона, который бросился, чтобы удержать его. В следующее же мгновение вокруг пояса и шеи Хилла обвились новые щупальца, и после короткой и судорожной борьбы, во время которой лодка чуть не опрокинулась, Хилл был перетянут через борт, а лодка выпрямилась от сильного толчка; мистер Физон чуть не перелетел через другой борт, но уже не видел борьбы, продолжавшейся в воде.

Мистер Физон выпрямился, напрасно стараясь найти равновесие, как вдруг заметил, что, пока они боролись с чудовищами, начавшийся прилив снова отнес их лодку к покрытым водорослями камням. В каких-нибудь четырех ярдах плоский камень возвышался над омывающим его приливом. В одно мгновение мистер Физон вырвал у Ивэна весло, изо всех сил погрузил его в воду, потом бросил его, подбежал к носу лодки и прыгнул. Он почувствовал, что ноги его скользят по камням. Отчаянным усилием он заставил себя перепрыгнуть на соседний камень. Он споткнулся, упал на колени и снова поднялся.

— Берегись! — крикнул кто-то, и большое тело ударило его сзади.

Сбитый с ног одним из рабочих, он растянулся плашмя в луже, оставленной приливом; падая, он услышал придушенные, отрывистые крики, как он думал тогда, Хилла. Мистер Физон удивился, что у Хилла такой пронзительный голос и что в нем столько оттенков. Кто-то перепрыгнул через него, поток пенистой воды обдал его и прокатился дальше. Он поднялся на ноги и, не оглядываясь на море, промокший до костей, со всей быстротой, на какую только был способен от страха, побежал к берегу. Перед ним по отмели, между камнями, на небольшом расстоянии друг от друга, спотыкаясь, бежали оба рабочих.

Наконец мистер Физон оглянулся и, увидев, что погони нет, посмотрел по сторонам. Он был ошеломлен. С

самого момента появления кефалоподов из воды он действовал так стремительно, что не успевал отдавать себе отчет в своих поступках. Теперь ему казалось, будто он очнулся от страшного сна.

Над ним сияло безоблачное послеполуденное небо, и море колыхалось, ослепительно сверкая; пена, нежная, как взбитые сливки, разбивалась о низкие, темные гряды скал. Лодка лежала в дрейфе, мягко покачиваясь на волнах ярдах в двенадцати от берега. Хилл и чудовища, напряжение и ярость смертельной борьбы исчезли, как будто их вовсе не было.

Сердце мистера Физона неистово колотилось. Он дрожал всем телом и тяжело дышал.

Однако чего-то не хватало. Несколько мгновений он не мог сообразить, чего именно. Солнце, море, небо, скалы — чего же нет? Потом он вспомнил о лодке с катающимися. Она исчезла. Уж не выдумал ли он ее? Он обернулся и увидел двух рабочих. Они стояли рядом под нависшей массой высоких розовых скал. Он спросил себя, не следует ли ему сделать еще одну, последнюю, попытку спасти Хилла. Но его нервное напряжение улеглось, он чувствовал себя беспомощным и вялым. Он повернул к берегу и направился, спотыкаясь и шлепая по воде, к своим спутникам.

Оглянувшись еще раз, он увидел в море две лодки; та, которая была дальше, неуклюже качалась, опрокинутая кверху килем.

3

Вот каково было появление Haploteuthis ferox на девонширском побережье. Это было самое опасное нападение чудовищ вплоть до настоящего времени. Если сопоставить рассказ мистера Физона с несчастными случаями при катании на лодках и купании, о которых я уже упоминал, с отсутствием в этом году рыбы у корнуэльских берегов, нам станет ясно, что стаи этих прожорливых выходцев из морских глубин пробирались за добычей вдоль заливаемой приливом береговой линии.

Высказывалось предположение, будто голод заставил их подняться на поверхность и побудил к переселению. Но я лично склоняюсь к теории, выдвинутой Хемсли.

Хемсли утверждает, что стая этих тварей приохотилась к человеческому мясу, доставшемуся ей после крушения какого-нибудь корабля, погрузившегося в ее владения, и вышла из своей привычной зоны в поисках этого лакомства. Подстерегая и преследуя суда, чудовища добрались до наших берегов по следам трансатлантических пароходов. Но обсуждать здесь убедительные, прекрасно обоснованные доводы Хемсли, пожалуй, неуместно.

Может быть, аппетиты стаи удовлетворились добычей в одиннадцать человек, потому что, насколько удалось выяснить, во второй лодке было десять. Во всяком случае, в этот день чудовища ничем не обнаружили своего присутствия у Сидмаута. Весь вечер и всю ночь после происшествия берег между Ситоном и Бадли-Солтертоном находился под надзором четырех лодок таможенной стражи, вооруженной гарпунами и кортиками. С вечера к ним присоединилось множество так или иначе вооруженных экспедиций, организованных частными лицами. Мистер Физон, однако, не принял участия ни в одной из них.

Около полуночи с одной из лодок, находившейся в море приблизительно в двух милях от берега к юго-востоку от Сидмаута, донеслись взволнованные крики и показались странные сигналы фонарем: в обе стороны и сверху вниз. Ближайшие лодки тотчас же поспешили на тревогу. Храбрецы в лодке — моряк, священник и два школьника — действительно увидели чудовищ, которые прошли под их лодкой. Как и все живущие в глубине существа, животные фосфоресцировали. Они проплыли приблизительно на глубине пяти-шести ярдов, подобные отблескам лунного света в черной воде. Втянув щупальца, словно погруженные в спячку, медленно перекатываясь и подвигаясь клинообразной стаей, они плыли на юго-восток.

Сидевшие в лодке передавали свои впечатления восклицаниями, отчаянно жестикулируя. Сначала к ним подошла одна лодка, потом другая; под конец вокруг них образовалась маленькая флотилия из восьми или девяти лодок, и в тишине ночи поднялся шум, словно на рынке. Желающих преследовать стаю оказалось очень мало или даже вовсе не оказалось: у людей не было ни оружия, ни опыта для такой рискованной охоты, и ско-

ро — может быть, даже с чувством некоторого облегчения — все повернули назад, к берегу.

А теперь я перейду к тому, что является, пожалуй, самым поразительным фактом во всей этой поразительной истории. У нас нет никаких сведений о дальнейшем движении стаи, хотя весь юго-западный берег был настороже. Можно, пожалуй, считать показательным тот факт, что третьего июня в Сарке на берег был выброшен кашалот. А через две недели и три дня после сидмаутского приключения на песчаный берег в Кале выплыл Haploteuthis. Он был еще живой. Несколько свидетелей видели, как его щупальца судорожно двигались, но, по-видимому, он уже подыхал. Некий господин Пуше достал ружье и застрелил его.

Это был последний живой Haploteuthis. Их больше не видели и на французском берегу. Пятнадцатого июня почти не поврежденный труп чудовища был выброшен на берег близ Торкэ, а через несколько дней судно биологической морской станции, производящее исследование близ Плимута, выловило гниющее туловище чудовища с глубокой рубленой раной, нанесенной кортиком. В последний день июня мистер Экберт Кэйн, художник, купаясь вблизи Ньюлина, вдруг вскинул руки, закричал и пошел ко дну. Его друг, купавшийся вместе с ним, не сделал попытки спасти его и сейчас же поплыл к берегу. Вот последнее происшествие, которое еще раз напомнило об этом необыкновенном набеге из морской глубины. Сейчас еще преждевременно утверждать, что набег не повторится, но будем надеяться, что чудовища теперь ушли,— ушли навсегда в непроницаемые для солнечного света океанские глубины, из которых они так странно и неожиданно выплывали.

1897

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

Индекс 70665.

Герберт Уэллс
Собрание сочинений в 15 томах.
Том II.

Редактор А. Миронова.

Иллюстрации художника
Н. Гришина.

Оформление художника
Е. Казакова.

Технический редактор
А. Шагарина.

Подп. к печ. 5/VI 1964 г. Тираж 350 000 экз.
Изд. № 1109. Зак. 992. Форм. бум. 84×108 1/32.
Физ. печ. л. 15,5+4 вкл. иллюстраций.
Условн. печ. л. 25,83. Уч.-изд. л. 27,02.
Цена 90 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. Москва, А-47,
улица «Правды», 24.